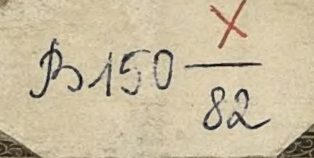

НАКАЗАНІЕ

ВЪ РУССКОМЪ ПРАВѢ XVII ВѢКА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. Д. Сергѣевскаго,

экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книжнаго магазина А. Ф. Цинзерлинга.

Невскій проспектъ 46.

1888.

40

НАКАЗАНІЕ

ВЪ РУССКОМЪ ПРАВѢ XVII ВѢКА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. Д. Сергѣевскаго,

экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета.

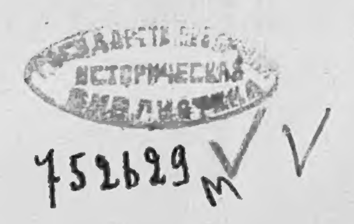
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книжнаго магазина А. Ф. Цинзерлинга,

Невскій проспектъ 46.

1887.

Типографія Министерства путей сообщенія (А. Бенке), Фонтанка 99.

Посвящается

Евгенію Ивановичу Якушкину.

7

ПОЛОЖЕНІЯ,

извлеченныя изъ диссертаціи Н. Д. Сергѣевскаго

„Наказаніе въ Русскомъ правѣ XVII вѣка“.

---

1. Основною отличительною чертою карательной системы XVII вѣка является стремленіе къ извлеченію изъ наказанія и изъ преступника узко-практическихъ полезностей для государства.

2. Карательная система XVII вѣка отличалась полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было гуманныхъ идей и не представляла почти никакихъ гарантій для личности преступника.

3. Изъ всѣхъ возможныхъ карательныхъ мѣръ законъ избиралъ наиболѣе дешевыя. Общій уровень наказаній, по роду ихъ и размѣрамъ, былъ весьма высокъ.

4. Наказаніе лицъ невиновныхъ вмѣстѣ съ виновными было весьма развито, подъ вліяніемъ полнаго пренебреженія къ личности человѣка, какъ таковаго.

5. Возведеніе групповой отвѣтственности къ конструкціи юридическаго лица, какъ въ видахъ утвержденія такъ и въ видахъ отрицанія такой отвѣтственности, безусловно несостоятельно.

6. Принципіальная правомѣрность групповой отвѣтственности, установляемая теоріей, признающей отвѣтственность юридическихъ лицъ, не можетъ быть допущена вовсе.

7. Установленіе групповой отвѣтственности въ законѣ свидѣтельствуетъ лишь о безпомощной слабости судебно-слѣдственныхъ силъ въ государствѣ и о пренебреженіи къ личности человѣка, какъ таковаго (вообще или въ той сферѣ, въ которой групповая отвѣтственность установлена). Этими обстоятельствами исключительно обусловливается весь институтъ групповой отвѣтственности.

8. Крайняя суровость карательныхъ мѣръ XVII вѣка вытекала не столько изъ грубости и угнетенія, сколько изъ бѣдности силъ и средствъ, необходимыхъ для болѣе гуманной борьбы въ дѣлѣ укрѣпленія порядка.

9. Примѣненіе различныхъ видовъ смертной казни опредѣлялось не столько свойствомъ или тяжестью соотвѣтствующихъ преступленій, сколько различными побочными соображеніями.

10. Тѣлесныя наказанія болѣзненныя слагались подъ вліяніемъ одной, простѣйшей идеи: причиненія физической боли.

11. Тюрьмы имѣли своей задачею исключительно лишеніе свободы въ тѣсномъ смыслѣ, безъ всякой идеи о воздѣйствіи на личность тюремнаго сидѣльца.

12. Никакого режима для жизни тюремныхъ сидѣльцевъ закономъ установлено не было. Арестанты внутри тюрьмы пользовались свободой занятій и образа жизни. Населеніе тюремъ слагалось въ общины, признававшіяся правительствомъ.

13. Начало обязательнаго труда тюремныхъ сидѣльцевъ установлялось общимъ образомъ въ законѣ, хотя на практикѣ почти не имѣло примѣненія.

14. Начало распредѣленія арестантовъ по группамъ было извѣстно русскому праву XVII вѣка.

15. Матеріальная обстановка жизни тюремныхъ сидѣльцевъ была въ высшей степени тягостная.

16. Полезности, получавшіяся отъ ссылки, достигались цѣною принесенія въ жертву массы людей.

17. Институтъ лишенія правъ не былъ развитъ и не могъ быть развитъ въ правѣ XVII вѣка.

18. Наказанія позорящія почти отсутствовали подъ вліяніемъ общаго начала, по которому карательная дѣятельность уклонялась отъ вторженія въ духовную жизнь человѣка.

По опредѣленію Юридическаго факультета печатать разрѣшается. 30 Января 1888 года.
И. д. декана *В. Сергѣевичъ.*

Типографія Министерства путей сообщенія (А. Бенке), по Фонтанкѣ № 99.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ АВТОРА.

Независимо отъ того общаго значенія, которое имѣетъ исторія каждой стороны древней жизни для положительной науки, историческое изслѣдованіе уголовныхъ наказаній получаетъ для насъ особое, вполнѣ практическое, значеніе, если мы откажемся отъ построенія идеальныхъ карательныхъ системъ, предназначенныхъ для всѣхъ временъ и народовъ, и признáемъ, что вопросъ о свойствахъ и содержаніи карательныхъ мѣръ не подлежитъ идеальному разрѣшенію, — признáемъ, что карательныя мѣры, то-есть формы и содержаніе наказаній, могутъ и должны имѣть самую разнообразную организацію; могутъ и должны служить разнообразнымъ специальнымъ цѣлямъ, соотвѣтственно конкретнымъ потребностямъ даннаго государства и наличнымъ силамъ и средствамъ его.

Не повторяя того, что было уже высказано мною въ литературѣ по вопросу объ общей задачѣ всего уголовнаго правосудія и о спеціальныхъ цѣляхъ и свойствахъ отдѣльныхъ наказаній (см. статью «О правѣ наказанія» Юридическій Вѣстникъ» 1881 т. VI), укажу лишь, что, по моему

мнѣнію, все содержаніе наказаній не заключаетъ въ себѣ ничего постояннаго, ничего такого, что было бы связано съ основною, общею задачей карательной дѣятельности. При полной неизмѣнности общей задачи карательнаго правосудія въ цѣломъ — того мѣста, которое оно занимаетъ въ строѣ государственной жизни — содержаніе наказаній должно измѣняться такъ же многообразно, какъ измѣняются конкретныя условія народной и государственной жизни и запасъ наличныхъ силъ и средствъ. Каждая эпоха, каждое государство по своему организуетъ наказанія, стремится то къ тѣмъ, то къ другимъ спеціальнымъ цѣлямъ, тратитъ то больше, то меньше на устройство карательныхъ мѣръ, устрашаетъ, исправляетъ, истребляетъ преступниковъ, дѣлаетъ ихъ безвредными и т. д., и т. д., постоянно приспособляясь къ конкретнымъ условіямъ быта и своимъ средствамъ.

При такомъ положеніи вещей, задачей теоріи уголовнаго права, которая должна, по существу юридическихъ наукъ, давать руководство законодателю, является прежде всего разсмотрѣніе вопроса о томъ, при какихъ условіяхъ государственной жизни, при наличности какихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ въ государствѣ и въ народѣ, какія и какъ могутъ быть организованы наказанія; подъ вліяніемъ какихъ факторовъ находится государственная власть въ этой сферѣ; съ чѣмъ она должна считаться — чему уступать и съ чѣмъ вступать въ компромиссы. А если такъ, то историческое изученіе наказанія вообще и,

прежде всего, въ своемъ отечествѣ стоитъ, очевидно, на первомъ планѣ и имѣетъ вполнѣ практическое значеніе для ученія о наказаніи. Только историческое изученіе можетъ намъ указать, какія черты наказанія какими условіями и какъ вызывались; чему, какимъ потребностямъ государственнымъ и народнымъ онѣ служили и что влекли за собою. Можетъ быть, многое, что на первый взглядъ вызываетъ въ насъ одно осужденіе, представится въ другомъ свѣтѣ — вызоветъ наше уваженіе; и обратно, можетъ быть, многое, чему мы теперь поклоняемся, окажется не болѣе, какъ нашею собственною болѣзненною слабостью. Тогда, безъ слѣпаго подражанія старинѣ, мы возьмемъ изъ опыта предковъ нашихъ то, что и для насъ можетъ быть полезно, и отвернемся отъ многаго такого, чѣмъ увлекаемся теперь.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что съ точки зрѣнія другихъ теорій наказанія, которыя создаютъ идеальныя системы, историческое изученіе получаетъ несравненно меньшее практическое значеніе, хотя и не теряетъ его вполнѣ. А именно, для идеальныхъ системъ, если онѣ не желаютъ остаться чисто метафизическими и къ дѣлу неприложимыми, историческое изученіе можетъ указать предѣлы возможнаго осуществленія ихъ программъ: наблюденіе надъ опытомъ прежнихъ вѣковъ точно такъ же, какъ наблюденіе надъ опытомъ другихъ государствъ, дастъ для нихъ нѣкоторое указаніе того, что возможно, что трудно выполнимо и что вовсе недостижимо. Съ этой точки зрѣнія, очевидно, за настоящею моею работой можетъ

быть признано лишь общее, научно-историческое значеніе и очень мало практическо-юридическаго.

Избравъ предметомъ работы наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, я поставилъ себѣ цѣлью собрать все, что заключается въ напечатанныхъ памятникахъ, и сложить изъ имѣющихся отдѣльныхъ свѣдѣній посильную картину того, что было. Кромѣ памятниковъ законодательныхъ, оказалось необходимымъ проштудировать памятники всякаго рода: путешествія, записки современниковъ, судебныя рѣшенія, договоры частныхъ лицъ и т. д., даже житія святыхъ. Причина, по которой изслѣдованіе ограничено XVII вѣкомъ, есть слѣдующая: вопервыхъ, уголовное право XVII вѣка непосредственно связано съ нашимъ дѣйствующимъ правомъ, заключая въ себѣ основной источникъ его значительной части; вовторыхъ, памятники древнѣйшей эпохи, до XVII вѣка, такъ бѣдны по вопросамъ уголовнаго права, что составить изъ нихъ сколько-нибудь полную картину, безъ произвольныхъ субъективно-созидательныхъ дополненій, я былъ не въ силахъ. Даже пользованіе сравнительнымъ методомъ представляется здѣсь въ высшей степени опаснымъ: вмѣсто разъясненій непонятнаго при помощи иностраннаго матеріала, приходится дѣлать весьма широкія пополненія — иначе въ результатѣ получаются одни отрывки. Между тѣмъ, послѣ ближайшаго изученія XVII вѣка, болѣе богатаго источниками, въ числѣ которыхъ имѣется такой памятникъ, какъ Уложеніе 1648 года, несомнѣнно получится возможность освѣтить многое, пред-

ставляющееся темнымъ въ древнѣйшихъ эпохахъ. Этотъ путь представляется мнѣ болѣе плодотворнымъ.

По мѣрѣ собранія и обработки матеріаловъ настоящаго изслѣдованія нѣкоторыя части его печатались въ журналахъ въ формѣ статей. Такимъ образомъ напечатаны были въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права: «Смертная казнь въ Россіи въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка» (1884, IX); «Тѣлесное наказаніе въ Россіи въ XVII вѣкѣ» (1886, I); «Ссылка въ Россіи въ XVII вѣкѣ» (1887, III); въ Юридическомъ Вѣстникѣ—«Тюремное заключеніе въ Россіи въ XVII вѣкѣ» (1886, IV). Все содержаніе этихъ статей, за исключеніемъ того, что было введено въ нихъ по условіямъ отдѣльнаго печатанія, почти дословно, съ небольшими дополненіями, входитъ въ текстъ настоящаго изданія. Поэтому никакихъ ссылокъ на эти статьи въ дальнѣйшемъ изложеніи дѣлаемо не будетъ, такъ какъ это было бы совершенно безполезнымъ умноженіемъ подстраничныхъ примѣчаній. Сверхъ того, многое изъ настоящаго изслѣдованія вводилось мною въ составъ моихъ университетскихъ лекцій и помѣщалось въ запискахъ, издававшихся студентами посредствомъ литографій, а затѣмъ напечатанныхъ подъ названіемъ «Пособіе къ лекціямъ» въ 1886—87 г. Это послѣднее изданіе, согласно существующимъ правиламъ, поступило въ продажу въ книжныхъ магазинахъ и, такимъ образомъ, получило нѣкоторое распространеніе за предѣлами аудиторіи. Дѣлать ссылки на него я считаю точно

такъ же излишнимъ, тѣмъ болѣе, что оно не представляетъ собою вовсе, за исключеніемъ системы курса, самостоятельнаго литературнаго произведенія въ строгомъ смыслѣ: приблизительно около двухъ третей «Пособія» состоитъ изъ сокращеннаго изложенія моихъ работъ по вопросамъ общей части уголовнаго права, печатавшихся отдѣльно и въ юридическихъ журналахъ за время отъ 1875 по 1887 годъ (въ томъ числѣ и вышеупомянутыхъ статей); остальная же часть есть компиляція изъ произведеній другихъ авторовъ, а именно, изъ учебниковъ и курсовъ, поименованныхъ въ концѣ введенія, и изъ монографій, указанныхъ подъ заголовками соотвѣтствующихъ подраздѣленій.

Въ качествѣ приложенія помѣщается Указатель статей Уложенія 1648 года, относящихся къ предмету изслѣдованія, и Указатель изданій, русскихъ и иностранныхъ, которыя приводятся сокращенно въ примѣчаніяхъ.

Н. Сергѣевскій.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

КАРАТЕЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЯ ЗАДАЧИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

КАРАТЕЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЯ ЗАДАЧИ.

Опредѣляя наказанія за отдѣльныя преступныя дѣянія, положительное право всегда руководствуется началомъ соразмѣрности наказаній по ихъ тяжести съ значеніемъ преступныхъ дѣяній, то-есть, за важнѣйшія дѣянія назначаетъ тягчайшія наказанія и такъ далѣе, отъ высшаго и до нисшаго изъ установленныхъ имъ наказаній. Степень важности дѣянія опредѣляется въ каждую данную эпоху и законодателемъ, и господствующими въ обществѣ правовоззрѣніями по оцѣнкѣ дѣянія объективной и субъективной. Критерій объективный слагается изъ размѣровъ причиненнаго дѣяніемъ или грозящаго отъ дѣянія вреда, матеріальнаго или идеальнаго, — вреда частнымъ лицамъ, вреда общественнаго, вреда, опредѣляемаго совмѣстно и съ точки зрѣнія частной, и съ точки зрѣнія общественной. Критерій субъективный слагается, наоборотъ, изъ признаковъ, лежащихъ въ субъектѣ преступнаго дѣянія и заключающихся въ свойствѣ тѣхъ внутреннихъ настроеній, которыя движутъ преступною дѣятельностью и отъ которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, зависитъ субъективная — въ личности преступника заключающаяся — вредность или опасность его для общества.

Ближайшій анализъ этихъ критеріевъ выходитъ за предѣлы настоящаго изслѣдованія. Какъ сказано выше, каждая эпоха выдвигаетъ свои критеріи; сообразно этому и сравнительная тяжесть преступныхъ дѣяній, выражающаяся въ размѣрахъ полагаемыхъ за нихъ наказаній, постоянно измѣняется въ исторіи. Но основное начало соразмѣрности наказаній по ихъ тяжести съ важностью преступныхъ дѣяній остается всегда и вездѣ неизмѣнно господствующимъ.

Въ предѣлахъ соразмѣрности, установленіе и организація карательныхъ мѣръ по содержанію, а равно и опредѣленіе размѣровъ наказанія за отдѣльныя преступныя дѣянія, слагаются весьма различно въ исторической жизни народовъ, подчиняясь вліянію многочисленныхъ и многообразныхъ факторовъ или условій — политическихъ, этическихъ, экономическихъ. Сообразно этимъ условіямъ, каждая эпоха вырабатываетъ свои наказанія, которыя для другой эпохи могутъ оказаться неудовлетворительными, несостоятельными и даже невозможными. Нерѣдко существеннѣйшія и необходимѣйшія, съ нашей современной точки зрѣнія, черты наказанія — такія черты, которыя безспорно признаются нынѣ и наукою, и всѣми положительными законодательствами — пренебрегаются и игнорируются правомъ древнѣйшихъ эпохъ, притомъ игнорируются совершенно основательно.

Во главѣ этихъ факторовъ или условій должно быть поставлено, по глубинѣ своего значенія, господствующее въ государствѣ воззрѣніе на тѣ цѣли, ради которыхъ примѣняются конкретныя наказанія [1]). Воззрѣнія на

[1]) Эти цѣли конкретныхъ наказаній, какъ мы старались доказать въ одной изъ предъидущихъ работъ („О правѣ наказанія". Юридич. Вѣстникъ. 1881, VI), мыслятся и устанавливаются совершенно отдѣльно и самостоятельно отъ общей задачи всего уголовнаго правосудія въ цѣломъ, которая, по

цѣли конкретныхъ наказаній могутъ быть двоякаго направленія: вопервыхъ, наказанія могутъ разсматриваться какъ воздаяніе въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ зломъ за зло (возмездіе въ широкомъ смыслѣ), будетъ ли это начало слагаться въ грубѣйшую и элементарную форму частной мести, или будетъ выражаться въ формѣ отвлеченной идеи справедливости — справедливости божеской, справедливости какъ общаго міроваго закона, идеи справедливости, врожденной людямъ и т. п. Вовторыхъ, наказаніе можетъ разсматриваться, какъ средство достиженія какихъ-либо реальныхъ цѣлей государственнаго интереса (начало цѣлесообразности въ тѣсномъ смыслѣ или утилитарное), каковы суть: устрашеніе преступниковъ на будущее время, а равно и лицъ, склонныхъ къ совершенію преступныхъ дѣяній; умиротвореніе пострадавшаго; обезпеченіе общества отъ преступниковъ; исправленіе ихъ; извлеченіе разнаго рода полезностей изъ личности преступника, изъ его труда и силъ и т. п.

Начало возмездія, какъ воздаянія зломъ за зло, было слабо развито въ русскомъ правѣ XVII столѣтія и почти не вліяло на образованіе карательныхъ мѣръ: начало частной мести уже отжило свой вѣкъ въ разсматриваемую эпоху; идея справедливости въ разныхъ ея представленіяхъ была слишкомъ отвлеченною и не соотвѣтствовала исключительно практическому направленію всей государственной дѣятельности XVII вѣка. Наши предки той эпохи не гонялись за отвлеченными идеалами въ государственномъ устройствѣ и управленіи, да, надо думать, и не сознавали ихъ. Вотъ почему, лишь въ весьма небольшой области, въ немногихъ сравни-

нашему мнѣнію, всегда и вездѣ неизмѣнна, каковы бы ни были теоретическія конструкціи мыслителей по этому вопросу. Эта задача есть установленіе и поддержаніе авторитета закона въ государствѣ.

*

тельно случаяхъ, опредѣлялись наказанія, образованныя подъ вліяніемъ начала возмездія [1]). Будучи принято положительнымъ правомъ въ томъ или другомъ объемѣ, начало возмездія реализуется въ наказаніяхъ посредствомъ особаго практическаго и весьма элементарнаго пріема, который мы находимъ и въ исторіи права другихъ народовъ, именно, посредствомъ такого порядка опредѣленія наказаній, при которомъ все конкретное содержаніе и размѣръ наказанія заимствуется изъ содержанія и размѣровъ вреда, въ преступномъ дѣяніи заключающагося или отъ него грозящаго. Этотъ практическій порядокъ въ нашемъ древнѣйшемъ правѣ имѣлъ нѣсколько различныхъ формъ.

Простѣйшею формой его, которую мы находимъ въ русскомъ правѣ, представляется, такъ называемый, мате-

---

[1]) Въ литературѣ нашей мы находимъ, впрочемъ, совершенно противоположныя воззрѣнія. Такъ, *Линовскій,* Начала уголовнаго права въ Уложеніи, стр. 89, говоритъ: „Первою и, безъ сомнѣнія, главною цѣлію наказанія по Уложенію, было поддержаніе *божественнаго* порядка въ обществѣ, посредствомъ подчиненія своевольной личности подъ власть Всесильнаго Могущества, управляющаго міромъ... Наказаніе обезпечивало владычество справедливости“. Доказательствъ и поясненій нѣтъ никакихъ. Но, вслѣдъ за приведенною тирадой, у *Линовскаго,* на стр. 89 — 91, идутъ разсужденія, изъ которыхъ, явствуетъ весьма просто, что онъ всѣ тѣ наказанія, при опредѣленіи которыхъ въ Уложеніи не указано спеціальной цѣли устрашенія, возводитъ, безъ дальнихъ разсужденій, къ идеѣ абстрактной справедливости, какъ божескаго закона. *Шалфѣевъ,* Уст. кн. Разб. Пр., стр. 28, 29, говоритъ, что въ наказаніи „въ періодъ до Соборнаго Уложенія... на первый планъ становится удовлетвореніе чувства *абстрактной справедливости*“. Въ томъ же родѣ, хотя весьма неопредѣленно, высказывается *Чебышевъ-Дмитріевъ,* о прест. дѣйствіи, стр. 94: въ періодъ времени отъ Русской Правды до Соборнаго Уложенія, говоритъ онъ, „общественный интересъ уголовнаго наказанія смѣняется государственнымъ интересомъ *абстрактной справедливости*“. То же повторяетъ онъ на стр. 125, 126.

ріальный тальонъ, то-есть причиненіе преступнику того же самаго вреда, который заключается въ дѣяніи, по принципу: око за око, зубъ за зубъ. Мы находимъ эту форму въ памятникахъ XVII вѣка (и древнѣйшей эпохи) лишь въ немногихъ случаяхъ, а именно: въ Уложеніи 1648 года за поджогъ назначается смертная казнь сожженіемъ [1]), и за нанесеніе тяжкаго увѣчья — изувѣчивающее наказаніе въ тальонномъ порядкѣ [2]). Послѣднее опредѣленіе при этомъ, можно думать, если и примѣнялось на практикѣ, то весьма рѣдко (см. объ этомъ ниже: тѣлесныя наказанія). Сверхъ того, тальонную форму возмездія мы находимъ въ одномъ указѣ 1700 года по поводу безпорядковъ въ Красноярскѣ. Этотъ указъ повелѣваетъ подвергнуть наказанію по началу матеріальнаго тальона воеводъ за неправосудіе: „а буде воеводы казнили смертію безвинно, и тѣхъ воеводъ за то самихъ казнить смертію жъ... а буде кого пытали или кнутомъ били безвинно, и ихъ за то самихъ бить кнутьемъ“ [3]). Затѣмъ, назначеніе смертной казни за убійство не можетъ разсматриваться, по нашему мнѣнію, какъ матеріальный тальонъ потому, вопервыхъ, что смертная казнь назначалась, кромѣ убійства, за многія, самыя разнообразныя преступныя дѣянія, а вовторыхъ, потому что и независимо отъ порядка тальоннаго возмездія, смертная казнь, какъ высшее наказаніе, должна была назначаться, по общему началу соразмѣрности, за важнѣйшія преступныя дѣянія, въ числѣ которыхъ неизбѣжно находится убійство [4]).

---

1) *Уложеніе*, гл. II ст. 4, гл. X ст. 228.

2) *Уложеніе*, гл. XXII ст. 10. *Новоук. стат.* ст. 94.

3) *Памят. Сиб. ист.* № 9, стр. 38, Указъ 1700 года.

4) Въ литературѣ нашей нерѣдко высказывается мысль, что форма матеріальнаго тальона была не только развита, но и господствовала въ древнемъ русскомъ правѣ. Мы, съ своей стороны, никакихъ признаковъ этого не усматриваемъ. Напри-

Весьма близкою къ матеріальному тальону представляется въ русскомъ правѣ наказуемость лжедоносчиковъ и „ябедниковъ“. По общему правилу, многократно выражаемому въ памятникахъ, виновные въ преступныхъ дѣяніяхъ этого рода должны были подвергаться тѣмъ же самымъ наказаніямъ, которымъ подверглись бы лица, неправильно ими обвиняемыя [1]). „Буде кто на кого учнетъ извѣщать, затѣявъ напрасно — говоритъ законодатель — и сыщется про то до́пряма, и тѣмъ людямъ быть самимъ въ такомъ же наказаніи и въ смертной казни, чего тѣ

мѣръ, *Шалфѣевъ,* Уст. кн. Разб. Пр., стр. 33, говоритъ: „господствующею цѣлью наказанія было матеріальное возмездіе: преступнику, по возможности, платилось тѣмъ же зломъ, какое было имъ совершено: такъ, за убійство въ разбоѣ онъ подвергался смертной казни; за кражу, совершенную вторично, отсѣченію руки и т. п.“ Невольно возникаетъ вопросъ: есть ли въ приведенныхъ примѣрахъ хотя малѣйшій признакъ матеріальнаго тальона? Нельзя не замѣтить, что *Линовскій,* хотя и признаетъ господствующею идею божеской справедливости (см. выше, стр. 4, примѣч. 1), но относительно тальона вполнѣ правильно говоритъ, что въ Уложеніи остались лишь „слабые слѣды физическаго и матеріальнаго возмездія“. См. Нач. уг. пр., стр. 112).

[1]) *Владимірскій-Будановъ,* Хрестом. т. II, стр. 114, прим. 26, въ объясненіяхъ на статью 12 Судебника Царскаго говоритъ „по *старинному принципу,* ложный обвинитель подвергался тому же, чему подвергся бы отвѣтчикъ, если бы обвиненіе было доказано“. Мы, съ своей стороны, позволимъ себѣ нѣсколько усомниться въ томъ, можетъ ли быть этотъ принципъ названъ „стариннымъ“ для XVI вѣка; мы думаемъ, что и въ XVII вѣкѣ онъ былъ еще принципомъ для русской жизни новымъ: вопервыхъ, этому принципу противорѣчатъ многія статьи того же Судебника Царскаго (8 — 11, 62); во вторыхъ, въ 1606 году, при избраніи царя Василія Шуйскаго, считали необходимымъ именно упомянуть о такой отвѣтственности лжедоносчиковъ и потребовать ея установленія въ качествѣ общаго правила, въ крестоцѣловальной записи, по которой присягалъ новоизбранный царь. См. *Собр. госуд. гр. и дог.* т. II, № 141, стр. 299, Крестоцѣловальная запись. Едва ли *старинный* принципъ могъ нуждаться въ такихъ подкрѣпленіяхъ.

люди довелись". Или: „кто на кого затѣетъ какое воровское дѣло напрасно или по недружбѣ, а сыщется про то допряма, и тѣмъ людямъ быть самимъ въ такомъ же наказаніи и въ смертной казни, чего тѣ люди довелись" [1]). Въ крестоцѣловальной записи царя Василія Шуйскаго 1606 года именно сказано: „а кто на кого солжетъ, и сыскавъ казнити, смотря по винѣ его, что былъ взвелъ неподѣльно, тѣмъ самъ осудится" [2]).

Далѣе, начало возмездія можетъ выражаться еще въ формѣ пораженія того органа тѣла, посредствомъ котораго совершается преступное дѣяніе. Таковымъ представляется въ нашемъ правѣ отрѣзаніе языка за „неистовыя рѣчи" и урѣзаніе носа и ноздрей за употребленіе табака. Другихъ примѣровъ, кромѣ вышеприведенныхъ, мы не находимъ [3]). На первый взглядъ отсѣченіе рукъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно назначается за подлогъ и за кражу, можетъ показаться выраженіемъ этой же формы возмездія. Однако, нельзя не видѣть, что такое обобще-

---

[1]) *Уложеніе*, гл. Ц ст. 17, гл. VII ст. 31, гл. X ст. 9, 17, 107, 133, 171, 252 (ср. 251), гл. XVII ст. 36. *Собр. госуд. гр. и дог.* т. IV, № 125, стр. 384 сл., Указъ 1681 года (стр. 386). *Акт. археогр. эксп.* т. IV, № 159, стр. 209 сл., Грамота въ Бѣжецкій верхъ 1667 года (стр. 210). № 237, стр. 326 сл., Губной наказъ Арзамас. воеводѣ 1679 года (стр. 328). *Дополн. акт. ист.* т. V, № 62, стр. 329 сл., Память 1667 года (стр. 330). См. также: *Пол. Соб. Зак.* № 886 Боярскій приговоръ 1681 года. № 893 Боярскій приговоръ того же года. № 1013 Писцовый наказъ 1683 года. № 1074 Писцовый наказъ 1684 года. № 442 Статьи 1669 года о судѣ надъ людьми духовнаго чина, статья 10.

[2]) *Собр. госуд. гр. и дог.* т. II, № 141, стр. 299, 300.

[3]) Одинъ только *Straussen* (Struys), Reysen, стр. 89, говоритъ что въ Россіи прелюбодѣяніе наказывалось отсѣченіемъ дѣтороднаго члена. Straussen, писатель вообще недостовѣрный, въ данномъ случаѣ говоритъ совершенную неправду: никакихъ слѣдовъ существованія такого наказанія въ памятникахъ мы не находимъ. Наоборотъ, все, что намъ извѣстно о наказуемости прелюбодѣянія, противорѣчитъ этому.

ніе было бы совершенно произвольнымъ, такъ какъ рука есть, если можно такъ выразиться, универсальное орудіе совершенія всѣхъ преступныхъ дѣяній, за немногими исключеніями; въ случаяхъ подлога и кражи она играетъ совершенно ту же роль, какъ при нанесеніи ранъ, при убійствѣ, оскорбленіи на письмѣ и т. д. Даже самое урѣзаніе носа за табакъ представляется далеко не полнымъ выраженіемъ возмездія въ нашемъ правѣ, такъ какъ, съ одной стороны, это наказаніе полагается лишь въ случаяхъ привода съ табакомъ свыше трехъ разъ[1]), а съ другой — табакъ употреблялся не только носомъ, посредствомъ нюханія, но и посредствомъ куренія, откуда вѣроятно и возникло выраженіе, постоянно встрѣчающееся въ памятникахъ: „табакъ пить". Нюханіе табака упоминается весьма и весьма рѣдко; почти всегда куреніе или „питье". Поражая органъ, служащій орудіемъ совершенія, слѣдовало бы рѣзать не только носы, но и губы. Чтó же касается до отрѣзанія языка за „неистовыя рѣчи", то и оно налагается далеко не во всѣхъ случаяхъ, а Уложеніемъ 1648 года, этимъ основнымъ памятникомъ нашего законодательства, не назначается вовсе. При этомъ нельзя не замѣтить, что отрѣзаніе языка за „неистовыя рѣчи", являясь, съ одной стороны, несомнѣнно выраженіемъ идеи возмездія, въ то же время, съ другой стороны, отлично служитъ одной изъ самыхъ узкихъ практическихъ цѣлей наказанія, именно дѣлаетъ преступника безопаснымъ на будущее время, то-есть, служитъ цѣли обезпеченія общества отъ преступника.

Наконецъ, начало возмездія проявляется изрѣдка въ весьма оригинальной формѣ возмѣщенія на личности и имуществѣ виновнаго того ущерба, который причинило или могло причинить его дѣяніе государству или госу-

---

1) *Уложеніе,* гл. XXV ст. 16.

дарственному порядку. Такъ, за укрывательство бѣглыхъ даточныхъ людей, виновные сами обращаемы были въ солдаты [1]). Виновные въ „ложномъ челобитьѣ“ объ отдачѣ имъ въ помѣстье и вотчину дворцовыхъ и черныхъ волостей земель и угодій подъ видомъ будто бы „порозжихъ“ земель, наказывались конфискаціей помѣстій „столько же четьи, сколько кто вылжетъ“ [2]). Посыльщики, у которыхъ „небреженіемъ или піянствомъ“ колодники уйдутъ, или которые колодниковъ, „взявъ скупъ, отпустятъ“, подлежатъ сами ссылкѣ „вмѣсто тѣхъ ссыльныхъ людей, кого куды велѣно послать“ [3]).

Указанными четырьмя группами случаевъ исчерпывается та область, весьма, какъ видимъ, незначительная, въ которой карательныя мѣры слагались подъ вліяніемъ представленій о возмездіи въ указанномъ выше смыслѣ. Уголовныя кары, слагающіяся подъ господствомъ идеи возмездія, въ какой бы то ни было изъ четырехъ вышеприведенныхъ формъ, всеконечно могутъ служить, сами по себѣ взятыя, еще и инымъ, практическимъ цѣлямъ государственнаго интереса, какъ то было нами именно указано относительно отрѣзанія языка за „неистовыя рѣчи“. Но существенное отличіе каръ этого типа отъ наказаній, построенныхъ подъ вліяніемъ начала цѣлесообразности, заключается въ томъ, что служеніе практическимъ цѣлямъ является для нихъ дѣломъ второстепеннымъ и даже случайнымъ, такъ какъ все содержаніе и размѣръ ихъ заимствуется изъ признаковъ вреда, въ преступномъ дѣяніи заключающагося, внѣ всякаго вліянія на эту сторону дѣла практическихъ утилитарныхъ соображеній.

---

[1]) *Акт. археогр. эксп.* т. IV, № 128, стр. 175 сл., Грамота въ Пермь 1661 года (стр. 177).

[2]) *Акт. археогр. эксп.* т. IV, № 61, стр. 93 сл., Окружная грамота 1652 года.

[3]) *Полн. Соб. Зак.* № 1449 Указъ 1692 года.

Господствующимъ въ дѣлѣ образованія наказаній въ XVII вѣкѣ являлось именно начало цѣлесообразности— стремленіе организовать наказаніе такъ, чтобы оно, независимо отъ общей задачи всей карательной дѣятельности, своимъ конкретнымъ содержаніемъ приносило пользу, заключало въ себѣ, по возможности, извѣстную практическую полезность.

Практическая полезность въ наказаніи можетъ имѣть, какъ извѣстно, двоякое направленіе: или государство можетъ извлекать пользу непосредственно для самого себя, разсматривая преступника лишь какъ средство; или государство можетъ поставить личность преступника на первое мѣсто, стремясь принести пользу ему — исправленіемъ, пріученіемъ къ труду, перемѣщеніемъ въ иныя условія жизни и т. п., такъ что польза государственная хотя тоже достигается такимъ воздѣйствіемъ на преступника, но достигается лишь посредственно.

Въ тѣ эпохи, когда государство развиваетъ, или стремится развивать, полезности по обоимъ направленіямъ, и для государства, и для личности, всѣ наказанія могутъ быть утилитарными — всѣ принятыя въ законѣ кары могутъ быть приспособлены къ воспроизведенію какой-либо полезности, той или другой категоріи. Конечно, на практикѣ можетъ оказаться, что многія наказанія, даже большая часть, даже всѣ, не будутъ достигать своихъ цѣлей; можетъ оказаться, что и самъ законодатель не воспользуется всею тою широтой, которая предоставляется ему развитіемъ полезностей въ обоихъ направленіяхъ, и, признавая вообще принципъ цѣлесообразности, установитъ, тѣмъ не менѣе, нѣсколько наказаній, по существу своему не направленныхъ ни къ какой практической полезности. Все это весьма возможно и очень часто бываетъ въ дѣйствительности; въ особенности часто бываетъ то, что установленныя законо-

дателемъ цѣли наказаній вовсе не достигаются на практикѣ. Но несомнѣнно, что, при развитіи полезностей по обоимъ направленіямъ, *всѣ* или *почти всѣ* наказанія могутъ быть направляемы къ полезностямъ. Въ этомъ заключается весь идеалъ утилитарной или раціональной организаціи карательныхъ мѣръ, которая несомнѣнно признается всѣми современными законодательствами.

Широкое развитіе полезностей по обоимъ направленіямъ не всегда для государства возможно. Прежде всего, развитіе полезностей въ направленіи личности преступника требуетъ большой затраты денежныхъ средствъ и, можно утвердительно сказать, безъ сей послѣдней обращается, при дурной организаціи соотвѣтствующихъ мѣропріятій, не на пользу, но во вредъ и преступнику, и государству. Всякому понятно, что исправительное заведеніе, со школою и ремесленными мастерскими, дороже простаго острога, какъ мѣста заключенія и только заключенія; что книга и учитель дороже плетей и палача. Затѣмъ, развитіе этихъ полезностей требуетъ большаго запаса и напряженія личныхъ силъ государственнаго управленія, то-есть, требуетъ посвященія этому дѣлу громаднаго числа опытныхъ, умныхъ, добросовѣстныхъ должностныхъ лицъ. Когда этихъ условій нѣтъ; когда государство не можетъ ни потратить соотвѣтствующихъ денежныхъ суммъ, ни отдѣлить значительной части своихъ должностныхъ лицъ на служеніе дѣлу полезныхъ воздѣйствій на личность преступника — тогда государство ограничивается обыкновенно лишь полезностями первой категоріи, мало заботясь о личности преступника самой по себѣ. Мы скажемъ даже болѣе: государство *должно* поступать такимъ образомъ, вопервыхъ, потому что дѣло исправленія преступниковъ не есть важнѣйшее въ ряду задачъ государственнаго управленія, а вовторыхъ, потому что всякія полумѣры въ этомъ направленіи

и неумѣлыя или недоведенныя до конца предпріятія приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. При такомъ положеніи вещей, когда развитіе полезностей идетъ лишь въ одномъ направленіи, именно въ направленіи пользъ непосредственно самому государству, весьма многія наказанія неизбѣжно будутъ оставаться безъ всякаго утилитарнаго содержанія; они будутъ служить, не хуже прочихъ, общей задачѣ всего уголовнаго правосудія — поддержанію авторитета закона и законнаго порядка — но своимъ конкретнымъ содержаніемъ не будутъ приносить никому никакой практической полезности. Ближайшимъ образомъ въ такомъ положеніи окажутся наказанія нисшія, которыя, по своему размѣру, даже элементарнѣйшей цѣли устрашенія служить не могутъ.

Русское государство XVII вѣка не имѣло ни денежныхъ средствъ, ни личныхъ силъ для того, чтобы развивать полезности въ направленіи личности преступника. Въ виду полнаго преобладанія государственныхъ интересовъ надъ интересами личности, самая мысль объ этомъ даже не возбуждалась. Государство стремилось извлечь пользу изъ преступника и изъ наказанія, но лишь непосредственную пользу для самого себя. Если извлеченіе такой узко-государственной пользы не удавалось или было невозможно, наказаніе оставалось безъ всякаго утилитарнаго содержанія — оставалось простою карой, то-есть болью, страданіемъ, преступнику причиняемымъ, — и предки наши нимало тѣмъ не смущались.

На первомъ планѣ въ ряду государственныхъ полезностей, опредѣлявшихъ организацію наказаній XVII вѣка, стояла цѣль обезпеченія общества отъ преступника на будущее время, выражающаяся очень часто въ памятникахъ словами: „чтобы лихихъ людей вывести“. Эта цѣль могла достигаться истребленіемъ преступниковъ, обезсиленіемъ ихъ, или лишеніемъ фактической возмож-

ности вновь совершать преступныя дѣянія, и удаленіемъ изъ отечества. Сообразно этому, смертная казнь, пожизненная ссылка и изувѣчивающія наказанія — отсѣченіе рукъ, ногъ, пальцевъ, отрѣзаніе языка — щедро назначаются законодателемъ и широко примѣняются на практикѣ [1]). Цѣль обезпеченія, хотя и не столь безусловно, какъ посредствомъ отнятія органовъ тѣла, необходимыхъ вообще для совершенія преступныхъ дѣяній, достигается также наложеніемъ на тѣло преступника неизгладимыхъ знаковъ, которые навсегда могли бы служить предупрежденіемъ для всѣхъ и каждаго; отсюда — клеймленіе преступниковъ, урѣзаніе носа, отрѣзаніе ушей и отсѣченіе части пальца на рукахъ. Эти наказанія примѣняются столь же щедро, какъ и изувѣчивающія въ тѣсномъ смыслѣ. Эти двѣ категоріи наказаній — изувѣчивающія и наложеніе знаковъ — въ историческомъ ходѣ развитія русскаго права легко смѣняютъ другъ друга, въ качествѣ однородныхъ, какъ мы то увидимъ ниже.

Наряду съ цѣлью обезпеченія выдвигалась другая, ей равнозначительная и достигавшаяся частью тѣми же самыми мѣрами какъ и первая,—цѣль устрашенія преступника и всѣхъ гражданъ отъ совершенія преступныхъ

---

[1]) Что отсѣченіе рукъ, ногъ и пальцевъ и отрѣзаніе языка (за „неистовыя рѣчи“) служитъ отличнымъ средствомъ обезпеченія отъ преступника на будущее время, явствуетъ само собою. Но въ памятникахъ встрѣчаются иногда прямыя указанія на такую цѣль и на то, что отнятіе органовъ должно было производиться именно такъ, чтобы служило этой цѣли. Въ Указѣ 1700 года по поводу безпорядковъ въ Красноярскѣ, *Памят. Сиб. ист.* № 9, стр. 38 сл., повелѣвается: виновнымъ въ „тѣхъ составахъ“ подъячимъ „отсѣчь у обѣихъ рукъ пальцы, *чтобы впредь къ письму были непотребны*“. Въ случаяхъ отрѣзанія языка, если подвергшіеся такой казни получали впослѣдствіи способность говорить, языки имъ урѣзывались вновь и такъ иногда до трехъ разъ, безъ всякой новой виновности и новаго приговора. См. объ этомъ ниже.

дѣяній тяжестью и жестокостью наказаній. Эта цѣль наказанія постоянно и съ особою отчетливостью выражается въ памятникахъ, въ особенности въ Уложеніи: „чтобы на то смотря, другимъ (инымъ) неповадно было такъ дѣлать“; „чтобы имъ и другимъ такимъ неповадно было такъ воровать“ [1]); „чтобы имъ и инымъ такимъ впредь неповадно было такими своими поклепными иски никого убытчить напрасно“ [2]); „не провѣдавъ подлинно, не пріимай чужого“ [3]); „чтобы всякимъ людямъ у себя воровъ и татей и разбойниковъ держать было неповадно“ [4]); „чтобы на то смотря, иные такого беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали и отъ блуда унялися“ [5]); „чтобъ ему и инымъ такимъ неповадно было свою братью стрѣльцовъ и ихъ жонъ безчестить“ [6]); „чтобъ ему впредь неповадно было безпамятно напиваться“ [7]); „чтобъ имъ впредь не дуровать, за бляднею не ходить“ [8]) и т. п.

Цѣль устрашенія опредѣляла собою, кромѣ смертной казни и наказаній изувѣчивающихъ, господство наказаній тѣлесныхъ болѣзненныхъ въ весьма жестокихъ формахъ: кнутъ, батоги и, въ концѣ XVII вѣка, плети занимаютъ добрую половину всей карательной системы. Независимо отъ этого, цѣль устрашенія вызывала собою нѣкоторыя особыя черты въ самомъ выполненіи наказаній: не взирая на всю грубую простоту, съ которою обык-

---

1) *Уложеніе*, гл. I ст. 7, гл. III ст. 1, 9, гл. VI ст. 4, гл. VII ст. 16, 25, гл. X ст. 18, 20, 133, 143, 171, 199, 217, 251, 252, гл. XVII ст. 34, 35, 36, гл. XX ст. 22, 70, гл. XXI ст. 20, 55, 56, гл. XXV ст. 9, 15, 16, 19.

2) *Уложеніе*, гл. X ст. 19.

3) *Уложеніе*, гл. XI ст. 21.

4) *Уложеніе*, гл. XXI ст. 62.

5) *Уложеніе*, гл. XXII ст. 26.

6) *Уложеніе*, гл. XXIII ст. 3.

7) *Акт. юрид.* № 30, стр. 77 сл., Дѣло 1680 года.

8) *Дополн. акт. ист.* т. XI, № 11, VIII, стр. 39, Дѣло 1684 года.

новенно выполнялись даже тягчайшія наказанія, законъ и практика не упускали случая, по возможности, когда это не требовало ни особыхъ затратъ, ни продолжительнаго времени, внести въ наказаніе такіе элементы, которые усугубляли бы устрашающее его впечатлѣніе. Такими элементами являлись: публичность казней, въ особенности квалифицированныхъ, битье кнутомъ въ проводку по улицамъ и площадямъ городовъ, выставка частей тѣла казненныхъ на кольяхъ, прибиваніе къ деревьямъ и зданіямъ отсѣченныхъ рукъ и ногъ, оставленіе труповъ на висѣлицахъ и на кольяхъ и т. д. Все это не было такъ стройно и сложно регламентировано, какъ въ западной Европѣ, совершалось безъ всякой глубокомысленной торжественности — грубо, жестоко и въ высшей степени просто; но все это считалось полезнымъ и поддерживалось практикой, можно думать, даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ того именно требовалъ законодатель. Законодатель вообще не входилъ въ подробности; мелочами онъ не занимался. Онъ предоставлялъ ихъ установленіе той силѣ, которая можетъ быть названа духомъ или настроеніемъ эпохи и которая была съ нимъ, законодателемъ, въ этомъ вопросѣ вполнѣ согласна.

Третьею цѣлью, опредѣлявшею организацію карательныхъ мѣръ, являлось извлеченіе выгодъ матеріальныхъ изъ наказанія и изъ личности преступника.

Выгоды изъ наказанія достигались весьма элементарнымъ способомъ: законодатель вносилъ въ составъ своихъ карательныхъ мѣръ при всякомъ удобномъ случаѣ имущественныя наказанія. Имущественныя наказанія всякаго рода — конфискаціи и денежные взысканія въ различныхъ формахъ — занимали видное мѣсто въ ряду наказаній. Государева казна, въ то время сравнительно бѣдная, изрядно пополнялась изъ этого источника. Мы

не имѣемъ цифръ; но одно то обстоятельство, что въ Уложеніи болѣе 70 статей имѣютъ въ своей санкціи имущественныя взысканія разныхъ родовъ (не считая статей о „безчестьи"), достаточно доказываетъ, какой значительный источникъ государственныхъ доходовъ составляло уголовное правосудіе. По числу тѣхъ случаевъ, въ которыхъ назначались имущественныя взысканія, они занимаютъ въ Уложеніи второе мѣсто: первое принадлежитъ кнуту; третье — смертной казни.

Извлеченіе выгодъ изъ личности преступника, задача болѣе сложная, не могла достигаться столь простымъ способомъ. Эксплуатировать рабочую силу и способности преступника — этотъ единственный источникъ выгодъ, въ личности преступника заключающійся — представлялось тогда, какъ и нынѣ, одною изъ труднѣйшихъ сторонъ въ организаціи карательныхъ мѣръ. Предъ глазами предковъ нашихъ въ XVII вѣкѣ стояли тѣ же два способа эксплуатаціи личныхъ силъ преступника, съ которыми мы встрѣчаемся и въ новѣйшее время: трудъ подневольный (каторжный) или тюремный и трудъ свободный, хотя и обязательный. Поставить преступника въ положеніе работника, каждый часъ времени котораго имѣетъ свое назначеніе, и весь трудъ совершается по установленной въ точности программѣ подъ надзоромъ и ближайшимъ руководствомъ администраціи — вотъ задача подневольнаго или тюремнаго труда. Наоборотъ, возлагая на преступника, хотя обязательный, но свободный трудъ, государственная власть указываетъ ему лишь тотъ родъ труда, къ которому онъ предназначенъ, и опредѣляетъ, подъ страхомъ наказанія за невыполненіе, тѣ результаты или продукты труда, которые отъ него въ извѣстный срокъ потребуются, а во всемъ прочемъ предоставляетъ ему полную свободу работы. Подневольный работникъ-преступникъ не отвѣтственъ за цѣлесооб-

разность своего труда, за его выгодность и даже за его успѣшность; онъ отвѣчаетъ лишь за неисполненіе правилъ работы и установленныхъ администраціей способовъ производства. Онъ не заботится ни о матеріалѣ, ни объ орудіяхъ, ни о сбытѣ продуктовъ своего труда. Онъ съ одинаковою точностью и стараніемъ долженъ выполнять и разумныя полезныя работы, и самыя безполезныя, какъ напримѣръ, при такъ называемомъ уголовномъ непроизводительномъ трудѣ. Не онъ хозяинъ работы; онъ только машинообразный исполнитель, которому лишь въ видѣ поощренія даютъ иногда нѣкоторое вознагражденіе или часть прибыли, если таковая окажется. Наоборотъ, свободный работникъ-преступникъ трудится, если можно такъ выразиться, на свой страхъ — его барыши, его и убытки; онъ долженъ выполнить возложенное на него государствомъ обязательство, а затѣмъ остается въ своемъ трудѣ и занятіяхъ свободнымъ человѣкомъ.

Нынѣ, какъ извѣстно, изъ двухъ указанныхъ типовъ труда практикуется въ европейскихъ государствахъ почти исключительно одинъ только трудъ подневольный; его же имѣютъ своимъ предметомъ и научныя изслѣдованія. Не такъ стояло дѣло въ XVII вѣкѣ: наши предки отдавали первое мѣсто свободному труду преступниковъ, его старались организовать съ возможною цѣлесообразностью, какъ крупный источникъ выгодъ. Свободный трудъ находилъ себѣ примѣненіе въ широко развитомъ и привлекавшемъ къ себѣ особое вниманіе государственной власти, институтѣ ссылки разныхъ родовъ; ссылка давала рабочія руки для добыванія продовольствія служилымъ людямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляла собою основную колонизаціонную силу въ мѣстахъ ненаселенныхъ; ссылка же давала средства и силы государственнаго управленія на окраинахъ.

Что касается до труда подневольнаго, то право XVII

вѣка, не отказываясь отъ него въ принципѣ, ограничивалось лишь общимъ указаніемъ на возможность и допустимость такого труда, а затѣмъ предоставляло его дѣйствительное осуществленіе администраціи. Лишь въ самыхъ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія законодатель обратилъ свое вниманіе на подневольный трудъ, какъ на самостоятельный источникъ выгодъ, и въ XVIII вѣкѣ далъ ему широкое развитіе подъ названіемъ „каторжныхъ“ работъ [1]).

Въ теченіи всего XVII вѣка подневольный трудъ ограничивался тѣмъ, что заключенные въ тюрьмахъ могли быть употребляемы на казенныя работы — „изъ тюрьмы вымая посылать въ кайдалахъ работать на всякія издѣлья, гдѣ Государь укажетъ“, говоритъ Уложеніе. Такія работы опредѣлены въ Уложеніи лишь въ тѣхъ статьяхъ, которыми установляется срочное тюремное заключеніе на два, на три и на четыре года [2]); но весьма вѣроятно, что онѣ могли имѣть мѣсто и по отношенію къ

---

[1]) Каторга—гребное судно. Первая мысль объ употребленіи преступниковъ въ работу для гребли на каторгахъ возникла еще въ 1668 году и принадлежала Андрею Виніусу. См. объ этомъ *Дополн. акт. ист.* т. V, № 80 Статьи, поданныя въ Посольскій приказъ 5 декабря 1668 года. Первый, упоминаемый въ извѣстныхъ намъ памятникахъ, случай ссылки на каторгу относится къ 1699 году. Указомъ 24 ноября этого года (*Полн. собр. зак.* № 1722) повелѣно: Веневскаго земскаго старосту и другихъ Веневскихъ посадскихъ людей, за взятіе денегъ съ выборныхъ къ таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ, а равно и тѣхъ лицъ, которыя деньги имъ дали и „накупились къ сборамъ“, „положить на плаху и, отъ плахи поднявъ, бить вмѣсто смерти кнутомъ безъ пощады и послать въ ссылку въ Азовъ съ женами и съ дѣтьми, и быть имъ на каторгахъ въ работѣ“. Слово „каторга“, въ первоначальномъ смыслѣ, уже давно было извѣстно русскимъ и употреблялось въ русскихъ памятникахъ, какъ общеизвѣстное. См. напр. *Ворон. памятн.* 2, LXVII, стр. 72, грамота Воронежскому воеводѣ 1645 года.

[2]) *Уложеніе,* гл. XXI ст. 9, 10, 16.

тюремнымъ сидѣльцамъ другихъ категорій, въ особенности къ безсрочнымъ и пожизненнымъ. Къ сожалѣнію, памятники не даютъ намъ вовсе возможности составить сколько-нибудь точное представленіе о томъ, какъ производились эти работы. Единственное извѣстіе касается устройства царскихъ виноградныхъ садовъ въ Астрахани въ 1650 году. Тамъ работали тюремные сидѣльцы, „которые сидятъ опричь измѣнныхъ дѣлъ“, слѣдовательно, работали не только заключенные на два, три и четыре года, но и сидѣльцы другихъ категорій. За работу они получали „корму“ въ день сначала по двѣ, а потомъ по три деньги [1]). Подобнаго рода работы, несомнѣнно, не были организованы правильно и являлись дѣломъ случайнымъ. Тюремный сидѣлецъ, по слову Уложенія, обязанъ былъ идти на всякія издѣлья, какія Государь укажетъ; правительство посылало его, если такія издѣлья были въ наличности, а если ихъ не было, онъ спокойно оставался въ праздности. Объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ прежде всего отсутствіе относительно производства работъ всякихъ указаній въ памятникахъ, за исключеніемъ вышеприведеннаго. Кромѣ того, до насъ сохранился проектъ, представленный въ 1668 году Андреемъ Виніусомъ, о введеніи каторжныхъ работъ на гребныхъ судахъ, взамѣнъ тюремнаго заключенія, дабы тюремные сидѣльцы даромъ хлѣба не ѣли. „Всякихъ воровъ и бусурманскихъ полоняниковъ — говорится въ этомъ проектѣ — мочно на каторги сажать для гребли на цѣпяхъ, чтобъ не разбѣжались и зла не учинили; и чѣмъ такимъ ворамъ и полоняникамъ, которыхъ по тюрьмамъ бываетъ много, хлѣбъ тунѣ давать, и они бы на каторгахъ хлѣбъ заработывали, а иныхъ воровъ, по дѣлу смотря, мочно

---

[1]) *Акт. ист.* т. IV, № 40, стр. 129 сл., Наказъ Астраханскому воеводѣ 1650 года.

*

посадити на 5 и 6 лѣтъ и болши, а иныхъ, которые достоили смерти, и на вѣкъ по обычаю иныхъ государствъ“ [1]). Проектъ не получилъ осуществленія; онъ касался не только преступниковъ разныхъ категорій, но и плѣнныхъ; но онъ служитъ намъ отличнымъ доказательствомъ того, что опредѣленныя Уложеніемъ работы на практикѣ примѣнялись весьма рѣдко.

Однако, съ другой стороны, широкій принципъ обязательной работы, установленный закономъ, давалъ возможность возлагать иногда на колодниковъ такія порученія, которыя дѣлали ихъ скорѣе чиновниками, должностными лицами, чѣмъ подневольными тружениками, работающими въ кандалахъ. Такъ напримѣръ, въ счетномъ спискѣ расхода денежный казны въ Соликамскѣ за 1682 годъ читаемъ: „дано колоднику Соли-Камской тюремному сидѣльцу Ивашку Щербинину на кормъ да на платье 20 алтынъ. Посланъ онъ Ивашко былъ отъ Соли Камской въ Яренской для сыску серебряной руды“ [2]). Такой порядокъ, не смотря на свое внѣшнее несовершенство — случайность работъ и отсутствіе правильной организаціи — заключалъ въ себѣ, думается намъ, въ высшей степени плодотворную идею: приговоренный къ тюремному заключенію преступникъ могъ быть употребляемъ на такія работы, къ которымъ онъ былъ наиболѣе способенъ, хотя бы для этого приходилось посылать его далеко изъ тюрьмы.

Предпочтеніе, которое предки наши отдавали свободному труду преступниковъ предъ подневольнымъ, независимо отъ общаго вопроса о преимуществахъ того или другаго изъ нихъ въ составѣ наказанія, вытекало весьма

---

[1]) *Дополн. акт. ист.* т. V, № 80, стр. 404, Статьи Андрея Виніуса, поданныя имъ въ Посольскій Приказъ 1668 года декабря 5, о постройкѣ каторгъ.

[2]) *Дополн. акт. ист.* т. IX, № 90, стр. 191.

просто изъ условій тогдашней жизни: практическій умъ той эпохи отвращался отъ такъ называемаго уголовнаго, непроизводительнаго труда; исключительная преданность государственнымъ въ тѣсномъ смыслѣ интересамъ не давала мѣста заботамъ объ организаціи обязательнаго тюремнаго труда въ интересахъ преступника; тюремный трудъ, какъ источникъ денежныхъ средствъ на расходы по содержанію тюрьмы, тоже не могъ быть организованъ и по недостатку средствъ, и по состоянію промышленности въ то время. Почти единственно возможнымъ и цѣлесообразнымъ представлялся свободный трудъ преступниковъ, который могъ найти себѣ примѣненіе въ ссылкѣ, а не въ тюрьмѣ. Но нельзя при этомъ не замѣтить, что мысль о томъ, что тюремное сидѣніе не должно отнимать рабочихъ рукъ у государства и что тюремные сидѣльцы не должны даромъ хлѣбъ ѣсть, сознавалось въ то время несомнѣнно болѣе, чѣмъ въ наши дни.

Наконецъ, послѣднею изъ цѣлей, вліявшихъ на образованіе карательныхъ мѣръ, являлось стремленіе дать удовлетвореніе пострадавшему, умиротворить его. Отсюда — испрошеніе прощенія обидчикомъ у обиженнаго и система денежныхъ штрафовъ въ пользу пострадавшаго, совершенно вымирающая въ наши дни, но занимавшая видное мѣсто въ правѣ XVII вѣка, по наслѣдію отъ древнѣйшихъ эпохъ, когда эта цѣль была преобладающею передъ всѣми другими.

Таково было вліяніе, такъ нами названнаго, начала цѣлесообразности въ дѣлѣ образованія карательныхъ мѣръ. За исключеніемъ немногихъ наказаній, построенныхъ на началѣ возмездія, и небольшаго количества наказаній нисшихъ по тяжести, всѣ прочія кары направляемы были по возможности къ достиженію практическихъ, притомъ исключительно государственныхъ, полезностей и иногда къ удовлетворенію пострадавшаго.

Столь же большое значеніе, какъ воззрѣніе на цѣли конкретныхъ наказаній, имѣетъ въ исторіи уголовнаго права другой факторъ — отношеніе государства къ личности человѣка вообще, какъ таковаго, независимо отъ его политическаго status.

Каково бы ни было политическое устройство государства — будетъ ли то монархія или республика, монархія ограниченная или неограниченная, деспотія или монархія, управляемая на основаніи законовъ, и т. д. — положеніе личности человѣка, какъ таковаго, можетъ быть двоякое: или человѣкъ, съ личными интересами и личнымъ счастьемъ, поглощается государствомъ и его интересами, такъ что государство заботится о личности лишь настолько, насколько эта личность представляетъ собою матеріалъ служебный для государственныхъ въ тѣсномъ смыслѣ интересовъ; или, наоборотъ, человѣкъ съ его личными интересами занимаетъ самостоятельное мѣсто въ сферѣ заботъ государственныхъ, такъ что благо отдѣльныхъ лицъ, само по себѣ взятое, является одною изъ цѣлей государственнаго управленія. Это благо отдѣльныхъ лицъ, очевидно, можетъ быть признаваемо цѣлью государственной дѣятельности въ бòльшемъ или мèньшемъ объемѣ; можетъ придти въ коллизію съ государственными въ тѣсномъ смыслѣ интересами, такъ что, разсуждая отвлеченно, мы можемъ представить себѣ даже такое положеніе вещей, когда интересы личные получатъ преобладающее передъ государственными значеніе — государство сдѣлается служебною, какъ бы подчиненною силою, а личность — предметомъ всѣхъ заботъ государственныхъ. Между этими двумя крайними точками: полнымъ поглощеніемъ личности государствомъ, съ одной стороны, и полнымъ преобладаніемъ часныхъ интересовъ надъ государственными въ тѣсномъ смыслѣ, съ другой, — располагаются всѣ существующія и существовавшія го-

сударства, съ точки зрѣнія ихъ отношеній къ личности человѣка.

Русское государство XVII вѣка вовсе не придавало самостоятельнаго значенія личности и ея интересамъ; личность человѣка сама по себѣ, внѣ ея отношенія къ государственнымъ въ тѣсномъ смыслѣ интересамъ, не имѣла ровно никакого значенія [1]). Такое положеніе личности отражалось въ конструкціи карательныхъ мѣръ, вопервыхъ, въ томъ, что, стремясь къ извлеченію практическихъ полезностей изъ наказанія, государство послѣдовательно шло до конца на этомъ пути, не останавливаясь вовсе передъ соображеніями гуманитарными, то-есть уваженія или сожалѣнія къ преступнику. Отсюда обиліе смертныхъ казней, безпощадное примѣненіе наказаній тѣлесныхъ, изувѣчивающихъ и болѣзненныхъ. Во всей исторіи наказаній этого рода, поражающихъ личность человѣка въ ея существѣ, мы не находимъ вовсе, вплоть до второй половины XVIII вѣка, ни одного момента, въ которомъ примѣненіе ихъ ограничивалось бы или смягчалось по соображеніямъ гуманитарнымъ: однажды только при Борисѣ Годуновѣ выдвигается, если вѣрить единичному свидѣтельству иностранца, мотивъ религіозный, а затѣмъ безусловно господствуютъ одни практическіе утилитарные разсчеты.

Вовторыхъ, тотъ же факторъ — положеніе личности

---

[1]) О причинахъ, препятствовавшихъ развитію представленій о человѣческой личности въ Московскомъ государствѣ, см., между прочимъ, *Дитятинъ,* Когда возн. рознь, Р. Мысль 1882, III, въ особенности, стр. 234 сл. Мы не согласны, однако, съ Дитятинымъ относительно того значенія, которое онъ придаетъ экономическимъ условіямъ: угнетеніе неимущихъ имущими можетъ вызвать дѣленіе народа на рабовъ и *полноправныхъ* гражданъ; въ Московскомъ же государствѣ личность поглощалась вполнѣ, безъ различія классовъ — всѣ были одинаково „холопи“ Великаго Государя.

въ государствѣ — опредѣлялъ собою совершенно особое, для нашего времени безпримѣрное, отношеніе законодателя къ формамъ уголовной санкціи: она была такова, что въ громадномъ числѣ случаевъ или налагала высшую возможную мѣру наказанія, или не давала виновному сколько-нибудь опредѣленнаго представленія о грозящемъ ему наказаніи; нарушитель закона, воръ-преступникъ, долженъ былъ быть готовъ на все, что только власть государственная заблагоразсудитъ предпринять съ нимъ — „что государь укажетъ", какъ тогда выражались. Относительной санкціи въ современномъ смыслѣ право XVII вѣка не знало вовсе. Для преступника законъ уголовной неохотно давалъ какія бы то ни было гарантіи; въ вопросѣ о наказаніи законъ отъ начала до конца, всею своею силою, стоялъ на одной только сторонѣ: на сторонѣ государства и его порядка. Такъ, при назначеніи тѣлесныхъ болѣзненныхъ наказаній разныхъ видовъ, этого главнаго элемента тогдашней карательной системы, законодатель не считалъ вовсе нужнымъ опредѣлять ихъ тяжесть по числу ударовъ, а ограничивался немногими общими указаніями. Въ массѣ случаевъ, сверхъ того, законъ указываетъ одинъ только родъ наказанія, но вовсе не опредѣляетъ его размѣровъ; во множествѣ статей мы находимъ въ Уложеніи: взять пеню „что Государь укажетъ", посадить въ тюрьму „до государева указу". Еще чаще встрѣчаются грозныя, но въ тоже время совершенно неопредѣленныя по содержанію формулы: „учинить жестокое наказаніе, что Государь укажетъ"; „наказаніе, что Государь укажетъ"; „наказаніе, смотря по винѣ"; „по разсмотрѣнію" „быть въ опалѣ и въ казни" и т. п. [1]). Отдѣльные указы и распоряже-

[1]) См. образцы подобныхъ санкцій: *Уложеніе*, гл. I ст. 9, гл. II ст. 22, гл. III ст. 8, гл. VI ст. 2, гл. VII ст. 6, 7, 11, 12, 24, 30, 32, гл. X ст. 8—10, 15, 24, 90, 106, 140, 148, 161, 186—

нія разнообразятъ до безконечности эту неопредѣленность. На каждомъ шагу мы находимъ въ нихъ такія формулы, подъ которыя могутъ быть подведены всякія наказанія: „отъ Великаго Государя быть въ великой опалѣ и въ торговой казни безъ всякіе пощады"; „быть въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ, и во всякомъ вѣчномъ разореньѣ, безъ всякіе пощады"; „быть отъ Великаго Государя въ наказаньи и въ казни и въ разореньѣ"; „въ жестокомъ наказаньи и во всякомъ разореньи" [1]); и т. п. Или: „въ великой опалѣ и въ нака-

188, 198, 222, 233, 251, 268, гл. XV ст. 5, гл. XVI ст. 43, 45, 66, гл. XIX ст. 13, 15, 40, гл. XX ст. 28, 113, гл. XXI ст. 42—44, 71, 86, гл. XXV ст. 2, 6.

[1]) *Акт. Археогр. эксп.* т. IV № 126, стр. 170, окружная грамота 1661 года. *Акт. юр. б.* т. II № 230, стр. 695, 696, память 1668 года. *Полн. Собр. Зак.* № 467 Указъ 1670 года 17 апрѣля о мѣрахъ предосторожности отъ огня. №№ 600, 603 Наказы объѣзжимъ 1675 года апрѣля 14 и мая 24. № 821 Указъ 1680 года о мѣрахъ предосторожности отъ огня. *Собр. госуд. гр. и дог.* т. IV № 19, стр. 72, 73, Наказъ о розысканіи серебряной руды 1661 года. *Акт. ист.* т. IV № 246, стр. 521 сл., Наказная память 1674 года. № 255, стр. 559, грамота Верхотурскому воеводѣ 1675 года. Т. V № 10, стр. 19 сл., № 36, стр. 56 сл., грамоты Чердынскому воеводѣ 1676 и 1679 годовъ. № 51, I, стр. 77, 78, грамота Верхотурскому воеводѣ 1679 года. № 161, стр. 277 сл., Наказъ Ольшанскому воеводѣ 1687 года. № 198, стр. 345 сл., грамота Кунгурскому воеводѣ 1690 года. *Дополн. акт. ист.* т. IV № 146, стр. 389 сл., грамота Сергѣю Малово 1658 года. *Акт. юр. б.* т. I № 55, стр. 374, грамота Переяславскому воеводѣ 1697 года.

Такая неопредѣленность санкціи подала поводъ *Берху*, въ его исторіи Царя Алексѣя Михайловича, сдѣлать весьма странное предположеніе: не означаетъ ли выраженіе памятниковъ „разорены" сожженіе вмѣстѣ съ жилищемъ? Въ дѣйствительности подъ словомъ „разореніе", надо думать, понимали конфискацію всего имущества. Это слѣдуетъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ памятниковъ. Такъ, въ Соборномъ дѣяніи 1682 года объ уничтоженіи мѣстничества, *Собр. госуд. гр. и дог.* т. IV № 130, стр. 396 сл., говорится: „чинено наказанье и разоренье отнятіемъ помѣстій ихъ и вотчинъ"; въ Указѣ 1679 года, ibid.

заньи и въ казни“; „быть въ жестокомъ наказаніи, подъ смертною и непрощаемою казнію“ [1]) и проч. Всѣ эти выраженія, очевидно, имѣютъ значеніе широкой, общей угрозы, которая даетъ судьѣ право и обязываетъ его примѣнить наказаніе; но какое наказаніе — объ этомъ законъ не говоритъ ничего. Такія санкціи не могутъ, думается намъ, разсматриваться, какъ западно-европейскія poenæ arbitrariæ. Poena arbitraria налагалась тоже по усмотрѣнію судьи; но судья въ качествѣ арбитрарнаго наказанія никогда не могъ назначить высшаго уголовнаго, то-есть смертной казни и другихъ тягчайшихъ. Между тѣмъ въ нашемъ правѣ для приведенныхъ случаевъ не усматривается даже этого ограниченія.

Кромѣ такихъ формулъ, которыя и по формѣ, и по содержанію одинаково представляютъ собою санкцію безусловно-неопредѣленную, наше право XVII вѣка употребляло во множествѣ санкціи, по формѣ безусловно-опредѣленныя, но въ практическомъ ихъ примѣненіи имѣвшія значеніе тоже общей широкой угрозы. А именно, въ массѣ случаевъ въ памятникахъ совершенно опредѣленно назначается смертная казнь, а на практикѣ примѣняются иныя наказанія. Изъ простаго обзора тѣхъ

№ 115, стр. 371, 372: „отнята будетъ честь, да имъ же быть въ вѣчномъ разореньи, и помѣстья ихъ и вотчины взяты у нихъ будутъ на Государя, и то имъ разоренье будетъ самимъ отъ себя“...

[1]) *Акт. ист.* т. II № 349, I, II, стр. 416, 417, Наказныя смоленскимъ посадскимъ старостамъ 1608 года. *Дополн. акт. ист.* т. VI № 120, стр. 366, грамота Каширскому воеводѣ 1674 года. *Акт. археогр. эксп.* т. IV, № 92, стр. 132, Наказъ сотскому Кашинскаго уѣзда 1656 года. *Акт. юр. б.* т. I № 55, стр. 356, грамота Верхотурскому воеводѣ 1687 года. *Полевой,* Русс. Вивл., окружная грамота 1677 года, стр. 228. *Древ. росс. вивл.* т. VIII, грамота 1654 года объ уничтоженіи мытовъ, стр. 107, 108. *Русс. ист. библ.* т. II № 116, стр. 353 сл., Жалованная грамота священнику Ермолаю. № 188, стр. 858, Наказы Мангазейскимъ воеводамъ.

узаконенiй, въ которыхъ за извѣстныя дѣянiя назначается смертная казнь, несомнѣнно явствуетъ, что въ весьма многихъ изъ указанныхъ въ законѣ случаевъ она *не могла* быть всегда примѣняема въ дѣйствительности по той простой причинѣ, что, при строгомъ и послѣдовательномъ, по буквѣ закона, ея примѣненiи, на Руси не осталось бы ни воеводъ, ни дьяковъ, ни торговыхъ людей, ни другихъ жителей. Цифры казненныхъ были громадны; но онѣ должны были бы увеличиться въ десятки и сотни разъ, если бы всякая угроза смертью въ законѣ всегда осуществлялась въ дѣйствительности. Въ указѣ 1 августа 1670 года, напримѣръ, за побѣгъ со службы назначена смертная казнь [1]), а 14 февраля 1671 года, то-есть равно черезъ шесть съ половиною мѣсяцевъ, отъѣхавшiе изъ полковъ подверглись лишь конфискацiи половины помѣстiй и вотчинъ, малопомѣстные же и безпомѣстные биты кнутомъ [2]). Въ 1658 году назначена смертная казнь крестьянамъ дворцовыхъ волостей за прiемъ къ себѣ на тяглыя мѣста бѣглыхъ крестьянъ или бобылей, а также за женитьбу или выдачу дочерей замужъ не въ дворцовой волости [3]). Мы не имѣемъ указанiй, но едва ли такая угроза могла быть исполнена, въ виду крайней убыточности ея для казны Великаго Государя: дворцовыхъ крестьянъ должны были беречь, и все приведенное распоряженiе вызвано именно стремленiемъ сохранить дворцовыхъ крестьянъ на ихъ мѣстахъ. Казнить смертью отца за то, что выдалъ дочь замужъ не въ дворцовую волость, было бы совершенною безсмыслицей. Точно также весьма сомнительно, могъ ли исполняться одинъ наказъ 1697 года, въ которомъ повелѣвается объявить „указъ съ вели-

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 480.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 489.

[3]) *Акт. археогр. эксп.* т. IV, № 101 стр. 142, Окружная грамота въ Угличъ 1658 года.

кимъ подкрѣпленіемъ, подъ смертною казнью, чтобы кореня ревеню не покупали и не провозили“ [1]). Едва ли смертная казнь не поставлена здѣсь лишь для „великаго подкрѣпленія“. Такихъ указовъ мы можемъ найти множество.

Независимо отъ сего, до насъ дошло нѣсколько указовъ, въ которыхъ выставленная въ началѣ смертная санкція безусловно устраняется дальнѣйшими опредѣленіями, такъ что въ результатѣ получается тоже лишь широкая общая угроза. Въ грамотѣ Пермскому воеводѣ 1660 года повелѣвается „о корчемныхъ продажахъ заказъ учинить подъ смертною казнью“, а далѣе корчемникамъ назначается: „сѣчь руки и ссылать въ Сибирь“ [2]). То же самое въ указѣ 1661 года о неукрывательствѣ бѣжавшихъ со службы: „заказъ учинить подъ смертной казнью“, а за нарушеніе его — „быть въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ и въ разореньѣ безо всякія пощады [3]). Далѣе, наряду съ неоднократными указами о смертной казни за неумышленный поджогъ, въ указѣ 1680 года говорится: „отъ кого учинится пожаръ... быть въ великой опалѣ и въ разореньѣ, а людемъ ихъ въ жестокомъ наказаньѣ и въ ссылкѣ въ дальніе Сибирскіе городы“ [4]). Указъ 21 мая 1683 года, состоявшійся по поводу стрѣлецкихъ смутъ говоритъ такъ: „во всѣхъ городѣхъ и уѣздѣхъ учинить заказъ крѣпкой подъ смертною казнью, чтобы всякихъ чиновъ люди мимошедшаго смутнаго времени никакими мѣрами не похваляли и никакихъ непристойныхъ словъ, на смуту и на страхованіе и на соблазнъ людемъ, не говорили, и никакихъ затѣйныхъ дѣлъ не

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 1594 Наказъ Тобольскому воеводѣ. Первое запрещеніе въ 1657 году, см. стр. 85, примѣч. 4.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 285 Указъ 1660 года октября 16.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 302. Жестокое наказаніе есть кнутъ.

[4]) *Пол. Соб. Зак.* № 821.

вмѣщали. А буде"... все вышеписанное всякіе люди учнутъ дѣлать, „имъ за малыя вины чинить наказаніе, бить кнутомъ и батоги... а въ большихъ винахъ писать о указѣ къ Великимъ Государямъ, къ Москвѣ" [1]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что даже въ подобномъ дѣлѣ высшей государственной важности законодатель употребляетъ смертную санкцію въ качествѣ простой общей угрозы или привычной формы запрета, оставляя за собою право или предоставляя суду опредѣлить дѣйствительное наказаніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Подобныя же формулы находимъ мы и въ Уложеніи. Такъ, въ главѣ XXV въ статьѣ 11 о табакѣ учиненъ „заказъ крѣпкой подъ смертною казнью"; но виновнымъ въ покупкѣ или продажѣ табака повелѣвается „чинить наказанье большое безъ пощады подъ смертною казнью". Что это значитъ? Наказанье большое, по терминологіи XVII вѣка, можетъ означать кнутъ, но никакъ не смертную казнь. Законодатель такъ привыкъ къ смертной казни, считалъ ее дѣломъ настолько обыкновеннымъ, что нерѣдко самъ прибѣгалъ къ угрозѣ ею безъ всякаго намѣренія приводить свою угрозу непремѣнно въ исполненіе.

Рядомъ съ указанными неопредѣленными формами санкціи выдвигается, занимая всю остальную область карательныхъ правоположеній, санкція обратной формы— безусловно-опредѣленная. Однако, эта санкція не имѣла того значенія, ради котораго во второй половинѣ XVIII вѣка думали возвратиться къ безусловно-опредѣленной формѣ; другими словами, въ нашемъ правѣ XVII вѣка безусловно-опредѣленная санкція не представляла, строго говоря, никакихъ гарантій личности преступника. Все, что она давала преступнику, это — знаніе о родѣ грозящаго ему наказанія, и только. Такое положеніе ве-

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 1014.

щей создавалось потому, что наше право, за небольшими исключеніями, о которыхъ скажемъ ниже, назначало въ безусловно-опредѣленной формѣ всегда тягчайшія наказанія въ высшей возможной для даннаго рода мѣрѣ: смертную казнь, изувѣчивающія наказанія, пожизненную („вѣчную“) ссылку и конфискацію. Такимъ образомъ, все значеніе безусловно-опредѣленной санкціи сводилось къ устраненію для судьи возможности понизить наказаніе; повысить же наказаніе и безъ того, при отсутствіи правилъ о переходѣ отъ рода къ роду, было некуда. При этомъ нельзя не замѣтить, что тѣ элементы, отъ которыхъ зависѣла бо́льшая или ме́ньшая конкретная тяжесть наказанія, и здѣсь закономъ не устанавливались: формы смертной казни — простая и квалифицированныя — въ законѣ очень рѣдко опредѣлялись; мѣсто ссылки — почти никогда.

Упомянутое выше исключеніе, когда безусловно-опредѣленная санкція употреблялась не при назначеніи высшихъ наказаній въ высшей возможной мѣрѣ, сводится къ тремъ группамъ случаевъ: вопервыхъ, разбросанныя въ разныхъ главахъ Уложенія маловажныя преступныя дѣянія, обложенныя различными нисшими наказаніями; вовторыхъ, преступныя дѣянія противъ чести, влекшія за собою уплату безчестья и иногда нѣкоторыя другія наказанія; въ третьихъ, дѣянія болѣе тяжкія, обложенныя срочнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ (не свыше четырехъ лѣтъ). Что касается до этой послѣдней группы, то здѣсь тюремное заключеніе постоянно сопрягается съ другими наказаніями — тѣлесными, ссылкой, конфискаціей — такъ что въ цѣломъ своемъ составѣ наказаніе получаетъ значеніе или неопредѣленнаго, или высшаго въ высшей мѣрѣ. Иначе ставится дѣло въ двухъ первыхъ группахъ. Здѣсь законодатель дѣйствительно даетъ гарантіи подсудимому и ограничиваетъ власть суда и

исполнителей; но дѣлаетъ это, думается намъ, единственно потому, что, по маловажности дѣяній или въ виду ихъ частнаго, а не общественно-государственнаго характера, не видитъ надобности въ широкомъ просторѣ власти надъ личностью преступника. Онъ не усматриваетъ въ этихъ дѣяніяхъ большаго *своего* интереса, а потому спокойно остается при отжившемъ уже, древнѣйшемъ пріемѣ безусловно-опредѣленныхъ санкцій, который господствовалъ въ предъидущіе вѣка. Въ особенности это можно, внѣ всякихъ сомнѣній, сказать относительно наказуемости преступныхъ дѣяній противъ чести по X главѣ Уложенія.

Формы уголовной санкціи, повторяемъ, были таковы, что, при всемъ своемъ внѣшнемъ неустройствѣ и, если можно такъ выразиться, при всемъ пренебреженіи законодателя къ однообразности и законченности ихъ конструкціи, въ громадномъ большинствѣ случаевъ устанавливали полное подчиненіе личности преступника уголовно-карательной, судебной и исполнительной, власти.

Наконецъ, положеніе личности въ государствѣ опредѣляло собою еще одну, въ высшей степени оригинальную, черту въ институтѣ наказанія: примѣненіе уголовныхъ каръ къ лицамъ невиновнымъ вмѣстѣ съ виновными.

Этотъ порядокъ — наказаніе въ извѣстныхъ случаяхъ невиновныхъ вмѣстѣ съ виновными — давно уже замѣченъ въ литературѣ; онъ бросается въ глаза при первомъ знакомствѣ съ памятниками. Но, къ сожалѣнію, онъ получалъ въ литературѣ весьма поверхностное и, скажемъ не обинуясь, легкомысленное объясненіе: все дѣло сводится обыкновенно къ грубости нравовъ и жестокости правителей или представляется, безъ дальнихъ разсужденій, какъ простая ошибка, юридическая нелѣпость. Между тѣмъ въ дѣйствительности этотъ порядокъ имѣетъ

весьма глубокія основанія. Государство того времени встрѣтило бы серьезнѣйшія затрудненія въ дѣлѣ охраненія законнаго порядка, если бы вздумало строго придерживаться господствующаго нынѣ принципа индивидуальности наказаній, то-есть примѣненія карательныхъ мѣръ только къ лицамъ, виновнымъ въ совершеніи преступнаго дѣянія. Очень часто для государства возникала необходимость распространить карательныя мѣры и на другихъ лицъ; положеніе же личности въ государствѣ не только давало возможность идти такимъ путемъ, но и устраняло представленія о неправомѣрности подобныхъ мѣропріятій.

Необходимость подвергать наказаніямъ лицъ невиновныхъ вытекала изъ обстоятельствъ различныхъ категорій. Прежде всего и простѣйшимъ образомъ такая необходимость вытекала изъ существа нѣкоторыхъ карательныхъ мѣръ. Именно, ссылка — наказаніе, усиленно развивавшееся въ XVII вѣкѣ — требовала, для наилучшаго прикрѣпленія поселенцевъ къ мѣсту и успѣшности ихъ труда, семейной обстановки ссыльнаго. Отсюда — ссылка преступниковъ съ женами и дѣтьми, ни въ чемъ невиновными. Конечно, семейная обстановка нужна для современнаго ссыльнаго не менѣе, чѣмъ для ссыльнаго той эпохи; но современное государство связано своими отношеніями къ личности гражданина и человѣка въ дѣлѣ достиженія своихъ, государственныхъ въ тѣсномъ смыслѣ, интересовъ: оно, если можно такъ выразиться, всегда идетъ путемъ компромиссовъ съ интересами отдѣльныхъ личностей. Не такъ поступали наши предки. Интересъ государственный требовалъ ссылки женъ и дѣтей преступниковъ—ихъ ссылали безъ малѣйшихъ колебаній.

Затѣмъ, государство при извѣстныхъ преступныхъ дѣяніяхъ находило нужнымъ подвергать различнымъ на-

казаніямъ лицъ, близкихъ преступнику, хотя ни въ чемъ не обвиненныхъ. Такъ, мы находимъ въ памятникахъ несомнѣнныя указанія, что, при обвиненіяхъ въ политическихъ преступныхъ дѣяніяхъ и религіозныхъ, не только самъ преступникъ терпѣлъ наказаніе, но уголовныя кары распространялись очень часто на всю его семью и другихъ близкихъ людей [1]). Уложеніе, правда, не знаетъ этого порядка. Уложеніе, наоборотъ, въ главѣ II, статьи 6 — 10, устанавливаетъ именно начало индивидуальности, съ точностью оговаривая, что жены и дѣти измѣнниковъ не должны подлежать никакимъ наказаніямъ, буде они про ту измѣну отцовъ и мужей ихъ не вѣдали. Но самая эта настойчивая оговорка представляется весьма подозрительною и лучше всего доказываетъ, что на практикѣ дѣло стояло иначе. Такое отрицаніе закономъ того, что въ дѣйствительности совершалось властью, весьма просто объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что отвѣтственность всей семьи за одного члена всегда вызывала противъ себя оппозицію въ обществѣ, по весьма понятной причинѣ — по отсутствію всякихъ гарантій въ справедливости подобныхъ взысканій. За много лѣтъ до Уложенія, царь Василій Шуйскій, въ числѣ другихъ ограниченій власти, долженъ былъ въ своей крестоцѣловальной записи именно обѣщать: „всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ, смерти не предать, вотчинъ дворовъ и животовъ у братьи его, у женъ и дѣтей не отнимать, если они съ нимъ въ мысли не были... если они съ нимъ въ этой винѣ невиновны“. Ясно, что и составители Уложенія не могли и не желали освятить общею формулой закона столь тягостный для гражданъ порядокъ; они дали въ Уложеніи какъ бы конституціон-

[1]) Факты сіи общеизвѣстны; многочисленные примѣры будутъ приведены и нами ниже, при обзорѣ отдѣльныхъ наказаній.

ную гарантію, подобную записи Шуйскаго; но гарантія эта оставалась очень часто мертвою буквой[1]).

Не трудно, думается намъ, понять, какого рода соображенія побуждали государство прибѣгать къ столь несправедливой и жестокой мѣрѣ, какъ наказаніе женъ и дѣтей политическихъ и религіозныхъ преступниковъ. Слабость судебно-слѣдственной власти, съ одной стороны, и слабость средствъ полицейскаго надзора съ другой, вызывали дѣйствительную, практическую необходимость возлагать кару на лицъ подозрительныхъ и опасныхъ, хотя бы виновностъ ихъ и не была доказана; таковыми же, въ особенности въ политическомъ и религіозномъ отношеніи, всеконечно прежде всего являлись близкіе преступнику люди, которые должны были знать, не могли не знать его замысловъ, но не донесли, — слѣдовательно, сочувствовали и, можетъ быть, участвовали. Нельзя не замѣтить, что вѣдь даже и нынѣ, въ современныхъ государствахъ, близкіе политическимъ преступникамъ люди, хотя и не наказываются по суду, но нерѣдко терпятъ такое отношеніе къ себѣ органовъ власти и подвергаются такимъ стѣсненіямъ, которыя мало чѣмъ уступаютъ, а иногда и не уступаютъ, тягчайшимъ

[1]) Нѣкоторые сепаратные указы идутъ по настоящему вопросу несравненно далѣе: мы находимъ въ нихъ иногда прямыя угрозы женамъ и дѣтямъ должностныхъ лицъ, виновныхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ по службѣ. Весьма любопытна въ этомъ отношеніи, напримѣръ, грамота 1668 года объ оказаніи содѣйствія стольнику Чирикову при взысканіи недоимокъ: должностнымъ лицамъ, за неоказаніе содѣйствія и за „мотчаніе", угрожается смертною казнью, „безо всякія пощады", и конфискаціей, а „жены и дѣти ваши—говорится далѣе—сосланы будутъ въ Сибирскіе городы". См. *Дополн. акт. ист.* т. V № 79, стр. 402, 403. Едва ли эта и подобныя угрозы приводились въ исполненіе; во всякомъ случаѣ, въ памятникахъ указаній на то не встрѣчается. Думаемъ, что подобная санкція относится къ категоріи общихъ широкихъ формулъ безъ опредѣленнаго содержанія.

наказаніямъ, по суду налагаемымъ. Если даже и нынѣ государственная власть считаетъ себя въ правѣ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, — нынѣ, когда успѣшности дѣйствій судебно-слѣдственной власти препятствуетъ одна лишь небрежность должностныхъ лицъ, но вовсе не недостатокъ средствъ — то что же можемъ мы сказать о XVII вѣкѣ? Для той эпохи, повторяемъ, это было дѣйствительною практической необходимостью [1]).

Наконецъ, весьма распространенъ былъ въ XVII вѣкѣ особый порядокъ наказуемости цѣлыхъ группъ, среди которыхъ находился, или долженъ былъ находиться, дѣйствительный преступникъ, такъ что вмѣстѣ съ индивидуально неопредѣленнымъ виновникомъ наказывалось большее или меньшее число лицъ, ни въ чемъ невиновныхъ. Начиная отъ отвѣтственности общинъ за убитую голову въ древнѣйшую эпоху, этотъ порядокъ, который мы можемъ назвать порядкомъ групповой отвѣтственности, проходитъ яркою чертою чрезъ всю исторію русскаго уголовнаго права, притомъ въ двухъ формахъ: въ формѣ групповой поголовной отвѣтственности и въ формѣ групповой отвѣтственности по процентамъ, то-есть, — изъ всей опредѣленной группы лицъ подвергается наказанію пятый, десятый и т. д., или всѣ, такъ называемые, „лучшіе люди“ безъ опредѣленія числа ихъ. Груп-

---

[1]) Объясненіе *Соловьева*, Ист. т. VIII, стр. 151, даваемое имъ по поводу приведенной выше крестоцѣловальной записи Шуйскаго, представляется намъ произвольнымъ и слишкомъ искусственнымъ. Онъ говоритъ, что начало индивидуальности наказаній „принесено Лжедмитріемъ и спутниками его изъ Польши, гдѣ... давно уже, вслѣдствіе болѣе ранняго ослабленія родовыхъ отношеній, родственники преступника не подвергались вмѣстѣ съ нимъ наказанію“. Едва ли лица, руководившія избраніемъ Шуйскаго, требовали такого ограниченія лишь изъ подражанія польскимъ обычаямъ и нравамъ; едва ли семейная отвѣтственность покоится на твердости родовыхъ отношеній и падаетъ вмѣстѣ съ ослабленіемъ сей послѣдней.

*

повая процентная отвѣтственность иногда соединяется съ поголовною: вся группа несетъ наказаніе поголовно и особо, сверхъ того, высшему наказанію подвергается извѣстный процентъ лицъ. Въ Уложеніи групповая отвѣтственность опредѣляется въ одномъ только случаѣ, а именно: поголовная групповая отвѣтственность, пеня по пяти рублей съ человѣка, возлагается на членовъ особой юридической единицы — десятка — въ черныхъ сотняхъ и слободахъ, когда „въ десяткѣ объявитца какое продажное питье и табакъ и иное какое воровство, или сверхъ явокъ лишнее питье кто учнетъ держать", а десятскіе выборные „на тѣхъ людей извѣщать не учнутъ" [1]). Но другіе памятники сохранили намъ множество указаній на примѣненіе групповой отвѣтственности въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ, весьма разнообразныхъ, и сверхъ того, сохранили нѣсколько положеній общаго характера. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ указаній. Въ 1646 году повелѣно взыскивать поголовно денежную пеню по одному рублю съ пушкарей Московской пушкарской сотни, „будетъ въ сотнѣ какое воровство объявится и сыщется помимо сотника, пятидесятниковъ и десятниковъ" [2]); въ томъ же году — „съ погостовъ, селъ и деревень", по сту рублей за всякаго укрывшагося въ селеніи бѣглеца съ Дону „изъ новоприборныхъ вольныхъ людей" [3]). Въ 1665 году съ посадскихъ людей города Шуи „безобходно, со всякаго двора" доправлено по рублю серебромъ за то: „среди посаду учинилось два смертныя убійства посадскихъ людей, одного убили до смерти, а другому горло вырѣзали, а земскіе старосты

---

[1]) *Уложеніе*, гл. XXV, ст. 20.

[2]) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 9, стр. 9, Наказная память Московскому Пушкарскому Сотнику 1646 года.

[3]) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 10, стр. 10 сл., Грамота въ заонежскіе погосты 1646 года.

и посадскіе люди про такихъ воровъ въ Суздаль не писали... знатное дѣло, хотѣли тѣхъ воровъ укрыть“ [1]). По Уставной книгѣ Разбойнаго приказа изъ обыскныхъ людей, которые „въ обыску скажутъ, что у нихъ разбойниковъ и татей нѣтъ, а послѣ у нихъ тати и разбойники сыщутся“, полагается „лутчихъ людей по два или по три бити кнутомъ“ [2]). Въ 1614 году въ Пермь послано распоряженіе о наказаніи за уклоненіе отъ исполненія ямской повинности, батогами и тюрьмой изъ Чердынцовъ „лутчихъ людей трехъ человѣкъ“ и изъ Усольцовъ „лутчихъ людей двухъ человѣкъ“ [3]). Въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія Красноярскіе служилые люди самовольно разстрѣляли инородческихъ аманатовъ (по поводу измѣны и возстанія изъ родичей); за такую вину „лутчіе изъ нихъ люди довелись смертные казни“ [4]). Гордонъ въ своемъ дневникѣ разсказываетъ, что, послѣ пораженія возмутившихся стрѣльцовъ подъ Воскресенскомъ монастыремъ, за невозможностью открыть зачинщиковъ бунта, одинъ изъ десяти, по жребію, приговорены были къ смертной казни [5]), и т. д. Несомнѣнно, что въ XVII вѣкѣ групповая отвѣтственность была дѣломъ весьма и весьма распространеннымъ. Въ XVIII вѣкѣ, какъ извѣстно, она не только не сократилась, но была развита еще болѣе; по крайней мѣрѣ, указанія въ памятникахъ встрѣчаются еще чаще. Въ XIX вѣкѣ групповая отвѣтственность вводится въ качествѣ общихъ по-

---

[1]) *Борисовъ*, Оп. гор. Шуи, Акты, № 37, стр. 321, 322, Память Шуйскому Старостѣ 1665 года.

[2]) *Акт. ист.* № 167, *Уст. кн. Р. П.* ст. 27.

[3]) *Акт. археогр. эксп.* т. III №№ 39, 40, стр. 80 сл., Грамоты въ Пермь 1614 года.

[4]) *Дополн. акт. ист.* т. VIII № 15, Акты о Сибирскихъ дѣлахъ 1678—1681 годовъ, XVII, Грамота Красноярскому воеводѣ 1680 года, стр. 48 сл.

[5]) *Gordon*, Tagebuch III, стр. 201, 202.

ложеній во множествѣ случаевъ въ Сводъ Законовъ, а затѣмъ и въ Уложеніе 1845 года; она сохранилась, наконецъ, даже въ нынѣ дѣйствующемъ Уложеніи (ст. 530 часть 2-я, взысканіе штрафа со всего еврейскаго общества).

На первый взглядъ трудно найти основанія такому образу дѣйствій государственной власти: за нерозысканіемъ виновныхъ наказываются невиновные, въ томъ предположеніи, что среди нихъ находятся виновные. Однако, указанныя выше особенности эпохи даютъ, думается намъ, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, не только полное объясненіе, но и достаточное оправданіе этому институту групповой отвѣтственности; скажемъ даже болѣе, онъ получаетъ достаточное оправданіе и для нашихъ дней, и для права грядущихъ эпохъ, насколько сохраняются и сохранятся условія, его вызвавшія первоначально.

Государство можетъ терпѣть безнаказанность преступныхъ дѣяній лишь въ извѣстныхъ размѣрахъ; государство не можетъ допустить, чтобъ преступныя дѣянія, въ немъ совершающіяся, вовсе не наказывались или въ большей части случаевъ не наказывались. Положимъ, идеальное отправленіе уголовнаго правосудія, при которомъ ни одно преступное дѣяніе не остается безъ наказанія, недостижимо; но государство всегда къ нему стремится и терпѣть въ большихъ размѣрахъ безнаказанности безусловно не можетъ, такъ какъ это значило бы лишить авторитета государственные законы и подвергнуть весь государственный строй разложенію. Преступныя дѣянія должны быть наказываемы. Къ раскрытію виновныхъ направляетъ всѣ свои усилія судебно-слѣдственная власть. Но эта судебно-слѣдственная власть можетъ имѣть въ различныя эпохи въ различныхъ государствахъ весьма различную силу — она можетъ быть очень сильна и можетъ быть очень слаба: въ первомъ случаѣ она съ

полною достовѣрностью откроетъ всѣхъ или громадное большинство преступниковъ; во второмъ — весьма немногихъ или съ весьма слабыми доказательствами виновности. Между тѣмъ, потребность государства въ томъ, чтобы всѣ преступныя дѣянія были наказаны, остается всегда неизмѣнною; неизмѣнною же остается и невозможность для государства допустить безнаказанность всѣхъ или весьма многихъ преступныхъ дѣяній. Измѣняться здѣсь можетъ лишь тотъ максимальный предѣлъ, до котораго достигаетъ, если можно такъ выразиться, терпѣніе государства. Государство въ этомъ отношеніи не обращаетъ вниманія на то, что судебно-слѣдственная власть, при всемъ своемъ напряженіи и при всѣхъ улучшеніяхъ, которыя дѣлаются въ ея организаціи, не въ состояніи розыскать достаточное число виновныхъ лицъ и съ полною достовѣрностью доказать ихъ виновность; государство требуетъ своего количества жертвъ, того количества, которое для него необходимо, въ предѣлахъ возможнаго терпѣнія. Если судебно-слѣдственная власть этому не удовлетворяетъ, то начинаются общія жалобы на слабость уголовной репрессіи, на неосновательныя оправданія въ судахъ, и въ результатѣ — различныя мѣропріятія со стороны высшей государственной власти, направленныя къ тому, чтобы заставить суды выносить большій процентъ обвинительныхъ приговоровъ. Это послѣднее, въ случаѣ невозможности умножить и изощрить силы судебно-слѣдственныхъ органовъ, достигается единственнымъ путемъ, весьма дорогою цѣною: и для преданія суду, и для обвиненія начинаетъ требоваться меньшее количество данныхъ, меньшая сила доказательствъ виновности. Обвинительные приговоры становятся, такъ сказать, легковѣснѣе; обвиненіемъ кончается такое дѣло которое при другихъ условіяхъ — то-есть, при болѣе успѣшной дѣятельности судебно-слѣдственной власти въ

смыслѣ розысканія достаточнаго числа несомнѣнно, съ полною достовѣрностью, виновныхъ — окончилось бы непремѣнно оправданіемъ. Такое положеніе вещей, можетъ быть, весьма прискорбно; но въ дѣйствительности всегда такъ было и всегда такъ будетъ, именно потому, что государство не можетъ терпѣть большаго числа безнаказанныхъ преступныхъ дѣяній [1]). Знаменитое правило: „лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиновнаго" представляется, при такихъ обстоятельствахъ, до извѣстной степени сомнительнымъ.

Дѣло может идти въ этомъ направленіи еще дальше: государство можетъ быть вынуждено наказывать не только тѣхъ, виновность которыхъ не вполнѣ достовѣрно доказана, но и лицъ прямо невиновныхъ. Представимъ себѣ, что, благодаря особымъ условіямъ быта, въ извѣстныхъ случаяхъ для государства весьма важныхъ, виновныя лица вовсе не могутъ быть опредѣлены индивидуально наличными силами уголовный юстиціи; между тѣмъ государство не можетъ терпѣть безнаказанности ихъ преступныхъ дѣяній. Тогда для государственной власти остается единственная дилемма: или допуститъ безнаказанность свыше мѣры возможнаго терпѣнія и тѣмъ подвергнуть опасности разложенія извѣстную сторону государственнаго порядка, или наложить наказаніе, не опредѣляя виновнаго индивида, на всѣхъ тѣхъ лицъ, въ числѣ которыхъ долженъ находиться дѣйствительный виновникъ. Древнее государство спокойно шло этимъ послѣднимъ путемъ: не будучи сдерживаемо тѣмъ отношеніемъ къ лич-

[1]) Вотъ почему понятіе уголовно-судебной достовѣрности, необходимой для обвинительнаго приговора, не можетъ быть, опредѣлено абсолютно по содержанію: по нашему мнѣнію, это понятіе есть, по существу своему, относительное—оно приближается къ полной достовѣрности, при высокомъ успѣхѣ судебно-слѣдственной дѣятельности, и наоборотъ, нисходитъ до простой вѣроятности, при слабости судебно-слѣдственныхъ силъ.

ности человѣка, которымъ руководствуемся мы нынѣ, оно сложило широкій институтъ групповой отвѣтственности. Но и современное государство въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ тому же пріему—наказываетъ цѣлыя общины, селенія, не опредѣляя вовсе, кто именно изъ членовъ собирательной единицы есть дѣйствительный виновникъ. Групповая процентная отвѣтственность, по нашему мнѣнію, въ принципѣ ни мало не отличается отъ отвѣтственности поголовной: когда количество лицъ слишкомъ велико, а отъ умноженія числа наказанныхъ государство никакихъ выгодъ не получаетъ, какъ напримѣръ, при тѣлесныхъ наказаніяхъ и смертной казни, тогда весьма практично и удобно ограничиться наказаніемъ пятаго, десятаго или „лучшихъ людей" и т. п.[1]).

Третьимъ факторомъ, опредѣляющимъ установленіе и организацію карательныхъ мѣръ, является состояніе государственныхъ финансовъ — государственное богатство, его доходы. Выше было уже замѣчено, что разви-

---

[1]) Институтъ групповой отвѣтственности получалъ, какъ извѣстно, весьма оригинальное и въ высшей степени сложное объясненіе въ литературѣ уголовнаго права: создана была теорія, такъ называемой, отвѣтственности юридическихъ лицъ, какъ субъектовъ преступныхъ дѣяній. Для построенія этой теоріи авторы ея смѣшали отвѣтственность уголовную, то есть наказаніе, съ различными ограниченіями имущественными или полицейскими, которыя государство налагаетъ, по соображеніямъ общей пользы, на существующія въ немъ корпораціи и учрежденія, и даже съ самымъ упраздненіемъ оныхъ. Литература новѣйшаго времени разбила въ корень эту теорію отвѣтственности юридическихъ лицъ въ уголовномъ правѣ; но, къ сожалѣнію, не дала до сихъ поръ никакого объясненія институту групповой отвѣтственности, такъ что этотъ вѣковой институтъ, который всегда существовалъ, существуетъ въ дѣйствующемъ правѣ и, по всей вѣроятности, всегда будетъ существовать, представляется у писателей какъ бы одною сплошною, непрерывною ошибкой въ исторіи человѣчества—положеніе, очевидно, несостоятельное.

тіе полезностей въ сторону личности преступника возможно и разумно лишь при достаточномъ запасѣ денежныхъ средствъ. Независимо отъ этого, одни только государства богатыя свободны въ выборѣ карательныхъ мѣръ, то-есть родовъ наказаній; наоборотъ, государства, не обладающія большими средствами, неизбѣжно выбираютъ и должны выбирать наказанія наиболѣе дешевыя, съ организаціей наименѣе сложной. Въ ряду государственныхъ расходовъ карательная система не можетъ быть вообще выдвигаема на первое мѣсто, такъ какъ имѣются нужды болѣе необходимыя и потребности болѣе важныя; государство бѣдное не въ состояніи заводить дорогихъ карательныхъ учрежденій, ибо всѣ его средства поглощаются другими неизбѣжными расходами — по управленію, по охранѣ и т. д. Да и странно было бы, чтобы не сказать болѣе, тратить доходы, съ нуждою взимаемые съ добрыхъ и полезныхъ гражданъ, на содержаніе дурныхъ и вредныхъ; странно давать преступникамъ такія жилища, которыхъ не въ состояніи имѣть масса честныхъ гражданъ. Необходимо при этомъ замѣтить, что въ тѣ эпохи, когла личность человѣка не высоко стоитъ въ государствѣ, это послѣднее и не стремится тратить на организацію карательныхъ мѣръ свои небольшія средства, хотя бы, напримѣръ, путемъ урѣзыванія другихъ расходовъ и сокращенія потребностей; оно сознательно и спокойно относитъ расходы по организаціи наказаній на самый послѣдній планъ, выбрасывая на этотъ предметъ лишь ничтожныя суммы въ предѣлахъ крайней необходимости.

Именно въ такомъ положеніи находилось наше отечество въ XVII вѣкѣ: оно не имѣло возможности, да не имѣло и желанія, затрачивать свои скудныя средства на организацію карательныхъ мѣръ. Отсюда, вся карательная система отличается крайнею дешевизною: смертная

казнь и тѣлесныя наказанія, какъ самыя дешевыя — на первомъ планѣ; тюрьма, безъ которой государство, при всемъ своемъ желаніи, обойтись не можетъ, организована такъ, что тоже почти ничего государственной казнѣ не стоила. Какъ мы это увидимъ подробнѣе ниже, расходы по устройству тюремныхъ зданій, надзору за арестантами и содержанію ихъ доведены были до минимальныхъ размѣровъ, не удовлетворявшихъ и крайней необходимости. Стремленіе къ сокращенію расходовъ доходило до того, что даже погребеніе умершихъ въ тюрьмѣ государство стало брать на свой счетъ не ранѣе 1663 года, да и то только такихъ умершихъ, у которыхъ „сродичей нѣтъ и погресть ихъ нечѣмъ". До этого времени существовалъ обычай, по которому тѣла людей, умершихъ въ тюрьмахъ, просто вывозились на перекрестки дорогъ („на крестцы"), на улицы или въ пустыя мѣста. Тамъ ихъ поднимали для погребенія родственники или благочестивые люди, или они должны были, по общему порядку, подлежать отвозу въ убогіе дома. Въ 1663 году этотъ обычай былъ, по крайней мѣрѣ для Москвы, воспрещенъ, и „Великій Государь указалъ: которые на Москвѣ въ большихъ тюрьмахъ тюремные сидѣльцы помираютъ: и ихъ для погребенія у которыхъ сродники есть, отдавать съ тюремнаго двора сродичемъ тотчасъ, и дворскимъ велѣть ихъ тѣмъ сродичемъ погребать при себѣ. А у которыхъ сродичей нѣтъ и погресть кого будетъ нечѣмъ... и тѣмъ дадутъ на погребеніе изъ разбойнаго приказу" [1]). Подъ вліяніемъ того же стремленія къ де-

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 336 Указъ 1663 года іюня 4. Указъ этотъ, по буквальному своему смыслу, касается только Москвы и московскаго тюремнаго двора. Въ другихъ мѣстахъ продолжался, можно думать, прежній порядокъ. Такъ, напримѣръ, въ 1685 году въ Тюмени „въ тюрьмѣ умеръ раскольщикъ Демка и вывезенъ изъ города и брошенъ на пустыя мѣста".

шевизнѣ, думается намъ, право XVII вѣка отвращалось отъ долгосрочнаго тюремнаго лишенія свободы; оно знало срочное заключеніе лишь до четырехъ лѣтъ, очень рѣдко употребляло безсрочное и еще рѣже, въ видѣ исключенія, пожизненное.

Одно только наказаніе удостоивалось сколько-нибудь значительныхъ, по тому времени, затратъ; это — ссылка и, именно, ссылка на пашню, при которой правительство выдавало ссыльному ссуду на первоначальное обзаведеніе. Но здѣсь такое отступленіе отъ общаго правила экономіи объясняется весьма просто тѣмъ обстоятельствомъ, что выданная пашенному поселенцу ссуда возвращалась сторицею въ тѣхъ выгодахъ, которыя правительство извлекало изъ ссыльнаго и его труда.

Наконецъ, четвертымъ факторомъ, на которомъ должно остановить наше вниманіе, является бо̀льшая или мѐньшая твердость государственнаго строя — большая или мѐньшая привычка гражданъ жить по закону, подчиняться ему и уважать его авторитетъ. Уже неоднократно высказывалась эта мысль въ литературѣ, — мысль, по нашему мнѣнію, до очевидности ясная и вѣрная, внѣ сомнѣній подтверждающаяся всею исторіей. Чѣмъ тверже сложился государственный строй, тѣмъ менѣе

См. *Дополн. акт. ист.* т. X № 3, Акты о расколѣ въ Сибири 1686—1687 годовъ, стр. 12, отписка Тюменскаго воеводы.

Интересный случай этого рода представляетъ житіе святаго Василія Мангазейскаго († 1600). Св. Василій, служившій прикащикомъ у купца въ Мангазеѣ (Туруханскъ), былъ замученъ въ пыткѣ по завѣдомо-ложному обвиненію въ кражѣ. Воевода приказалъ бросить трупъ въ мокрое мѣсто передъ съѣзжею избою (дѣло присходило въ концѣ марта), „и черезъ него положили доски для прохода просителей, стрѣльцовъ и другихъ въ съѣзжую избу“. См. *Филаретъ,* Русс. святые, мартъ, стр. 125. Воспослѣдовавшія благочестивымъ людямъ видѣнія, а затѣмъ чудеса обратили вниманіе духовной власти, и Василій былъ причисленъ къ лику святыхъ.

опасны для него всякія колебанія и тѣмъ мягчайшими могутъ быть карательныя мѣры. Наоборотъ, въ государствѣ, не твердо еще сложившемся, всякое колебаніе опасно и государственная власть, если уже имѣетъ достаточно для того силы, должна прибѣгать къ энергичнѣйшимъ мѣрамъ для внушенія и поддержанія уваженія къ закону; другими словами: наказанія должны быть тяжкія. Семнадцатый вѣкъ для нашего отечества былъ, именно, тою эпохой, когда государственный строй былъ еще весьма не твердъ, авторитетъ закона не силенъ, а государственная власть напрягала всѣ усилія, чтобы сдѣлать ихъ твердыми и сильными. Наказанія, поэтому, были и должны были быть, независимо отъ другихъ, указанныхъ выше, условій, тяжкими и жестокими.

Сводя воедино все сказанное, мы можемъ дать слѣдующую характеристику карательной системы XVII вѣка: вся организація наказаній, за малыми исключеніями, направлялась къ служенію практическимъ цѣлямъ государственной пользы — къ обезпеченію общества отъ преступниковъ, устрашенію ихъ, увеличенію средствъ государственной казны, колонизаціи ненаселенныхъ мѣстъ, извлеченію силъ для гражданской и воинской службы на окраинахъ и иногда къ умиротворенію пострадавшаго; стремясь къ служенію этимъ цѣлямъ, карательная система вовсе игнорировала личность человѣка и не заключала въ себѣ, поэтому, никакихъ гуманныхъ тенденцій, а равно не представляла почти никакихъ гарантій для личности преступника; въ виду наилучшаго достиженія тѣхъ же цѣлей, съ одной стороны, и по причинѣ слабости судебно-слѣдственной власти — съ другой, вмѣстѣ съ виновными лицами весьма часто наказывались невиновные; изъ всѣхъ возможныхъ карательныхъ мѣръ законъ избиралъ наиболѣе дешевыя и организовалъ ихъ тоже наиболѣе дешевымъ способомъ; общій

уровень наказаній, по роду ихъ и размѣрамъ, былъ весьма высокъ.

Прямымъ и непосредственнымъ результатомъ такого положенія вещей являлась крайняя суровость карательной системы, масса пролитой крови и тяжкія страданія преступниковъ въ тюрьмахъ и ссылкѣ. Нѣтъ возможности образовать такую карательную систему, которая соотвѣтствовала бы указаннымъ выше условіямъ и, въ то же время, состояла бы не только изъ наказаній гуманныхъ въ современномъ значеніи этого слова, но даже наказаній, сколько нибудь умѣренныхъ по своей тяжести, — нѣтъ возможности потому, что самыя дешевыя наказанія суть въ то же время и самыя жестокія; наилучшимъ образомъ достигающія цѣли обезпеченія суть тоже наиболѣе жестокія и т. д. Въ высшей степени суровы картины уголовнаго правосудія XVII вѣка; безчеловѣчны казни, безжалостны тѣлесныя наказанія. Достаточно, напримѣръ, обратить вниманіе на цифры казненныхъ, насколько они дошли до насъ, чтобы составить себѣ представленіе о той безпощадности, съ которою дѣйствовалъ карающій мечъ правосудія. Цифры эти общеизвѣстны: такъ, по дѣлу о бунтѣ 1662 года казнено разными казнями до 2.000 человѣкъ; за поддѣлку мѣдной монеты, за „воровское денежное дѣло“, казнено, „въ тѣ годы, какъ тѣ деньги ходили, по выраженію Котошихина, „больши 7.000 человѣкъ“; за стрѣлецкій бунтъ 1698 года казнено около 2.000 стрѣльцовъ и т. д. [1]. Не безъ основанія замѣчаетъ Рейтенфельсъ, что „въ Москвѣ людей казнятъ чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ убиваютъ собакъ“ [2]... Невольно можетъ возникнуть мысль, что такой порядокъ слагался подъ вліяніемъ грубѣй-

[1]) *Котошихинъ*, о Россіи, стр. 83.

[2]) *Reutenfels*, de rebus, стр. 145, „dixit: Moscuae homines citius, quam alibi canes occidi“.

шихъ и наиболѣе примитивныхъ силъ: крайней грубости нравовъ и дикой кровожадности правящихъ классовъ; что жестокость карательной системы была лишь однимъ изъ проявленій того деспотическаго угнетенія, въ которомъ находился народъ русскій. Нельзя не сознаться, что нѣкоторыя другія черты внутренней жизни Московской Руси, черты весьма непривлекательныя, могутъ дать, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, значительное подкрѣпленіе такому выводу. Ближайшее, однако, знакомство съ эпохой доказываетъ, по нашему мнѣнію, внѣ всякихъ сомнѣній, что вся суровость карательной системы вытекала, какъ необходимое послѣдствіе, не изъ грубости и угнетенія, а изъ совершенно нормальныхъ для того времени особенностей государственнаго быта и соотношенія общественныхъ силъ — моментовъ созидательныхъ, а не разрушительныхъ.

Внутренняя сторона русской жизни XVII вѣка, нравы и порядки этой эпохи, какъ извѣстно, давно привлекаютъ къ себѣ вниманіе нашихъ историковъ и всего интеллигентнаго общества. Воззрѣнія на этотъ предметъ, однако, далеко не сходятся между собою. Въ то время, какъ одна часть общества и прессы видитъ въ русской жизни два столѣтія тому назадъ едва-ли не золотой вѣкъ отечественной исторіи — вѣкъ наибольшей высоты нравственныхъ народныхъ силъ и даже наилучшихъ пріемовъ государственнаго управленія; другая часть, и во главѣ ея ученые спеціалисты историки, разсматриваютъ XVII вѣкъ, какъ эпоху полнаго нравственнаго разложенія въ обществѣ и наивысшихъ злоупотребленій правящихъ классовъ, подъ невыносимымъ гнетомъ которыхъ тяжко страдала вся масса низшаго населенія. Первые видятъ въ московской Руси идеалъ правильнаго, твердаго государства и благодатнаго семейно-нравственнаго строя; вторые, наоборотъ — образецъ государства почти разла-

гающагося, сдерживаемаго только кровью и силою и скрывающаго внутри себя повальный развратъ, нищету и общую ненависть.

Кто правъ? Или, можетъ быть, оба направленія одинаково неправы?

Разсужденія и доводы поклонниковъ московской допетровской Руси, собственно говоря, весьма несложны. Они основываются, большею частью, на своихъ личныхъ политическихъ убѣжденіяхъ или, вѣрнѣе сказать, вкусахъ и на общемъ чувствѣ патріотической любви къ родной старинѣ. Не анализируя глубоко историческихъ фактовъ, а наоборотъ, закрывая глаза передъ всѣмъ тѣмъ, что́ несогласно съ ихъ воззрѣніями, они, безъ дальнихъ разсужденій, выражаясь словами Дитятина, „видятъ въ томъ далекомъ прошломъ, въ основныхъ началахъ, на которыхъ покоилось это прошлое, единственное условіе, средство исцѣленія всѣхъ золъ и недуговъ настоящаго и его развитія въ блестящее будущее... стараются убѣдить своихъ читателей, что l'âge d'or, если не всего человѣчества, то, по крайней мѣрѣ, той части его, которая олицетворяется нашимъ обширнымъ отечествомъ, лежитъ не впереди насъ, а сзади“ [1]).

Съ бо́льшимъ запасомъ доказательствъ выступаютъ порицатели. Масса историческихъ фактовъ, масса отдѣльныхъ случаевъ является для нихъ матеріаломъ, изъ котораго они, посредствомъ простыхъ обобщеній, строятъ свои мрачные выводы. Соловьевъ—историкъ вообще мало склонный къ обобщеніямъ и субъективизму — говоря о XVII вѣкѣ, рисуетъ такую картину: „Водворилась—говоритъ онъ—страшная привычка не уважать жизни, чести, имущества ближняго; сокрушеніе правъ слабаго пе-

---

1) *Дитятинъ,* Когда возн. рознь. Русс. Мысль 1881. XI, стр. 311.

редъ сильнымъ ставило человѣка въ безотрадное положеніе, дѣлало его жертвою случайностей... Внутреннее, духовное отношеніе къ обществу было слабо; *все* держалось только формами, внѣшнею силою, и гдѣ эта внѣшняя сила отсутствовала, тамъ человѣкъ сильный забывалъ всякую связь съ обществомъ и позволялъ себѣ все на счетъ слабаго... всякій преслѣдовалъ только свои интересы, нисколько не принимая въ соображеніе интересовъ ближняго, котораго при всякомъ удобномъ случаѣ старался сдѣлать слугою, жертвою своихъ интересовъ... Страшно было—продолжаетъ Соловьевъ—состояніе того общества, члены котораго, при видѣ корысти, порывали всѣ, самыя нѣжныя, самыя священныя связи! Страшно было состояніе того общества, въ которомъ лучшіе люди совѣтывали щадить интересы ближняго, вести себя похристіански съ цѣлью пріобрѣсти выгоды матеріальныя, какъ совѣтывалъ знаменитый Сильвестръ своему сыну“ [1]). Говоря о взяточничествѣ и всякомъ грабительствѣ воеводъ и правителей, Соловьевъ приходитъ даже въ паѳосъ и возбужденнымъ, поэтическимъ языкомъ описываетъ, какъ радуется дворянинъ, получая извѣстіе о назначеніи на воеводство; какъ веселится вся челядь его въ ожиданіи всякихъ доходовъ и подачекъ въ городѣ; какъ радуется и пуще прежняго несетъ безумныя рѣчи проживающій въ домѣ юродивый, предвкушая тѣ сладкіе куски, которые выпадутъ на его долю—онъ также ѣдетъ на воеводство [2]). Костомаровъ въ своихъ трудахъ неоднократно рисуетъ московскіе порядки тѣми же красками. Приведемъ, для примѣра, одну выдержку: „два царствованія первыхъ государей Романова дома—пишетъ Костомаровъ—были періодомъ господства

---

[1]) *Соловьевъ,* Исторія т. VIII стр. 60, 61.
[2]) *Соловьевъ,* Исторія т. IX, стр. 455.

приказнаго люда, расширенія письмоводства, безсилія закона, пустосвятства, повсемѣстнаго обдирательства работящаго народа, всеобщаго обмана, побѣговъ, разбоевъ и бунтовъ. Самодержавная власть была на самомъ дѣлѣ мало самодержавная: все исходило отъ бояръ и дьяковъ“ [1]). По словамъ Забѣлина, трудно даже и „понять всю силу нравственнаго растлѣнія, которое охватило все собравшееся въ Москвѣ общество самовластцевъ и олигарховъ“ [2]). Самое прославленное благочестіе русскихъ людей оказывается, по мнѣнію писателей, чѣмъ-то весьма непригляднымъ: „благочестіе русскихъ — говоритъ Преображенскій — было чисто внѣшнее, обрядовое; оно не было дѣломъ сердца и духа, а какою-то *грубою сдѣлкою* порочнаго человѣка съ своею совѣстью“ [3]).

Такихъ характеристикъ мы могли бы привести еще нѣсколько у нашихъ историковъ, начиная съ Карамзина [4]). Но самую блестящую картину этого рода представляетъ извѣстная статья Дитятина: „Когда и почему возникла рознь въ Россіи между „командующими классами“ и народомъ“. Болѣе мрачнаго и болѣе безнадежнаго мы не можемъ себѣ ничего представить; это картина полнаго разложенія, послѣдней агоніи прокаженнаго, за которою слѣдуетъ одно — смерть. Пусть говоритъ самъ авторъ: „Все бѣжало и шло въ рознь. Все распадалось на отдѣльныя единицы, не связанныя никакимъ цементомъ, исключая единой власти царя московскаго. Крестьянство бѣжало отъ волостеля, приказнаго и помѣщика, то-есть, служилаго человѣка и земле-

---

[1]) *Костомаровъ*, Русск. ист. въ жезнеописаніяхъ т. II, стр. 459.

[2]) *Забѣлинъ*, Домашн. б. Русск. царицъ, стр. 198.

[3]) *Преображенскій*, Нравств. сост. русс. общества въ XVI вѣкѣ, стр. 117.

[4]) См. *Карамзинъ*, Исторія т. XI, гл. II.

владѣльца, все равно — былъ-ли онъ служилый человѣкъ или служитель алтаря. Посадскій бѣжалъ отъ администраторовъ-лихоимцевъ и всякихъ тяготъ. И всѣ вмѣстѣ кряхтѣли подъ тяжестью тягла государственнаго... Рознь царитъ между всѣми отдѣльными слоями населенія Московскаго государства. Этого мало — она разъѣдаетъ и каждый слой въ отдѣльности... все „бѣжитъ розно". Общество разлагалось; слышенъ былъ трупный запахъ... Всѣ современники, русскіе и иностранные, сохранили свидѣтельства о страшной, не всегда удобопередаваемой распущенности нравовъ московскаго общества" [1]). „Тамъ — читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ статьи Дитятина — идеалъ человѣка... основывался не на любви къ ближнему, не на благѣ его, а на голомъ страшномъ эгоизмѣ и разореніи ближняго. Тамъ не было иныхъ заботъ у человѣка, кромѣ заботъ о личномъ благѣ; тамъ онъ изъ за „суеты мірской" забывалъ великую обязанность любви къ ближнему... и, забывъ ее, не останавливался ни передъ чѣмъ, чтобы осилить этого ближняго, овладѣть имъ, кормиться трудами его, убить въ немъ человѣка. Тамъ все дѣлалось ради своего Я и только его одного. Тамъ вся нравственность покоилась лишь на страхѣ: здѣсь, на землѣ — передъ наказаніемъ; тамъ, на небѣ — передъ вѣчными муками ада" [2])... О злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ въ частности находимъ слѣдующее: „Они были страшною язвой, которая разъѣдала весь организмъ государства, покрывая его сплошною массой, истощая его почти до полнаго изнеможенія, грозившаго вмѣстѣ съ другими сторонами государственнаго строя разрушеніемъ послѣдняго" [3]).

Приведенныхъ мѣстъ, думаемъ, достаточно для того,

---

[1]) Русс. Мысль 1881. XI, стр. 379, 381, 382.
[2]) Русс. Мысль 1882. III, стр. 244.
[3]) Русс. Мысль 1881. XI, стр. 369.

*

чтобы вполнѣ ознакомить читателя съ этимъ, не новымъ въ русской литературѣ, направленіемъ. Замѣтимъ при этомъ, что тѣ изъ нашихъ криминалистовъ, которые касаются внутренней жизни русскаго государства XVII вѣка, высказываютъ подобныя же мнѣнія. Такъ, Неклюдовъ, въ примѣчаніяхъ своихъ къ учебнику Бернера, самое изданіе Уложенія 1648 года объясняетъ единственно отрицательными чертами русской жизни: необходимостью обуздать народъ, который сталъ „наглъ и дерзокъ"; необходимостью прекратить злоупотребленія должностныхъ лицъ, которыя довели дѣло до того, что „отъявленные воры, мошенники и грабители пользовались привиллегіей безнаказанности" [1]) и т. д. Бѣлогрицъ-Котляревскій все введеніе къ своему изслѣдованію о воровствѣ-кражѣ посвящаетъ подробному описанію того полнаго разложенія, въ которомъ, по его мнѣнію, находилось русское государство и общество въ XVII вѣкѣ; онъ повторяетъ слова Неклюдова, говоритъ, что Москва „была вертепомъ воровъ и разбойниковъ" [2]).

Всѣ эти характеристики представляютъ собою ничто иное, какъ обобщенія, сдѣланныя изъ большаго числа несомнѣнныхъ фактовъ, которые почти всѣми авторами извлекаются весьма добросовѣстно изъ памятниковъ и приводятся въ сочиненіяхъ массами. Мало того, мы позволимъ себѣ утверждать, что даже лица, съ наибольшимъ порицаніемъ относящіяся къ русской жизни XVII вѣка, все-таки не извлекли изъ памятниковъ всего богатства отдѣльныхъ случаевъ, которые бы могли послужить для нихъ соотвѣтствующимъ матеріаломъ.

Не вдаваясь въ частности, мы отмѣтимъ, съ своей

---

[1]) *Неклюдовъ*, Примѣч. къ Учебн. Бернера, стр. 197 сл.

[2]) *Бѣлогрицъ-Катляревскій*, о воровствѣ-кражѣ по русскому праву I, стр. 1—18.

стороны, лишь нѣсколько моментовъ. Свидѣтельствами о злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ полны памятники всякаго рода; подробныя росписи даваемыхъ должностнымъ лицамъ взятокъ — деньгами, вещами и съѣстными припасами, что кому дано — встрѣчаются очень часто. Лихоимство доходитъ до непонятнаго въ наше время развитія. Каждый шагъ, каждая мелочная справка въ присутственныхъ мѣстахъ, каждая подпись, помѣта, приложеніе печати и проч. — все требовало подарка. Въ одной записи расходовъ, по веденію тяжебнаго дѣла о землѣ, 1684 года [1]) взятки записаны съ такою подробностью и съ такою послѣдовательностью, съ указаніемъ поводовъ каждой взятки, что въ результатѣ получается очень недурная картина движенія гражданскаго дѣла въ судѣ, цѣнная даже для исторіи гражданскаго процесса. Въ этой же записи слѣдующая оригинальная взятка: „Подьячего Герасима Шмелева родителей записали въ синодикъ за 8 гривенъ". Въ 1690 году калужане ведутъ нѣсколько дѣлъ въ Москвѣ. Съ нихъ всѣ берутъ, и нисшія, и высокопоставленныя лица, всѣмъ берутъ, даже солеными рыжиками. Больше всѣхъ отличается извѣстный думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ. Не берутъ только двое: бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ и бояринъ князь Одоевскій, да и тѣ не берутъ только потому, что огласка вышла [2]). До какой степени всѣ привыкли къ взяткамъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго: въ росписи жалованья служилымъ людямъ городовъ Новгородской четверти, относительно Кольскаго острога, сдѣлана слѣдующая замѣтка: „даютъ государево жало-

---

[1]) *Древ. акт. Вятск.* № 154, стр. 219, Запись расходовъ Хлыновскаго причта по спорному дѣлу о пожнѣ Покровской церкви 1684 года.

[2]) *Сборн. кн. Хилкова* № 102, стр. 325—349, Письма довѣренныхъ калужанъ земскому старостѣ 1690, 1691 годовъ.

ванье... *безъ московскіе волокиты* сполна“ [1]). Слѣдовательно, не только судебныя дѣла, но даже выдача жалованья не обходилась безъ взятокъ. Съ горечью восклицаетъ Крижаничъ: „ради тако неправедныхъ судовъ Богъ неустайно (непрестанно) казнитъ русскій народъ: и не отходитъ бичъ Божій отъ нашихъ хребтовъ“... [2]). А какой безконечный рядъ всякаго рода должностныхъ преступленій находимъ мы въ Дневникѣ Гордона—преступленій, совершавшихся солдатами, офицерами, дьяками, боярами, даже самимъ Гордономъ — взятки, подкупы, похищеніе документовъ, подлоги, растраты и т. д. и т. д. Какая страшная картина воеводскихъ злоупотребленій надъ должностными лицами и сибирскими инородцами выдвигается въ описаніяхъ протопопа Аввакума [3])! Принявъ даже, что въ разсказахъ Аввакума многое преувеличено, тѣмъ не менѣе, придется съ ужасомъ остановиться передъ сценами всевозможныхъ насилій и кровопролитія, которыя дозволялъ себѣ такой грубый, разнузданный и самовластный чоловѣкъ, какъ воевода Аѳанасій Пашковъ. Въ одной царской грамотѣ Астраханскимъ воеводамъ 1634 года, отправленной по поводу того обстоятельства, что Ногаи отказались отъ подданства Россіи, перешли Волгу и откочевали цѣлыми улусами въ степи крымской стороны, прямо говорится: „а то намъ подлинно вѣдомо, что ногайскіе мурзы отъ нашіе милости отступили отъ вашего и иныхъ нашихъ воеводъ насильства и гоненья“... [4]).

Но довольно. Желающіе могутъ дополнить сказанное

---

[1]) *Дополн. акт. ист.* т. III № 36, стр. 119 сл., Акты приказа Новгородской четверти 1647, 1648 годовъ.

[2]) *Крижаничъ,* Разговоры т. I, стр. 294.

[3]) *Матер. для ист. раск.* т. V, стр. 133 — 136, Записка Аввакума о злоупотребленіяхъ воеводы Пашкова.

[4]) *Русск. ист. библ.* т. II № 163, стр. 570, Царская Грамота Астраханскимъ воеводамъ 1634 года.

достаточнымъ числомъ указаній въ приведенной выше статьѣ Дитятина. Обратимся къ народу; посмотримъ на факты изъ его быта и нравовъ.

Первое, что должно поражать здѣсь всякаго криминалиста-историка, это — громадное количество преступленій противъ личности, въ особенности, выражаясь современною терминологіей, корыстныхъ убійствъ и разбоевъ. Проѣзжая по Окѣ и Волгѣ, на пути въ Персію, въ 1636 году, Олеарій постоянно встрѣчалъ плывущія по рѣкѣ мертвыя тѣла убитыхъ и ограбленныхъ людей. Но, говоритъ онъ, русскіе люди не обращали на трупы никакого вниманія, такъ какъ привыкли къ этому. Еще чаще происходили убійства въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. „Не проходитъ ночи — разсказываетъ тотъ же Олеарій—чтобы на утро не оказалось нѣсколько мертвыхъ тѣлъ на улицахъ“ [1]). Согласно показываютъ объ этомъ и другіе писатели-современники; число убійствъ еще увеличивается по ночамъ въ праздничные дни, такъ что сорокъ труповъ, поднятыхъ на улицахъ Москвы утромъ втораго дня масляницы, считалось, по словамъ Авриля, весьма умѣреннымъ количествомъ: „прежде бывало—замѣчаетъ онъ—значительно болѣе“ [2]). О днѣ погребенія царя Котошихинъ пишетъ: „горе тогда людемъ, будучимъ при томъ погребеніи, потому что погребеніе бываетъ въ ночи, а народу бываетъ многое множество; московскихъ и пріѣзжихъ изъ городовъ и изъ уѣздовъ, а московскихъ людей натура не богобоязливая, съ мужеска полу и женска по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти; и сыщется того дня, какъ бываетъ

---

[1]) *Olearius,* Beschreibung, стр. 199, 200, 335 (Русск. пер. стр. 187, 188, 324).

[2]) *Mayerberg*, Iter in Moscoviam, стр. 80. *Avril,* Voyages en divers états, стр. 320. *Korb,* Diarium, стр. 114, 115 (Русс. пер. стр. 145, 147). *Перри,* Сост. Россіи стр. 148.

царю погребеніе, мертвыхъ людей, убитыхъ и зарѣзанныхъ, больши ста человѣкъ"[1]).

Затѣмъ, обращаясь къ сферѣ личной нравственности, мы находимъ и здѣсь массу указаній на крайнюю порочность и нечестность русскихъ. Не говоря уже объ иностранцахъ, которые всѣ согласно свидѣтельствуютъ о грубости, развратѣ и порочности русскаго народа и которые нерѣдко доходятъ до того, что изрыгаютъ цѣлые потоки самой рѣзкой брани на русскихъ людей[2]), не говоря уже о нихъ, и Котошихинъ, и такой патріотъ, какъ Крижаничъ, одинаково свидѣтельствуютъ о массѣ обмановъ, о крайней грубости нравовъ и о страшномъ развитіи пьянства, скотоложства и мужеложства[3]). Въ особенности развитъ былъ послѣдній порокъ: „Здѣсь на

---

[1]) *Котошихинъ*, о Россіи, стр. 17.

[2]) Такъ напримѣръ, *Перри*, Сост. Россіи, стр. 139, говоритъ слѣдующее: „если ты хочешь узнать, честный ли человѣкъ русскій, то посмотри, растутъ ли волосы на ладони его: если нѣтъ, такъ и не жди честности". *De la Neuville*, Relation, стр. 181, разражается слѣдующею тирадой: „Les Moscovites sont à proprement parler des barbares, ils sont soubçonneux & defiants, cruels, sodomistes, gourmans, avares, gueux & poltrons, tous esclaves, fors grossiers & meme bruttaux, fort sales".

[3]) *Котошихинъ*, о Россіи, стр. 42. *Крижаничъ*, Разговоры т. I, стр. 170; въ частности о мужеложествѣ—т. II, стр 231, 232. *Матер. для ист. раск.* т. IV № III, 1, стр. 288, Роспись подъяка Өедорова. Изъ иностранныхъ сочиненій XVII вѣка о Россіи, кромѣ вышеприведенныхъ, укажемъ еще слѣдующія, въ которыхъ заключаются выдающіяся обвиненія русскихъ въ развратѣ, грубости и порочности: *Mayerberg*, Iter, стр. 23 (русск. пер., стр., 41). *Перри*, Сост. Россіи, стр. 148. *Neugebauerus*, Moscovia, стр. 76. *Petrejus*, Histor. und Ber., стр. 136, 636, 637 (русск. пер., стр. 87—89, 413, 414). *Straussen*, Reisen, стр. 79, 80. *Tectander*, Iter Persicum, стр. 44.

Ошибочно говоритъ *Преображенскій*, Нравств. состояніе, стр. 134, что о развитіи мужеложства въ Россіи въ XVII вѣкѣ имѣются *два* свидѣтельства: ихъ очень много.

„Руси—говоритъ, напримѣръ, Крижаничъ—этотъ отвратительнѣйшій порокъ разсматривается, какъ шутка (habetur pro ioco). Имъ очень часто хвастаются за веселой бесѣдой публично; одинъ попрекаетъ такимъ дѣломъ другаго; другой приглашаетъ третьяго къ совершенію (postulet ut perpetret). Не хватаетъ только того, чтобы такое преступленіе совершалось публично, на площади, по обычаю циниковъ“. Далѣе слѣдуютъ у Крижанича такіе разсказы, что передавать ихъ здѣсь неудобно. Можетъ быть на площади, публично, какъ говоритъ Крижаничъ, сіе и не совершалось; но достаточно сказать, что во время патріаршества Никона производилось слѣдствіе по дѣлу о совершеніи мужеложства архимандритомъ надъ поддъякомъ въ церкви [1])! Имѣется указаніе, что и Соловецкій архимандритъ Варѳоломей занимался тѣмъ же [2]).

Относительно духовенства памятники свидѣтельствуютъ намъ, что оно ни въ чемъ не уступало мірянамъ. Извѣстно замѣчаніе Максима Грека, что духовныя лица были „наставницы всякаго безчинія и претыканія соблазна вѣрнымъ и невѣрнымъ“. У Фроловскаго моста въ Москвѣ, напримѣръ, сидятъ безмѣстные попы, предлагая желающимъ свои услуги служить по церквамъ или совершать требы въ домахъ—они этимъ кормятся; въ ожиданіи, на мосту, они „безчинства чинятъ великіе, межъ себя бранятся и укоризны чинятъ скаредныя и смѣхотворныя, а иные межъ себя играютъ и борются и кулачки бьются“ [3]). Вологодскій соборный протопопъ Ѳедоръ обвинялся въ

[1]) *Матер. для ист. раск.* т. V, 4, стр. 136, Челобитная Аввакума. Т. VI, 7, стр. 246, Посланіе Ѳедора дьякона къ сыну.

[2]) *Матер. для ист. раск.* т. III № 15, стр. 51, Челобитная Соловецкихъ монаховъ.

[3]) *Акт. археогр. эксп.* т. II № 223, стр. 380, Извѣтъ тіуна патріаршаго 1604 года.

1642 году въ томъ, что „на первой недѣлѣ великаго поста на дорогу выѣзжалъ съ незнаемыми людьми“ и разбивалъ проѣзжихъ [1]). О другомъ соборномъ попѣ, въ городѣ Шуѣ, производилось въ 1658 году дознаніе по поводу того, что онъ „попъ Иванъ на медвѣдѣ ѣздилъ“ (?) [2]), и т. д.

Что могло совершаться въ сферѣ семейныхъ отношеній, явствуетъ уже само собою. Но и на это мы имѣемъ много отдѣльныхъ указаній. Прежде всего большое количество случаевъ казни женъ за убійство мужей, встрѣчающееся въ памятникахъ, отлично показываетъ намъ, что приходилось иногда терпѣть женамъ, и обратно, въ какомъ состояніи непрерывной борьбы и опасности должны были находиться мужья—эти, по идеѣ тогдашней семьи, неограниченные владыки семейнаго очага.

Бывали вещи и похуже простаго разврата или жестокаго обращенія между супругами. Петрей разсказываетъ, какъ бѣдный московскій дворянинъ добываетъ, въ случаѣ нужды, деньги посредствомъ своей жены, если она молода и красива: поздно вечеромъ онъ отправляется по улицамъ приглашать желающихъ къ своей женѣ, а жена сидитъ дома и ждетъ гостя. Когда гость приходитъ, мужъ сторожитъ передъ воротами, чтобы не пришелъ кто посторонній, а затѣмъ получаетъ плату — 2, 3 талера, смотря по условію и по обстоятельствамъ — и идетъ отыскивать новаго гостя [4]).

Таковы факты. Съ точки зрѣнія отдѣльныхъ фактовъ порицатели московской старины безусловно правы, и ко-

---

[1]) *Русск. ист. библ.* т. II № 176, 12, стр. 749, Челобитная 1642 года.

[2]) *Борисовъ*, Опис. гор. Шуи, Акты № 33, стр. 314, Сказка Шуянъ о попѣ Иванѣ 1658 года.

[3]) *Преображенскій*, Нравств. сост., стр. 87.

[4]) *Petrejus*, Histor. und Ber., стр. 636 (русск. пер. стр. 413).

нечно, эта старина никакого подобія золотаго вѣка, о которомъ твердятъ ея поклонники, не представляла. Несомнѣнно, что и народная нравственность, и семейный бытъ, и государственное управленіе, однимъ словомъ, всѣ стороны общественной и государственной жизни наполнены были достаточнымъ количествомъ выдающихся примѣровъ разврата, грабительства, насилій, неправосудія, взяточничества и т. д. Несомнѣнно, что современникъ Крижаничъ могъ заключить свои описанія московскихъ нравовъ слѣдующими, оскорбительными для народной гордости, словами: „Нѣсть диво, что на Москвѣ есть тако много воровъ и разбоевъ и людоморства; но паче есть диво како еще люди праведны могутъ на Москвѣ жить“ [1]). Но возникаетъ вопросъ, можетъ ли историкъ нашего времени видѣть въ XVII вѣкѣ одно разложеніе; правъ ли онъ, говоря, что тамъ все „бредетъ розно“, а тѣмъ паче, что „тамъ все разбрелось розно“. Вѣдь историческій фактъ налицо: не только не разбрелось розно, а такую государственную твердыню создали, которая преодолѣла всѣ невзгоды и препятствія, задавила Польшу, Ливонію, Кавказъ, Крымъ, захватила часть Швеціи и едва не половину Азіи. Можетъ ли историкъ называть религіозность московскаго, хотя бы и порочнаго, человѣка „грубой сдѣлкой съ своей совѣстью“—вѣдь это приговоръ о всемъ народѣ и о всей его духовной жизни. Между тѣмъ, историческій фактъ и здѣсь налицо: XVII вѣкъ былъ эпохой колоссальнаго движенія религіозной мысли въ народѣ—раскола.

Нельзя писать исторію изъ отдѣльныхъ случаевъ, притомъ односторонне собранныхъ. Въ каждомъ государствѣ, въ каждую эпоху мы можемъ собрать, очевидно, массу преступленій, массу случаевъ разврата, обмановъ, безстыдства

---

[1]) *Крижаничъ,* Разговоры т. I, стр. 292.

и всякихъ пороковъ. Стоитъ только обобщить эти случаи, и мы, при желаніи, получимъ такую же картину разложенія. Но развѣ это исторія народа? Историкъ долженъ раскрыть положительныя стороны въ народной жизни; указать то, что сдѣлано народомъ въ извѣстную эпоху, какое положительное наслѣдіе оставилъ онъ для своихъ потомковъ. Отрицательная сторона, несомнѣнно, тоже имѣетъ значеніе; но какъ бы ни были обильны факты разврата, одни они не составляютъ исторіи. Омерзителенъ, конечно, случай мужеложства архимандрита съ поддъякомъ въ церкви во время обѣдни; но доказываетъ ли онъ, что это было общее занятіе русскихъ архимандритовъ и что они для народа, государства и церкви больше ничего не дѣлали? Московскія должностныя лица всѣ брали взятки; однако, этими взятками не ограничивалась ихъ роль въ исторіи государства, такъ какъ иначе и государство разложилось бы, не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ. Одоевскій, Прозоровскій, Волконскій, Леонтьевъ и Грибоѣдовъ несомнѣнно тоже были взяточники; но они же составляли Уложеніе 1648 года.

Не должно увлекаться и безпощадными, огульными отзывами иностранныхъ писателей: если бы собрать воедино сужденія современныхъ намъ иностранныхъ писателей о Россіи настоящаго времени, то и изъ нихъ, за весьма немногими исключеніями, могла бы образоваться точно такая же картина общаго разложенія для нашихъ дней. Всякому, знакомому съ твореніями иностранныхъ писателей о Россіи XVII вѣка, извѣстно, какъ много въ нихъ ошибокъ, неправды, даже сознательной лжи; какъ много въ нихъ презрѣнія и злобы къ русскому народу. Не забудемъ, что уже Крижаничъ далъ надлежащую оцѣнку этимъ описаніямъ. Не исторію они пишутъ, говоритъ онъ, а „обшальную пѣснь“; „недостатки величатъ“ (увеличиваютъ).... „выдумуютъ и лгутъ“;

срамотныя и солганныя повѣсти объ насъ пишутъ". „Нельзя такъ гнусно расписать никакихъ баснословныхъ кентавровъ, никакихъ циклоповъ и демоновъ, какъ расписываютъ они насъ" [1]). Между тѣмъ, Крижаничъ и самъ весьма строго относился къ московскимъ нравамъ; самъ, какъ мы видѣли, высказывалъ слова рѣзкаго осужденія.

Не должно, далѣе, придавать буквальнаго значенія выраженіямъ памятниковъ: „бредутъ розно"; „чтобъ намъ врозь не разбрестись"; „чтобъ намъ не помереть голодною смертью"; „конечное разореніе" и т. д. Эти выраженія встрѣчаются на каждомъ шагу, въ челобитныхъ всякаго рода — и съ жалобами, и съ просьбами о льготахъ. Но при ближайшемъ чтеніи памятниковъ они оказываются не болѣе, какъ риторической фигурой, за которой вовсе не было соотвѣтствующаго буквальному ея смыслу содержанія. Эти выраженія употребляются всѣми, начиная отъ бѣднѣйшаго посадскаго человѣка и кончая помѣщикомъ, торговымъ человѣкомъ гостиной сотни и даже монастырскими властями, которыя, очевидно, далеки были отъ голодной смерти или „конечнаго разоренія" и не собирались вовсе „брести розно".

Не должно, наконецъ, забывать и того, что добродѣтели и положительныя черты народныхъ силъ не такъ ярко отражаются въ историческихъ памятникахъ соотвѣтствующей эпохи, какъ факты разврата и пороки. Для этихъ послѣднихъ всегда отводится много мѣста и въ лѣтописи, и въ запискахъ современниковъ; они исключительно наполняютъ собою памятники судебные — каждое уголовное дѣло есть уже фактъ разврата; почти каждое гражданское — тоже. Любой наказъ органу мѣстной правительственной власти неизбѣжно долженъ обращать

---

[1]) *Крижаничъ,* Разговоры т. I, стр. 167, 168. Т. II, стр. 10.

преимущественное вниманіе на злоупотребленія и безпорядки. Каждое обращеніе населенія къ центральной власти тоже будетъ говорить не о пріятностяхъ жизни и воеводскихъ добродѣтеляхъ, а о тягостяхъ—о „налогахъ и обидахъ“ со стороны начальствующихъ лицъ, о „конечномъ разореніи“ жителей и т. д. Состоятельный плательщикъ, безнедоимочно платящій свои подати, проходитъ мелкою незамѣтною точкой въ исторіи, а тотъ, кто платить не хочетъ или кому платить нечѣмъ, кого бьютъ на правежѣ — тотъ кричитъ и жалуется, и крикъ его доходитъ до нашего времени, какъ свидѣтельство о разореніи народа. Между тѣмъ, положительныя черты получаютъ для себя полное выраженіе лишь въ послѣдствіяхъ, то-есть въ томъ, что данная эпоха сдѣлала, что она выработала и что оставила въ наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ. Создать о нихъ представленіе безпристрастный историкъ можетъ лишь посредствомъ отвлеченія отъ цѣлыхъ группъ явленій государственной и народной жизни.

Сколь ни слабы наши силы въ области исторической науки сравнительно съ тѣми историками-порицателями, имена которыхъ были названы выше, но, тѣмъ не менѣе, мы позволимъ себѣ, не боясь ошибки, высказать, что XVII вѣкъ русской исторіи не только не былъ вѣкомъ разложенія, но, наоборотъ, вѣкомъ созиданія и наибольшаго напряженія народныхъ силъ, хотя напряженія односторонняго. Вчитываясь въ памятники XVII вѣка, за наружною оболочкой, составленной изъ массы отдѣльныхъ фактовъ разврата и злоупотребленій всякаго рода, ясно видимъ нѣчто такое, чего не видали авторы „обшальныхъ пѣсней“. Это — могучая, конструктивная сила служенія началу государственности. Государство съ его исключительными интересами, политическими, военными, финансовыми и династическими, притомъ го-

сударство новое, едва сложившееся, привлекало къ себѣ всѣ силы и наполняло собою всѣ правительственные идеалы. Дѣятельность законодательная и административная направлялась къ одной цѣли: создать государственное единство, укрѣпить власть, собрать казну и сильное войско. Все прочее, все, что мы называемъ нынѣ интересами общественными въ противоположность государственнымъ въ тѣсномъ смыслѣ, и всѣ интересы личности, какъ таковой, не только отходили далеко на задній планъ, но и совершенно стушевывались предъ великимъ государственнымъ дѣломъ, предъ „Его Великаго Государя дѣломъ“, какъ выражались тогда. Эта формула—Его Великаго Государя дѣло — была, если можно такъ выразиться, альфою и омегою всей тогдашней государственной мудрости. И этому дѣлу люди XVII вѣка — развратники, грабители, лихоимцы—такъ служили, что никакія смятенія и перевороты, въ родѣ смутнаго времени и разиновщины, не разложили государства, а наоборотъ, оно продолжало крѣпчать, рости и пожирать своихъ сосѣдей съ востока и запада, съ сѣвера и юга. Но и кромѣ расширенія территоріи, этого матеріальнаго наслѣдія грядущимъ поколѣніямъ, XVII вѣкъ, на служеніи государеву дѣлу, создалъ такіе институты, которые на цѣлые вѣка опредѣлили русскую исторію: онъ создалъ самодержавіе царское; онъ сложилъ зданіе крѣпостнаго права, въ свое время давшее государству силу и внутренній порядокъ; онъ создалъ Уложеніе 1648 года, о которомъ Морошкинъ говоритъ, что оно „ut carmen necessarium должно быть извѣстно каждому русскому подданному“ [1]), а Дитятинъ — что „имъ опредѣлялся весь

---

[1]) *Морошкинъ,* примѣчаніе на стр. 334 исторіи Рейца. Приведенныя слова написаны Морошкинымъ въ 1836 году, слѣдовательно, послѣ изданія Свода Законовъ.

строй московскій—государственный и земскій“ [1]). Не забудемъ, что Уложеніе есть такая работа, которую въ теченіи двухсотъ лѣтъ повторить не могли.

Оставляя въ сторонѣ отдѣльные факты личныхъ подвиговъ на пользу государства, которыхъ, впрочемъ, мы могли бы найти не мало въ эпоху XVII вѣка, обратимся, для примѣра, хотя бы къ исторіи Сибири. Прочитывая памятники сибирской старины, невольно поражаешься громадностью тѣхъ душевныхъ силъ, которыя тратились русскими служилыми людьми на утвержденіе и расширеніе русскаго владычества. Плохо вооруженные, еще хуже снабженные продовольствіемъ, по цѣлымъ годамъ не получая жалованья, неудержимо шли русскіе люди въ глубь страны, приводя народы „подъ высокую руку Великаго Государя“. И кто же были эти русскіе люди? Это были далеко не лучшіе люди и не лучшіе воины. Начиная отъ послѣдняго казака пѣшей службы и кончая воеводой, они были, почти всѣ, опальные и даже преступники. Но они сдѣлали свое дѣло нисколько не хуже того, какъ дѣлаютъ его въ наши дни въ Средней Азіи массы регулярныхъ войскъ, снабженныя въ изобиліи продовольствіемъ и всѣми средствами современной войны. Нельзя, думается намъ, не преклониться съ величайшимъ почтеніемъ передъ этою силой духа и не признать за нею крупнаго положительнаго значенія. Не пустыми словами представляется намъ, напримѣръ, разсказъ Якова Похабова, начальника отряда, шедшаго въ 1661 году въ походъ въ монгольскія земли, о томъ, какъ воевода Ржевскій отпускалъ его изъ Енисейска: „воевода Иванъ Ивановичъ Ржевскій — пишетъ Похабовъ въ челобитьѣ царю — сверхъ указныхъ памятей, говo-

---

[1]) *Дитятинъ,* Когда возн. рознь, Русск. Мысль 1881. XI, стр. 352.

рилъ и рѣчью, наказывалъ мнѣ, холопу твоему, и всѣмъ служилымъ людямъ съ великою жесточью и клятвою, взираючи на образъ Божій и испущаючи слезы, чтобы намъ, холопямъ твоимъ на твоей Государевѣ службѣ тебѣ Великому Государю служить съ великимъ радѣніемъ и вново прибыли въ ясачномъ сборѣ пріискать" [1]). Вполнѣ допускаемъ, что воевода Ржевскій, обращаясь къ служилымъ людямъ „со великою жесточью", выражался очень грубо; но слезы его были искреннія.

Возьмемъ другую группу явленій — народное движеніе 1612 и 1613 годовъ, окончившееся изгнаніемъ поляковъ изъ Москвы и избраніемъ Михаила Ѳеодоровича. До нашего времени дошли во множествѣ документы, содержащіе въ себѣ переписку городовъ русскихъ въ смутное время о крѣпкомъ стояніи за московское государство, противъ русскихъ воровъ и измѣнниковъ и польскихъ и литовскихъ людей, объ очищеніи отечества отъ вражьей силы до избранія законнаго царя [2]). Грамоты эти, при ихъ непосредственномъ чтеніи, даютъ такую яркую картину необычайнаго подъема народныхъ силъ на защиту отечества, что предъ нею блѣднѣютъ всѣ литературныя описанія. Народная масса одна, безъ привычныхъ высокопоставленныхъ вожаковъ, подъ руководствомъ немногихъ, дотолѣ неизвѣстныхъ, излюбленныхъ толковыхъ людей, совершаетъ великое дѣло, поражающее, вмѣстѣ съ тѣмъ, своею простотою: выгнали враговъ, выбрали царя и разошлись въ дома свои мирно работать, служить службу, платить подати.

Это ли вѣкъ общественнаго и государственнаго разложенія?

---

[1]) *Дополн. акт. ист.* т. IV № 97, Акты о походѣ Якова Похабова 1661 года, Челобитье Похабова, стр. 238.

[2]) Помѣщены въ *Собр. госуд. гр. и дог.* т. II, а также въ *Акт. археогр. эксп.* т. II.

Мы найдемъ въ исторіи XVII вѣка еще колоссальное явленіе, нѣсколько иной категоріи, въ которомъ сказались великія душевныя силы русскихъ людей. Мы говоримъ о расколѣ—явленіи, развитію котораго еще и нынѣ конца не предвидится. Твердость, съ которою исповѣдники старой вѣры—эти Аввакумы, Лазари, Епифаніи, соловецкіе „страдальцы" и т. д. и т. д.—переносили всѣ преслѣдованія и муки, отлично показываетъ настроеніе эпохи. Тутъ выдвигаются не единицами, а сотнями и тысячами такіе образцы мученичества и подвижничества, которые мало чѣмъ уступаютъ мученикамъ первыхъ вѣковъ христіанства. Положимъ, очень часто дѣло идетъ о какихъ-нибудь двухъ, трехъ обрядахъ, о десяткѣ словъ, нисколько не измѣняющихъ ни догмы религіи, ни нравственныхъ идеаловъ; но вѣдь каждый вѣритъ по своему, и отдать жизнь за свое, хотя бы и убогое убѣжденіе есть, во всякомъ случаѣ, великое дѣло. Невольно проникаешся уваженіемъ къ силѣ духа этихъ людей, когда читаешь описанія ихъ страданій и терпѣнія или „подвиговъ" самосожженія. „Они миленькіе—пишетъ протопопъ Аввакумъ о своихъ единомышленникахъ-страдальцахъ—въ глаза лѣзутъ, слово въ слово яко комары или мушицы. Елико ихъ больше подавляютъ, тогда больше пищатъ и въ глаза лѣзутъ... рады—мучителя дождались—полками во огонь дерзаютъ за Христа... въ огонь лѣзетъ, а благовѣрія не предастъ! Въ Нижнемъ преславно бысть: овыхъ еретики пожигаютъ, а иніи распалшеся любовію и плакавъ о благовѣріи, не дождався еретическаго осужденія, сами въ огнь дерзнувше... Добро дѣло содѣяли, надобно такъ!"[1])

Неужели это—„сдѣлка порочнаго человѣка съ своею

---

[1]) *Матер. для ист. раск.*, т. V, 17, стр. 203, 204, Посланіе Аввакума къ Симеону.

совѣстью"? Можемъ ли мы сказать, что „тамъ все дѣлалось ради своего Я и только его одного"?

Лихоимство, неправосудіе и прочія злоупотребленія должностныхъ лицъ въ XVII вѣкѣ являются не только понятными, но и вполнѣ неизбѣжными при исключительномъ служеніи государственнымъ въ тѣсномъ смыслѣ интересамъ и при маломъ запасѣ средствъ государственнаго управленія. Эти злоупотребленія, прежде всего, представлялись мелочью, такъ какъ отъ нихъ страдали больше всего частные люди, а не само государство. Неосторожное обращеніе съ огнемъ, напримѣръ, въ селеніи, гдѣ былъ „городъ" и „нарядъ", съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ представлялось несравненно болѣе тяжкимъ преступленіемъ, чѣмъ всѣ взятки и притѣсненія воеводы, если только отъ нихъ не страдала казна или они не вызывали бунта. Конечно, законъ долженъ былъ грозить наказаніями за притѣсненіе жителей; но практическое выполненіе этой угрозы непосредственно сталкивалось съ тѣмъ же государственнымъ интересомъ: служилые люди были государству нужны, и оно должно было ихъ беречь. Въ высшей степени характерическое для этой эпохи опредѣленіе заключается въ царской грамотѣ на Бѣлоозеро 1658 года, о сыскѣ бѣглыхъ солдатъ и драгуновъ [1]): бѣглымъ солдатамъ и драгунамъ повелѣвается „чинить наказанье, бить кнутомъ нещадно и выслать на службу"; а посадскимъ и уѣзднымъ всякихъ чиновъ людямъ, которые, „по свойству и по дружбѣ, солдатъ и драгуновъ... учнутъ въ домѣхъ своихъ держать и таить, быть за то въ смертной казни, безо всякія пощады". Почему такая разница: главному виновнику кнутъ, а укрывателю смертная казнь? Причина одна — солдаты и драгуны въ настоящій моментъ государству нужны—

---

[1]) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 106, Грамота на Бѣлоозеро.

„бояре наши и воеводы, говорится въ началѣ грамоты, пошли на нашу Великаго Государя службу“, то есть въ походъ, а съ посадскими и уѣздными людишками церемониться нечего, беречь ихъ не для чего!

Многое, непростительное съ нашей, современной, точки зрѣнія, должно было прощать своимъ служилымъ людямъ московское правительство. Оно само, преслѣдуя исключительно практическія цѣли государственныхъ интересовъ, нерѣдко вынуждаемо было игнорировать въ своихъ мѣропріятіяхъ всѣ нравственныя начала и совершать на пользу государства вещи, весьма неодобрительныя съ нравственной точки зрѣнія. Посмотрите опять на исторію Сибири. Для открытаго, военнаго подчиненія инородцевъ не хватало силъ; правительство спокойно прибѣгаетъ къ обманамъ и тайному способу дѣйствія. Въ наказахъ сибирскимъ воеводамъ нерѣдко даются возмутительныя наставленія о томъ, какъ они должны ласкою и подарками привлекать къ себѣ вліятельныхъ инородцевъ и потомъ истреблять ихъ. Такъ, въ наказѣ воеводѣ князю Петру Горчакову приказывается „промышлять, чтобы приманить Пелымскаго князя Аблегирима, да сына его, да племянниковъ, да внучатъ и лучшихъ людей его... и переимывъ ихъ, извести“. Указывается далѣе и способъ, которымъ воевода долженъ „приманить“ этихъ несчастныхъ: „приказывать имъ, чтобы они пошли безъ боязни къ государевымъ воеводамъ, а Государь ихъ пожалуетъ и Пелымскому князю ничего не будетъ. А будетъ Пелымской князь и дѣти его придутъ къ воеводамъ, и ихъ обнадежить, чтобы ихъ всѣхъ приманить... а приманя, казнить“ [1]). „Въ Телецкую землицу—пишутъ Кузнецкому воеводѣ изъ

---

[1]) *Русс. ист. библ.* т. II № 36, Наказъ князю Горчакову около 1594 года, стр. 107, 108, 109.

Москвы — послать по князца Айдарка служилыхъ людей, и приговоря его Айдарка ласкою, а не жесточью, взять въ Кузнецкій острогъ, а взявъ... повѣсить“ [1]). Подобнаго рода распоряженія дѣлаются совершенно открыто, спокойно, въ обычной приказной формѣ. Очевидно, никто не считаетъ предосудительнымъ такой образъ дѣйствій: ни повелитель, ни исполнитель—ни царь, ни воевода... Государственные практическіе интересы все собою заслоняли, а тѣмъ паче должны были молчать передъ ними отвлеченныя начала нравственности и идеальной справедливости. Не до нихъ въ то время было: надо было строить и укрѣплять государство, а все прочее представлялось несвоевременною роскошью. Въ этомъ былъ залогъ успѣха, а въ успѣхѣ — оправданіе.

Ради той же великой цѣли пролиты были тѣ потоки крови, которые, по выраженію Дитятина, заливаютъ весь XVII вѣкъ. Въ государствѣ, не твердо еще сложившемся и слабомъ средствами, преступникъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ является въ наши дни — жалкимъ, убогимъ человѣкомъ, котораго можно исправлять, лѣчить, отдавать на воспитаніе; преступникъ былъ крупная, весьма опасная для государства сила, съ которою государственная власть должна была открыто бороться, притомъ бороться почти на равныхъ правахъ. Топоръ и плаха, да висѣлица — вотъ все, что государство могло ему дать, если не надѣялось извлечь изъ него для себя какой нибудь пользы; крови же тогдашніе люди не боялись. Смертная казнь, можно сказать, была общимъ нормальнымъ наказаніемъ, poena ordinaria въ буквальномъ смыслѣ; все прочее являлось какъ бы въ качествѣ смягченія. Сурово, но въ высшей степени просто относились тогда къ преступникамъ: власть казнила ихъ, враговъ государственнаго

---

[1]) *Акт. ист.* т. IV № 25, стр, 58, Грамота Кузнецкому воеводѣ 1648 года.

порядка, потому что это было для нея необходимо; казнила просто, безъ размышленій, безъ волненій и безъ колебаній. Другихъ мѣръ борьбы съ нарушителями порядка не было, и казнь преступниковъ представлялась частью великаго государственнаго дѣла. Счастье или несчастье отдѣльныхъ лицъ, кровь ихъ и слезы, не имѣли ровно никакого значенія, какъ только выдвигалось это всепоглощающее дѣло. Ставить съ нимъ въ коллизію интересы частныхъ лицъ было или преступно, или смѣшно. Сколько бы головъ ни приходилось снять съ плечъ, кому бы ни принадлежали эти головы, онѣ *должны* были свалиться безъ всякихъ разсужденій, на страхъ другимъ, ради истребленія враждебныхъ государственному порядку силъ. Законодатель грозилъ смертными казнями за ничтожнѣйшія, съ нашей точки зрѣнія, дѣянія, если только они задѣвали интересы государственные, и это было для той эпохи совершенно послѣдовательно и нормально. Обходиться гуманными мѣрами не было никакой возможности, потому что все государственное управленіе неизбѣжно построено было на постоянной борьбѣ съ массою элементовъ антигосударственныхъ. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, въ 1639 году, въ городъ Шую, сыщикъ Тарбѣевъ, для „табачнаго и корчемнаго сыску", — „всѣ Шуяне посадскіе люди чинятца сильны и супротивны": виноватыхъ ему не выдаютъ, задержанныхъ освобождаютъ; отнимаютъ у него бумаги и т. д. „Палача Еремку съ женою и съ дѣтьми изъ Шуи вывезли въ деревню и хоронили его безвѣстна многое время, чтобы лихованныхъ и оговорныхъ людей пытать было некому". Самъ сыщикъ сидитъ, отъ посадскихъ людей „на дворѣ запершись, и никуда выйти не смѣетъ, боясь ихъ похвальбы и убивства" [1]). Подобнаго рода эпизоды въ исторіи го-

[1]) *Русс. ист. библ.* т. II № 176, 9, стр. 724 сл., Грамота въ Ярославль 1639 года (стр. 732, 735).

сударственнаго управленія XVII вѣка встрѣчаются на каждомъ шагу. Во всѣхъ наказахъ воеводамъ и другимъ административнымъ начальникамъ постоянно выдвигается одна и та же забота государственной власти: борьба съ людьми, противящимися государственному порядку — гулящими, бездомовными, бѣглыми, которые уходятъ отъ помѣщиковъ и съ тяглыхъ мѣстъ, и со службы, дѣйствительно „бредутъ розно“, убѣгая тягла государственнаго. Это — цѣлая армія любителей свободы, иногда богатырей, иногда воровъ, иногда религіозныхъ энтузіастовъ, искреннихъ или прикрывающихъ знаменемъ старой вѣры свою вражду къ современному имъ государственному началу. Это — многоголовая сила, разсѣянная по лицу земли русской, сила, враждебная тому строю, въ который складывалась правовая жизнь этой земли.

Не кровожадность правителей была причиной тому, что кровь лилась потоками, а простое сознаніе практической цѣлесообразности и необходимости. Безпощадность казней свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что жизнь и личность отдѣльнаго человѣка теряла всякую цѣну и значеніе передъ тѣми началами, на защиту которыхъ уголовное правосудіе поднимало свой кровавый мечъ, именно, передъ началами государственности и общественнаго порядка. Мы прославляемъ императрицу Елисавету Петровну за отмѣну смертной казни; но почему-то наши историки не обращаютъ вниманія на то, что въ XVII вѣкѣ трижды имѣло мѣсто явленіе, совершенно подобное извѣстнымъ указамъ 1743 и 1754 годовъ. Борисъ Годуновъ, человѣкъ вообще не отличавшійся особымъ человѣколюбіемъ, далъ обѣтъ, при вступленіи своемъ на престолъ, подобно тому, какъ и Елисавета, прекратить смертныя казни на 5 лѣтъ, замѣнивъ ихъ ссыл-

кою[1]); въ 1653 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, повелѣно было, сидѣвшихъ въ тюрьмахъ и подлежавшихъ казни, татей и разбойниковъ отъ смерти освободить и сослать въ ссылку[2]); въ 1691 году, при царѣ Петрѣ, повторяется то же распоряженіе въ болѣе широкихъ размѣрахъ — освобождены отъ смертной казни и отправлены въ ссылку всѣ приговоренные къ смерти преступники[3]). Три государя, по личнымъ своимъ качествамъ ни мало другъ на друга не похожіе, повторяютъ одну и ту же мѣру: они прекращаютъ пролитіе крови, когда не видятъ въ этомъ практической надобности, и спокойно, безъ малѣйшаго колебанія казнятъ сотни и тысячи, когда находятъ это нужнымъ. Замѣтимъ при этомъ, что тотъ же царь Алексѣй Михайловичъ, которому принадлежитъ распоряженіе 1653 года, на сто лѣтъ опередившее указъ Елисаветы, ровно 10 лѣтъ спустя, снова сокращаетъ смертную казнь, но уже въ иномъ направленіи: для всѣхъ татей, разбойниковъ и смертныхъ убойцовъ, которые довелись смертной казни, она замѣняется отсѣченіемъ обѣихъ ногъ и лѣвой руки — казнь, мало чѣмъ уступающая смертной, но несомнѣнно превышающая ее своимъ устрашительнымъ значеніемъ. Такое распоряженіе держится три года, а затѣмъ, по указу 1666 года, возстановляется смертная казнь въ прежнемъ объемѣ[4]).

И правительство, и общество смотрѣли на дѣло одинаково — разлада или сомнѣній тутъ не было: казни представлялись необходимѣйшею частью ежедневной го-

---

[1]) *Сказ. соврем. о Дмитріѣ Самозв.* т. I. Берова Лѣтопись, стр. 12. Также *Petrejus*, Hist. und Ber., стр. 177.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 105 Указъ 1653 года октября 20.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 1404 Указъ 1691 года мая 3.

[4]) *Пол. Соб. Зак.* № 334 Указъ 1663 года мая 11. № 383 Указъ 1666 года января 24.

сударственной администраціи. Нравы лобнаго мѣста, если можно такъ выразиться, были грубы и просты. Народныя толпы не собирались смотрѣть на кровавое зрѣлище; исполнители относились къ своему дѣлу небрежно, работали на́скоро. Иногда и важнѣйшіе преступники казнились съ небрежностью, непонятною для нашего времени. Самозванца лже-Петра при Васильѣ Шуйскомъ повѣсили на такой толстой веревкѣ, что она не могла затянуться. Палачъ спустился внизъ, взялъ у близь стоявшаго мужика дубину, которую тотъ держалъ въ рукахъ, снова взлѣзъ на висѣлицу и ударилъ повѣшеннаго по головѣ [1]). Четырехлѣтняго сына Марины Мнишекъ, „ворёнка", какъ называютъ его обыкновенно памятники, несли къ мѣсту казни на рукахъ, съ непокрытою головою; была мятель и снѣгъ билъ мальчику въ лицо. Онъ плакалъ, кричалъ и спрашивалъ: куда вы несете меня... Его повѣсили, разсказываетъ современникъ-иностранецъ, на мочальной веревкѣ. Ребенокъ былъ малъ и легокъ; петля не могла затянуться и, полуживой, онъ былъ оставленъ умирать на висѣлицѣ [2]).

Иностранцы удивлялись тому, какъ просто и безшумно производились въ Москвѣ массами казни обыкновенныхъ преступниковъ. „Не смотря на свою жестокость, говоритъ, де-Бруинъ, казни совершаются такъ тихо и безъ шума, что, если онѣ исполняются въ одномъ концѣ города, то о нихъ и не знаютъ жители другаго конца". Онъ былъ очевидцемъ казни тридцати астраханскихъ бунтовщиковъ въ 1707 году: казнь началась около полудня, а черезъ полчаса все было уже кончено. „Нельзя не удивляться — замѣчаетъ онъ по этому поводу — съ какой ничтожной обстановкой происходитъ здѣсь казнь, въ то время, какъ

---

1) *Геркманъ*, Смутн. время, стр. 304.
2) *Геркманъ*, Смутн. время, стр. 331.

въ другихъ странахъ потребно столько приготовленій, чтобы избавить общество отъ одного какого-нибудь негодяя" [1]). Рингуберъ, въ 1684 году, присутствовалъ при казни какого-то дворянина Негребицкаго, который вздумалъ хвастаться тѣмъ, что онъ съ одною изъ царевенъ „courtoisiret". Рингуберъ былъ пораженъ: Негребицкаго привели на площадь, и палачъ немедленно отсѣкъ ему голову, „ohne viele Compliments zu machen!" [2]). Но люди Московскаго государства не поражались этимъ; для нихъ это было дѣло привычное, будничное. Казни съ „большими комплиментами", если и совершались, то очень рѣдко, доставаясь въ удѣлъ особо важнымъ преступникамъ, да и то не всѣмъ. Казнь утопленіемъ производилась иногда еще проще—обухомъ по головѣ и подъ ледъ...

Страшнымъ, медленнымъ мукамъ подвергались посаженные на колъ, колесованные, повѣшенные за ребра, окопанныя въ землю — все это никого не трогало, никого не поражало. Сидѣвшихъ на колѣ допрашивали, исповѣдывали, причащали; колесованныхъ возили къ допросу. Человѣкъ самъ по себѣ не имѣлъ никакой цѣны—его давило государственное колесо безъ колебаній, неуклонно двигаясь по прямой линіи. Сами осужденные относились къ дѣлу столь же твердо: прочитывая описанія казней, невольно изумляешься тому геройскому спокойствію, съ которымъ шелъ на смерть послѣдній разбойникъ съ большой дороги. Иностранцы склонны были видѣть въ этомъ одну жесткость нравовъ и грубость чувствъ или апатію къ жизни; но не то это было въ дѣйствительности. Это было, думается намъ, ясное сознаніе неизбѣжнаго подчиненія государственной силѣ, одержавшей побѣду, послѣ которой побѣжденному оста-

---

[1]) *Де-Бруинъ*, Путешествіе, стр. 90 и 245.

[2]) *Rinhuber*, Warhafte Relation, *Adelung*, т. II, стр. 372 сл.

валось одно—умереть. Борьба кончена, счеты кончены, другаго выхода нѣтъ! И шелъ русскій человѣкъ на плаху съ одною мыслью: умереть въ порядкѣ, и старался онъ умереть подъ топоромъ палача, по возможности, такъ же, какъ дѣдъ и отецъ его умирали у себя въ избѣ, въ большомъ углу, на лавкѣ подъ образами. Тридцать астраханцевъ, о которыхъ разсказываетъ де-Бруинъ (см. выше), вышли на казнь даже не связанные и тихо стояли въ кругу, ожидая каждый своей очереди. Перри говоритъ: „Русскіе ни во что не ставятъ смерть и не боятся ея. Когда имъ приходится идти на казнь, они дѣлаютъ это совершенно беззаботно. Я самъ видѣлъ, какъ осужденные шли съ цѣпями на ногахъ и съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ. Проходя мимо толпы народа, они кланялись и говорили: „Простите, братцы“! и народъ имъ отвѣчалъ тѣмъ же, прощаясь съ ними; и такъ они клали головы свои на плахи и съ твердымъ спокойнымъ лицомъ отдавали жизнь свою“ [1]). Стрѣльцы сотнями шли на казнь не связанные и не скованные, въ однѣхъ только ножныхъ колодкахъ, нѣсколько затруднявшихъ ходьбу; шли спокойно, „mit grosser Unempfindlichkeit“, по выраженію Гордона; сами всходили на лѣстницу къ висѣлицамъ, крестились на всѣ четыре стороны, прощались съ народомъ, опускали на глаза саванъ, надѣвали себѣ петлю на шею и бросались съ подмостокъ [2]). Коллинсъ говоритъ, что приговоренные къ повѣшенію всегда надѣваютъ себѣ сами петлю и сами бросаются внизъ [3]).

Присутствуя при стрѣлецкихъ казняхъ, царь Петръ сталъ очень близко къ одной изъ приготовленныхъ плахъ;

---

[1]) *Перри*, Сост. Россіи, стр. 177.

[2]) *Korb*, Diarium, стр. 171 (русс. пер. стр. 227). *Gordon*, Tagebuch, т. III, стр. 203.

[3]) *Коллинсъ*, Сост. Россіи, стр. 203.

къ нему подошелъ осужденный стрѣлецъ и сказалъ: „отойди, Государь—мнѣ здѣсь лечь надо! (Cede Domine, meum est hic jacere)“. Даже Петръ былъ пораженъ этою сценой и самъ разсказывалъ о ней Лефорту [1]). Берхгольцъ сообщаетъ изъ начала XVIII вѣка нѣсколько случаевъ поразительной твердости духа подвергавшихся казни преступниковъ. Въ 1722 году онъ видѣлъ двухъ колесованныхъ, положенныхъ на колеса. Эти двое, люди еще молодые, вовсе не имѣли на лицѣ смертной блѣдности; они были такъ покойны, какъ будто съ ними ничего не случилось. Но больше всего меня удивило то, говоритъ онъ, что одинъ изъ нихъ съ большимъ трудомъ поднялъ свою раздробленную руку, висѣвшую между спицами колеса, утеръ себѣ рукавомъ носъ и опять сунулъ ее на прежнее мѣсто; мало того, запачкавъ нѣсколькими каплями крови колесо, на которомъ лежалъ лицомъ, онъ въ другой разъ, съ такимъ же усиліемъ, встащилъ ту же изувѣченную руку и рукавомъ обтеръ запачканное мѣсто. Еретикъ и богохульникъ, приговоренный къ сожженію на медленномъ огнѣ съ предварительнымъ сожженіемъ правой руки, во время казни не испустилъ ни одного крика и оставался совершенно покоенъ; онъ неустрашимо смотрѣлъ все время на пылающую свою руку и только тогда отвернулся въ сторону, когда дымъ сталъ ѣсть ему глаза и на головѣ загорѣлись волосы [2]).

Женщины не уступали въ твердости духа мужчинамъ. Окопанныя въ землю за мужеубійство, находили въ себѣ достаточно душевной силы, чтобы благодарить наклоненіемъ головы прохожихъ за брошенныя въ яму деньги, предназначавшіяся на ихъ погребеніе. Въ исторіи разинскаго бунта выдвигается поразительная лич-

---

[1]) *Korb*, Diarium, стр. 112, 113 (русс. пер., стр. 142, 143).
[2]) *Берхгольцъ*, Дневникъ, т. II, стр. 282, 283, 345.

ность монахини вѣдуньи, ушедшей изъ монастыря, надѣвшей мужское платье и сдѣлавшейся атаманомъ воровскаго отряда. „Воръ-старица“, называетъ ее воевода князь Долгорукій въ своемъ донесеніи; „вѣдьма-богатырь“, говоритъ Соловьевъ. Она „войско себѣ сбирала... многихъ людей, и съ ними была на воровствѣ во многихъ мѣстахъ“ [1]). Когда ее жгли въ срубѣ, она говорила: „если бы всѣ такъ воевали, какъ я, то князь Юрій (Долгорукій) навострилъ бы отъ насъ лыжи“ [2]).

Таковы были характеры. Такъ умѣли умирать русскіе люди, притомъ худшіе люди — воры и разбойники. Повторяемъ, это было не равнодушіе къ жизни, не апатія и не грубость, а геройское мужество, являвшееся прямымъ результатомъ соотношенія общественныхъ силъ: государственный порядокъ открыто боролся съ враждебными ему элементами; противники, можно сказать, уважали другъ друга, и борьба шла на однородномъ оружіи. Побѣжденные должны были погибать; они сознавали это, и умѣли умирать въ бою, на плахѣ подъ топоромъ и на висѣлицѣ съ петлей на шеѣ.

Грандіозное символическое выраженіе этой идеи сознательнаго подчиненія побѣдившей государственной силѣ находимъ мы въ одномъ моментѣ изъ исторіи стрѣлецкихъ смутъ. Когда правительство царевны Софьи рѣшилось казнить главу „стрѣлецкихъ воровскихъ заводовъ“, стараго князя Хованскаго Тараруя, вмѣстѣ съ сыномъ его, и начало затѣмъ стягивать къ Москвѣ и къ Троицкому монастырю земскія войска, стрѣльцы поняли, что дѣло ихъ, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, проиграно. Они пошли въ Троицкій монастырь, гдѣ нахо-

---

1) *Матер. для ист. Ст. Разина,* стр. 107, 108.

2) *Шашковъ,* Исторія русс. женщины, стр. 187. Къ сожалѣнію, Шашковъ не указываетъ, откуда взялъ онъ эту подробность.

дились тогда великіе государи и царевна-правительница, съ повинною—но какъ пошли? Пусть говоритъ современникъ: „Бывшіе сего зла начинатели—разсказываетъ Крекшинъ—съ двѣ тысячи семь сотъ человѣкъ, исповѣдавъ грѣхи своя и причастясь святыхъ таинъ, простясь съ женами и съ дѣтьми, положили петли на шеи изъ веревокъ, иные взявъ плахи и топоры во знаменіе, что они повинны смерти... изъ Москвы къ Сергіеву монастырю пошли. Многіе дающе имъ свѣщи, яко идущимъ къ казни... Стрѣльцы пришедъ къ Сергіеву монастырю передъ домъ Великихъ Государей, положа плахи и вторгнувъ топоры, учиня троекратное къ окнамъ Царскаго Величества поклоненіе и на всѣ стороны сотворя крестное знаменіе, залився слезами, овые страха ради смертнаго, иніи слезъ не имяше, легоша на плахи. Родителіе ихъ, и жены, и чада и сродницы вопіяше: Великіе Государи помилуйте!.. Палачи внидоша и сташа межъ лежачими; стрѣльцы видя послѣдній часъ житія своего вопія: О Великіе чудотворцы Сергій и Никонъ! ускорите (поспѣшите) на помощь согрѣшившихъ“ [1]). Нѣсколько лѣтъ спустя повторилась такая же сцена. Когда не только стрѣлецкое, но и дѣло царевны Софьи было проиграно, и торжествующій Петръ возвращался отъ Троицы въ Москву, всякихъ чиновъ люди встрѣчали его у села Алексѣевскаго, „а стрѣльцы изъ полковъ, принесши топоры и плахи за вины свои, лоскомъ лежали при томъ пути, и просили милосердаго въ своихъ винахъ всепокорно у Царскаго Величества прощенія“ [2]).

Итакъ, скажемъ въ заключеніе, XVII вѣкъ, конечно, не есть золотой вѣкъ. Считать его таковымъ могутъ только тѣ, кто его не знаетъ, или тѣ, кто забываетъ,

---

1) *Крекшинъ,* Записки, стр. 56, 57.
2) *Матвѣевъ,* Записки, стр. 58.

что въ наше время, кромѣ государства, существуетъ еще и человѣческая личность сама по себѣ, съ ея матеріальными и духовными потребностями и нравственными идеалами,—личность, которая требуетъ къ себѣ вниманія и, по современнымъ воззрѣніямъ, имѣетъ право на заботу о ней государства и на свою долю счастья на землѣ. Но не меньшую ошибку дѣлаютъ и тѣ, кто считаетъ XVII вѣкъ эпохой разложенія. Это былъ вѣкъ великихъ, крупнѣйшихъ характеровъ, обладавшихъ и весьма крупными страстями и большими пороками. Забѣлинъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, на которую мы ссылались выше, весьма близко подходитъ къ истинѣ, когда называетъ патріарха Никона однимъ изъ тѣхъ „богатырей", которые выростаютъ „среди общества, не выработавшаго нравственныхъ сдержекъ для хаотическихъ богатырскихъ силъ" [1]). Это былъ вѣкъ созиданія государства, въ которомъ работа производилась дѣйствительно богатырскими силами, въ которомъ все приносилось на жертву государству, а для человѣка оставалось очень мало мѣста.

---

[1]) *Забѣлинъ*, Дом. б. русск. царицъ, стр. 62.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

КАРАТЕЛЬНЫЯ МѢРЫ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.
КАРАТЕЛЬНЫЯ МѢРЫ.

ГЛАВА I.

Смертная казнь.

I. Область примѣненія смертной казни.

Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича около 60 статей имѣютъ въ своей санкціи смертную казнь; отдѣльные указы XVII вѣка распространяютъ примѣненіе смертной казни еще болѣе. Не говоря уже о важнѣйшихъ посягательствахъ, не было почти ни одного преступнаго дѣянія, сколько нибудь затрогивавшаго интересы государства — фискальные, военные или интересы общей безопасности, — которое не было бы обложено въ теченіи XVII вѣка смертною казнью.

Наказъ о градскомъ благочиніи 1649 года [1]) установляетъ въ высшей степени неудобныя и стѣснительныя для жителей мѣры предосторожности отъ огня [2]) и

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 6. Напечатанъ также въ *Древ. росс. Вивл.* т. XIX, съ незначительными измѣненіями въ редакціи.

[2]) Запрещается топить лѣтомъ избы и мыльни и сидѣть по вечерамъ и по ночамъ съ огнемъ. Для приготовленія кушанья дозволяется топить въ указные часы отдѣльныя поварни или дѣлать печи „на огородѣхъ, или въ землѣ на полыхъ мѣстѣхъ, не близко хоромъ". Разрѣшается топить избы лишь для больныхъ и родильницъ одинъ разъ въ недѣлю.

*

оканчивается грознымъ предписаніемъ: „А то имъ всякихъ чиновъ людямъ сказать именно, только чьимъ небреженьемъ отъ кого учинится пожаръ: и тому отъ государя быть казнену смертью“. Наказы московскимъ объѣзжимъ и пушкарскимъ головамъ 1667, 1675, 1689, 1696 годовъ [1]) повторяютъ тоже самое — неумышленное причиненіе пожара облагается смертью. Выборнымъ таможеннымъ головамъ и кабацкимъ цѣловальникамъ, за „хитрость и нерадѣніе“, за „воровство и корысть“ въ сборѣхъ таможенныхъ пошлинъ и питейныхъ денегъ назначается смертная казнь „безъ всякой пощады“ [2]); равнымъ образомъ „быть въ смертной казни“ и тѣмъ мірскимъ людямъ, „которые такихъ учнутъ выбирать“, если то „головино и цѣловальничье воровство“ помимо ихъ кто-либо „изъ стороны усмотритъ“ [3]). Астраханскимъ головамъ и цѣловальникамъ у соляныхъ промысловъ за невѣрное показаніе вѣса соли у торговыхъ людей „быти казненнымъ смертію“ [4]). Таможенные головы пограничныхъ сибирскихъ городовъ корыстуются, чинятъ многое воровство и государевой казнѣ „поруху“, пропускаютъ для своихъ взятковъ товары, подлежащіе конфискаціи, — имъ за то „быть казненнымъ смертью“ [5]). Естественныя богатства Сибири, просторъ и безначаліе влекутъ туда русскихъ людей: „идутъ крестьянъ многое число“ — повелѣвается „учинить заказъ подъ смертной

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* №№ 407, 600, 603. *Акты историческіе*, т. V № 190.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 555 Указъ 1673 года. № 679 Указъ 1677 года.

[3]) *Акт. ист.* т. V № 125 Наказъ о должности повѣнецкихъ таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ 1685 года.

[4]) *Акт. ист.* т. III № 154 Наказъ астраханскимъ воеводамъ 1628 года.

[5]) *Акт. ист.* т. V № 51, I Грамота верхотурскому воеводѣ 1679 года.

казнью", чтобы никто на Верхотурьѣ и въ слободахъ „къ себѣ во дворы бѣглыхъ крестьянъ не принимали и не держали" [1]). Хлѣбъ въ Сибири дорожаетъ; торговые люди скупаютъ его и поднимаютъ цѣны; служилымъ людямъ сибирскимъ отъ того становятся „нужи". Немедленно издается законъ, запрещающій, подъ страхомъ наказанія, закупъ хлѣба для перепродажи его съ повышеніемъ цѣны, а воеводамъ, буде ихъ „небреженьемъ учнутъ закупщики хлѣбъ въ отвозъ закупати на продажу и хлѣбъ вздорожатъ... быти казненнымъ смертью" [2]). Ясачные сибирскіе инородцы обязаны привозить всю добычу своихъ „лѣшихъ" промысловъ, мѣха, въ городъ и платить ясакъ лучшими экземплярами по выбору, а затѣмъ остальное имѣютъ право продавать вольною цѣною въ гостиныхъ дворахъ, съ уплатою казенныхъ пошлинъ. Торговцы мѣхами стараются обойти этотъ порядокъ; они выѣзжаютъ ясачной самояди и остякамъ, и вогуличамъ на встрѣчу и торгуютъ съ ними „по тундрамъ, и по лѣсамъ, и по рѣкамъ", выкупая у нихъ лучшіе мѣха и избывая уплаты пошлинъ. За такія дѣйствія „имъ быть казненнымъ смертью" [3]). За торговлю ревенемъ — тоже: „въ московскомъ государствѣ кореню ревеню похода нѣтъ", говоритъ указъ 1657 года [4]). Южнорусская граница охраняется засѣками; къ нимъ отведены заповѣдные засѣчные лѣса; кто въ такомъ лѣсу

---

[1]) *Акт. ист.* т. V № 108, I Грамота верхотурскому воеводѣ 1683 года.

[2]) *Акт. ист.* т. III № 107 Грамота верхотурскому воеводѣ 1622 года.

[3]) *Рус. Ист. Биб.* т. II № 77 Грамота березовскому воеводѣ.

[4]) *Пол. Соб. Зак.* № 215 Указъ 1657 года. *Собр. госуд. гр. и дог.,* т. IV № 10 Отписка тобольскаго воеводы верхотурскому 1657 года. *Пол. Соб. Зак.* № 1594 Наказъ тобольскому воеводѣ 1697 года.

„ссѣчетъ дерево или высѣчетъ избу или овинъ“, или въ засѣкѣ „проложитъ дорогу или стежку“ — въ первый разъ кнутъ, а во второй за такія „засѣчныя порухи“ смертная казнь [1]). Въ 1682 году января 12 уничтожается древній институтъ служилаго мѣстничества [2]); того же числа въ разрядныхъ запискахъ отмѣченъ царскій указъ: за всчинаніе „отеческихъ дѣлъ“ „быть подъ смертною казнью“ [3]). Въ цѣломъ рядѣ указовъ, побѣгъ со службы, изъ полковъ, какъ солдатъ разныхъ наименованій, такъ и боярскихъ людей, бывшихъ въ походѣ со своими господами, облагается одинаково смертною казнью, въ большинствѣ случаевъ — „вѣшать“ [4]). Въ одномъ изъ этихъ указовъ, именно въ указѣ 24 марта 1655 года, заключается весьма любопытное опредѣленіе о казни извѣстнаго процента изъ числа виновныхъ: „которые боярскіе холопи почали бѣгать отъ бояръ своихъ, и котораго двора приведутъ боярскихъ холопей человѣкъ двадцат или тридцать, и изъ того двора велѣно повѣсить человѣкъ шесть, или пять, или четыре... а изъ котораго двора побѣгутъ человѣкъ десять или пять, и тѣмъ велѣно чинить наказанье, смотря по тамошнему дѣлу, а чтобы безъ трехъ, или безъ дву человѣкъ, или одного не повѣся не было“ [5]). Въ 1658 году мы встрѣчаемъ распоряженіе о смертной казни посадскихъ и уѣздныхъ людей, которые окажутся виновными въ укры-

---

1) *Пол. Соб. Зак.* № 728 Указъ 1678 года. *Допол. акт. ист.* т. VIII № 30.

2) *Пол. Соб. Зак.* № 905 Соборное дѣяніе 1682 года января 12.

3) *Допол. акт. ист.* т. IX № 88, стр. 186.

4) *Пол. Соб. Зак.* № 127 Указъ 1654 года. № 143 Грамота въ Тулу 1654 года. № 150 Указъ 1655 года. № 151 того же года. № 253 Указъ 1659 года. *Воронеж. памят.,* т. III, № CXVI Грамота въ Воронежъ 1655 года.

5) *Пол. Соб. Зак.* № 151.

вательствѣ бѣглыхъ солдатъ и драгуновъ [1]). Въ 1685 году, за побѣгъ всякихъ чиновъ тамбовскихъ людей и крестьянъ въ казаки, велѣно „пущихъ заводчиковъ пяти человѣкъ повѣсить“ [2]). Дворцовыхъ слободъ и посадскимъ людямъ за пріемъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, а равно если они „учнутъ за посадомъ сами жениться или замужъ отдавать безъ отпускныхъ, или учнутъ переходить“, „быть въ смертной казни“ [3]). Въ 1662 году загорѣлся бунтъ на восточной окраинѣ; возстали татары и уфимскіе башкирцы. Пермскому воеводѣ повелѣвается выслать наспѣхъ даточныхъ людей, а за медленность угроза: „тебѣ за то быть казнену смертью“ [4]). Въ 1697 году совершается судопроизводственная реформа: вмѣсто суда и очныхъ ставокъ, повелѣвается производить розыскъ, а при отсутствіи свидѣтелей „истцомъ и отвѣтчикомъ давать вѣру“. Сейчасъ же и угроза смертною казнью: „кто къ крестному цѣлованью приступитъ въ неправдѣ... такому лукавцу за лживое цѣлованіе учинить казнь смертная“; „а буде кто свидѣтель скажетъ лживо... и за то его казнить смертью-жъ“ [5]). Во многихъ судныхъ жалованныхъ грамотахъ волостямъ за неправосудіе и взятки выборнымъ судьямъ назначается смертная казнь [6]). Сборщику дани съ самоѣдовъ мезенскихъ за сборъ излишнихъ де-

---

1) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 106 Грамота на Бѣлоозеро.

2) *Допол. акт. ист.* т. XII № 17 Указъ 1685 года.

3) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 101 Окружная грамота 1658 года.

4) *Пол. Соб. Зак.* № 327 Грамота пермскому воеводѣ 1662 года. Тоже *Собр. госуд. гр. и дог.* т. IV № 24.

5) *Пол. Соб. Зак.* № 1572 Указъ 1697 года февраля 21, статьи 6, 9, 10. Также *Древ. росс. вивл.* т. XV Инструкція поповскимъ старостамъ 1699 года.

6) *Акт. археогр. эксп.* т. I № 257 Судная грамота Вохонской волости 1561 года. Т. III № 36 Устюжны-Желѣзопольской 1614 года. № 126 Устьянскимъ волостямъ 1622 года и др.

негъ — тоже[1]). Въ грамотѣ псковскому воеводѣ 1632 года запрещается подъ смертною казнью покупать и вывозить хмѣль изъ за литовскаго рубежа, потому что „въ литовскихъ городѣхъ баба вѣдунья наговариваетъ на хмѣль, который изъ Литвы возятъ въ наши городы, чтобъ тѣмъ хмѣлемъ въ нашихъ городѣхъ на люди навесть моровое повѣтріе“[2]). Умножаются въ Москвѣ и въ городахъ разбои; правительство вынуждено принимать исключительныя мѣры борьбы съ лихими людьми. Въ числѣ этихъ мѣръ на первомъ планѣ смертная казнь. Она назначается „становщикамъ и понаровщикамъ“[3]); всѣмъ тѣмъ, „кто про тѣ разбои вѣдалъ, или самъ былъ, или купилъ, или вѣдая не извѣстилъ“[4]). Равнымъ образомъ—„кто такихъ воровъ учнутъ укрывать, и у себя держать, и воровство ихъ таить... а къ сыщику не отводили и про нихъ не объявливали“[5]), и обратно—тѣмъ людямъ, которые „учнутъ добрыхъ людей напрасно клепать, и деревенскія ссоры и брани въ разбой ставить“... всѣмъ имъ быть въ опалѣ и въ смертной казни[6]). Въ 1671 году установлены казенныя хлѣбныя мѣры, осьмины и четверики, за орлами. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвается „учинить

---

1) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 293 Грамота мезенскому воеводѣ 1688 года.

2) *Акт. археогр. эксп.* т. III № 197.

3) *Пол. Соб. Зак.* № 1678 Указъ 24 февр. 1699 года.

4) *Пол. Соб. Зак.* № 1510 Указъ 4 апр. 1695 года. Въ этомъ указѣ говорится спеціально о большихъ разбояхъ, происходившихъ въ Москвѣ въ 1695 году. Великій Государь повелѣваетъ всѣмъ виновнымъ и прикосновеннымъ лицамъ принести повинную, обѣщая имъ полное прощеніе. Смертною же казнью угрожается тѣмъ, кто по этому указу повинной не принесетъ.

5) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 159 Грамота въ Бѣжецкій Верхъ 1667 года. № 237 Губной наказъ арзамасскому воеводѣ 1679 года.

6) *Полевой*, Русс. вивл.. стр. 301, Губной наказъ шацкому воеводѣ 1689 года.

заказъ крѣпкой, подъ смертной казнью, чтобы всякой хлѣбъ продавали, и покупали, и принимали, и отдавали въ тѣ новые осьмины и четверики, а никто бы тѣхъ мѣръ нигдѣ не перемѣнялъ" [1]). Въ Переяславскомъ озерѣ „сельди измелѣли". Съ 1673 по 1675 годъ ловля ихъ поэтому была вовсе прекращена, а въ 1675 году допущена вновь, но только крупными неводами, по указанному образцу. За ловлю же сельдей „частыми неводами", не „противъ образцоваго невода", старостѣ и рыбнымъ ловцамъ „быть въ смертной казни" [2]). Въ Сѣвскомъ и Трубчевскомъ уѣздахъ польскія монеты, „чехи", допущены были правительствомъ въ обращеніе наравнѣ съ русскими. „А будетъ которые люди, говоритъ указъ 1683 года, чехи учнутъ мѣнять на серебряныя деньги изъ прибыли... и имъ за то быть въ смертной казни безъ всякія пощады" [3]). Подъячій Прокофьевъ въ 1686 году отравился сулемой, которую лѣкарь Мишка Тулейщиковъ отвѣсилъ ему въ пьянствѣ вмѣсто раковыхъ глазъ; по этому поводу сказанъ указъ всѣмъ лѣкарямъ: „буде изъ нихъ кто нарочно или ненарочно кого уморятъ, и имъ быть казненнымъ смертью" [4]). Въ 1689 году состоялся указъ „быть въ смертной казни" за челобитье о вершенныхъ дѣлахъ съ утайкою прежняго рѣшенія [5]).

Почти безграничною представляется та область—въ особенности, если мы присоединимъ къ ней всѣ случаи указанные выше (см. стр. 27, 28) — въ которой, по буквѣ

---

[1]) *Пол. Собр. Зак.* № 499 Указъ 1671 года. № 770 Указъ 1679 года. *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 240 Грамота въ Вологду 1680 года.

[2]) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 210 Грамота въ Переславль 1676 года.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 999.

[4]) *Пол. Соб. Зак.* № 1171 Указъ 4 марта 1686 года.

[5]) *Пол. Соб. Зак.* № 1355.

закона, должна была или, по крайней мѣрѣ, могла примѣняться смертная казнь. Но, какъ было уже сказано нами, буква закона была, въ этомъ отношеніи, строже его примѣненія. Къ сожалѣнію, изданные до сихъ поръ документы не даютъ намъ возможности рѣшить, какъ велико было число тѣхъ случаевъ, въ которыхъ назначенная въ законѣ смертная казнь въ дѣйствительности не примѣнялась.

II. Общій порядокъ совершенія казни.

Порядокъ совершенія смертной казни, формы ея, простыя и квалифицированныя, сравнительно мало интересовали законодателя. Мы почти вовсе не находимъ общихъ опредѣленій о томъ, какъ должна была совершаться казнь того или другаго рода, какова была обрядовая сторона дѣла и проч. Уложеніе Алексѣя Михайловича даже самый видъ смертной казни опредѣляетъ только въ семи статьяхъ, въ томъ числѣ указываетъ только три квалифицированныя формы [1], хотя на практикѣ, какъ увидимъ ниже, ихъ было весьма много. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ, Уложеніе, назначая смертную казнь, не опредѣляетъ вовсе способа лишенія жизни. Всѣ свѣдѣнія этого рода мы получаемъ или изъ приговоровъ и указовъ, состоявшихся по отдѣльнымъ дѣламъ, или изъ переписки учрежденій и должностныхъ лицъ, или, наконецъ, изъ описаній современниковъ.

Независимо отъ способа лишенія жизни, простаго или квалифицированнаго, смертная казнь совершалась или съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовыхъ формальностей, или же безъ оныхъ, такъ сказать, суммарнымъ

[1] 1) Повѣшеніе гл. VII ст. 20. 2) Сожженіе гл. I ст. 1, гл. II ст. 4, гл. X ст. 228, гл. XXII ст. 24. 3) Залитіе горла металломъ гл. V ст. 1. 4) Окопаніе въ землю гл. XXII ст. 14.

порядкомъ. Это различіе казни формальной и суммарной, можно съ достовѣрностью сказать, зависѣло не отъ рода или важности преступнаго дѣянія, а отъ числа подлежавшихъ казни преступниковъ, отъ времени, которымъ могли располагать исполнители, и отъ другихъ побочныхъ, случайныхъ соображеній: если времени было много или желали придать казни особую торжественность для наибольшаго впечатлѣнія народныхъ массъ, то производили казнь не спѣша, соблюдали формальности, въ противномъ случаѣ — и единичныхъ лицъ, и цѣлыя массы „вершили" наскоро.

Формальный порядокъ заключалъ въ себѣ три части: покаяніе и духовное напутствіе, чтеніе приговора или „сказки" и шествіе къ мѣсту казни.

Для покаянія предназначалась особая изба въ тюрьмѣ, въ которой осужденный, по Уложенію, долженъ былъ провести шесть недѣль [1]), а по такъ называемымъ Новоуказнымъ статьямъ 1669 года, не болѣе десяти дней: „послѣ сказки, въ покаянной избѣ поститься недѣлю до причастія св. таинъ, а по причастіи св. таинъ, быти имъ два дня, а въ третій день ихъ вершить [2])". Это предсмертное покаяніе, однако, не всегда соблюдалось одинаково. Вопервыхъ, сроки его въ практикѣ были различны. Иностранцы Олеарій и Викгардтъ, бывшій въ Россіи въ 1675 году, слѣдовательно послѣ изданія Новоуказныхъ статей, оба согласно указываютъ шесть недѣль [3]); въ одной грамотѣ 1698 года говорится просто: давать „время *по обычаю* на покаяніе ихъ", безъ означенія срока [4]). Указомъ 1653 года 20 октября покаян-

---

[1]) *Уложеніе*, гл. XXI ст. 34.

[2]) *Новоук. стат.* ст. 86.

[3]) *Olearius*, Beschreibung, стр. 272 (русскій переводъ стр. 299). *Wickhart*, Reisebeschreibung, стр. 252.

[4]) *Акт. ист.* т. V № 280 Грамота въ Иркутскъ.

ная изба для татей и разбойниковъ отмѣняется вовсе: „татей и разбойниковъ.... въ покаянную избу не сажать“ [1]). Вовторыхъ, самое правило объ исповѣди и причащеніи подвергалось измѣненіямъ. Въ приведенномъ указѣ 1653 года причащеніе татей и разбойниковъ воспрещается — „причастія имъ не давать“, — но исповѣдь допускается по желанію: „а кто попроситъ покаянія и ему дать“. Патріархъ Никонъ запретилъ „не токмо причащати разбойниковъ и татей, но ниже исповѣдывати ихъ и въ послѣдній часъ казни ихъ“ [2]). Соборъ 1667 года, низложившій Никона, поставилъ ему это въ число обвиненій и, съ своей стороны, не только возстановилъ прежній порядокъ, но и ввелъ нѣкоторыя новыя подробности: „прежде казни, за день или за два, да идетъ ко осужденному и повинну сущу смерти священникъ и исповѣдуетъ его со всякимъ испытаніемъ прилежно, потомъ да причаститъ его пречистыхъ таинъ, и да будетъ съ ними въ той день отъ искусныхъ священниковъ и научатъ ихъ и возвѣстятъ имъ оная страшная судилище и безконечныя муки“ [3]). Патріархъ Адріанъ повелѣваетъ исповѣдывать тѣхъ, которые „при смерти просить будутъ отцовъ духовныхъ, чтобъ имъ передъ ними исповѣдаться“, а причащать „по разсужденію отцовъ духовныхъ“ [4]). Наконецъ, несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ исповѣди и причащенія не могло быть за недостаткомъ времени, когда казнь производилась наскоро, какъ напримѣръ, казнь князей Хованскихъ въ 1682 году [5]).

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 105 Указъ 1653 года окт. 20.

[2]) *Матер. ист. раскола,* т. II № LXIX Книга дѣяній собора 1667 года, глава 4, стр. 280.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 412 Выписка изъ дѣяній собора 1667 года. Также: № 442, статьи 1667—1669 года, ст. 14. *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 161 Соборныя статьи 1667 года.

[4]) *Борисовъ,* Опис. гор. Шуи, стр. 87.

[5]) *Соловьевъ,* Исторія, т. XIII, стр. 378, 379.

Въ покаянной избѣ время проводилось въ строгомъ постѣ: „er Busse thun muss mit hartem Leben“, говоритъ Олеарій, а Викгардтъ принялъ даже это за особый родъ дополнительнаго наказанія: осужденные, разсказываетъ онъ, „werden in ein Gefängnuss geleget, daselbsten sechs Wochen lang mit Hunger und Durst gepeiniget“ [1]).

Чтеніе „сказки“ и шествіе къ мѣсту казни подробно изложены въ выпискѣ изъ дѣла воеводы Михаила Шеина съ товарищи 1634 года. Апрѣля 18 состоялся смертный приговоръ Михаилу Шеину, Артемью Измайлову и сыну послѣдняго Василію; 28 числа ихъ выводятъ передъ Приказъ сыскныхъ дѣлъ. Передъ приказомъ дьякъ сказываетъ имъ ихъ воровство и измѣну, и казнь— „рѣчь“ говоритъ — въ присутствіи особо назначенныхъ для того лицъ—двухъ бояръ, одного окольничаго и еще одного дьяка. Затѣмъ осужденныхъ ведутъ на мѣсто казни, за ними ѣдутъ тѣ же лица. У плахи другой дьякъ читаетъ „измѣну по списку“. „Тогоже часу“ вершатъ— „отсѣкли имъ всѣмъ тремъ головы“. И первая „рѣчь“ передъ приказомъ, и „списокъ“, чтенный у плахи, представляютъ собою пространный мотивированный приговоръ [2]). Самозванца Воробьева (лже-Симеонъ) въ 1674 году вели къ казни на цѣпяхъ и въ кандалахъ. При казни присутствоваля одинъ стольникъ и одинъ дьякъ. На лобномъ мѣстѣ имъ былъ поставленъ „поставецъ“,

---

[1]) См. выше, стр. 91, прим. 3. Строгій режимъ покаянной тюрьмы иногда, впрочемъ, весьма нарушался, благодаря тогдашнимъ нравамъ. Такъ напримѣръ, въ грамотѣ новгородскаго митрополита въ Тихвинъ монастырь 1682 года, *Акт. ист.* т. V № 80, между прочимъ сообщается, что „стрѣлецкая жена Дашка, сидя въ тюрьмѣ въ покаянной, блудно воровала съ стрѣльцомъ Петрушкою“.

[2]) *Акт. археогр. эксп.* т. III № 251. См. также *Дополн. акт. ист.* т. XII № 17 Дѣло о раскольникахъ 1688 года.

съ котораго дьякъ челъ „ему, вору, наказъ и измѣну его во весь міръ“. А прочитавши наказъ во весь міръ, велѣли казнить [1]). Существовалъ обычай, по которому осужденные шли къ мѣсту казни съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ [2]). Во время шествія они давали еще нѣкоторыя показанія по дѣлу — оговаривали другихъ лицъ, отказывались отъ показаній, данныхъ подъ пыткою и т. п. [3]).

Казни въ Москвѣ совершались обыкновенно на Красной площади, иногда на Козьемъ болотѣ, которое иностранцы называютъ Cosabolot [4]), и на Пожарѣ; эти мѣста упоминаются въ памятникахъ постоянно [5]). Въ отдѣльныхъ случаяхъ казни производились въ различныхъ другихъ мѣстахъ города и на рѣкахъ Яузѣ и Москвѣ [6]). Въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, въ городѣхъ

---

1) *Акт. ист.* т. IV, № 247 Статейный списокъ о привозѣ въ Москву и казни самозванца Воробьева 1674 года.

2) Объ этомъ говоритъ еще *Флетчеръ*, О государствѣ русскомъ, стр. 51.

3) *Акт. археогр. эксп.* т. II № 225 Выписка о разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ, послѣ 1605 года: при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ данъ въ Разб. прик. боярскій приговоръ: кого начнутъ оговаривать или съ кого сговаривать „языки въ казни идучи... и тому не вѣрить“. *Уложеніе*, гл. XXI, ст. 93: ...„языки идучи къ казни учнутъ съ тѣхъ людей, на кого они говорили, зговаривать, и тому ихъ зговору не вѣрить“.

4) *Reutenfels*, De rebus, стр. 115: „locus est suppliciis maleficorum illaetabilis quem Moschi *Cosabolot* appellant“.

5) Гдѣ находился Пожаръ, неизвѣстно. См. по этому поводу: *Бартеневъ*, Собр. пис. ц. Алексѣя Михайловича, примѣчаніе 12 на стр. 188. *Коллинсъ*, сост. Россіи, стр. 14, просто говоритъ, что Пожаромъ называлась площадь, на которой совершались казни, слѣдовательно, Красная площадь.

6) Въ 1727 году состоялся указъ: „впредь въ Санктпетербургѣ и Москвѣ никому смертныхъ казней внутри города не чинить, а чинить тѣ экзекуціи за городомъ“. *Пол. Соб. Зак.* № 5155 Указъ 1727 года сент. 17.

и въ уѣздѣхъ, какъ выражались въ XVII вѣкѣ, казни, въ особенности повѣшеніе, очень часто совершались по дорогамъ и по рѣкамъ, гдѣ разбойники разбивали, гдѣ бунтовщики и лазутчики проходили; за городомъ на порубежныхъ деревьяхъ и на деревьяхъ по дорогамъ [1]); на городскихъ воротахъ [2]) и т. п. По Новоуказнымъ статьямъ 1669 года полагается общее правило: преступниковъ „въ пустыхъ мѣстахъ не вершить“, а „вершить въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ они воровали или гдѣ они жили“ [3]).

Относительно устройства самаго лобнаго мѣста въ Москвѣ мы имѣемъ немного свѣдѣній: это было сдѣланное

---

[1]) *Масса,* Смутн. вр., стр. 97, сообщаетъ, что разбойники изъ шайки Хлопка, въ 1603, 1604 годахъ, были перевѣшены на деревьяхъ „на тѣхъ самыхъ дорогахъ, на которыхъ они грабили“. *Собр. госуд. грам. и дог.* т. III № 28 Наказъ князю Дмит. Мих. Пожарскому о походѣ 1615 года: литовскихъ лазутчиковъ предписывается „по дорогамъ вѣшать“. *Дополн. акт. ист.* т. IV № 124 Акты о возмущеніи сибирскихъ инородцевъ въ 1662, 1663 годахъ: ихъ вѣшаютъ „на дорогахъ“. Тоже т. VIII № 15, XIV. Т. XII № 56 Отписка царямъ соликамскаго воеводы 1689 года: „разбойникъ Ѳедька повѣшенъ у Камы рѣки на берегу“; а былъ онъ на разбоѣ „по Камѣ и по Двинѣ рѣкамъ“. *Древ. Росс. Вивл.* т. XVII, стр. 284, Записка о службѣ князя В. В. Голицына 1684 года: лазутчикъ Квашнинъ приговоренъ „на калужской дорогѣ повѣсить“. *Акт. археогр. эксп.* т. III № 195 Грамота псковскому воеводѣ 1631 года: „гдѣ кто соль продавалъ за рубежъ, или кого гдѣ съ солью поимаютъ, и тѣхъ людей въ тѣхъ мѣстѣхъ велимъ и повѣсить“. Т. IV № 313 Грамота новоторжскому воеводѣ 1696 года. Изъ нея видно, что въ томъ году были повѣшены два убойца на большой новгородской дорогѣ. *Пол. Соб. Зак.* № 3477 Инструкція 24 дек. 1719 года, п. 7: помѣщиковъ, занимающихся разбоями, „въ томъ же мѣстѣ повѣсить“. Наконецъ, относительно повѣшенія на порубежныхъ деревьяхъ, мы находимъ указаніе у *Борисова,* Опис. гор. Шуи, стр. 78: Сохранились, говоритъ онъ, древнія порубежныя сосны съ древними гранями; „на сихъ соснахъ, какъ гласитъ преданіе, вѣшали преступниковъ“.

[2]) *Соловьевъ,* Исторія, т. XI Бунтъ Стеньки Разина.

[3]) *Новоук. ст.* ст. 123.

изъ камня возвышеніе, на подобіе погреба, или „холодника“ [1]); оно ограждалось деревянною, бревенчатою рѣшеткой, съ желѣзными закладными цѣпями, и запиралось желѣзнымъ засовомъ [2]).

Воскресные дни были свободны отъ казней: „татей и разбойниковъ—говоритъ указъ 1653 года—вершить въ недѣлѣ во всѣ дни опричь Воскресенія Христова“ [3]). Сверхъ того, казни не моги совершаться во дни поминовенія особъ царскаго дома, до истеченія сорока дней по кончинѣ ихъ [4]), и по указу 1559 года, въ день „Большой Панихиды“, когда „Митрополитъ у Государя за столомъ, а Государь передъ нимъ стоитъ“ [5]). Казнь надъ женщинами беременными отлагалась до разрѣшенія ихъ отъ бремени; „а до тѣхъ мѣстъ держати ее въ тюрьмѣ или за крѣпкими приставы, чтобы она не ушла“, опредѣляетъ Уложеніе [6]).

---

[1]) Такое сравненіе сдѣлали въ 1650 году московскіе послы къ царю Александру грузинскому. См. *Древ. Росс. Вивл.* т. V, стр. 135, Статейный списокъ посольства въ Грузію: въ Кутаисѣ, въ ожиданіи обѣда, послы проведены были за шатры „въ холодникъ по московскому, что лобное мѣсто сдѣлано каменное и покрыто“.

[2]) Въ *Акт. юрид.* № 224, II, стр. 240 сл., напечатанъ счетъ строительныхъ матеріаловъ, употребленныхъ на рѣшетку лобнаго мѣста: „138 года іюля въ 8 день взяли въ лѣсномъ ряду... къ лобному мѣсту къ рѣшеткѣ бревно поперешное пяти сажень, въ отрубѣ шти вершковъ; цѣна семь алтынъ“. „Іюля въ 10 день взяли въ желѣзномъ ряду къ лобному мѣсту къ рѣшоткамъ три цѣпочки закладки, да засовецъ желѣзной на запирку... цѣна три алтына“.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 105 Указъ 1653 года окт. 20.

[4]) *Пол. Соб. Зак.* № 1451 Указъ 1692 года. №№ 1483 и 1488 Указы 1694 года янв. 26 и марта 10. *Собр. гос. гр. и дог.* т. IV, № 217 Память въ Судный приказъ 1694 года янв. 31.

[5]) *Татищевъ,* Судебникъ, § 155, стр. 195, Указъ 7067 года апрѣля 25.

[6]) *Уложеніе,* гл. XXII, ст. 15.

III. Виды смертной казни.

Виды или формы смертной казни, по способу лишенія жизни и по различнымъ дополненіямъ, предшествовавшимъ казни или слѣдовавшимъ за нею, могутъ быть раздѣлены на простыя и квалифицированныя; эта послѣдняя группа, въ свою очередь, распадается на казни квалифицированныя мучительныя и на казни, сопрягаемыя съ квалификаціей обрядовой, причемъ обряды эти заключаются или въ извѣстномъ церемоніалѣ, исполняемомъ до казни, или въ различныхъ дѣйствіяхъ надъ трупомъ казненнаго.

Хотя виды смертной казни были весьма разнообразны, но законодатель не придавалъ ихъ различію большаго значенія: лишь немногіе сопрягались всегда съ дѣяніями извѣстнаго рода; всѣ же прочіе употреблялись болѣе или менѣе безразлично. Можно думать, что и здѣсь, въ выборѣ формъ казни при назначеніи ихъ за отдѣльныя преступныя дѣянія, рѣшающимъ моментомъ въ большинствѣ случаевъ являлись различныя практическія, побочныя соображенія, а не степень виновности лица или тяжесть, или свойство преступнаго дѣянія. Мы видѣли уже, что Уложеніе только въ семи статьяхъ опредѣляетъ виды смертной казни, различая ихъ четыре формы, во всѣхъ же прочихъ статьяхъ ограничивается общею формулой: „казнить смертью; быть въ смертной казни“ и т. п. Котошихинъ, перечисляя казни, употреблявшіяся въ современной ему Россіи, указываетъ шесть видовъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности ихъ было болѣе. Онъ старается опредѣлить область примѣненія каждаго изъ приводимыхъ имъ видовъ казни; но при этомъ относительно двухъ, наиболѣе употребительныхъ—отсѣченія головы и повѣшенія, даетъ лишь безсодержательныя указанія: „за убій-

ство и за иные злые дѣла“ [1]). Четвертованіе, по Котошихину, назначается за измѣну, за сдачу города непріятелю и за иныя „измѣнныя статьи“; между тѣмъ Шеинъ за измѣну казненъ отсѣченіемъ головы, а не четвертованъ. Самозванецъ лже-Петръ при царѣ Шуйскомъ повѣшенъ, а самозванцы лже-Симеонъ и лже-Шуйскій при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ четвертованы. Болотниковъ утопленъ, Заруцкій посаженъ на колъ. Раскольниковъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и жгутъ, и вѣшаютъ. Бунтовщиковъ массами топятъ, а не четвертуютъ; начальниковъ ихъ сажаютъ на колъ. Въ донесеніяхъ воеводъ объ усмиреніи разинскаго бунта, относительно взятыхъ въ плѣнъ воровскихъ людей, выраженія: посѣчь (то есть головы), перевѣшать, четвертовать, употребляются постоянно, безъ ближайшаго различія между этими казнями; лишь изрѣдка выдвигается замѣчаніе, что пущіе воры четвертованы. Сообщниковъ Разина въ Казани казнятъ отсѣченіемъ головы, а въ уѣздѣ, въ селахъ и въ деревняхъ вѣшаютъ [2]). Фальшивымъ монетчикамъ и заливаютъ горло, и рубятъ головы. Корбъ въ одномъ мѣстѣ разсказываетъ о казни шести боярскихъ людей за убійство господина отсѣченіемъ головы (securi percussi sunt), а въ другомъ приводитъ случай повѣшенія двоихъ за то же преступленіе [3]) и т. д.

А. *Простая смертная казнь.*

Простую смертную казнь разсматриваемая нами эпоха знала въ четырехъ видахъ: отсѣченіе головы, повѣшеніе, утопленіе, разстрѣляніе.

---

[1]) *Котошихинъ,* О Россіи, стр. 91, 92.

[2]) *Мат. ист. Ст. Разина,* стр. 157, Донесеніе 1 декабря 1670 года.

[3]) *Korb,* Diarium, стр. 54 и 59 (русс. перев. стр. 65 и 72).

1. *Отсѣченіе головы* производилось первоначально топоромъ на плахѣ. Петръ Великій, во время стрѣлецкихъ казней, впервые вводитъ отсѣченіе головы мечемъ. Корбъ въ своемъ дневникѣ говоритъ: „царь пожелалъ казнить преступниковъ новымъ еще неизвѣстнымъ его народу, способомъ, не топоромъ, а мечомъ“ [1]). Каковъ; былъ топоръ, предназначавшійся для казней—былъ ли это обыкновенный топоръ мясника или дровосѣка, или имѣлъ какое-либо особое устройство—намъ неизвѣстно; но одинъ изъ современниковъ называетъ его сѣкирой [2]). Плаха была деревянная и дѣлалась, какъ можно заключить по одному указанію, изъ липоваго дерева [3]). На рисункѣ, приложенномъ къ путешествію Авриля, она изображена въ видѣ куска дерева, который имѣетъ форму усѣченной четырехгранной, продолговатой пирамиды [4]). Употреблялись плахи и болѣе простаго устройства: въ книгѣ Корба имѣется рисунокъ, изображающій казни стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ; тамъ плахою служатъ простыя бревна, положенныя на землю въ одну линію. Длиннымъ рядомъ стрѣльцы лежатъ или, вѣрнѣе, стоятъ на четверинкахъ, одинъ подлѣ другаго, положивъ головы на эти бревна, на каждое по нѣсколько человѣкъ; четыре палача съ топорами идутъ вдоль ряда и рубятъ одну за другою головы [5]).

---

[1]) *Korb,* Diarium, стр. 113 (русс. перев. стр. 143).

[2]) *Шушеринъ,* Житіе патр. Никона, стр. 33, разсказывая о бунтѣ въ Новгородѣ, говоритъ, что бунтовщики, несогласнымъ съ ними лицамъ, „претяху смертію, и того ради плаха и сѣкира передъ очима уготована“.

[3]) *Забѣлинъ,* Дом. б. русс. царей, стр. 269: въ 1643 году апрѣля 19 на Красномъ крыльцѣ шумѣли и ссорились Чириковы съ Измайловыми. Между прочимъ — слѣдующая брань: „знали бы вы орленой кнутъ, да *липовую* плаху“.

[4]) *Avril,* Voyages.

[5]) *Korb,* Diarium, стр. 160, 161.

*

2. *Повѣшеніе* совершалось посредствомъ веревки[1]) на висѣлицѣ или, какъ мы видѣли выше, на деревьяхъ. Какова была общеупотребительная висѣлица—строилась ли она покоемъ (то есть въ формѣ буквы П: два столба съ перекладиной), или глаголемъ (въ формѣ буквы Г: одинъ столбъ съ горизонтальнымъ брускомъ наверху въ одну сторону), или двойнымъ глаголемъ (въ формѣ буквы Т: одинъ столбъ съ горизонтальнымъ брускомъ въ обѣ стороны) — сколько-нибудь точныхъ указаній мы не находимъ. Вѣроятно, въ бо́льшемъ употребленіи была висѣлица покоемъ, сохранившаяся и до нашего времени. Въ отдѣльныхъ случаяхъ повѣшеніе совершалось на большихъ общихъ висѣлицахъ для нѣсколькихъ осужденныхъ. Такъ, на рисункѣ стрѣлецкихъ казней въ дневникѣ Корба [2]) изображено повѣшеніе по 10 человѣкъ въ рядъ на большихъ висѣлицахъ, устроенныхъ покоемъ. Во время стрѣлецкихъ же казней множество лицъ было повѣшено на бревнахъ, выдвинутыхъ изъ амбразуръ стѣны Бѣлаго города, по два на каждомъ бревнѣ [3]). Несомнѣнно, что какого-либо общаго, установленнаго закономъ или обычаемъ, устройства висѣлицы не существовало; въ одномъ случаѣ упоминается, напримѣръ, повѣшеніе „на якоряхъ“ или „на якорѣ“ — въ чемъ оно состояло, трудно сказать [4]). У повѣшенныхъ, по старому обычаю, лица закрывались платкомъ [5]).

---

[1]) Указаній на употребленіе цѣпи мы въ памятникахъ не находимъ.

[2]) *Korb,* Diarium, стр. 84. Этотъ рисунокъ воспроизведенъ у *Брикнера,* Исторія Петра Великаго, но очень плохо.

[3]) *Желябужскій,* Записки, стр. 58. См. также предъид. примѣч.

[4]) *Дополн. акт. ист.* т. X № 6, О донскихъ дѣлахъ 1682 года, I и II: Пущимъ ворамъ отрубили головы, „а полковника повѣсили живаго на якорѣхъ“. „Полковника... на якорь повѣсили“.

[5]) *Берхгольцъ,* Дневникъ, ч. 1 стр. 105.

Повѣшеніе есть древнѣйшая форма смертной казни въ Россіи: мы находимъ его въ уставной двинской грамотѣ 1397 года. Въ XVII вѣкѣ оно примѣняется къ преступнымъ дѣяніямъ всякаго рода, и установить въ этомъ отношеніи какое-либо точное различіе между нимъ и отсѣченіемъ головы невозможно. Можно лишь предположить, что, во всякомъ случаѣ, повѣшеніе представлялось болѣе позорнымъ, чѣмъ отсѣченіе головы. Уложеніе всего одинъ разъ говоритъ именно о повѣшеніи, но назначаетъ его за дѣяніе наиболѣе позорное: „кто учнетъ измѣною изъ полковъ переѣзжать въ непріятельскіе полки, и въ непріятельскихъ полкѣхъ сказывати про вѣсти". Такихъ повелѣвается „повѣсити противъ непріятельскихъ полковъ" [1]). Въ указѣ 24 января 1666 года повелѣвается „воровъ, которые... довелись смертной казни, татей и разбойниковъ вершить, вѣшать, а смертныхъ убойцовъ казнить, сѣчь головы" [2]). Сибирскихъ инородцевъ язычниковъ, какъ свидѣтельствуютъ акты о ихъ возстаніяхъ и объ усмиреніи [3]), обыкновенно вѣшаютъ, а не сѣкутъ головы. У насъ имѣется даже указаніе, впрочемъ не весьма достовѣрное, о томъ, что русскіе люди имѣли отвращеніе отъ повѣшенія съ религіозной точки зрѣнія. Неизвѣстный авторъ французской передѣлки книги Коллинса о Россіи дополняетъ слова Коллинса о томъ, что, будто бы, висѣлица введена въ Россіи недавно, слѣдующимъ оригинальнымъ объясненіемъ: „русскіе долгое время затруднялись принять повѣшеніе, какъ способъ казни, думая, что душа человѣка

---

1) *Уложеніе*, гл. VII. ст. 20.

2) *Пол. Соб. Зак.* № 383.

3) Помѣщены въ значительномъ числѣ въ *Акт. ист.* и въ *Допол. акт. ист.* См. напр. *Допол. акт. ист.* т. IV № 124 Возстаніе 1662, 1663 годовъ. № 126 Розыскное дѣло того же времени.

повѣшеннаго, будучи принуждена выходить изъ тѣла черезъ нижній проходъ, тѣмъ оскверняется“ [1]).

3. *Утопленіе* большею частью примѣнялось тогда, когда казни производились массами, во время народныхъ волненій. Указаній на утопленіе единичныхъ преступниковъ мы находимъ въ памятникахъ весьма мало [2]). Что же касается до утопленій массами, то мы имѣемъ достаточныя свѣдѣнія, въ особенности относительно царствованія Василія Шуйскаго и Алексѣя Михайловича. Послѣ пораженія и взятія въ плѣнъ Болотникова и лже-Петра въ 1607 году утоплено было около 4.000 человѣкъ [3]). О казняхъ мятежниковъ этой же эпохи, именно въ 1608 году, Масса разсказываетъ: „людей въ Москвѣ еже-

---

[1]) *Relation curieuse*, стр. 101: „l'ame d'un homme, qu'on étrangle, est forcée de sortir par en bas, ce qui le rend Pogano“. Хотя объясненіе это не подтверждается указаніями историческихъ памятниковъ и не повторяется ни однимъ писателемъ современникомъ, но, сколько намъ извѣстно, имѣетъ нѣкоторое основаніе въ народныхъ воззрѣніяхъ. *Коллинсъ*, Сост. Россіи, стр. 23, ограничивается словами: „висѣлица недавно введена въ употребленіе“, безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій.

[2]) *Коллинсъ*, Сост. Россіи, стр. 23, говоритъ, что тайное утопленіе практиковалось иногда относительно политическихъ преступниковъ. Въ *Допол. акт. ист.* т. XII № 17, Переписка о раскольникахъ на Дону 1688 года, сообщается о казни посредствомъ утопленія раскольника Савки (по приговору казаковъ Паншина городка). *Petrejus*, Hist. und Ber., стр. 622 (русск. перев. стр. 404), совершенно невѣрно заявляетъ, что будто бы лица, виновныя въ похищеніи чужаго имущества, если они не могли возвратить похищеннаго и, сверхъ того, заплатить двойную стоимость его, приговаривались къ утопленію въ бочкѣ, наполненной камнями. Тоже повторяетъ *Jansonius*, Itinerarium, стр. 91. Jansonius самъ въ Россіи не былъ, а составилъ свое описаніе по другимъ авторамъ.

[3]) *Русск. ист. Библ.* т. I, № 2 Дневникъ событій, относящихся къ смутному времени, стр. 123. *Сказ. соврем. о Дмитріѣ Самозв.* Дневникъ Маскѣвича, стр. 65. *Флетчеръ*, О государствѣ русскомъ, стр. 51, указываетъ утопленіе, какъ наиболѣе употребительную казнь въ зимнее время.

дневно топили. Эта казнь столь ужасная, что ее нельзя представить себѣ, совершалась въ Москвѣ уже два года сряду и все еще не прекращалась. Весною во время половодья, вмѣстѣ со льдомъ, были выбрасываемы на равнину человѣческіе трупы, изъѣденные щуками и другими рыбами. Эти трупы, покрытые раками и червями, точившими ихъ до костей, лежали цѣлыми тысячами и гнили. Все это я самъ видѣлъ въ Москвѣ". Плѣнныхъ мятежниковъ, говоритъ Масса въ другомъ мѣстѣ своего описанія, „каждую ночь выводили сотнями, ставили въ рядъ и убивали ихъ какъ быковъ, ударяя дубиною по головѣ, а тѣла спускали подъ ледъ въ Яузу" [1]). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ за бунтъ 1662 года, разсказываетъ Котошихинъ, „пущимъ воромъ въ ночи учиненъ указъ, завязавъ руки назадъ, посадя въ большіе суды, потопили въ Москвѣ рѣкѣ" [2]).

4. *Разстрѣляніе*, введенное Воинскими Артикулами Петра Великаго, въ качествѣ казни лицъ военнаго званія [3]), въ XVII вѣкѣ употреблялось рѣдко. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что донскіе казаки повинныхъ смерти преступниковъ, „посадя на площади или на полѣ, изъ луковъ или изъ пищалей разстрѣливаютъ сами" [4]). Въ 1679 году воевода Мангазейскій вора и измѣнника изъ юратской самояди „велѣлъ повѣсить за ноги и разстрѣлять" [5]).

Б. *Квалифицированная смертная казнь.*

Квалифицированныя мучительныя смертныя казни не отличаются такою сложностью и утонченностью мученій,

---

[1]) *Масса,* Смут. врем., стр. 234, 249.

[2]) *Котошихинъ,* О Россіи, стр. 82.

[3]) *Воинскіе артикулы,* арт. 6, 36, 40, 41, 46, 50, 59.

[4]) *Котошихинъ,* О Россіи, стр. 107.

[5]) *Дополн. акт. ист.* т. VIII № 44 Акты о сибирскихъ дѣлахъ 1678—1682 годовъ (стр. 162).

какъ казни на Западѣ въ ту же эпоху; но онѣ не уступаютъ имъ своею жестокостью и поражаютъ своею, такъ сказать, примитивною грубостью. Памятники указываютъ намъ на существованіе слѣдующихъ квалифицированныхъ казней: четвертованіе, залитіе горла расплавленнымъ металломъ, окопаніе въ землю по плечи, посаженіе на колъ, колесованіе, сожженіе, повѣшеніе на крюкъ за ребро [1]). Нѣкоторыя изъ этихъ формъ комбинировались между собою или съ простыми формами казни, или съ особыми мученіями и образовывали, такимъ образомъ, новыя сложныя квалификаціи.

1. *Четвертованіе* состоитъ въ отсѣченіи топоромъ рукъ, ногъ и затѣмъ головы. „Живого четвертаютъ, а потомъ голову отсѣкутъ", говоритъ Котошихинъ [2]). Олеарій слѣдующимъ образомъ описываетъ четвертованіе самозванца Тимошки Анкудинова (лже-Шуйскій): „его раздѣли и положили; сначала отрубили ему топоромъ правую руку подъ локтемъ, потомъ лѣвую ногу

[1]) Сверхъ того, двое изъ иностранцевъ, показанія которыхъ въ данномъ случаѣ представляются весьма сомнительными, такъ какъ вовсе не подтверждаются другими памятниками, называютъ въ числѣ казней еще и закопаніе живаго въ землю: *Petrejus,* Hist. und Ber., стр. 651 (русс. пер. стр. 424) говоритъ, что закопанію въ землю (wird lebendig in die Erde gestecket) подвергаются лица монашескаго званія за нарушеніе обѣта цѣломудрія; *Перри,* Сост. Россіи, стр. 118, 119—что во время стрѣлецкихъ казней нѣкоторые изъ главныхъ виновниковъ были заживо похоронены. Можетъ быть, эта казнь употреблялась иногда при такъ называемыхъ народныхъ расправахъ, безъ суда и не по закону. Одинъ подобный случай мы находимъ въ началѣ XVIII вѣка, а именно: въ *Соликамскомъ Лѣтописцѣ,* см. *Берхъ,* Путешествіе, стр. 217, подъ 1711 годомъ отмѣчены большіе пожары въ Соликамскѣ, а затѣмъ говорится: „открытъ поджигатель Усолецъ Егорко Лаптевъ, котораго и закопали живаго въ землю". По всей вѣроятности это было не исполненіе судебнаго приговора, а расправа толпы съ заподозрѣннымъ лицомъ.

[2]) *Котошихинъ,* О Россіи, стр. 91.

пониже колѣна; затѣмъ лѣвую руку и правую ногу, и послѣ того голову“ [1]). Точно также разсказываетъ Перри о казни Соковнина и Цыклера въ 1697 году: „они были казнены—говоритъ онъ—на большой торговой площади, находящейся передъ царскимъ дворцомъ; сначала имъ отрубили правую руку и лѣвую ногу, затѣмъ лѣвую руку и правую ногу и, наконецъ, головы ихъ отдѣлили отъ туловища“ [2]). Воевода Мангазейскій, въ 1680 году, пишетъ: „и я тѣхъ воровъ и измѣнниковъ дву человѣкъ велѣлъ четвертовати, руки и ноги и головы отсѣчь“ [3]). О четвертованіи Стеньки Разина Рейтенфельсъ разсказываетъ, что ему прежде были отрублены обѣ правыя конечности, потомъ лѣвыя, затѣмъ голова; а одинъ русскій современникъ выражается просто: „Стенька Разинъ разбойникъ въ Москвѣ живой разсѣченъ“ [4]). Также казненъ въ 1674 году самозванецъ лже-Симеонъ [5]).

Въ XVIII вѣкѣ, четвертованіе получило два смягченныхъ вида и одинъ квалифицированный, о которыхъ памятники XVII вѣка не упоминаютъ вовсе. Смягченіе заключалось въ томъ, что осужденному отрубали прежде голову, а потомъ уже руки и ноги [6]); или ограничива-

---

[1]) *Olearius*, Beschreibung, стр. 245 (русс. перев. стр. 256).

[2]) *Перри*, Сост. Россіи, стр. 99. *Gordon*, Tagebuch, III, стр. 92, 93, описаніе той же казни.

[3]) *Дополн. акт. ист.* т. VIII № 44, Акты о сибирскихъ дѣлахъ 1678—1682 годовъ, VIII Отписка мангазейскаго воеводы.

[4]) *Reutenfels*, de rebus, стр. 149. *Берхъ*, Путешествіе. Соликамскій лѣтописецъ, стр. 210.

[5]) *Пол. Соб. Зак.* № 589 Грамота Войску Запорожскому 1674 года сентября 18: „за его вину и плутовство учинена смертная казнь такова жъ, какова богоотступнику и клятвопреступнику Стенькѣ Разину“. Тоже: *Собр. гос. гр. и дог.* т. IV № 99.

[6]) *Воинскіе артикулы*, гл. XVI, арт. 124: „сперва казненъ, а потомъ четвертованъ бываетъ“.

лись отсѣченіемъ одной руки и одной ноги, а затѣмъ отрубали голову [1]). Квалификація заключалась въ рваніи передъ казнью тѣла осужденнаго клещами [2]).

Четвертованіе было старою, привычною казнью на Руси. Мы имѣемъ указаніе на его примѣненіе еще въ XV вѣкѣ [3]). Затѣмъ, кромѣ приведенныхъ выше, мы находимъ въ памятникахъ множество случаевъ и указаній на четвертованіе бунтовщиковъ, измѣнниковъ и другихъ государственныхъ преступниковъ [4]). Одинъ изъ русскихъ дѣятелей конца XVII вѣка и начала XVIII вѣка, именно Матвѣевъ Андрей Артамоновичъ, называетъ четвертованіе „воровскою казнію“ [5]).

---

[1]) Такое смягченное четвертованіе употреблялось при усмиреніи пугачевскаго бунта. См. циркуляръ *Панина* 1774 года 25 августа п. 1, въ т. V Соч. Державина, изд. Грота, стр. 288.

[2]) *Воинскіе Артикулы*, гл. XVI, арт. 124.

[3]) *Сергѣевичъ*, Опыты изслѣдованія обычнаго права, стр. 229 въ 1497 году великій князь казнитъ сторонниковъ сына своего Василія, по разсказу ростов. лѣтоп.—„казниша ихъ на Москвѣ рѣкѣ... руки, да ноги и голову“... отсѣкли.

[4]) *Забѣлинъ*, Домаш. б. русс. царей, стр. 293: въ 1674 году окт. 6 побранились Салтыковы съ Фустовымъ. Фустовъ, между прочимъ, попрекнулъ Салтыковыхъ тѣмъ, что одинъ изъ рода ихъ „ободралъ образъ пресвятыя Богородицы и побѣжалъ въ Литву и его де изымали и за ту вину четвертовали, руки и ноги отсѣкли“. *Мат. ист. Ст. Разина*, стр. 62, 63, 86, 138, и въ др. мѣстахъ. *Собр. гос. гр. и дог.* т. IV № 72 Отписка верхотурскаго воеводы туринскому 1670 года. № 74 Отписка тобольскаго воеводы туринскому 1671 года. *Сильвестръ Медвѣдевъ*, Записки, стр. 30: четвертованъ въ 1682 году на Красной площади „Одышевскія земли царевичъ Матвѣй“ за смутныя слова. *Допол. акт. ист.* т. VIII № 44 Акты о сибирскихъ дѣлахъ 1678—1682 годовъ: четвертованы въ Мангазеѣ два самоѣда. Т. X № 78, VIII Отписка якутскаго воеводы 1685 года: четвертованъ бунтовщикъ тунгусъ Эрюканко. *Korb*, Diarium, стр. 113 (русск. перев. стр. 143)—казаки, принимавшіе участіе въ стрѣлецкомъ мятежѣ.

[5]) *Матвѣевъ*, Записки, стр. 43: стрѣльцы, во время начальствованія Хованскаго, „полковника Янова... выведши на

2. *Залитіе горла* расплавленнымъ металломъ спеціально назначалось за воровское денежное дѣло. „Воровскимъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерамъ“ вливаютъ въ горло расплавленный металлъ, именно, согласно окружной грамотѣ 1637 года, „растопя воровскія ихъ деньги“ [1]). Уложеніе говоритъ просто: „залити горло“ [2]), не указывая чѣмъ. Изъ современниковъ одни говорятъ — оловомъ или свинцомъ [3]), другіе — оловомъ [4]), третьи — тѣмъ самымъ металломъ, изъ котораго сдѣланы были воровскія деньги [5]). Казнь мучительная и медленная; горячее олово прожигало иногда шею насквозь и выливалось наружу [6]).

Залитіе горла, какъ и четвертованіе, было одною изъ древнихъ формъ русской казни: мы имѣемъ свѣдѣнія о примѣненіи его въ XVI вѣкѣ [7]), а вышеупомянутая окружная грамота 1637 года говоритъ, между прочимъ: „въ *прежнихъ лѣтѣхъ, при прежнихъ великихъ государѣхъ* такимъ ворамъ заливали тѣми ихъ воровскими деньгами горло“.

Красную площадь четвертовали воровскою казнію ругательски“. Впрочемъ, особаго значенія этому наименованію придавать, думается намъ, нельзя: такой казни подвергались и люди высокаго сана (см. выше, предъидущее примѣчаніе).

1) *Собр. гос. гр. и дог.* т. III № 106. Также: *Акт. археогр. эксп.* т. III, № 266.

2) *Уложеніе,* гл. V ст. 1.

3) *Котошихинъ,* О Россіи, стр. 92.

4) *Коллинсъ,* Состояніе Россіи, стр. 23. *Берхгольцъ,* Дневникъ II, стр. 345.

5) *Relation curieuse,* стр. 100.

6) *Берхгольцъ,* Дневникъ II, стр. 345, разсказываетъ о такомъ случаѣ въ 1722 году, когда двое, казненныхъ этимъ способомъ, были еще живы на другой день. Эти чрезмѣрныя и продолжительныя мученія были причиною, вызвавшею въ 1723 году февраля 5 указъ: „буде такіе заливающіе горло (!) скоро не умрутъ, то отсѣчь для скорой смерти голову“. См. *Пол. Соб. Зак.* № 4157.

7) *Сергѣевичъ,* Опыты, стр. 231.

3. *Окопаніе въ землю* тоже имѣло спеціальное назначеніе: этой казни подвергались жены за убійство мужей своихъ [1]). Преступницы вкапываются въ землю стоймя или на колѣняхъ по плечи, вмѣстѣ съ руками, и остаются въ такомъ положеніи, безъ пищи и питья, до наступленія смерти. Къ закопанной приставлялась стража, которая должна была наблюдать, чтобы никто не кормилъ и не поилъ несчастную; а днемъ, по словамъ Рейтенфельса, около нея находился священникъ, который съ зажженною восковою свѣчею читалъ молитвы [2]). Мучительная голодная смерть наступала не скоро; самъ законодатель нашелъ нужнымъ сдѣлать дополнительное замѣчаніе: „и держати ее въ землѣ до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ она умретъ“. Лишь зимній холодъ сокращалъ время страданій и приближалъ конецъ [3]). По словамъ Котошихина, смерть наступаетъ тогожъ дни или на другой и на третій день. Перри говоритъ, что закопанныя оставались въ такомъ положеніи нерѣдко 7 и 8 дней. Въ семи извѣстныхъ намъ отдѣльныхъ случаяхъ окопанія, въ XVII и XVIII вѣкахъ, смерть наступила въ слѣдующіе сроки: на другой день, на третій день, на седьмой день, въ двухъ случаяхъ

---

[1]) *Уложеніе*, гл. XXII, ст. 14. *Новоуказн. ст.* ст. 100. *Пол. Соб. Зак.* № 335. Указъ 11 мая 1663 года. Также и въ другихъ памятникахъ. Но *Котошихинъ*, О Россіи, стр. 92, говоритъ: „за погубленіе дѣтей и за иныя такія жъ злыя дѣла“. Вѣроятно, это съ его стороны ошибка, или ошибка издателей рукописи.

[2]) Рисунки окопанія: *Korb*, Diarium, стр. 84, и *Брикнеръ*, Исторія Петра Великаго, на стр. 299. *Котошихинъ*, О Россіи, стр. 92, говоритъ: „живыхъ закапываютъ въ землю, по титьки, съ руками вмѣстѣ, потоптываютъ ногами“. *Де-Бруинъ*, Путешествіе, стр. 46: „по самыя плечи“. *Перри*, Сост. Россіи, стр. 129: „такъ, что только одна голова оставалась надъ поверхностью земли“. *Korb*, Diarium, стр. 97 (русск. перев. стр. 120), *Коллинсъ*, Сост. Россіи, стр. 12, и *Reutenfels*, de rebus, стр. 148: по шею.

[3]) *Коллинсъ*, Сост. Россіи, стр. 12.

черезъ двѣнадцать дней[1]), наконецъ черезъ двадцать три дня[2]) и даже на тридцать первый день[3]). Первые три случая имѣли мѣсто въ январѣ и декабрѣ; остальные — во время года болѣе теплое.

Приведемъ одинъ изъ многихъ разсказовъ очевидцевъ о казни этого рода. „Девятаго января 1702 года—пишетъ Де-Бруинъ—совершали страшную казнь въ Москвѣ надъ пятидесятилѣтнею женщиной, убившей своего мужа, которую присудили зарыть живою въ землю по самыя плечи. Я полюбопытствовалъ взглянуть на нее и нашелъ ее на половину закопанной; она показалась мнѣ очень еще свѣжею и пріятной наружности. Она была повязана вокругъ головы и шеи бѣлымъ полотенцемъ, которое она, впрочемъ, попросила развязать, потому что оно очень давило ее. Ее стерегли трое или четверо солдатъ, которымъ приказано было не дозволять ей ни ѣсть, ни пить, что могло бы продлить жизнь ея. Но дозволялось бросать въ яму, въ которой она была зарыта, нѣ-

---

[1]) *Котошихинъ, Перри, Корѣ, Де-Бруинъ.* См. выше примѣчаніе 2 на стр. 108.

[2]) *Берхъ,* Царств. царя Алексѣя Михайловича ч. II, стр. 10: „въ 1740 году закопаны были въ Соликамскѣ двѣ женщины, прожившія въ семъ положеніи одна 23 дни, а другая 12 дней“. О томъ же случаѣ *Берхъ,* Путешествіе. Соликамскій лѣтописецъ, стр. 225: „Мая 2 казнены двѣ женщины, вкопаны въ публичномъ мѣстѣ живыя въ землю: Марфа — за убійство и сожженіе мужа своего, Прасковья — за удавленіе мужа въ постелѣ“.

[3]) *Русская Старина,* 1879 года іюнь, стр. 398, напечатанъ слѣдующій документъ: „въ Брянскѣ, въ канцелярію воеводскаго правленія доношеніе. Сего 1730 года августа 21 дня, въ Брянскѣ, на площади, вкопана была въ землю крестьянская жонка Ефросинья за убійство до смерти мужа ея. И сего сентября 22 дня, оная жонка, вкопанная въ землю, умре. О семъ доноситъ Брянской канцеляріи воеводскаго правленія караульный капралъ Игнатій Колосьевъ. Подано сентября 22 дня 1730 году“.

сколько копѣекъ, за которыя она и благодарила наклоненіемъ головы. Деньги эти употребляются обыкновенно на покупку восковыхъ свѣчей передъ образами тѣхъ святыхъ, къ которымъ взываютъ осужденныя, частью же на покупку гроба. Не знаю, берутъ ли себѣ иногда часть изъ нихъ приставленные сторожа за то, чтобы тайкомъ дать осужденнымъ поѣсть; но многія довольно долго проживаютъ въ такомъ состояніи" [1]).

Продолжительныя мученія окопанныхъ, можетъ быть индивидуальная обстановка отдѣльныхъ случаевъ мужеубійства и, весьма вѣроятно, молодость большинства преступницъ вызывали сострадание къ нимъ въ народѣ, не взирая на суровые нравы эпохи. Родственники убитаго мужа и постороннія лица нерѣдко бьютъ челомъ о помилованіи окопанныхъ. Уложеніе именно указываетъ на это, говоря: „живу окопати въ землю и казнити ее такою казнью безо всякія пощады, хотя будетъ убитаго дѣти, или иные кто ближніе роду его, того не похотятъ, что ее казнити". Однако, не прошло пятнадцати лѣтъ послѣ изданія Уложенія, а уже потребовалось подтвержденіе: „жонокъ—говоритъ указъ 1663 года 11 мая—мужей ихъ за убивство противъ Уложенія, окапывать въ землю *по прежнему*" [2]). Новоуказныя статьи 1669 года повторяютъ опредѣленіе Уложенія и даютъ, такимъ образомъ, новое подтвержденіе. Но повелѣніе закона не всегда соблюдается самими судебными властями. Такъ, въ 1677 году марта 10 окопана была во Владимірѣ на торговой площади жонка Ѳетюшка „за то, что она, Ѳетюшка, отсѣкла мужу своему косою голову". На другой день, 11 марта, воеводѣ въ губной избѣ подали челобитную настоятели двухъ владимірскихъ мужскихъ мо-

---

[1]) *Де-Бруинъ,* Путешествіе, стр. 46.
[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 335.

настырей съ братіею, игуменья женскаго монастыря съ сестрами и соборный ключарь Иванъ съ братьею, соборными священниками, „чтобъ ее, жонку Ѳетюшку, изъ земли вынять и постричь въ монастырѣ, ради его царскаго многолѣтняго здравія и ради поминовенія блаженныя памяти Великаго Государя ц. и в. к. Алексѣя Михайловича“. „И изъ земли она, жонка Ѳетюшка, вынята и послана постричь въ Успенскій дѣвичій монастырь“ [1]). Въ 1682 году въ Москвѣ ямская жена Маринка, да стрѣлецкая жена Дашка, прозвище Перепелка „окопаны были въ землю трои сутки и въ землѣ обѣщались постричься и злыхъ дѣлъ не творить; и указалъ великій государь тѣхъ жонокъ выкопать и постричь“ [2]). Рейтенфельсъ (см. выше, стр. 108 примѣч. 2) приводитъ случай помилованія двухъ окопанныхъ по просьбѣ царицы.

Самъ законодатель весьма колебался въ вопросѣ о примѣненіи этой казни: въ 1689 году 19 марта она замѣняется отсѣченіемъ головы [3]). Однако, окопаніе продолжаетъ примѣняться: всѣ семь окончившихся смертью казней, приведенныя нами выше, были совершены послѣ этого указа. Вѣроятно, окопаніе въ землю возстановлено было вскорѣ новымъ закономъ, который до нашего времени не сохранился или до сихъ поръ не найденъ. Позднѣйшіе случаи окопанія доходятъ (см. выше, стр. 109 примѣчаніе 2) до 1740 года.

Въ качествѣ особаго усиленія употреблялось предварительное жженіе тѣла огнемъ. Корбъ сообщаетъ о такой казни одной женщины, которая убила и мужа, и мать свою [4]).

---

[1]) *Акт. ист.* т. V № 14 Память владимірскаго воеводы 1677 года марта 11.

[2]) *Акт. ист.* т. V № 80 Грамота новгородскаго митрополита 1682 года.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 1335.

[4]) *Korb*, Diarium, стр. 99 (рус. перев. стр. 124).

4. *Посаженіе на колъ* производилось слѣдующимъ образомъ: въ землѣ укрѣплялся вертикальный колъ, съ заостреннымъ верхнимъ концомъ; преступника, со связанными назадъ руками, сажаютъ на него сверху такъ, чтобы остріе вошло въ заднепроходное отверстіе. Подъ вліяніемъ тяжести тѣла, колъ входитъ во внутренности все глубже и глубже и, наконецъ, высовывается наружу или въ спину, между лопатками, или спереди, въ грудь. Иногда на колѣ дѣлалась, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ верхняго конца, горизонтальная перекладина, такъ что посаженный упирался въ нее сѣдалищными частями; тогда колъ не могъ войти глубоко, и наступленіе смерти замедлялось [1]). По словамъ современниковъ, нѣкоторые

[1]) Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, сколько намъ извѣстно, ни одного подробнаго описанія этой казни, относящагося именно къ Россіи; но несомнѣнно, что въ нашемъ отечествѣ она совершалась также, какъ и въ другихъ странахъ. Только *Геркманъ* даетъ описаніе способа ея совершенія въ Россіи (см. ниже); однако, описаніе это столь невѣроятно и столь противорѣчитъ всѣмъ прочимъ извѣстіямъ, что мы не считаемъ возможнымъ довѣрять ему.

Въ книгѣ *Leonhardt Fronsperger'a*, Kriegs-Buch, изд. 1573 года, имѣется рисунокъ, изображающій мученія и казни плѣнныхъ христіанъ турками. Въ томъ числѣ на горѣ двое посаженныхъ на колъ. Колы раза въ полтора длиннѣе роста человѣка. Пройдя черезъ заднее отверстіе, верхній, острый конецъ кола выходитъ въ спину между лопатками и высоко торчитъ надъ головою. Внизу такимъ же образомъ посаженный на колъ маленькій ребенокъ. Колъ у него сдѣланъ изъ деревца, растущаго на землѣ и заостреннаго сверху.—Во французскомъ изданіи *Saint Edme,* Dictionnaire de la penalité 1825 года т. III, стр. 462, есть также хорошій рисунокъ посаженія на колъ. Острый конецъ кола выходитъ въ грудь.

Геркманъ, Смутн. врем., стр. 331, повѣствуетъ о посаженіи на колъ такъ: „берутъ длинный деревянный колъ, заостряютъ его съ одного конца, который очень гладко намазываютъ мыломъ, втыкаютъ этотъ конецъ въ задній проходъ преступника и съ другаго конца большимъ молотомъ ударяютъ по колу до тѣхъ поръ, пока онъ не пройдетъ до самаго горла;

посаженные на колъ живутъ полдня или цѣлый день, иногда даже два дня, если колъ не попадетъ въ сердце[1]). При этомъ они могли сохранять полное сознаніе и нерѣдко, сидя на колѣ, подвергались еще допросамъ. Такъ, въ 1606 году посаженнаго на колъ предводителя мятежниковъ, Аничкина, допрашивалъ царскій посланный о Димитріи: царь Василій Шуйскій надѣялся узнать отъ него правду[2]). Имѣются указанія, по крайней мѣрѣ относительно начала XVIII вѣка, что даже духовное напутствіе подвергшимся этой казни предлагалось во время сидѣнія на колѣ[3]).

Посаженіе на колъ практиковалось еще въ XVI вѣкѣ[4]). Византійскіе историки свидѣтельствуютъ даже, что посаженіе на колъ было одною изъ древнѣйшихъ казней, которую употребляли славяне[5]). Въ смутное время мы имѣемъ множество указаній на примѣненіе ея[6]).

затѣмъ его поднимаютъ и оставляютъ умирать въ сидячемъ положеніи".

[1]) *Petrejus,* Histor. u. Ber., стр. 621 (русс. пер. стр. 404).

[2]) *Масса,* Смут. вр., стр. 234.

[3]) Въ 1718 году къ посаженному на колъ Степану Глѣбову приставлены были „для исповѣди архимандритъ и два священника". „И съ того времени, разсказываетъ одинъ изъ этихъ священниковъ, какъ посаженъ на колъ, никакого покаянія имъ учителемъ не принесъ; только просилъ въ ночи тайно еромонаха Маркелла, чтобы онъ сподобилъ его св. таинъ". Глѣбовъ посаженъ былъ на колъ 15 марта „часу въ третьемъ передъ вечеромъ", и умеръ на другой день рано утромъ. См. *Устряловъ,* Исторія Петра В. т. VI, стр. 219. Донесеніе *Плейера* idid., стр. 224.

[4]) *Флетчеръ,* О государ. русск., стр. 51. *Масса,* Смут. время стр. 55, приводитъ случай посаженія на колъ атамана воровскихъ казаковъ въ 1598 году.

[5]) *Макушевъ,* Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ, стр. 156, 157, приводитъ свидѣтельства Прокопія и Льва Діакона. По словамъ послѣдняго, Святославъ, взявъ городъ Филиппополь, посадилъ на колъ 20 тысячъ жителей его.

[6]) *Русс. истор. библ.* т. I № 2. Дневникъ событій смутнаго времени, стр. 285. № 4 Походъ Сигизмунда въъ Россію,

5. *Колесованіе* состояло изъ двухъ частей: вопервыхъ, ломаніе колесомъ, то-есть раздробленіе членовъ тѣла колесомъ, и вовторыхъ, положеніе ломаннаго на колесо. Ломаніе совершалось слѣдующимъ образомъ: осужденный растягивался по землѣ, руки и ноги врозь, лицомъ кверху; голова, руки и ноги, для устраненія движеній, прикрѣплялись къ кольямъ, вбитымъ въ землю. Подъ тѣ мѣста тѣла, въ которыхъ нужно было раздробить кости, подкладывались деревяшки съ продѣланными въ нихъ желобками. Самое раздробленіе производилось деревяннымъ колесомъ, на одномъ краю котораго, по окружности его, прикрѣплялась ребромъ тупая желѣзная полоса; палачъ, взявъ въ руки это колесо и поднявъ его на воздухъ, ударялъ желѣзною полосою по тому мѣсту, гдѣ находилась подставка съ желобкомъ. Тупое желѣзо не рѣзало мяса, а только раздробляло кости [1]). Число ударовъ, равнымъ образомъ мѣсто и порядокъ нанесенія ударовъ былъ весьма различенъ; наиболѣе мучительнымъ колесованіе являлось тогда, когда раздроблялись только руки и ноги, и казненный оставляемъ былъ затѣмъ умирать медленною смертью; наиболѣе легкимъ—когда первый ударъ наносился по шеѣ и, такимъ образомъ, прекращалъ жизнь преступника (такъ называемое колесованіе сверху внизъ); среднимъ по тяжести — тогда, когда удары начинались съ ногъ и, постепенно поднимаясь, оканчивались ударомъ по шеѣ. Чѣмъ больше было число ударовъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, тѣмъ, очевидно,

---

стр. 476: посаженіе на колъ, какъ народная расправа. *Акт. ист.* т. II № 116, 129 Отписка владимірскаго воеводы Сапѣгѣ и отвѣтъ 1608, 1609 годовъ. № 271, II Отписка изъ Вятки въ Пермь 1609 года. *Лѣтопись о мног. мятеж.*, стр. 286. *Геркманъ,* Смутн. вр., стр. 331. *Масса,* Смутн. вр., стр. 113.

[1]) *Кистяковскій,* О смертной казни, стр. 257, описываетъ другой, кажется французскій, способъ колесованія, гдѣ вмѣсто колеса для раздробленія костей употреблялся желѣзный ломъ.

мучительнѣе была казнь [1]). За раздробленіемъ костей слѣдовало положеніе на колесо: на вертикальномъ столбѣ или колѣ, повыше человѣческаго роста, укрѣплялось горизонтально колесо; на него накладывался ломаный, а раздробленные члены его пропускались между спицами. Иногда, въ особенности если ломаный былъ еще живъ и желали прекратить мученія, ему отсѣкали голову и втыкали на палку, которая вставлялась въ центральное отверстіе колеса, или прибивали къ ней насквозь гвоздемъ [2]).

Мученія положенныхъ на колесо живыми продолжались нерѣдко цѣлые сутки; по заявленію современниковъ, они могли продолжиться даже до пяти дней. Каковы были эти мученія, пусть говорятъ сами современники-очевидцы. О стрѣлецкихъ казняхъ разсказываетъ Желябужскій: „у нихъ, за ихъ воровство, ломаны руки и ноги колесами. И тѣ колеса воткнуты были на Красной площади на колья и тѣ стрѣльцы... положены были на тѣ колеса, и живы были на тѣхъ колесахъ не много не сутки, и на тѣхъ колесахъ стонали и охали“ [3]). О томъ же говоритъ Корбъ: „передъ Кремлемъ втащили живыхъ на колеса двухъ братьевъ, предварительно

---

[1]) Въ книгѣ *Weingarten*, Fasciculi diversorum jurium, 1690 года lib. I, pars IV, стр. 202, описывается казнь еврея Noach въ Богеміи въ 1650 году: послѣдній ударъ по шеѣ былъ двадцатый по счету.

[2]) Прекрасные отчетливые рисунки колесованія, раздробленія членовъ и положенія на колесо имѣются въ книгѣ *Weissenbruch*, Relation von der famoser Ziegeuner Bande 1727 года. Весьма хорошій рисунокъ положенія на колесо у *Брикнера*, Ист. Петра В. стр. 295. Также у *Korb*, Diarium, стр. 84. Памятники, относящіеся спеціально до Россіи, ограничиваются, сколько намъ извѣстно, общими формулами: „ломаны колесомъ, колесовать, руки и ноги ломаны колесами“ и т. п. Болѣе подробныя сообщенія мы находимъ лишь о положеніи на колесо.

[3]) *Желябужскій*, Записки стр. 58.

*

переломавъ имъ руки и ноги... Привязанные къ колесамъ преступники увидали въ грудѣ труповъ своего третьяго брата (трупы казненныхъ стрѣльцовъ лежали кучами около). Жалостные вопли и пронзительные крики несчастныхъ тотъ только можетъ себѣ представить, кто въ состояніи понять всю силу ихъ мученій и невыносимой боли. Я видѣлъ переломанныя голени этихъ стрѣльцовъ, туго привязанныя къ колесамъ... Около Кремля вновь встащили двухъ живыхъ человѣкъ на колеса; несчастные весь вечеръ и всю ночь изнемогали въ невыносимыхъ терзаніяхъ и отъ ужасной боли издавали жалостнѣйшіе вопли. Одинъ изъ нихъ, младшій годами, вынеся продолжительнѣйшія муки, полусутками пережилъ своего товарища". Онъ былъ пристрѣленъ съ разрѣшенія царя, по просьбѣ приближенныхъ [1]). Берхгольцъ, въ своемъ дневникѣ, 2 октября 1722 года пишетъ: „послѣ обѣда я ѣздилъ за городъ посмотрѣть на трехъ колесованныхъ въ этотъ день утромъ... Зрѣлище было отвратительное. Они получили только по одному удару колесомъ по каждой рукѣ и ногѣ и послѣ того были привязаны къ тремъ укрѣпленнымъ на шестахъ колесамъ. Одинъ изъ нихъ, старый и очень болѣзненный, былъ уже мертвъ" [2]). 1718 года марта 17 былъ колесованъ и положенъ на колесо подъячій Докукинъ. Лежа на колесѣ, онъ объявилъ, что откроетъ сообщниковъ. Его сняли съ колеса и повезли въ Преображенское. Того же числа съ него снятъ былъ допросъ. Въ Преображенскомъ онъ провелъ ночь; на другой день снова допросъ. Затѣмъ ему отрубили голову и воткнули на колъ, а тѣло положено на колесо [3]). Того же 17 марта колесованъ Кикинъ. „Мученія его — говоритъ современникъ — были

---

[1]) *Korb*, Diarium, стр. 172, 173 (русс. пер. стр. 230, 231).
[2]) *Берхгольцъ*, Дневникъ, ч. II, стр. 282.
[3]) *Есиповъ*, Раскол. дѣла т. I, стр. 166—169.

медленны, съ промежутками для того, чтобы онъ чувствовалъ страданія. На другой день царь проѣзжалъ мимо. Кикинъ еще живъ былъ на колесѣ: онъ умолялъ пощадить его... по приказанію царя его обезглавили и голову воткнули на колесо [1])".

Колесованіе входитъ въ употребленіе въ Россіи въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка. Первое несомнѣнное, если мы не ошибаемся, извѣстіе о колесованіи относится къ 1696 году, когда былъ колесованъ — „руки и ноги ломаны колесомъ" — измѣнникъ, нѣмчинъ Якушка, передавшійся туркамъ во время осады Азова [2]). Мы говоримъ: первое *несомнѣнное* извѣстіе; но нѣкоторыя указанія на употребленіе этой казни встрѣчаются и ранѣе. Петрей, сочиненіе котораго о Россіи напечатано въ 1620 году, именно говоритъ, что разбойники, захваченные на мѣстѣ преступленія, подвергаются колесованію— „Soll auf ein Radt geleget werden" [3]). Въ 1610 году, во время занятія поляками Москвы, одинъ полякъ, Блинскій, выстрѣлилъ въ образъ Богородицы надъ воротами. Бояре пожаловались Гонсѣвскому — Блинскій былъ приговоренъ къ колесованію но не видно, судился ли онъ по русскому, или по польскому праву. Впрочемъ, приговоръ былъ впослѣдствіи измѣненъ, и Блинскій подвергся сожженію [4]).

6. *Сожженіе* назначается въ Уложеніи за богохульство, за умышленный поджогъ города или двора и за обращеніе православнаго въ басурманскую вѣру. По сло-

---

[1]) Донесеніе *Плейера* въ Ист. Петра В. Устрялова, т. VI, стр. 224.

[2]) *Перри,* Сост. Россіи, стр. 93. *Желябужскій,* Записки, стр. 43, 44 *Дополн. акт. ист.* т. XII № 84 Выписка о въѣздѣ въ Москву 1696 года.

[3]) *Petrejus,* Hist. u. Ber., стр. 621 (русск. перев. стр. 403, 404).

[4]) *Устряловъ,* Сказ. соврем. о Дмитріѣ Самоз. т. V, Дневникъ Маскѣвича, стр. 55. т. I. Берова лѣтопись стр. 195, 197.

рамъ Котошихина, которыя подтверждаются множествомъ указаній памятниковъ на отдѣльныя случаи, оно назначалось за религіозныя преступленія разнаго рода: „жгутъ живаго — говоритъ онъ — „за богохульство, за церковную татьбу, за волховство, за чернокнижество, за книжное преложеніе“ [1]).

Сожженіе производилось или на кострѣ или въ срубѣ (струбѣ); можно думать, что при сожженіи на медленномъ огнѣ долженъ былъ употребляться непремѣнно костеръ; въ прочихъ же случаяхъ безразлично и срубъ, и костеръ. Въ памятникахъ большею частью говорится о срубѣ, изрѣдка о кострѣ, иногда объ одномъ и томъ же случаѣ въ одномъ мѣстѣ употребляется выраженіе: сожжены въ струбѣ, а въ другомъ — на кострѣ [2]). Срубомъ называлась, какъ и въ современномъ языкѣ, четвероугольная, срубленная изъ бревенъ, постройка, безъ пола и крыши. Иностранцы называютъ его маленькимъ домикомъ. Для казни срубъ наполнялся внутри и обкладывался снаружи соломою и другими горючими веществами; осужденный помѣщался внутри. По прочтеніи приговора, срубъ поджигали, и онъ сгоралъ вмѣстѣ съ преступникомъ [3]). Изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ не видно, помѣщался ли осужденный въ срубѣ на какомъ либо возвышеніи, на виду зрителей, или онъ находился внизу за стѣнами [4]). Вмѣстѣ съ преступниками сжига-

[1]) *Котошихинъ*, О Россіи, стр. 91. Книжное преложеніе, по объясненію того же Котошихина, есть, когда „кто учнетъ вновь толковать воровски противъ апостоловъ и пророковъ и святыхъ отцовъ съ похуленіемъ“. *Уложеніе*, гл. I ст. 1, гл. II ст. 4, гл. X ст. 228, гл. XXII ст. 24. *Новоук. ст.* ст. 109.

[2]) Напримѣръ, *Мат. ист. раскола* т. V, 28 Книга *Аввакума* на крестоборную ересь, стр. 264.

[3]) *Де-Бруинъ*, Путешествіе, стр 90. *Reutenfels*, De rebus, стр. 148.

[4]) *Коллинсъ*, Сост. Россіи, стр. 9, даетъ слѣдующее описаніе сожженія въ срубѣ: „еретикъ выходитъ на кровлю неболь-

лись и тѣ предметы, которые имѣли отношеніе къ преступному дѣянію: въ 1670 году сожжена въ срубѣ монахиня, еретица и вѣдунья, и съ нею вмѣстѣ ея воровскіе заговорные письма и коренья [1]); въ 1689 году иноземецъ Квиринко сожженъ „съ книгами и съ письмами богомерзкими“ [2]); въ началѣ XVIII вѣка человѣкъ, выбившій икону палкою изъ рукъ священника, сожженъ вмѣстѣ съ этою палкою [3]).

Въ самомъ началѣ XVIII вѣка мы встрѣчаемся съ однимъ особо квалифицированнымъ видомъ сожженія — сожженіе на медленномъ огнѣ; трудно сказать, зналъ ли XVII вѣкъ эту казнь, или она принесена была съ запада именно въ XVIII столѣтіи впервые. Намъ думается, что подобная утонченность не свойственна была русскимъ людямъ древнѣйшей эпохи. Кромѣ того мы находимъ одинъ случай сожженія съ предварительнымъ отсѣченіемъ рукъ; именно, такъ казненъ былъ въ 1610 году полякъ Блинскій, выстрѣлившій въ икону Божіей Матери [4]).

Сожженіе на медленномъ огнѣ, во всякомъ случаѣ, употреблялось рѣдко. Намъ извѣстны лишь два примѣра, оба относящіеся къ XVIII вѣку. Берхгольцъ, въ своемъ дневникѣ, даетъ подробный разсказъ о медленномъ

шаго домика и оттуда спрыгиваетъ во внутренность; на него бросаютъ солому съ лучинами (Luchines); пламя скоро задушаетъ его“.

[1]) *Мат. ист. Ст. Разина,* стр. 107, 108.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 1358 Грамота воеводѣ новгородскому 1689 года. Тоже *Собр. гос. гр. и дог.* т. IV № 204.

[3]) *Берхгольцъ,* Дневникъ ч. II, стр. 283.

[4]) См. выше, стр. 117, примѣч. 4. Объ этомъ же случаѣ разсказываетъ подробно *Petrejus,* Hist. und Ber., стр. 26. Въ русс. переводѣ, стр. 17, не взирая на полную ясность подлинника, сдѣлана грубая ошибка: сожжены, будто бы, отсѣченныя руки, а не самъ преступникъ.

сожженіи человѣка ударившаго палкой по иконѣ [1]). „Его поставили на костеръ, сложенный изъ разныхъ горючихъ веществъ, и желѣзными цѣпями привязали къ устроенному на немъ столбу съ поперечной на правой сторонѣ планкой, къ которой прикрѣпили толстой желѣзной проволокой и потомъ плотно обвили насмоленымъ холстомъ руку вмѣстѣ съ палкой, служившей орудіемъ преступленія. Сперва зажгли эту правую руку и дали ей одной горѣть до тѣхъ поръ, пока огонь не сталъ захватывать далѣе и князь-кесарь, вмѣстѣ съ прочими вельможами, присутствовавшими при казни, не приказали поджечь костра. Рука его горѣла одна минутъ семь или восемь“.

Другой случай медленнаго, мучительнаго сожженія относится къ 1701 году; это казнь извѣстнаго Гришки Талицкаго и сообщника его Савина, сожженныхъ за сочиненіе и распространеніе въ народѣ тетрадей о томъ, что Петръ Великій есть антихристъ; или, говоря словами позднѣйшаго синодскаго указа 1722 года, за то, что „ради возмущенія людемъ, писалъ письма плевальныя и ложныя о пришествіи антихристовѣ“ [2]). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно ни одного подробнаго описанія этой казни; но и отрывочныя, дошедшія до насъ, свѣдѣнія достаточны для составленія хорошей картины этого сожженія, не только медленнаго, но осложненнаго какими-то небывалыми, мучительными дополненіями. По выраженію вышеупомянутаго синодскаго указа, это было даже не сожженіе, а *копченіе*: во время „казни, *копченіемъ* творимой — говоритъ этотъ указъ — Талицкій, не стерпя того, покаялся“... Штраленбергъ сообщаетъ, что Талицкаго и Савина въ теченіи восьми часовъ обкури-

---

[1]) См. стр. 119 примѣчаніе 3.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 3891 Пастырское Святѣйшаго Синода увѣщаніе къ обращенію раскольниковъ 1722 года января 27 дня.

вали (geräuchert und geschmauchet) какимъ - то ѣдкимъ составомъ, отъ котораго у нихъ вылѣзли всѣ волосы на головѣ и бородѣ, и все тѣло начало таять, какъ воскъ (wie Wachs zu sehmeltzen); затѣмъ ихъ сожгли вмѣстѣ съ эшафотомъ [1]). Одинъ современникъ очевидецъ разсказывалъ: „Талицкаго видѣлъ. Видѣлъ, какъ подъ него *курево* подпустили"... Во время этой страшной казни къ Талицкому на костеръ неоднократно поднимались, для покаянія и допроса, Преображенскій священникъ и Ѳеодоръ Плещеевъ [2]). Желябужскій въ своихъ запискахъ коротко говорятъ, что въ 1701 году „мученъ *разными пытками* на Красной площади вѣдомой воръ Гришка Талицкой въ великомъ государственномъ дѣлѣ и сожженъ" [3]).

Весьма вѣроятно, что въ отдѣльныхъ случаяхъ порядокъ сожженія разнообразился, и приведенные нами два случая квалифицированнаго сожженія были не единственные; но точныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ мы не имѣемъ [4]).

Обыкновеннымъ дополненіемъ сожженія было: „пепелъ развѣять, чтобы отнюдь знаку и костей не было" [5]).

---

1) *Strahlenberg,* d. Nord und ost. Theil v. Europa u. Asia, стр. 248.

2) *Есиповъ,* Раскол. дѣла XVIII вѣка т. I, стр. 7. *Есиповъ*, Люди стараго вѣка, стр. 100.

3) *Желябужскій,* Записки, стр. 86.

4) *Павелъ архидіаконъ,* Странств. патр. Макарія, стр. 80, разсказываетъ, что евреевъ въ Смоленскѣ, отказавшихся принять христіанство, при Алексѣѣ Михайловичѣ, массами запирали въ дома и сжигали. Въ одной раскольничьей рукописи сомнительнаго происхожденія, *Мат. ист. раскола,* т. VI, стр. 302, разсказывается о сожженіи нѣкоихъ старцевъ Петра и Евдокима въ раскаленномъ желѣзномъ котлѣ въ 1669 году въ Москвѣ. Весь разсказъ недостовѣренъ, см. предисл. къ VI тому Матеріаловъ.

5) См. напр. *Акт. археогр. эксп.* т, IV № 284 Указныя статьи о раскольникахъ 1685 года. *Дополн. акт. ист.* т. X № 3 Акты о расколѣ въ Сибири 1682—1687 годовъ.

Сожженіе примѣнялось, какъ извѣстно, на Руси издавна къ религіознымъ преступленіямъ. Въ наибольшихъ размѣрахъ оно примѣняется въ XVII вѣкѣ, въ эпоху борьбы съ защитниками старой вѣры. Знаменитый протопопъ Аввакумъ пишетъ въ 1677 году: „двадесять три лѣта и полъ лѣта и мѣсяцъ по се время безпрестанно жгутъ и вѣшаютъ исповѣдниковъ христовыхъ.... Въ Казани Никоніане тридцать человѣкъ сожгли, въ Сибири столько же, въ Володимерѣ шестеро, въ Боровскѣ четырнадцать человѣкъ“ [1]). Въ своей автобіографіи Аввакумъ перечисляетъ многихъ своихъ сподвижниковъ, которыхъ „въ огнѣ испекли, и яко хлѣбъ сладокъ принесеся святѣй Троицѣ“, а затѣмъ говоритъ: „и иныхъ поборниковъ церковныхъ многое множество погублено, ихъ же число Богъ изочтетъ“ [2]). Эти слова Аввакума не суть преувеличеніе: онѣ вполнѣ подтверждаются документами оффиціальными — указами, перепиской воеводъ и т. п. [3]). Самъ Аввакумъ, какъ извѣстно, претерпѣлъ ту же казнь.

7. *Повѣшеніе за ребро* въ памятникахъ XVII вѣка упоминается изрѣдка, притомъ въ качествѣ казни не общеупотребительной, а такъ сказать, случайной. Есть, напримѣръ, извѣстіе, что воевода Мещериновъ, взявъ въ 1676 году приступомъ Соловецкій монастырь, многихъ за ребра вѣшалъ [4]); запорожецъ Коржъ говоритъ, что повѣшеніе за ребро употреблялось въ старое время

---

[1]) *Мат. ист. раскола*, т. V, 17 Посланіе Аввакума къ Симеону 1677 года, стр. 203.

[2]) Житіе протопопа *Аввакума*, стр. 82, 93.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 1102 Указъ 1684 года. *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 284 Указныя статьи о раскольникахъ 1685 года. *Дополн. акт. ист.* т. X № 3 Акты о расколѣ въ Сибири 1682—1687 годовъ, и проч.

[4]) *Древ. Росс. Вивл.* т. XVIII, Лѣтописецъ Двинской, стр. 38.

у запорожцевъ[1]). Стенька Разинъ тоже вѣшалъ за ребра[2]).

Повѣшеніе за ребро производилось посредствомъ желѣзнаго крюка, который прикрѣплялся къ висѣлицѣ, имѣвшей форму глаголя[3]). Крюкъ вонзался осужденному въ бокъ, между ребрами, продѣвался подъ одно ребро и высовывался острымъ концомъ наружу. Повѣшенный такимъ образомъ долженъ былъ висѣть бокомъ и изогнувшись пополамъ — голова и ноги внизъ; средина туловища кверху. Ужасный случай такой казни около 1720 года сообщаетъ Берхгольцъ[4]): одинъ повѣшенный за ребро ночью, послѣ казни, имѣлъ еще настолько силъ и воли, что рѣшился освободить себя. Ему удалось вытащить изъ тѣла крюкъ, и онъ упалъ на землю. На четверинкахъ онъ отползъ шаговъ за сто отъ висѣлицы и спрятался. Утромъ его нашли и снова повѣсили на прежнее мѣсто.

Знакомое русскому народу, хотя и мало употреблявшееся въ XVII вѣкѣ, повѣшеніе за ребро вводится въ XVIII столѣтіи инструкціей для искорененія разбойниковъ 24 декабря 1719 года, въ качествѣ общей мѣры наказанія для „вящихъ воровъ и разбойниковъ, а особливо тѣхъ, кои чинили смертныя убивства и мученія“. Инструкція 1719 года повторена въ указѣ 1731 года іюня 17. Затѣмъ, повѣшеніе за ребра употреблялось при

---

[1]) *Коржъ,* Устное повѣствованіе бывшаго запорожца, 1842, стр. 25.

[2]) *Собр. гос. гр. и дог.* т. IV № 71 Выписка о взятіи Астрахани Стенькою Разинымъ. *Акт. ист.* т. IV № 202 Дѣло о бунтѣ Стеньки Разина, XXXVII, LXVIII. *Straussen*, Reysen, стр. 215, 216.

[3]) Прекрасный рисунокъ повѣшенія за ребро у *Брикнера,* Ист. Петра В., стр. 299.

[4]) *Берхгольцъ,* Дневникъ, II, стр. 283.

усмиреніи Пугачевскаго бунта [1]). Сохранился еще одинъ приговоръ 1714 года, въ которомъ назначается эта казнь, да еще съ жесточайшею квалификаціей; „колесовать руки и ноги и повѣсить за ребро“ [2]).

В. *Обрядовыя квалификаціи.*

1. *Обрядовыя квалификаціи*, предшествовавшія казни, заключались въ особомъ, торжественно-позорномъ шествіи преступника, которое устраивалось не передъ самою казнью, но до суда и приговора. Это не было шествіе къ лобному мѣсту осужденнаго, столь развитое на Западѣ и имѣвшее своею цѣлью или усугубленіе страданій, или символическое изображеніе вины [3]); это былъ особаго рода тріумфъ государственной власти надъ побѣжденнымъ врагомъ ея: захваченный преступникъ торжественно ввозился въ городъ, въ присутствіи всенароднаго множества, въ униженномъ, позорномъ видѣ, въ родѣ того, какъ нѣкогда въ древнемъ Римѣ взятые въ плѣнъ непріятели шли за колесницей побѣдителя. Власть, представительница законнаго порядка, торжествовала свою побѣду надъ враждебною ей силою и выражала это торжество въ публичномъ осмѣяніи и опозореніи противника; она дѣлала изъ этой побѣды праздникъ — конечно, праздникъ своеобразный, соотвѣтственно тогдашнимъ народнымъ нравамъ. Дѣлать это надъ приговореннымъ, надъ лицомъ юридически, такъ сказать, уже преданнымъ смерти, не имѣло такого значенія: преступ-

---

[1]) Циркуляръ *Панина* въ т. V Сочин. Державина, изд. Грота, стр. 288: „при всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, которыя бунтовали... поставить и впредь до указа не велѣть снимать по одной висѣлицѣ, по одному колесу, и по одному глаголю для вѣшанія за ребра“.

[2]) *Есиповъ,* Раскольн. дѣла т. II, стр. 103.

[3]) Такъ напримѣръ, въ старой Германіи евреи къ мѣсту казни отволакивались (Schleifen) на свиной шкурѣ.

никъ осужденный былъ уже юридическій нуль; преступникъ, только что захваченный, былъ еще политическая сила.

Понятно поэтому, что высокой чести позорнаго въѣзда удостоивались лишь крупные преступники; масса мелкихъ воровъ и татей, страшная въ своей совокупности, въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей, того не заслуживала.

Памятники сохранили намъ описаніе нѣсколькихъ такихъ позорныхъ шествій. Въ 1652 году мая 28 торжественно вступалъ въ Москву воръ и самозванецъ Тимошка Анкудиновъ (лже-Шуйскій) съ товарищемъ своимъ и слугою Костькою Конюховскимъ. Конюховскій шелъ впереди процессіи. Шея его была закована въ толстое желѣзное кольцо, отъ котораго спускалась внизъ до пояса тоже толстая цѣпь, прикрѣпленная къ широкому желѣзному обручу, служившему вмѣсто пояса. Руки связаны на спинѣ; четыре длинныя веревки, около пяти аршинъ длиною, прикрѣплены были къ шеѣ его и къ рукамъ; концы волочились по землѣ. Конюховскаго окружали стрѣльцы, а рядомъ ѣхалъ верхомъ на бѣлой лошади подъячій и кричалъ громкимъ голосомъ народу: смотрите православные, вотъ государевъ измѣнникъ; вотъ лиходѣй и предатель земли русской и проч. Толпы народа бѣжали впереди, тѣснились по сторонамъ и спѣшили вслѣдъ [1]).

Въ 1671 году въѣзжалъ въ Москву воръ, богоотступникъ и измѣнникъ Стенька Разинъ съ братомъ Фролкой; въ 1674 году — самозванецъ Ивашка Воробьевъ (лже-Симеонъ) съ товарищемъ. Везли ихъ, по указу Великаго Государя, одинаковымъ порядкомъ. Вотъ под-

---

[1]) *Соловьевъ*, Тимошка Анкидиновъ, журналъ Финскій Вѣстникъ 1847 года № 2, стр. 20.

линныя слова статейнаго списка: „везли изъ за Тверскихъ воротъ на телѣгѣ высокой, а въ телѣгѣ было впряжено три лошади ямскихъ; да около вора сидѣли стрѣльцы четыре человѣка, съ дубиньемъ, въ сабляхъ и не велѣли ему ничего говорить ѣдучи. Да за нимъ же воромъ вели товарища его на чепяхъ два человѣка стрѣльцовъ. А сдѣлана была ему вору на телѣгѣ висѣлица, и топоръ воткнутъ, и плаха положена передъ нимъ, и петля надъ нимъ повѣшена, и весь рескованъ по столбамъ.... А везенъ въ кафтанишкѣ черномъ въ сермяжномъ, да въ чюлкахъ бѣлыхъ, да въ бахалкахъ въ салдацкихъ... А какъ его вора везли изъ за Тверскихъ воротъ, смотрѣть ѣздили всякихъ чиновъ люди и весь народъ московскаго государства“ [1]).

Еще съ бо́льшею торжественностью ввезенъ былъ въ Москву въ 1696 году 30 сентября измѣнникъ, нѣмчинъ Якушка (Яковъ Янинъ), передавшійся туркамъ и принявшій магометанскую вѣру во время осады Азова Петромъ Великимъ. Онъ въѣхалъ въ Москву въ составѣ тріумфальнаго царскаго шествія, образуя своею особою четырнадцатый нумеръ процесеіи. Якушка стоялъ на телѣгѣ, запряженной въ четыре лошади; телѣга намощена тесомъ, и поставлены рели, въ формѣ висѣлицы, а на реляхъ по столпамъ воткнуто два топора, два ножа, повѣшено два хомута, двои клещи, два ремня; черезъ перекладину десять кнутовъ перекинуто. Самъ онъ былъ одѣтъ въ турецкомъ платьѣ, голова въ чалмѣ, руки и ноги и около поясницы окованы цѣпями, на груди бумажное зерцало, на шеѣ петля, конецъ привязанъ къ перекладинѣ. Надъ головою у него прикрѣплена луна и звѣзда. На перекладинѣ надпись: „Сей злодѣй вѣру

[1]) *Акт. ист.* т. IV № 247 Статейный списокъ о привозѣ въ Москву и казни самозванца Воробьева 1674 года. *Reutenfels,* De rebus, стр. 148, 149.

свою четырежды перемѣнилъ, измѣнникъ сталъ Богу и человѣкомъ, католикъ сый сталъ протестантъ, потомъ грекъ, а въ конецъ магометанинъ". На зерцалѣ на груди надпись: „Злодѣй". У столповъ два человѣка палачей стрѣлецкаго приказа, Алешка да Терешка. Телѣгу окружали войска" [1]).

Вѣроятно, были и другіе случаи подобныхъ же позорныхъ въѣздовъ; но до насъ описанія ихъ, сколько намъ извѣстно, не сохранились.

2. *Квалификаціи*, совершавшіяся надъ трупами казненныхъ, были весьма разнообразны. Наиболѣе употребительными являлись лишеніе христіанскаго погребенія, сохранившееся понынѣ, оставленіе тѣла на висѣлицѣ, втыканіе отсѣченной головы, рукъ и ногъ на колья, оставленіе тѣла на колѣ.

Обыкновенно трупы казненныхъ отвозились въ такъ называемые убогіе дома, вмѣстѣ съ лицами, умершими безъ покаянія [2]). Погребеніе совершалось въ установленный день въ году, именно въ троицкій четвергъ, причемъ служилась общая панихида. При погребеніи присутствовалъ палачъ для наблюденія, чтобы тѣлъ казненныхъ преступниковъ не похоронили при церкви [3]). Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на страхъ „инымъ воромъ тѣла казненныхъ оставались на мѣстѣ, на съѣденіе собакамъ, или вывозились куда-нибудь за городъ—въ ровъ,

---

[1]) *Рубанъ*, Походъ Шеина, стр. 191, 192. *Дополн. акт. ист.* т. XII № 84 Выписка о въѣздѣ въ Москву царя Петра по завоеваніи Азова 1696 года. *Желябужскій*, Записки, стр. 43. *Gordon*, Tagebuch т. III, стр. 75. *Перри*, Сост. Россіи, стр. 93—95, прим. 30.

[2]) Подробное изложеніе порядка погребенія этихъ лицъ: *Др. Росс. Вивл.* т. XV, стр. 373, Инструкція поповскимъ старостамъ патріарха Адріана 1699 года. Къ самоубійцамъ церковь относилась еще строже: ихъ повелѣвалось „класть въ лѣсу или на полѣ".

[3]) *Борисовъ*, Описаніе г. Шуи, стр. 88.

въ оврагъ, въ болото. Такъ, по свидѣтельству Олеарія, трупъ Тимошки Анкудинова съѣденъ былъ въ первую же ночь собаками [1]). О Стенькѣ Разинѣ современникъ выражается такъ: „живой разсѣченъ, псомъ на съѣденіе отданъ" [2]). Никита Пустосвятъ, по словамъ соборнаго постановленія 1689 года, былъ „главосѣченъ и въ блато верженъ псомъ на снѣдь" [3]). Туловище четвертованнаго самозванца Воробьева „велѣно земскимъ ярыжкамъ схоронить, отвезчи отъ города версты съ три, во рву, и колъ воткнуть для знаку" [4]).

Оставленіе труповъ на висѣлицахъ практиковалось весьма часто. Иногда воеводы дѣлали это по собственному усмотрѣнію [5]); иногда въ указахъ именно предписывалось тѣлъ съ висѣлицъ не снимать [6]). Висѣли тѣла очень долго: въ 1610 году, напримѣръ, Березовскій воевода лишь по истеченіи трехъ лѣтъ, по просьбѣ родственниковъ, послалъ въ Москву запросъ о снятіи съ висѣлицъ тѣлъ казненныхъ за бунтъ остяковъ [7]).

Втыканіе головы, рукъ и ногъ на колья — „разсадить на кольё", какъ выражались въ XVII вѣкѣ — слѣдовало за четвертованіемъ, а иногда и за простымъ отсѣченіемъ головы. Большею частью оно совершалось на мѣстѣ казни;

---

1) *Olearius,* Beschreibung, стр. 245 (русс. пер. стр. 256).

2) *Берхъ,* Путешествіе, Соликамскій лѣтописецъ, стр. 210.

3) *Акт. ист.* т. V № 194.

4) *Акт. ист.* т. IV № 247 Статейный списокъ о самозв. Воробьевѣ 1674 года.

5) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 313 Грамота новоторжскому воеводѣ 1696 года 2 августа съ выговоромъ за то, что воевода не снимаетъ съ рѣлей двухъ труповъ, повѣшенныхъ 18 іюня,—„знатно для своихъ взятковъ съ окольныхъ помѣщиковъ и крестьянъ".

6) *Акт. ист.* т. V № 280 Грамота въ Иркутскъ 1698 года. *Пол. Соб. Зак.* № 4826 Указъ 1725 года января 24.

7) *Русс. ист. библ.* т. II № 86 Грамота березовскимъ воеводамъ 1610 года.

но въ нѣкоторыхъ случаяхъ части трупа переносились для этого въ другое мѣсто. Такъ, голова и прочее Стеньки Разина и Воробьева перенесены были на Болото; Цыклеръ и его сообщники — изъ Преображенскаго въ Москву [1]). Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, вмѣсто обыкновенныхъ кольевъ, устраивался каменный столпъ и на немъ желѣзныя спицы, на которыя втыкались головы. Такимъ способомъ воткнуты были головы Цыклера и его сообщниковъ, а руки и ноги развѣшены вокругъ столпа [2]).

Объ оставленіи тѣлъ посаженныхъ на колъ Коржъ разсказываетъ такъ: „и сидитъ на томъ шпилѣ преступникъ дотоли, пока изсохнетъ и выкоренится якъ вяла рыба, такъ что когда вѣтеръ повѣетъ, то онъ крутится кругомъ якъ мельница и торохтятъ всѣ его кости, пока упадутъ на землю“ [3]).

Кромѣ этихъ, болѣе или менѣе обыкновенныхъ дополненій къ смертной казни, въ отдѣльныхъ случаяхъ употреблялись и другія. Такъ, Корбъ разсказываетъ, что двѣ женщины, мать и дочь, окопанныя въ землю за убійство мужа послѣдней, были послѣ смерти повѣшены за ноги, внизъ головою, на висѣлицѣ, рядомъ съ двумя убійцами, которыхъ онѣ наняли для совершенія преступленія [4]).

Къ этой же категоріи, наконецъ, можетъ быть отнесена та страшная казнь, которую совершилъ Петръ въ 1696 году надъ трупомъ, тринадцать лѣтъ передъ тѣмъ умершаго, боярина Ивана Михайловича Милославскаго. Тѣло Милославскаго было вынуто изъ могилы и „съ при-

---

1) См. сдѣланныя выше указанія относительно четвертованія: стр. 105, примѣчаніе 1—5.

2) *Перри*, Сост. Россіи, стр. 99. *Gordon*, Tagebuch, т. III, стр. 92, 93.

3) *Коржъ*, Устное повѣств., стр. 25.

4) *Korb*, Diarium, стр. 97 (русск. перев. стр. 120).

личною ему честью", говоритъ современникъ, везено въ телѣжкѣ на шести чудскихъ свиньяхъ, въ сопровожденіи палачей, до самаго Преображенскаго приказа. Тамъ гробъ поставленъ былъ у плахъ приговоренныхъ къ смерти преступниковъ, и головы имъ сѣкли, и кровь пускали въ гробъ, на него, боярина Ивана Милославскаго. Потомъ палачи топорами разсѣкли трупъ на части, „и во всѣхъ застѣнкахъ подъ дыбами оныя скаредныя части его закопаны, и умножаемою воровскою кровію донынѣ обливаются, по псаломскому слову: мужа кровей и лести гнушается Господь" [1]).

---

[1]) *Матвѣевъ,* Записки, стр. 67. Также *Желябужскій,* Записки, стр. 51. *Gordon,* Tagebuch, т. III, стр. 93. Впрочемъ, можно думать, что такая расправа Петра съ умершимъ врагомъ, столь противная отношеніямъ русскаго человѣка къ могилѣ и покойнику, была единственнымъ въ этомъ родѣ случаемъ и совершена была притомъ не болѣе, какъ въ подражаніе иностранному. *Матвѣевъ,* сообщивъ въ своихъ запискахъ о казни трупа Милославскаго, говоритъ: „подобное въ Англіи передъ нѣкоторыми лѣтами случилось злокозненному вору и бунтовщику, именуемому Кромвелю", и разсказываетъ затѣмъ извѣстную исторію о трупѣ Кромвеля. Въ заключеніе онъ выражается такъ: „тожъ къ немалому сходствію, съ тѣмъ московскимъ Кромвелемъ, Милославскимъ.... совершенно сбылося".

ГЛАВА II.

Тѣлесныя наказанія.

Тѣлесныя наказанія въ различныхъ формахъ, можно сказать, господствуютъ въ уголовномъ правѣ XVII вѣка; они налагаются и отдѣльно, и въ соединеніи съ другими наказаніями, въ особенности съ лишеніемъ свободы. Подобно тому, какъ виды смертной казни, не уступая въ жестокости западно-европейскимъ, являются въ нашемъ отечествѣ болѣе простыми и менѣе сложными, такъ точно и тѣлесныя наказанія, можетъ быть, даже превышая западныя формы своею жестокостью, вовсе не отличаются тою хитроумною утонченностью, которая характеризовала всѣ наказанія на Западѣ въ эту эпоху.

I. Наказанія изувѣчивающія.

Изувѣчивающія наказанія слагаются подъ вліяніемъ трехъ идей. Они или подчиняются идеѣ возмездія въ формѣ матеріальнаго тальона; или направляются къ тому, чтобы сдѣлать преступника безвреднымъ на будущее время, — таковы, прежде всего, отсѣченіе рукъ, ногъ и нѣсколькихъ пальцевъ на рукахъ, лишающее человѣка возможности совершать татьбы, разбои, подлоги, затѣмъ, отрѣзаніе языка, лишающее возможности проповѣдывать вредныя ученія и произносить „неистовыя" рѣчи; или, наконецъ, они имѣютъ своею цѣлью только отмѣтить

лихого человѣка, чтобы онъ былъ „до вѣку признатенъ“, чтобы каждый гражданинъ и каждый органъ власти зналъ, съ кѣмъ встрѣчается и съ кѣмъ имѣетъ дѣло— таково клеймленіе, отрѣзаніе ушей, отсѣченіе одного или части пальца, на рукахъ и на ногахъ, а также урѣзаніе носа или ноздрей.

Изувѣчивающія наказанія, налагаемыя ради предупрежденія на будущее время и для наложенія неизгладимыхъ признаковъ преступности, служа однимъ и тѣмъ же полицейскимъ цѣлямъ безопасности, легко замѣняются одно другимъ и въ теченіи XVII вѣка представляютъ въ своемъ развитіи постоянное движеніе.

1. *Наказанія изувѣчивающія, какъ тальонъ*, налагаются Уложеніемъ при нанесеніи увѣчья. „А будетъ кто, не бояся Бога и не опасаяся государскіе опалы и казни, учинитъ надъ кѣмъ нибудь мучительское наругательство—говоритъ 10 статья XXII главы—отсѣчетъ руку, или ногу, или носъ, или ухо, или губы обрѣжетъ, или глазъ выколетъ, а сыщется про то допряма, и за такое его наругательство самому ему тоже учинить“ [1]). Установленное Уложеніемъ, это наказаніе, можно думать, весьма рѣдко примѣнялось на практикѣ: ни въ одномъ, извѣстномъ намъ, памятникѣ XVII вѣка мы не нашли указаній хотя бы на одинъ случай примѣненія этой статьи. Единственный, сколько-нибудь соотвѣтствующій, случай относится къ 1701 году [2]).

2. *Отсѣченіе рукъ, ногъ и пальцевъ* примѣнялось въ весьма большихъ размѣрахъ. Оно развито главнѣйшимъ

---

[1]) То же повторено въ *Новоук. ст.*, статья 94.

[2]) *Желябужскій,* Записки, стр. 86: „во Псковѣ воженъ на площадь въ желѣзахъ, а на рукахъ колодка Иванъ Михайловъ сынъ Шмаковъ, и пробита у него лѣвая ладонь ножемъ за то, что онъ пококолъ полковника своего ножемъ Филиппа Кара“.

образомъ Новоуказными статьями 1669 года. Уложеніе знаетъ только *отсѣченіе руки*, притомъ въ весьма немногихъ случаяхъ: за нанесеніе ранъ на государевѣ дворѣ, судьѣ въ приказѣ и съ наѣздомъ на домъ; за покушеніе на убійство господина; за обнаженіе оружія въ присутствіи государя; за подлоги и за два вида татьбы — третью татьбу на государевомъ дворѣ и похищеніе лошади на службѣ [1]). Въ Новоуказныхъ статьяхъ отсѣченіе рукъ, ногъ и пальцевъ получаетъ полное господство. Мы находимъ здѣсь, вопервыхъ, *отсѣченіе одного пальца* за легкую рану [2]); вовторыхъ, *отсѣченіе двухъ меньшихъ пальцевъ лѣвой руки* за первую татьбу [3]); въ третьихъ, *отсѣченіе лѣвой руки по запястье* за двѣ татьбы, за рану великую, за третью кражу рыбы изъ садка или пруда, за покушеніе на убійство господина [4]); въ четвертыхъ, *отсѣченіе лѣвой руки и правой ноги* за одинъ разбой, за церковную татьбу, за убійство въ дракѣ пьянымъ дѣломъ, если при этомъ совершено было ограбленіе убитаго [5]), и наконецъ, тѣмъ людямъ, которые, послѣ наказанія за первую татьбу, будучи отпущены на свое мѣстожительство, „покиня старину, объявятся гдѣ на воровствѣ" [6]).

Эти основныя положенія объ изувѣчивающихъ наказаніяхъ разбираемой категоріи дополняются и неоднократно измѣняются въ теченіи XVII вѣка отдѣльными

---

[1]) *Уложеніе*, гл. III ст. 4, 5, 9, гл. VII ст. 29, гл. X ст. 12, 106, 199, 251, гл. XXII, ст. 8. По Уставной книгѣ разбойнаго приказа оно назначалось за двѣ татьбы. Замѣнено въ Уложеніи отрѣзаніемъ ушей. *Шалфѣевъ*, Устав. кн. раз. пр. стр. 70, неправильно полагаетъ, что въ Уложеніи „отсѣченіе руки исчезло изъ членовредительныхъ наказаній".

[2]) *Новоук. ст.*, ст. 13, 14.

[3]) *Новоук. ст.*, ст. 8.

[4]) *Новоук. ст.*, ст. 9, 14, 15, 93.

[5]) *Новоук. ст.*, ст. 8, 12, 17, 82.

[6]) *Новоук. ст.*, ст. 8.

указами. Такъ, указомъ 1653 года, въ видѣ временной мѣры, повелѣно было приговоренныхъ къ смертной казни татей и разбойниковъ бить кнутомъ, у лѣвой руки *отсѣчь по персту* и сослать въ ссылку [1]). Въ 1660 году, по поводу возвышенія казенной цѣны на вино (до трехъ рублей за ведро), Великій Государь указалъ и бояре приговорили за корчемную продажу и выкурку вина „сѣчь руки и ссылать въ Сибирь" [2]). Въ слѣдующемъ 1661 году „воровское денежное дѣло" обращаетъ на себя особое вниманіе правительства и вызываетъ цѣлую систему изувѣчивающихъ наказаній: указомъ 18 сентября 1661 года выдѣлка воровскихъ мѣдныхъ денегъ, приготовленіе къ тому, пріемъ и распространеніе ихъ, пристанодержательство „денежнаго дѣла воромъ", продажа имъ мѣди и иное пособничество облагаются, въ строгой постепенности, слѣдующими карами: *отсѣченіе лѣвой руки и обѣихъ ногъ; отсѣченіе лѣвой руки и лѣвой ноги; отсѣченіе лѣвой руки; отсѣченіе у лѣвой руки двухъ перстовъ; отсѣченіе у лѣвой руки одного перста*. Даже необъявленіе о найденныхъ воровскихъ мѣдныхъ деньгахъ, чеканахъ и мѣди подвергаетъ виновнаго послѣднему изъ перечисленныхъ наказаній [3]). Котошихинъ, разсказывая о наказаніяхъ за денежное воровство, присоединяетъ еще *отсѣченіе пальцевъ на ногахъ* [4]). Въ 1663 году смертная казнь для татей и разбойниковъ,

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 105 Указъ 1653 года октября 20.

[2]) Самый указъ не дошелъ до насъ; но на него имѣются подробныя ссылки: въ грамотѣ воеводѣ Наумову 1660 года 16 октября *Пол. Соб. Зак.* № 285 (тоже *Берхъ*, Грам. пермск. № XXX, стр. 90—93; *Доп. акт. ист.* т. IV № 73, стр. 190) и въ памяти изъ Новгородскаго митропол. приказа 1660 года *Доп. акт. ист.* т. IV № 88, стр. 227.

[3]) *Акт. ист.* т. IV № 158, I, стр. 304, Указъ 1661 года 18 сентября. См. о томъ же *Пол. Соб. Зак.* № 510 Указъ 1672 года марта 8.

[4]) *Котошихинъ*, о Россіи, стр. 91, 92, также стр. 80.

которые „довелись смертныя казни", замѣняется *отсѣченіемъ обѣихъ ногъ и лѣвой руки* [1]). Черезъ три года это распоряженіе отмѣнено [2]); а еще черезъ три года вводится приведенный выше порядокъ Новоуказныхъ статей 1669 года. Затѣмъ, указомъ 1679 года и двумя указами 1680 года, отсѣченіе рукъ, ногъ и пальцевъ весьма сокращается: за одну и за двѣ татьбы оно замѣняется ссылкою въ Сибирь, а за нанесеніе ранъ — кнутомъ [3]). Но въ 1682 году снова нѣсколько расширяется: за одну татьбу и за одинъ разбой повелѣно *„отрѣзавъ лѣвое ухо, да отсѣчь у лѣвой руки два пальца меньшіе"*; за двѣ же татьбы и за два разбоя—„указъ чинить по Уложенію", а за три—„казнить смертью" [4]). Въ 1683 году отсѣченіе пальцевъ оставлено; взамѣнъ того —„рѣзать уши" (см. ниже стр. 139, прим. 6).

Этими, дошедшими до насъ, законодательными опредѣленіями не исчерпывается, однако, ни область примѣненія, ни виды отсѣченія рукъ, ногъ и пальцевъ. Памятники сохранили намъ не мало указаній на отсѣченіе членовъ въ такихъ случаяхъ, которые вышеприведенными законами не охватываются, и въ такихъ формахъ, которыя ими не устанавливаются.

Протопопъ Аввакумъ сообщаетъ о наказаніяхъ этого рода расколоучителей: священнику Лазарю *отсѣчена правая рука по запястье;* старцу Епифанію *у руки четыре перста;* діакону Θеодору—*рука поперекъ ладони* [5]). Коллинсъ разсказываетъ, что одной женщинѣ за святотатство, именно за взятіе нѣсколькихъ драгоцѣнныхъ камней изъ оклада иконы, ею же пожертвованной прежде

---

1) *Пол. Соб. Зак.* № 334 Указъ 1663 года мая 11.

2) *Пол. Соб. Зак.* № 383 Указъ 1666 года января 24.

3) *Пол. Соб. Зак.* № 772 Указъ 1679 года сентября 10. №№ 843, 846 Указы 1680 года.

4) *Пол. Соб. Зак.* № 970 Указъ 1682 года ноября 28.

5) *Мат. ист. раск.* т. V. Житіе Аввакума, стр. 85—87.

въ церковь, судъ приговорилъ *отрубить обѣ руки;* а человѣку, выстрѣлившему на царскомъ дворѣ по скворцу такъ, что пуля попала въ царскіе покои, *отсѣкли одну ногу и правую руку*[1]). По сказанію Олеарія, Костька Конюховскій (слуга и сообщникъ самозванца Тимошки Анкидинова) былъ приговоренъ къ *отсѣченію трехъ первыхъ пальцевъ правой руки.* По настоянію патріарха, вмѣсто трехъ пальцевъ правой руки, какъ необходимыхъ для крестнаго знаменія, ему отсѣчены *три пальца лѣвой руки*[2]).

Въ 1655 году мы встрѣчаемся съ *отсѣченіемъ обѣихъ рукъ* за содѣйствіе ко взлому тюрьмы и побѣгу арестантовъ. Такому наказанію подвергнутъ былъ крестьянинъ Тимошка Коза за то, что „подалъ снасть“ тюремнымъ сидѣльцамъ, „которые умысля воровски, почали было рѣзать тюрьму“[3]). По Котошихину, „ноги жъ и руки и пальцы отсѣкаютъ за конфедератство или за смуту, которые въ томъ дѣлѣ бываютъ мало винны“[4]). Нѣсколько случаевъ этого рода мы находимъ дѣйствительно въ исторіи XVII вѣка. Такъ, виновнымъ въ бунтѣ 1662 года „отсѣкали руки и ноги и у рукъ и у ногъ пальцы“[5]). При усмиреніи Разинскаго бунта, воевода князь Барятинскій доносилъ царю, что имъ казнено сто человѣкъ воровъ и измѣнниковъ —„*отсѣчено по персту у правой руки, а инымъ отсѣчены руки*“[6]). Сорокъ шесть человѣкъ участниковъ въ бунтѣ красноярскихъ служилыхъ людей 1674 года приговорены къ *отсѣченію*

---

[1]) *Коллинсъ,* Сост. Россіи, стр. 8, 9 и 23. *Relation curieuse,* стр. 46 и 100.

[2]) *Olearius,* Beschreibung, стр. 245 (русск. пер. стр. 256).

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 1449 Указъ 1692 года, примѣчаніе.

[4]) *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 91, 92.

[5]) *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 82.

[6]) *Мат. ист. Стеньки Разина,* донесеніе Данила Борятинскаго 1670 года 2 декабря.

руки [1]). Нѣсколько подъячихъ, за подлоги, въ 1687 году приговорены—„*отсѣчь у правыхъ рукъ по два перста* [2]). Въ 1689 году, въ Соликамскѣ, разбойнику Родькѣ, который „винился во многихъ разбояхъ" и „вину свою самъ принесъ безъ пытки", вмѣсто смертной казни, „учинена казнь съ пощадою, *отсѣчено у него лѣвая рука да правая нога*" [3]). Наконецъ, въ 1700 году, по дѣлу о безпорядкахъ въ Красноярскѣ, велѣно „причиннымъ въ тѣхъ составахъ ссыльнымъ ворамъ подъячимъ... *отсѣчь у обѣихъ рукъ пальцы*" [4]).

Что касается до способовъ и орудій, которыми выполнялись эти наказанія, то о нихъ мы находимъ въ памятникахъ лишь самыя отрывочныя и, если можно такъ выразиться, небрежныя указанія. Очевидно, что эта сторона дѣла была вовсе не регламентирована и никого не интересовала. Сѣкли и рѣзали руки и ноги, какъ придется, какъ удобно или какъ вздумается исполнителямъ. Можно думать, что какъ показываетъ самое слово „отсѣчь", казнь должна была производиться на плахѣ, топоромъ. На это указываетъ прямо Аввакумъ, описывая наказанія своихъ единомышленниковъ: „положа правую руку на плаху, по запястье отсѣкли", говоритъ онъ: „были двѣ плахи да два топора" [5]). Руки, какъ мы видѣли выше, отсѣкались то по запястье, то поперекъ ладони; до котораго мѣста отсѣкалась нога—неизвѣстно;

---

1) *Доп. акт. ист.* т. VIII № 73, стр. 275, Грамота красноярскому воеводѣ 1680 года.

2) *Доп. акт. ист.* т. XII № 64, стр. 352, Докладная выпись 1690 года.

3) *Доп. акт. ист.* т. XII № 56, стр. 343. Отписка соликамскаго воеводы 1689 года. Разбойникъ Родька, впрочемъ, отъ такой „казни съ пощадою" „въ скорыхъ числѣхъ умре".

4) *Памятн. Сибир. ист.* № 9, стр. 38, Указъ 1700 года.

5) *Мат. ист. раскола* т. V Житіе Аввакума, стр. 85; Записка Аввакума о страданіи, стр. 116.

только въ одномъ случаѣ именно сказано, что нога отсѣчена по лодышку, то-есть, отсѣчена стопа [1]). Относительно отсѣченія пальцевъ, въ одномъ свободномъ письмѣ 1671 года (то-есть, объ отпускѣ преступника на свободу, по отбытіи наказанія) сказано, что персты отсѣчены „повыше перваго сустава“ [2]). Каковъ былъ общій порядокъ—неизвѣстно.

Отсѣченные члены иногда прибивались на стѣнахъ или на деревьяхъ. Котошихинъ именно говоритъ, что руки и ноги „денежныхъ воровъ“ „прибивали у Денежныхъ Дворовъ на стѣнахъ“; а въ вышеприведенномъ указѣ 11 мая 1663 года повелѣвается „отсѣченныя руки и ноги на большихъ дорогахъ прибивать къ деревьямъ, и у тѣхъ же ногъ и рукъ написать вины и приклеить, что тѣ ноги и руки воровъ и татей и разбойниковъ и отсѣчены у нихъ за воровство, за татьбы и разбой и за убійство и за всякое воровство, чтобъ всякихъ чиновъ люди то ихъ воровство вѣдали“.

Отсѣченіе рукъ, ногъ и пальцевъ нерѣдко соединяется съ кнутомъ и сопровождается ссылкою.

3. *Отрѣзаніе ушей* назначается по Уложенію за одну и за двѣ татьбы, за одинъ разбой и за третью кражу рыбы изъ пруда или садка, притомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: за первую татьбу — *лѣвое ухо*; за вторую — *правое*; за разбой — *правое ухо* (за второй или за два разбоя полагается смертная казнь); за кражу рыбы говорится просто: „отрѣзати ухо“ [3]). Затѣмъ „мошенникамъ“ и тѣмъ ворамъ „которые... карты и зернью играютъ и проигрався воруютъ ходя по улицамъ, людей рѣжутъ и грабятъ и

---

[1]) *Доп. акт. ист.* т. XII № 56, стр. 343, Отписка соликамскаго воеводы 1689 года.

[2]) *Акт. юрид. б.* т. II № 245, I, стр. 745, 746, Письмо свободное 7179 года.

[3]) *Уложеніе*, гл. XXI ст. 9, 10, 16, 90.

шапки срываютъ" — „чинить тотъ же указъ, что и татемъ" [1]). Указомъ 1657 года велѣно *рѣзать уши* и тѣмъ убойцамъ, которые кого убьютъ въ дракѣ пьянымъ дѣломъ, хотя бы и не на мѣстѣ ссоры („того жъ дни дождався на дорогѣ") и даже съ ограбленіемъ убитаго [2]). Установленный Уложеніемъ порядокъ отрѣзанія ушей за разбой на практикѣ не соблюдался въ точности. Такъ, Котошихинъ говоритъ [3]), что разбойникамъ, также какъ и татямъ, за первый разбой рѣжутъ лѣвое ухо, а за второй— правое (слѣдовательно смертная казнь только за третій разбой); а въ одной грамотѣ губнымъ старостамъ Переяслава-Рязанскаго 1666 года велѣно разбойнику Пронькѣ, который винился въ разбоѣ „да въ надорожномъ грабежу", отрѣзать правое ухо, а лѣваго урѣзать [4]).

Новоуказныя статьи 1669 года замѣняютъ, во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, отрѣзаніе ушей отсѣченіемъ ногъ, рукъ и пальцевъ (см. выше). Указомъ 1682 года возстановляется отсѣченіе ушей за татьбы по Уложенію, а за разбой назначается отрѣзаніе лѣваго уха и отсѣченіе двухъ пальцевъ лѣвой руки [5]). Указомъ 1683 года всѣмъ „тюремнымъ сидѣльцамъ, которымъ довелось сѣчь у рукъ пальцы", повелѣно пальцевъ не сѣчь, а рѣзать уши [6]). Губной наказъ 1689 года, на основаніи этого послѣдняго указа, предписываетъ за одинъ разбой рѣзать лѣвое ухо, а за два — казнить смертью; за одну и за двѣ татьбы — рѣзать уши [7]). Такимъ образомъ, черезъ сорокъ

---

1) *Уложеніе,* гл. XXI ст. 11, 15.

2) *Пол. Соб. Зак.* № 203 Указъ 1657 года февраля 27.

3) *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 91.

4) *Акты юрид. б.* т. I № 55, стр. 285, Грамота 1666 года октября 19.

5) *Пол. Соб. Зак.* № 970 Указъ 1682 года ноября 28.

6) *Пол. Соб. Зак.* № 1004 Указъ 1683 года марта 30.

7) *Полевой,* Русс. Вивл., стр. 389, Наказъ о вѣданіи губныхъ дѣлъ въ Шацкѣ 1689 года.

лѣтъ, опредѣленный въ Уложеніи порядокъ отрѣзанія ушей за татьбы и за разбой былъ возстановленъ, съ маленькимъ отступленіемъ: разбойникамъ рѣжутъ лѣвое ухо, а не правое.

Въ самыхъ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія, отрѣзаніе ушей получаетъ новую область примѣненія: въ 1697 году велѣно бѣглымъ изъ Сибири ссыльнымъ людямъ, которые, „не хотя въ Сибири жить", пойдутъ „на старину", рѣзать уши и отсылать обратно въ мѣста поселенія [1]).

Кромѣ приведенныхъ случаевъ, въ которыхъ, по дошедшимъ до насъ законодательнымъ памятникамъ, полагалось отрѣзаніе ушей, имѣются нѣкоторыя, правда не многочисленныя, указанія на то, что дѣйствительное примѣненіе этого наказанія было еще шире. Котошихинъ, въ числѣ изувѣчивающихъ наказаній за „денежное воровство" (см. выше стр. 134), называетъ также и отрѣзаніе ушей [2]). Акты о сибирскихъ дѣлахъ неоднократно говорятъ о такомъ наказаніи сибирскихъ инородцевъ за бунты и возстанія [3]). Берхъ въ исторіи царя Алексѣя Михайловича говоритъ, что участникамъ бунта 1662 года, кромѣ 2.000 казненныхъ смертью, отрѣзаны были уши: взрослымъ — оба, а несовершеннолѣтнимъ, до четырнадцати лѣтъ — одно [4]). Въ Дневныхъ запискахъ Димитрія Ростовскаго, подъ 13 сентября 1689 года, отмѣчено отрѣзаніе ушей нѣсколькимъ лицамъ „за нѣкоторый бунтъ" [5]). Имена казненныхъ не названы; но по времени и по упо-

---

[1]) *Акт. ист.* т. V № 271, I, стр. 493, Грамота верхотурскому воеводѣ 1697 года.

[2]) *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 78.

[3]) *Доп. акт. ист.* т. VII № 61, стр. 277, О возмущеніи тунгусовъ 1677—1681 годовъ. Т. VIII № 44, стр. 148, Акты 1678—1682 годовъ.

[4]) *Берхъ,* цар. Алексѣя Михайловича, I, стр. 153, 154.

[5]) *Дмитрій Ростовскій,* Днев. зап., стр. 50, 51.

миновенію, вмѣстѣ съ тѣмъ, о другихъ казняхъ, ясно, что это свѣдѣніе относится къ сообщникамъ Ѳедора Шакловитаго. Равнымъ образомъ, по свидѣтельству Корба, отрѣзаны были уши несовершеннолѣтнимъ стрѣльцамъ при усмиреніи стрѣлецкаго бунта [1]).

Отрѣзаніе ушей производилось на площади, рукою палача [2]).

Отрѣзаніе ушей всегда опредѣляется въ соединеніи съ какимъ-либо другимъ наказаніемъ: кнутомъ, тюрьмою или ссылкою [3]). Только одинъ разъ мы встрѣчаемся въ законѣ съ назначеніемъ этого наказанія отдѣльно, безъ какого-либо иного [4]); но въ тѣхъ случаяхъ, когда отрѣзаніе ушей примѣнялось къ участникамъ возстаній и бунта, оно, можно думать, налагалось иногда и отдѣльно, въ качествѣ самостоятельнаго наказанія (см. выше, стр. 140, въ особенности примѣчаніе 3). Особое, чисто полицейское, значеніе отрѣзанія ушей — какъ общей мѣры предосторожности и какъ неизгладимой справки о судимости — прямо указывается въ 19 статьѣ XXI главы Уложенія, которая предписываетъ: „будетъ гдѣ объявятся такіе люди, у которыхъ уши рѣзаны, а письма у нихъ въ томъ, что они изъ тюрьмы выпущены, не будетъ, и такихъ людей имая приводить къ воеводамъ и приказнымъ людемъ и губнымъ старостамъ".

4. *Отрѣзаніе языка* въ Уложеніи не назначается вовсе [5]); но практика XVII вѣка знала это наказаніе и примѣняла его къ преступнымъ дѣяніямъ двухъ категорій:

---

[1]) *Korb*, Diarium, стр. 171 (русск. пер. стр. 227).

[2]) *Olearius*, Beschreibung, стр. 272, 273 (русск. пер. стр. 299).

[3]) *Wickhardt*, Reisebeschr, стр. 252, остроумно замѣчаетъ, что тѣ, которымъ отрѣзаны оба уха, „also Ohren und Ehrenloss" отправляются въ ссылку въ Сибирь.

[4]) *Уложеніе*, гл. XXI ст. 90, послѣдняя часть.

[5]) *Неклюдовъ*, Примѣч. къ Учеб. Бернера, стр. 222, въ числѣ членовредительныхъ наказаній по Уложенію называетъ и отрѣ-

къ такъ называемымъ „неистовымъ рѣчамъ“ и къ преступленіямъ религіознымъ.

Котошихинъ говоритъ: „за царское безчестье, кто говоритъ противъ него за очи безчестныя, или иныя какія поносныя слова, бивъ кнутомъ, вырѣзываютъ языкъ“ [1]). По сказанію Майерберга, въ періодъ, предшествовавшій бунту изъ за мѣдныхъ денегъ, народное недовольство нѣсколько разъ прорывалось наружу въ формѣ угрозъ противъ правительства, но было сдерживаемо строгими казнями, въ томъ числѣ и отрѣзаніемъ языка [2]). Въ 1651 году вырѣзанъ языкъ нѣкоему Гришкѣ Трясисоломину, за „непристойныя рѣчи“ про царицу Марью Ильиничну [3]). Въ 1664 году—Пронькѣ Козюлину, за „неистовое слово“: сказалъ одному тюремному сидѣльцу, что для него царь другой тюремный сидѣлецъ [4]). По дѣлу Өедора Шакловитаго, полковнику Семену Рѣзанову и другимъ вырѣзаны языки „за многія слова къ возмущенію бунта“ [5]). Конечно, бывали и другіе случаи.

заніе языка, ссылаясь на 11 (10?) статью XIV главы Уложенія. Это недоразумѣніе: 10 статья XIV главы (11 статьи въ этой главѣ вовсе нѣтъ) заключаетъ въ себѣ, выражаясь словами оглавленія: „указъ о крестномъ цѣлованіи изъ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ“, который повелѣвается „въ выписяхъ къ крестному цѣлованію писать... и у крестнаго цѣлованія вычитать истцамъ и отвѣтчикомъ“. Въ „указѣ“ упоминается объ отрѣзаніи языка, но не въ смыслѣ наказанія за ложную клятву, а говорится лишь, въ числѣ другихъ наставленій, что „царя Льва премудраго новая заповѣдь 72 повелѣваетъ кленущемуся во лжю языкъ урѣзати“. По Уложенію же за ложную клятву полагается кнутъ, см. гл. XIV ст. 9, гл. XI ст. 27. Болѣе въ Уложеніи отрѣзаніе языка нигдѣ не упоминается.

[1]) *Котошихинъ*, о Россіи, стр. 92.

[2]) *Mayerberg*, Iter, стр. 180.

[3]) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 51, стр. 70, Грамота псковскому воеводѣ 1651 года.

[4]) *Пол. Соб. Зак.* № 362 Указъ 1664 года.

[5]) *Пол. Соб. Зак.* № 1349 Указъ 1689 года сентября 11. Также, *Соб. гос. гр. и дог.* т. IV № 201, стр. 611. О томъ же,

Что касается отрѣзанія языка за преступленія религіозныя, то и объ этомъ мы имѣемъ достаточныя указанія въ памятникахъ, касающихся исторіи раскола. Такъ, вырѣзаны были языки единомышленникамъ Аввакума — Лазарю, Епифанію и Ѳеодору [1]). Въ 1688 году вырѣзаны языки многимъ донскимъ казакамъ раскольникамъ „за противность и ругательства ко святѣй церкви, и за выскребаніе на святыхъ иконахъ, и за толкованіе въ Библіи орла, и за непристойныя слова про Великихъ Государей и за возмущеніе народа“ [2]).

Отрѣзаніе языка совершалось весьма просто: „посадя на скамью, клещами“ языкъ вытягивали [3]) и отрѣзали, обыкновенно не весь языкъ, а часть его — до половины или вдоль накось [4]). Можетъ быть, поэтому въ памятникахъ отрѣзаніе языка часто называется: „урѣзать языка“. Нерѣдко бывали случаи, что лица съ урѣзанными языками, по излѣченіи раны, начинали снова говорить, и тогда имъ рѣзали языки вторично. Такъ по два раза рѣзаны были языки вышеупомянутымъ Лазарю, Епифанію и дьякону Ѳеодору — первый разъ въ Москвѣ, второй въ Пустозерскѣ. Но и послѣ втораго раза они продолжали говорить — сначала „гугниво“, а потомъ „ясно глаголати“. Аввакумъ увѣряетъ даже, что у нихъ

Матвѣевъ, Записки, стр. 56; *Gordon*, Tagebuch, II, стр. 283. *De la Neuville*, Relation, стр. 146.

1) *Мат. ист. раскола*, т. IV, стр. 266; Т. V, стр. 85—87, 116. Т. VI, стр. 45 и слѣд.

2) *Доп. акт. ист.* т. XII № 17, IX, стр. 137, Слѣдственное дѣло 1688 года. Приговоръ на стр. 210. О томъ же *Gordon*, Tagebuch, II, стр. 216, 217.

3) *Мат. ист. раскола*, т. IV № II Челобитная Лазаря, стр. 216. Т. V, стр. 116.

4) *Мат. ист. раскола*, т. V, Житіе Аввакума, стр. 85—87. *Gordon*, Tagebuch, II, стр. 283. *Матвѣевъ*, Записки, стр. 56.

волею Божіею языки выростали вновь: „третій уже отъ рода будетъ“, говоритъ онъ [1]).

Почти во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ отрѣзаніе языка соединяется со ссылкою и, кромѣ того, при преступленіяхъ политическихъ — съ кнутомъ.

5. *Пороть ноздри и носы рѣзать* назначается Уложеніемъ спеціально за употребленіе табака, для тѣхъ, которые свыше трехъ разъ въ приводѣ съ табакомъ будутъ [2]).

О примѣненіи этого наказанія говорятъ согласно многіе иностранцы [3]). Имѣются, сверхъ того, немногія указанія, что отрѣзаніе носа примѣнялось еще за бунтъ и возстаніе [4]).

---

[1]) *Мат. ист. раскола*, т. IV, стр. 266. Т. V, Житіе Аввакума стр. 85—87.

[2]) *Уложеніе*, гл. XXV ст. 16. Продажа и куреніе табаку разрѣшены указомъ 1 февраля 1697 года, см. *Пол. Соб. Зак.* № 1570. Но и ранѣе этого времени, именно въ 1646 году, табакъ былъ разрѣшенъ въ Сибири и введена тамъ казенная продажа табаку. См. грамоты сибирскимъ воеводамъ разныхъ городовъ и ихъ отписки: *Акт. ист.* т. IV № 19, стр. 51. *Доп. акт. ист.* т. III № 10, стр. 47. № 23, стр. 98. № 39, стр. 139. Запрещеніе табаку состоялось въ 1634 году, см. *Берхъ*, цар. Алексѣя Михайловича, т. I, стр. 164. О времени запрещенія табаку *Болтинъ*, Примѣчанія къ исторіи Леклерка, т. I, стр. 508, говоритъ: „учинено было отъ патріарха о употребленіи табаку запрещеніе, которое и указомъ царя Михаила Ѳеодоровича въ 1634 году подтверждено“. Въ грамотѣ ярославскому воеводѣ Пацицыну 1639 года, *Русс. ист. библ.* т. II № 176, 9, стр. 724 и слѣд., упоминается „заповѣдь“ о табакѣ 1634 года іюля 3.

[3]) *Olearius*, Beschreibung, стр. 273 (русск. пер. стр. 300). *Adolph Lyseck*, Relatio, стр. 101. *Wickhardt*, Moscov. Reisebeschr., стр. 251.

[4]) *Доп. акт. ист.* т. VII № 61, стр. 277, О возмущеніи тунгусовъ 1677—1681 годовъ. Т. XI № 7, стр. 23, объ убійствѣ воеводы Бибикова въ Охотскѣ 1684 года. *Korb*, Diarium, стр. 171 (русск. пер. стр. 227), говоритъ, что при усмиреніи

6. *Клеймленіе* или *пятнаніе*, извѣстное въ Россіи уже съ XIV вѣка, въ XVII столѣтіи, до послѣднихъ годовъ его, примѣняется всегда въ качествѣ спеціальной мѣры или для отдѣльнаго случая, или для небольшой группы ихъ. Болѣе широкое примѣненіе, въ качествѣ общей мѣры, клеймленіе получаетъ лишь въ концѣ XVII вѣка. Уложеніе не говоритъ ничего о клеймленіи; почти не упоминаютъ о немъ и иностранные писатели [1]).

Первое опредѣленіе о клеймленіи въ XVII вѣкѣ даетъ окружная грамота 1637 года [2]) о „денежныхъ ворахъ". Въ грамотѣ повелѣвается, у всѣхъ тѣхъ воровъ, „которые переиманы до сее нашія грамоты", „для улики впредь, напятнати на щекахъ".

Въ 1691 году, указомъ 3 мая, повелѣно всѣхъ лицъ, которые „довелись смертной казни, а той казни имъ не учинено.... пятнать и ссылать" [3]). Въ томъ же году сентября 8 — за три татьбы смертью не казнить, а „бить кнутомъ и, запятнавъ, ссылать" [4]). Въ слѣдующемъ году [5]) установлено вторичное пятнанье лицъ, уже клеймленныхъ и бѣжавшихъ съ мѣста ссылки (второй побѣгъ влечетъ за собою смертную казнь). Наконецъ, въ 1698 году вводится общая мѣра клеймленія въ Сибири горо-

---

лецкаго бунта несовершеннолѣтнимъ стрѣльцамъ тоже рѣзали носы.

Сверхъ того, *Neugebauerus*, Moscovia, стр. 125, дѣлаетъ маловѣроятное сообщеніе, что носы рѣзались за вторую кражу. Свѣдѣніе это касается начала XVII вѣка.

[1]) Только *Neugebauerus*, Moscovia, стр. 125, говоритъ, что за вторую кражу или носы рѣзались (см. выше), или налагалось клеймо на лбу: „Qui secundo delinquit, illi nasus praeciditur, aut stigmante frons signatur".

[2]) *Собр. госуд. грам. и догов.* т. III № 106, стр. 360. Также *Акт. археогр. эксп.* т. III № 266, стр. 406.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 1404 Указъ 1691 года мая 3.

[4]) *Пол. Соб. Зак.* № 1413 Указъ 1691 года сентября 8.

[5]) *Пол. Соб. Зак.* № 1430 Указъ 1692 года.

довыми клеймами, по образцамъ, посланнымъ изъ Москвы, особо для каждаго города, ссыльныхъ преступниковъ всякаго рода, неодобрительнаго поведенія или замѣченныхъ въ „воровствѣ“ [1]).

Приведенными, сохранившимися до насъ, опредѣленіями о клеймленіи не исчерпывается, однако, область его примѣненія въ концѣ XVII вѣка. По сообщенію Котошихина были клеймлены во множествѣ участники бунта 1662 года, чтобъ „до вѣку были признатны“, какъ онъ выражается [2]). Сверхъ того, намъ извѣстны два случая 1700 года, въ которыхъ подверглись клеймленію лица, не подходящія ни подъ одну изъ указанныхъ выше категорій: нѣкто Яковъ Полтевъ, приговоренный за „слова“, „что онъ, Яковъ, говорилъ про Великаго Государя о корабляхъ“, и Богданъ Тевешовъ — „за то, что отбивался отъ пѣхотнаго строя, а добивался было къ межевому дѣлу“. Оба они биты кнутомъ; первый, вмѣстѣ съ тѣмъ, сосланъ на каторгу [3]).

Клеймленіе производилось посредствомъ желѣзнаго раскаленнаго клейма или „пятна“. Клеймо накладывалось на правую или на лѣвую щеку, а городовыя сибирскія клейма накладывались на спину. Размѣръ указанъ только относительно городовыхъ сибирскихъ клеймъ, именно—два вершка; прочія клейма, накладывавшіяся на щеки, вѣроятно, были меньшихъ размѣровъ. Рисунокъ клейма былъ различенъ: по окружной грамотѣ 1637 года пятно заключало въ себѣ слово *„воръ“*; бунтовщиковъ 1662 года клеймили буквою *Б*—„буки, то есть бунтовщикъ“, по объясненію Котошихина; городовое сибирское

---

[1]) *Акт. ист.* т. V № 280, стр. 509, Грамота въ Иркутскъ 1698 года.

[2]) *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 82. О томъ же *Берхъ,* цар. Алексѣя Михайловича, стр. 153, 154.

[3]) *Желябужскій,* Записки, стр. 73.

клеймо имѣло въ себѣ названіе соотвѣтствующаго города; указомъ 1691 года 3 мая введены клейма съ буквою *В*, то-есть, воръ, для чего и велѣно было, „учинить въ сыскномъ приказѣ, выковать, желѣзное азбучное слово *В*“. Наконецъ, Желябужскій въ своихъ запискахъ вездѣ употребляетъ выраженіе: „заорленъ“. Можно, поэтому, думать, что къ 1700 году вошли въ употребленіе клейма съ изображеніемъ *орла* [1]).

II. Наказанія болѣзненныя [2]).

Тѣлесныя наказанія болѣзненныя слагаются подъ вліяніемъ одной, простѣйшей идеи — причиненія физической боли. Мы не находимъ вовсе тѣлесныхъ наказаній,

---

[1]) По вопросу о способѣ клеймленія и о формѣ пятна см. сдѣланныя выше ссылки на стр. 145, примѣч. 1—5, и на стр. 146, примѣч. 1, 2. Подробный рисунокъ сибирскихъ городовыхъ клеймъ, приложенный къ подлинной грамотѣ 1698 года, къ сожалѣнію, въ Акт. Ист. т. V № 280, не напечатанъ. Города, для которыхъ сдѣланы были городовыя клейма, суть слѣдующіе: „Тоболескъ, Верхотурье, Тюмень, Туринескъ, Пелымь, Тара, Сургутъ, Березовъ, Мангазея, Томской, Кузнецкой, Нарымъ, Енисейской, Красноярскъ, Илимской, Якутской, Иркутской, Нерчинской“.

[2]) Считаемъ необходимымъ замѣтить, что въ русскихъ переводахъ иностранныхъ писателей о Россіи, по небрежности или по незнанію переводчиковъ, допущены многія неточности въ наименованіи орудій тѣлесныхъ наказаній; этому отчасти способствовало и то обстоятельство, что авторы, не имѣя на своемъ языкѣ или на языкѣ латинскомъ вполнѣ соотвѣтствующихъ русскимъ названіямъ терминовъ, нерѣдко употребляютъ общія выраженія, опредѣляющія только родъ, но не видъ наказанія. Такъ напримѣръ, *Mayerberg*, Iter, на стр. 62, дважды употребляетъ выраженіе: „flagris caeduntur“. Въ русскомъ переводѣ, стр. 116, въ одномъ мѣстѣ сказано: „плетьми“, а въ другомъ — „кнутомъ“. *Petrejus*, Hist. und Ber., на стр. 599 и 623, говоритъ: „die Peitsche“, „gepeitschet“. Русскій переводъ, на стр. 389 и 405: „розги“, хотя о розгахъ ни одинъ русскій памятникъ XVII вѣка не упоминаетъ. У того же *Petrejus*, на стр. 29 и 32, выраженіе: „Knüttel“, то есть палка, переведено,

*

направленныхъ на моральную сторону, то-есть, заключающихъ въ себѣ позорящій моментъ по преимуществу. Древняя Русь такихъ тѣлесныхъ наказаній не знала. Духовная сторона человѣка, его нравственный міръ, за весьма немногими исключеніями, стоялъ внѣ сферы уголовно-карательной дѣятельности. Всѣ тѣлесныя наказанія, поэтому, даже въ нисшихъ своихъ видахъ, заключали въ себѣ тяжкую боль и значительное физическое страданіе, фактически нерѣдко приближавшее ихъ къ смертной казни, притомъ казни наиболѣе мучительной. Но тѣмъ не менѣе о ближайшемъ и точномъ опредѣленіи размѣра этихъ страданій, соотвѣтственно тяжести преступнаго дѣянія, законодательная власть заботилась весьма мало. Она повелѣвала „бить“ преступниковъ; она назначала орудія для этого битья, различала битье простое и нещадное, но не болѣе: количества ударовъ законъ не опредѣлялъ вовсе. Это предоставлялось или судебному приговору, или исполнителямъ.

По орудіямъ тѣлесныя наказанія различались слѣдующія: кнутъ, батоги, плети [1]).

на стр. 19 и 20, словомъ „кнутъ“, не смотря на то, что рѣчь идетъ вовсе не о тѣлесныхъ наказаніяхъ. У *Olearius,* Beschreibung, на стр. 217, выраженіе: „mit Prügel“ въ русскомъ переводѣ, на стр. 212, переведено: „кнутомъ“. На стр. 197, общее выраженіе: „Staupenschläge“ переведено, на стр. 183: „розги“. Выраженія же: „Knut“ и „Knutpeitsche“, не взирая на всю ихъ несомнѣнную ясность, переводятся въ однихъ мѣстахъ словомъ кнутъ, а въ другихъ — плети.

[1]) Сверхъ того, встрѣчаются въ памятникахъ рѣдкія единичныя указанія на употребленіе, въ качествѣ орудія тѣлеснаго наказанія, „дубцовъ“ или „дубья“. Что такое „дубцы“, „дубье“, въ точности мы не знаемъ. Примѣнялось это наказаніе, какъ видно, не по суду, а какъ взысканіе по распоряженію начальствующихъ. Такъ, Діаконъ Ѳеодоръ, заключенный вмѣстѣ съ Аввакумомъ въ Пустозерскѣ въ земляной тюрьмѣ, былъ битъ, по его собственному разсказу, „зѣло безъ милости двѣма дубцы великими“ за то, что ночью пытался вылѣзть изъ

1. *Кнутъ* употреблялся и какъ орудіе пытки, и какъ наказаніе. Наказаніе кнутомъ—„бити кнутомъ“, „кнутьемъ“, „сѣчь кнутомъ“— имѣло въ терминологіи XVII вѣка еще два другія наименованія, именно: „жестокое наказаніе“ и „торговая казнь“, которыя употребляются въ памятникахъ безразлично. И въ Уложеніи, и въ другихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ очень часто выраженія, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что „жестокое наказаніе“, „торговая казнь“ и кнутъ суть одно и то же: „учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ“; или „учиня торговую казнь, бивъ кнутомъ“ и т. п.[1]). Лишь изрѣдка жестокимъ наказаніемъ назы-

---

своей ямы. Били его „стоящаго (слѣдовательно, не батоги), и все тѣло избиша нагое до крови“. См. *Мат. ист. раск.* т. VI № 7, Посланіе Ѳеодора Діакона къ сыну, стр. 131. *Желябужскій,* въ своихъ Запискахъ, стр. 97, сообщаетъ, что думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ былъ однажды „въ Преображенскомъ битъ дубьемъ“.

Наказанія розгами, въ тѣсномъ смыслѣ, уголовное право XVII вѣка не знало. Въ памятникахъ розги нигдѣ не упоминаются. Только по небрежности переводчиковъ слово это попало въ русскіе переводы иностранныхъ писателей о Россіи. Впрочемъ, въ русской юридической литературѣ встрѣчаются нѣкоторыя недоразумѣнія по этому предмету. Такъ, *Калачовъ,* Объ уголовномъ правѣ по судебнику, Юридич. Записки т. II, стр. 339, говоритъ о наказаніи розгами, какъ объ особомъ самостоятельномъ наказаніи, существовавшемъ въ XVI вѣкѣ и примѣнявшемся даже за тяжкія преступныя дѣянія. Въ подтвержденіе онъ ссылается на *Карамзина,* Ист. Госуд. Россійс. т. IX, стр. 272 и примѣчаніе 186. Въ дѣйствительности у Карамзина, въ указанныхъ мѣстахъ, нѣтъ ни слова о розгахъ, а именно: на стр. 272 употреблено лишь выраженіе: „высѣкли на конюшнѣ“ и сдѣлана ссылка на подлинный текстъ памятника, гдѣ сказано: „велѣлъ *бити* на конюшнѣ“. Въ примѣчаніи же 186 говорится лишь, что, по словамъ Таубе и Крузе, князей Щ. и П. „*засѣкли*“. О розгахъ же ни тамъ, ни здѣсь—ни слова.

1) *Уложеніе*, гл. VII ст. 9, гл. X ст. 12, 199, 219, гл. XXII ст. 25. *Пол. Соб. Зак.* №№ 299, 992, 1037, 1110, 1424, 1693. *Акт. ист.* т. IV № 29 Грамота во Владиміръ 1649 года. № 166 Гра-

ваются батоги, когда они назначаются взамѣнъ кнута (см. ниже стр. 168, прим. 2).

Наказаніе кнутомъ было самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ въ XVII вѣкѣ; достаточно сказать, что въ Уложеніи около ста сорока статей имѣютъ въ своей санкціи наказаніе кнутомъ; большая часть преступныхъ дѣяній, даже самыхъ незначительныхъ, влекутъ за собою кнутъ или отдѣльно, или въ соединеніи съ другими наказаніями. Сепаратные указы XVII вѣка расширяютъ до крайнихъ предѣловъ примѣненіе кнута; такъ, напримѣръ, въ 1668 году онъ назначается за работу въ воскресные дни [1]); по указу 1691 года повелѣвается бить кнутомъ (и ссылать въ ссылку) тѣхъ, которые, „подвязавъ руки, такожъ и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпы и хмуры, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостыни, а по осмотру здоровы" [2]); указы 1686, 1688 и 1699 годовъ угрожаютъ кнутомъ тѣмъ, „кто станутъ по большимъ улицамъ и по переулкамъ (въ Москвѣ) всякій пометъ и мертвечину бросать" и противъ дворовъ своихъ „навозу и всякаго скареднаго помету, и мертвечины, и собакъ, и кошекъ очищать не будутъ" [3]).

Не взирая на такое, почти безграничное, примѣненіе, законодатель не опредѣлялъ ни устройства кнута, ни способа выполненія этого наказанія. О кнутѣ мы нахо-

---

мота Новодѣвичьему монастырю 1662 года. Т. VIII № 69 Наказъ якутскому воеводѣ 1680 года. *Соб. гос. гр. и дог.* т. III № 124 Грамота на Верхотурье 1646 года. *Допол. акт. ист.* т. II № 47 Дѣло 1616 года.

[1]) *Борисовъ*, Опис. гор. Шуи, стр. 20, 21, Память земскому старостѣ 1668 года.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 1424 Указъ 1691 года. О томъ же *Пол. Соб. Зак.* № 1489 Указъ 1694 года.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 1181 Статьи 1686 года. № 1315 Указъ 1688 года. № 1684 Указъ 1699 года апрѣля 9.

димъ многочисленныя указанія у иностранцевъ, бывавшихъ въ Россіи; онъ, очевидно, привлекалъ ихъ вниманіе какъ орудіе, неизвѣстное въ западной Европѣ — какъ „horrendum flagellorum genus“ [1]). Кромѣ того, у писателей XVIII и XIX вѣковъ мы находимъ подробныя описанія кнута; одинъ изъ нихъ, именно Якобъ, прямо говоритъ, что закономъ устройство кнута никогда опредѣлено не было и что, поэтому, кнутъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена могъ быть весьма различнымъ [2]).

Сопоставляя всѣ извѣстныя намъ краткія указанія и болѣе подробныя описанія кнута, мы можемъ сдѣлать

---

[1]) *Korb,* Diarium, стр. 81 (рус. перев. стр. 97).

[2]) Объ устройствѣ кнута и о способѣ наказанія: *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 91, 92. *Перри,* Сост. Россіи, стр. 141, прим. 43. *De la Neuville,* Relation, стр. 140, 141. *Де-Бруинъ,* Путешествіе, стр. 90. *Straussen,* Reysen, стр. 89. *Берхгольцъ,* Дневникъ т. I, стр. 104. *Wickhart,* Reisebeschreibung, стр. 253. *Carlislc,* Drey Gesandschaften, стр. 710, 711. *Olearius,* Beschreibung, стр. 273 — 275 и рисунокъ (русск. перев. стр. 301, 302). *Mayerberg,* Iter in Moscoviam, приложеніе на 236 страницѣ, послѣ Statuta Moschovitica (въ русскомъ переводѣ это приложеніе опущено). *Adolph Lyseck,* Relatio, стр. 101. *Reutenfels,* De rebus, стр. 146. *Коллинсъ,* Сост. Россіи, стр. 18 и 36. *Korb,* Diarium, стр. 203 (русскій перев. стр. 276), также на стр. 80 (русск. перев. стр. 96).

Писатели болѣе поздняго времени: *Щербатовъ,* Размышленія о смертной казни. Чтенія Общ. ист. и др. 1860 года, т. I стр. 67. *Russischer Merkur,* hrsgb. von Heidecke, I (1805) стр. 82, 83. *Steltzer,* Ueber die Knute eine russische Criminalstrafe, Archiv des Criminalrechts, т. VII (1807), стр. 402—414. *Jakob,* Entwurf eines Criminalgesetzbuches f. d. russische Reich 1818 года, стр. 26, 27.

Наконецъ: *Калачовъ* въ Юрид. зап. Рѣдкина, т. II, стр. 337. *Костомаровъ,* Бунтъ Стеньки Разина, Монографіи т. II стр. 363. *Сергѣевичъ,* Лекціи, стр. 909. *Неклюдовъ,* Примѣч. къ учебнику Бернера, стр. 222 и слѣд. *Калмыковъ,* Учебникъ уголовнаго права, изд. *Любавскаго,* стр. 238, примѣчаніе. *Филиповъ,* Очеркъ русскаго уголовнаго права, стр. 44.

выводъ, что устройство его какъ въ XVII, такъ и въ XVIII вѣкѣ было, приблизительно, одно и то же и въ общихъ чертахъ слѣдующее: къ короткой, около полуаршина длины, толстой, деревянной рукояткѣ прикрѣплялся упруго-гнущійся, плетеный кожаный столбецъ, съ кольцомъ или кожаною петлею на концѣ; къ этому кольцу или петлѣ привязывался ремешкомъ хвостъ, около аршина длины, сдѣланный изъ широкаго ремня толстой сыромятной кожи, согнутаго вдоль, на подобіе желобка, и въ такомъ видѣ засушенаго. Этотъ хвостъ, твердый какъ дерево или какъ кость въ сухомъ видѣ, размягчался при употребленіи въ дѣло отъ текущей крови и, поэтому, послѣ нанесенія нѣсколькихъ ударовъ, замѣнялся новымъ. Такимъ образомъ, полный приборъ кнута долженъ былъ заключать въ себѣ одну рукоятку съ плетенымъ столбцомъ и нѣсколько хвостовъ.

Сходясь въ общихъ чертахъ, отдѣльныя описанія кнута разнятся между собою въ подробностяхъ. Мы считаемъ не лишнемъ привести здѣсь нѣкоторыя, наиболѣе полныя или наиболѣе авторитетныя изъ этихъ описаній какъ XVII вѣка, такъ и позднѣйшей эпохи[1]), а равнымъ образомъ представить читателямъ описаніе одного экземпляра кнута, который удалось намъ имѣть въ своихъ рукахъ.

Котошихинъ говоритъ: „учиненъ тотъ кнутъ ременной, плетеной, толстой, на концѣ ввязанъ ремень толстой, шириною въ палецъ, а длиною будетъ съ пять локтей". По словамъ Перри, „кнутъ состоитъ изъ толстаго, крѣпкаго кожанаго ремня, длиною около трехъ съ половиною футовъ, прикрѣпленнаго къ концу толстой палки, длиною въ два съ половиною фута, на оконечности коей придѣлано кольцо, къ которому прикрѣпленъ

---

[1]) См. указанія въ примѣч. 2 на стр. 151.

ремень". Стрюйсъ, Викгардтъ, Олеарій, Майербергъ и Карлиль расказываютъ, что ременный хвостъ кнута дѣлался изъ сыромятной лосиной кожи; трое послѣдніе изъ нихъ прибавляютъ, что хвостъ этотъ оканчивался тремя маленькими ремнями, длиною въ палецъ [1]). Якобъ такъ описываетъ устройство кнута: къ деревянной рукояткѣ, длиною въ одинъ футъ, прикрѣпленъ ремень или кожаная веревка (ein lederner Strang) въ два дюйма ширины, три линіи толщины и отъ двухъ до трехъ футовъ длины. Къ этому ремню прикрѣпленъ конецъ или хвостъ (eine Spitze) изъ сыромятной кожи, твердый какъ кость и имѣющій приблизительно одну линію толщины, три четверти дюйма ширины и одинъ футъ длины; къ концу онъ постепенно заостряется. Конецъ этотъ и есть именно орудіе, которое должно поражать преступника; падая на окровавленную спину, онъ становится мягокъ, и его замѣняютъ другимъ, подобнымъ же хвостомъ или берутъ другой кнутъ. Штельцеръ даетъ такое описаніе: кнутъ, говоритъ онъ, есть большая плеть, составленная изъ слѣдующихъ частей: къ рукояткѣ, выточенной изъ дерева, длиною въ одинъ футъ, прикрѣпленъ, посредствомъ кожаной петли, ремень или кожаная веревка (ein lederner Strang), имѣющая форму постромки. У рукоятки этотъ ремень имѣетъ два съ половиною дюйма ширины, а на другомъ концѣ — три четверти дюйма. Толщина его достигаетъ, приблизительно, трехъ линій; длина — три фута или нѣсколько болѣе. На тонкомъ концѣ его имѣется маленькая кожаная петля, къ которой прикрѣпляется, посредствомъ узла, хвостъ. Этотъ послѣдній имѣетъ одинъ футъ длины и три четверти дюйма ширины въ началѣ, къ концу же заостряется. Онъ дѣлается изъ сыромятной,

---

[1]) О трехъ концахъ кнута упоминаютъ: *Сергѣевичъ*, Лекціи, стр. 909, и *Неклюдовъ*, Примѣч. къ учебн. Бернера, стр. 224.

бѣлой лошадиной кожи, твердъ какъ кость и имѣетъ около одной линіи толщины. Я описываю, поясняетъ Штельцеръ, наиболѣе тяжкій кнутъ; для лицъ слабыхъ и за менѣе важныя преступныя дѣянія употребляется кнутъ меньшей тяжести. Эта добавка Штельцера едва ли основательна: мы не нашли нигдѣ ни малѣйшихъ указаній на существованіе двухъ сортовъ кнута — тяжкаго и менѣе тяжкаго. Любавскій, въ примѣчаніяхъ къ учебнику Калмыкова, приводитъ слѣдующее описаніе кнута, найденное имъ въ дѣлахъ II отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи: „къ рукояткѣ, съ поларшина длины, прикрѣпленъ ременный плетеный столбецъ съ перегибомъ, длиною въ аршинъ; къ плетиву этому привязывается петлей сыромятный ремень, длиною также въ аршинъ, шириною въ $^1/_8$ вершка. Весь кнутъ съ рукояткою будетъ въ $2^1/_2$ аршина длины. Ременный конецъ кнута загнутъ съ обѣихъ сторонъ“ [1]).

Наконецъ, тотъ экземпляръ кнута, который мы имѣли въ своихъ рукахъ, имѣетъ слѣдующее устройство и размѣры: толстая деревянная рукоятка, $5^5/_8$ вершка длиною, $^5/_8$ вершка въ діаметрѣ; къ ней прикрѣплена плетеная часть кнута, посредствомъ нѣсколькихъ оборотовъ тонкаго ремешка и нѣсколькихъ гвоздей. Эта плетеная часть представляетъ собою упругій столбецъ, образованный изъ ременнаго плетива, обнимающаго твердый стержень изъ плотно сложеннаго куска кожи; посрединѣ столбца стержень прерывается, приблизительно, на вершокъ, и остается одно плетиво безъ стержня, вслѣдствіе чего здѣсь образуется перегибъ. Въ длину плетеная часть имѣетъ $14^1/_2$

---

[1]) *Reutenfels,* De rebus, стр. 146, разсказывая о кнутѣ, говоритъ объ одной мало вѣроятной подробности, именно, что ремень будто бы вываривался въ молокѣ, для увеличенія силы удара: „Knut, lorum nempe ingens lacte excoctum, ut tanto graviori verbere saeviret“...

вершковъ, въ толщину у рукоятки $1^{7}/_{8}$ вершка въ окружности, въ другомъ концѣ — одинъ вершокъ. Тонкій конецъ заключается желѣзнымъ кольцомъ около одного вершка въ діаметрѣ. Къ кольцу привязанъ тонкимъ ремешкомъ хвостъ. Этотъ послѣдній состоитъ изъ бѣлаго, сыромятнаго, толстаго ремня, длиною 13 вершковъ и шириною $^{6}/_{8}$ вершка. Онъ твердъ, дѣйствительно, какъ кость, и загнутъ съ обѣихъ сторонъ въ видѣ желобка. При ударѣ острые края желобка должны приходиться къ тѣлу наказываемаго. Весь кнутъ, съ рукояткою, имѣетъ въ длину два аршина и два вершка.

Наказаніе кнутомъ въ XVII вѣкѣ производилось тремя способами: одинъ обыкновенный, когда тѣло наказываемаго находилось въ висячемъ положеніи; затѣмъ — наказаніе кнутомъ въ проводку и наказаніе кнутомъ на козлѣ [1]). При обыкновенномъ битьѣ кнутомъ, преступникъ помѣщался на спинѣ помощника палача или кого-либо изъ толпы, по приглашенію палача; ноги его висѣли на воздухѣ, руками же онъ долженъ былъ охватывать шею того человѣка, на спинѣ котораго лежалъ, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, крѣпко держалъ его за руки; для устраненія движеній, ноги преступника связывались веревкою, и конецъ ея держалъ другой помощникъ палача стоявшій впереди, лицомъ къ первому. Палачъ или „кнутовой мастеръ“, какъ выражались въ XVII вѣкѣ [2]) стоялъ сзади и билъ кнутомъ по обнаженной спинѣ.

Битье кнутомъ въ проводку совершалось такимъ образомъ: преступника, съ обнаженною спиною и связан-

---

[1]) Четвертый способъ битья кнутомъ употреблялся при пыткѣ. Подсудимый, привязанный за кисти рукъ, на веревкѣ вздергивался на воздухѣ въ дыбѣ и въ этомъ положеніи получалъ удары кнута по спинѣ.

[2]) *Перри,* Сост. Россіи, стр. 141: „Knoutavoi Master“. Другіе, нѣмецкіе писатели, выражаются: „Knutmeister“.

ными руками, двое вели подъ руки по улицамъ и по площадямъ, „по торгомъ“ или „въ торгъ по рядомъ“, какъ говорили въ старину, а палачъ шелъ сзади и билъ кнутомъ. Такое битье кнутомъ весьма часто встрѣчается въ Уложеніи [1]) и въ другихъ памятникахъ [2]). Иногда проводка дѣлалась по извѣстному опредѣленному мѣсту. Такъ, виновная въ прелюбодѣяніи жена и ея соучастникъ проводились подъ кнутомъ отъ Приказа до дома мужа [3]); въ Уложеніи есть одинъ случай проводки отъ Приказа до тюрьмы, въ которую осужденный заключался [4]); виновные въ похищеніи имущества во время пожара водились подъ кнутомъ по мѣсту пожара [5]); приговоренный къ повѣшенію въ 1676 году лазутчикъ былъ помилованъ, и ему учинено наказаніе: приведенъ къ висѣлицѣ и отъ висѣлицы битъ кнутомъ въ проводку до Болота [6]).

Какъ совершалось битье кнутомъ на козлѣ, каковъ былъ этотъ инструментъ, въ точности намъ неизвѣстно; описаній его мы нигдѣ не находимъ. Примѣняясь, однако, къ современному языку, можно думать, что козломъ на-

[1]) *Уложеніе,* гл. X ст. 129, 148, 187, 188, 251, гл. XI ст. 27, гл. XVII ст. 53, гл. XIX ст. 13, гл. XXI ст. 79, гл. XXII ст. 11 12, гл. XXV ст. 3, 4, 6, 16, 19.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 123 Указъ 1654 года. *Акт. ист.* т. III № 92 Указъ 7135 года. № 135 Наказъ кузнецкому воеводѣ 1625 года. Т. IV № 29 Грамота во Владиміръ 1649 года *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 10 Грамота заонежскому воеводѣ 1646. *Русск. ист. библіот.* т. I № 3 Походъ Дмитрія въ Москву, стр. 399, 340. *Сборникъ князя Хилкова,* № 62 Грамота въ Сольвычегодскую 1601 года. *Устряловъ,* Сказанія совр. о Дм. Сам. т. V, Дневникъ Маскѣвича, стр. 66.

[3]) *Petrejus,* Histor. u. Ber., стр. 623 (русс. пер. стр. 405). Ср. *Котошихинъ,* стр. 92.

[4]) *Уложеніе,* гл. X ст. 187.

[5]) *Пол. Соб. Зак.* № 1693 Указъ 1699 года іюля 24.

[6]) *Древ. росс. Вивл.* т. XVII, стр. 332, Челобитная князя В. В. Голицына 1684 года.

зывался инструментъ, подобный тому, на которомъ обыкновенно совершалось наказаніе кнутомъ въ XIX вѣкѣ, — такъ называемыя кòзла или кобыла, то-есть, столбъ съ поперечною крестообразною перекладиной, къ которой привязывались руки преступника такъ, что онъ, стоя на ногахъ, немного нагнувшись впередъ, выставлялъ спину для ударовъ [1]). Интересно замѣтить, что ни Котошихинъ, ни иностранные писатели о наказаніи на козлѣ, сколько намъ извѣстно, не упоминаютъ [3]). На основаніи второй части 3 статьи XXV главы Уложенія можно думать, что кнутъ на козлѣ былъ болѣе мягкимъ видомъ, чѣмъ кнутъ въ проводку: въ этой статьѣ за первую вину назначаются батоги, за вторую — кнутъ на козлѣ, за третью — кнутъ „по торгомъ". Кнутъ на козлѣ встрѣчается въ памятникахъ столь же часто, какъ и кнутъ въ проводку [3]). Раз-

---

[1]) См. подробныя описанія наказанія кнутомъ въ XIX вѣкѣ у *Jakob* и *Steltzer*.

[2]) Предположеніе *Неклюдова*, Учебникъ Бернера, стр. 223, что на козлѣ удары кнутомъ наносились по задницѣ, а не вдоль спины, едва ли основательно: это было бы неудобно по самому устройству кнута и, сверхъ того, значительно уменьшало бы боль, между тѣмъ въ памятникахъ нерѣдко встрѣчается битье на козлѣ нещадное. *Богдановскій*, о прест. и нак. стр. 78, говоритъ, что козломъ называлась особаго рода скамейка. Тоже говоритъ *Филиповъ*, Очеркъ, стр. 46. Сверхъ того, извѣстно, что въ XIX вѣкѣ наказаніе кнутомъ нерѣдко совершалось на опрокинутыхъ вверхъ полозьями обыкновенныхъ саняхъ. Передняя часть саней (головашки) поднималась значительно выше задней; тѣло преступника, привязаннаго къ санямъ, находилось, такимъ образомъ, въ наклонномъ положеніи. Въ памятникахъ XVII вѣка мы наказанія кнутомъ на саняхъ не встрѣчаемъ; но можно думать, что этотъ способъ и въ древней Руси употреблялся. Такъ въ Словѣ *Даніила Заточника*, Русская Бесѣда т. II, стр. 113, находимъ слѣдующую фразу: „а безумнаго, аще и кнутомъ бьеше розвязавъ на санехъ, не отымеши безумія его". См. *Богдановскій*, о прест. и наказ., ст. 61, 62.

[3]) *Уложеніе*, гл. X ст. 187, 188, гл. XX ст. 22, гл. XXV ст. 3, 9, 14, 15, 16, 19. *Пол. Соб. Зак.* № 1062 а, Указъ 1684 года

бирая тѣ случаи, въ которыхъ назначаются эти особые виды, мы не могли установить какой-либо связи между ними и родомъ или свойствомъ соотвѣтствующихъ преступныхъ дѣяній. Несомнѣнно одно, что, такъ какъ битье въ проводку имѣло цѣлью увеличеніе публичности наказанія, то оно должно было считаться болѣе позорнымъ.

Иногда обѣ эти формы соединяются вмѣстѣ и образуется какъ бы новая сложная форма: сначала бьютъ кнутомъ на козлѣ, а потомъ ведутъ въ проводку [1]).

Въ одномъ случаѣ мы находимъ наказаніе кнутомъ въ нѣсколько пріемовъ. Именно, Уложеніе повелѣваетъ тѣхъ, кто „крестъ поцѣлуетъ не на правдѣ“, „бить кнутомъ по торгомъ по три дни“ [2]).

Удары кнутомъ наносились вдоль всей спины преступника, притомъ такъ, что къ тѣлу прикасался только хвостъ кнута, а не плетеная часть. При каждомъ ударѣ палачъ отходилъ на нѣсколько шаговъ назадъ, взмахи-

---

февраля 26. № 1362 Указъ 1689 года декабря 23. *Акт. ист.* т. IV № 202 Дѣло о бунтѣ Стеньки Разина, LXXXVI. Т. V № 117 Грамота новгородскому митрополиту 1683 года. *Допол. акт. ист.* т. III № 52 Грамота якутскому воеводѣ 1649 года. Т. VII № 3 Акты 1676—1679 годовъ. Т. XIII № 42 Грамота дѣдиловскому воеводѣ 1678 года. № 50 Акты о расколѣ въ Сибири 1679 года. *Акт. до юрид. быта* т. II № 245, II Письмо свободное 1688 года. *Мат. ист. раскола,* т. III № XX Челобитная соловецкаго архимандрита 1666 года. *Воронеж. акты,* т. I № XXVI, Переписка 1697 года. *Др. Росс. Вивл.* т. XVIII, Лѣтописецъ двинской, стр. 32, 33. *Желябужскій,* Записки, стр. 47, 65 и 68.

[1]) *Уложеніе,* гл. X ст. 187, 188, гл. XXV ст. 19. *Пол. Соб. Зак.* № 734 Указъ 1678 года. № 1192 Указъ 1686 года іюня 9. *Акт. ист.* т. V № 119 Воеводскій наказъ сборщику ясака 1685 года. *Допол. акт. ист.* т. IV № 147 Отписка 1658 года. Т. VII № 3 Акты 1676—1679 годовъ. № 61 Акты 1677—1681 годовъ. Т. XI № 11, VII, Дѣло 1684 года. № 38 Отписка якутскому воеводѣ 1684 года. № 71 Грамота тотемскому воеводѣ 1684 года Т. XII № 59 Грамота мангазейскому воеводѣ 1690 года.

[2]) *Уложеніе,* гл. XI ст. 27, гл. XIV ст. 9.

валъ кнутъ обѣими руками надъ головою и, съ громкимъ крикомъ быстро приближаясь къ преступнику, опускалъ кнутъ на его спину. Удары ложились вдоль спины параллельно; искусство палача заключалось въ томъ, чтобы линія одного удара не пересѣкалась съ линіей другаго. Палачи, разсказываютъ современники-очевидцы, такъ хорошо знаютъ свое дѣло, что рѣдко ударяютъ два раза по одному мѣсту; они могутъ класть ударъ къ удару ровно, какъ бы размѣряя ихъ циркулемъ или линейкою. Сила ударовъ такова, что каждый пробиваетъ кожу, и кровь льется ручьями; кожа отставала кусками, вмѣстѣ съ мясомъ. „Какъ ударитъ по которому мѣсту—говоритъ Котошихинъ—и на спинѣ станетъ такъ слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ ножемъ, мало не до костей". Олеарій замѣчаетъ, что послѣ наказанія на спинѣ не остается цѣлой кожи и на палецъ, а наказанный становится похожъ на ободранную скотину — „war als wie die geschundene Beister anzusehen". Онъ же говоритъ, что для излѣченія ранъ на спину надѣваютъ теплую шкуру только что убитой овцы. Послѣ каждаго удара палачъ рукою отиралъ съ ремня кровь и приставшую кожу, а послѣ нѣсколькихъ, обыкновенно не болѣе десяти, перемѣнялъ размягчившійся отъ крови ремень.

Наказаніе совершалось весьма медленно и требовало большаго напряженія силъ отъ исполнителя. По словамъ Котошихина, „въ часъ боевой бываетъ ударовъ тридцать или сорокъ," а по свидѣтельству графа Мордвинова „для двадцати ударовъ потребенъ цѣлый часъ", такъ что при большомъ числѣ ударовъ наказаніе длится „отъ восходящаго до заходящаго солнца" [1]). Поэтому приходилось

---

[1]) *Объяснительная записка* къ Проекту уложенія 1844 года, стр. LV. Впрочемъ, по разсказу Штельцера, экзекуція совершается значительно быстрѣе.

перемѣнять не только ремень кнута, но и палачей; при сколько-нибудь значительныхъ наказаніяхъ ихъ всегда находилось нѣсколько.

Число ударовъ кнутомъ въ XVII вѣкѣ не опредѣлялось въ законѣ. Законъ различалъ лишь простое и „нещадное" битье, не дѣлая, однако, этому послѣднему никакого ближайшаго опредѣленія. Можно думать, что и въ судебныхъ приговорахъ число ударовъ опредѣлялось весьма рѣдко; по крайней мѣрѣ слѣдовъ этого мы нигдѣ не находимъ. Изъ всѣхъ современниковъ, одинъ только Олеарій, разсказывая о видѣнномъ имъ случаѣ наказанія кнутомъ, говоритъ, что, передъ началомъ экзекуціи, присутствовавшій при наказаніи Richtersdiener прочелъ по запискѣ, сколько ударовъ долженъ получить преступникъ, а затѣмъ, когда эти удары были отсчитаны закричалъ: „полно". Другіе вовсе не говорятъ о счетѣ ударовъ. Въ позднѣйшую эпоху, въ XVIII и XIX вѣкахъ, число ударовъ доходило, какъ извѣстно, до четырехсотъ, а при нещадномъ битьѣ даже болѣе[1]); несомнѣнно, что въ XVII вѣкѣ это наказаніе не могло быть болѣе мягкимъ. Точныя опредѣленія количества ударовъ мы имѣемъ лишь относительно пытки; здѣсь число доходило въ XVII вѣкѣ, по словамъ Деланевиля, до трехсотъ. Въ одномъ боярскомъ приговорѣ 1673 года предписывается ворамъ и разбойникамъ, которые сначала винятся, а потомъ „станутъ рѣчи свои лживить", давать въ первой пыткѣ восемьдесятъ ударовъ, во второй — сто двадцать, а въ третьей — сто пятьдесятъ; прочимъ „приводнымъ людямъ" — пятьдесятъ, восемьдесятъ и сто[2]). Въ 1684 году „убоецъ Олешка" въ Якутскѣ получилъ во второй и третьей пыткѣ двѣсти тридцать ударовъ кнутомъ; сколько

---

[1]) См. напр. *Щербатовъ,* Размышленіе о смертной казни.
[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 561.

онъ получилъ въ первой — неизвѣстно [1]). Конечно, максимальный размѣръ наказанія кнутомъ не могъ быть ниже максимальнаго размѣра пытки; въ отдѣльныхъ же случаяхъ число ударовъ кнутомъ было, конечно, весьма различно. Такъ, Корбъ объ одномъ извѣстномъ ему случаѣ говоритъ, что преступникъ получилъ болѣе ста ударовъ [2]). Протопопу Аввакуму воевода Аѳанасій Пашковъ далъ, „разболокши", по спинѣ 72 удара кнутомъ" [3]). Но и такія отдѣльныя указанія въ памятникахъ весьма рѣдки.

Нещадное битье кнутомъ въ памятникахъ называется: „бить кнутомъ нещадно, безъ пощады, безъ всякой пощады, безъ милосердія и пощады" и т. п. Иногда употребляется выраженіе: „съ жесточью", въ противоположность — „съ легкостью", также „съ пощадою" [4]). Какъ Уложеніемъ, такъ и другими законодательными памятниками нещадное битье кнутомъ назначается очень часто, почти столь же часто, какъ и простое. Но ни законъ, какъ сказано было выше, ни другіе памятники никакого ближайшаго опредѣленія этому тягчайшему виду наказанія кнутомъ не даютъ. Очевидно, что оно не имѣло какихъ-либо внѣшнихъ опредѣленныхъ признаковъ, а опредѣлялось и тяжестью ударовъ, и количествомъ ихъ, и отношеніемъ къ тѣлесной крѣпости наказываемаго.

Интересно замѣтить, что въ одной грамотѣ 1664 года пятьдесятъ ударовъ называются уже нещаднымъ битьемъ [5]).

---

[1]) *Допол. акт. ист.* т. XI № 11, I, стр. 27, Дѣло 1684 года.

[2]) *Korb*, Diarium, стр. 226 (русс. пер. стр. 319, 320).

[3]) *Мат. ист. раскола* т. V Житіе Аввакума, стр. 29.

[4]) *Допол. акт. ист.* т. IV № 146 Грамота о высылкѣ солдатъ 1658 года. *Акт. ист.* т. IV № 158, I Указъ 1661 года сентября 18.

[5]) *Русс. ист. библ.* т. V № 184, 2 Грамота патріарха Никона въ Иверскій монастырь: „тѣхъ воровъ... бить кнутомъ нещадно, давать бы ударовъ по 50". Также *Акт. ист.* т. IV № 178.

Якутскій воевода Головинъ въ 1645 году, въ числѣ другихъ злоупотребленій, обвинялся въ томъ, что билъ кнутомъ князцовъ и улусныхъ людей „въ три палача безъ пощады“ [1]).

Смертный исходъ наказанія кнутомъ былъ явленіемъ весьма обычнымъ: объ этомъ согласно говорятъ всѣ русскіе и иностранные писатели какъ XVII вѣка, такъ и позднѣйшей эпохи. Щербатовъ идетъ даже далѣе: по его словамъ, большинство наказанныхъ кнутомъ умираютъ или при самомъ наказаніи, или вслѣдъ затѣмъ. „Нѣкоторые изъ нихъ — говоритъ онъ — въ жесточайшемъ страданіи, нежели усѣченіе главы, или висѣлица, или и самое пятереніе [2]), умираютъ. Другіе же, перенесши всю жестокость сію, безчувственны отвозятся въ тюрьму и тамъ умираютъ, а наконецъ есть и такіе, которые и толь крѣпкаго сложенія, что не умираютъ и выздоравливаютъ“. Имѣются даже указанія, что выраженіе: „бить кнутомъ нещадно“ понималось исполнителями въ XVIII вѣкѣ, какъ приказаніе засѣчь преступника до смерти. Объ этомъ говоритъ, между прочимъ, и Якобъ, хотя относится къ этому съ недовѣріемъ. Что случаи подобнаго рода бывали на практикѣ, едва ли можно сомнѣваться. Въ 1666 году одинъ старорусскій воевода прямо грозитъ старостамъ монастырскихъ деревень: „я де васъ... велю кнутомъ забить до смерти“ [3]). Протопопъ Аввакумъ, разсказывая о своихъ приключеніяхъ въ Дауріи, обвиняетъ воеводу Пашкова въ томъ, что онъ голодныхъ людей сво-

---

[1]) *Допол. акт. ист.* т. III № 5 Отписка по дѣлу якутскаго воеводы Головина 1645 года.

[2]) Подъ пятереніемъ *Щербатовъ*, вѣроятно, разумѣетъ разорваніе лошадьми, какъ самую жестокую казнь XVIII вѣка, ввести которую въ Россіи была сдѣлана попытка въ Проектѣ уголовнаго уложенія 1754—1766 годовъ.

[3]) *Русс. ист. библ.* т. V № 214, 4, стр. 567, Отписка Иверскаго архимандрита патріарху Никону 1666 года января 2.

его отряда, за употребленіе въ пищу лошадинаго мяса, забивалъ кнутомъ до смерти [1]).

Во всякомъ случаѣ, тяжесть наказанія кнутомъ зависѣла не столько отъ числа ударовъ, сколько отъ силы ихъ и способа нанесенія; въ этомъ точно такъ же согласны всѣ писатели. Мордвиновъ говоритъ, что искусный палачъ сто ударовъ можетъ сдѣлать легкими, а десять превратить въ казнь жестокую. Бывали примѣры, говоритъ Якобъ, что палачъ съ первыхъ трехъ ударовъ перебивалъ позвоночный столбъ и преступникъ умиралъ на мѣстѣ; наоборотъ, бывали примѣры, что сто и даже триста ударовъ не причиняли никакого замѣтнаго вреда здоровью преступника.

Къ наказанію кнутомъ иногда присоединялись различные осрамительные элементы. Законодательные памятники о нихъ не говорятъ; но свидѣтельство современниковъ не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія. Такъ, Котошихинъ говоритъ, что „которые люди воруютъ съ чужими женами и съ дѣвками, и какъ ихъ изымаютъ, и того жъ дни или на иной день обоихъ, мужика и жонку, кто бъ таковъ ни былъ, водя по торгомъ и по улицамъ вмѣстѣ нагихъ бьютъ кнутомъ". Олеарій разсказываетъ, что при наказаніи кнутомъ въ проводку за продажу табака, виновнымъ привѣшивалась на шею пачка табака, а за продажу водки — фляжка. По свидѣтельству Маржерета, лихоимцевъ наказываютъ кнутомъ, привязавъ къ шеѣ вещь, взятую въ подарокъ [2]).

Обыкновеннымъ мѣстомъ наказанія кнутомъ была въ Москвѣ Красная площадь; били нерѣдко передъ Разрядомъ и соотвѣтствующими по подсудности Приказами [3]);

---

[1]) *Мат. ист. раск.* т. V, житіе Аввакума, стр. 35.

[2]) *Устряловъ,* Сказ. соврем. о Дмитріѣ Самозв. т. III, Маржеретъ, стр. 36.

[3]) Напримѣръ, *Пол. Соб. Зак.* № 233 Указъ 1658 года августа 14. № 1110 Указъ 1685 года. *Желябужскій,* Записки, стр. 7, 9 и 19.

били и въ другихъ мѣстахъ — князь Яковъ Лобановъ-Ростовскій въ 1686 году, за разбой, былъ битъ кнутомъ во дворцѣ „въ жилецкомъ подклѣтѣ“ [1]). Водили въ проводку по улицамъ и площадямъ, которыя иногда именно назначались въ приговорѣ или въ законѣ (см. стр. 156). Выборомъ мѣста, а также и времени наказанія руководило стремленіе сдѣлать его наиболѣе публичнымъ: мы нерѣдко встрѣчаемся съ предписаніями бить кнутомъ „въ торговые дни“, „при многихъ людѣхъ“, „передъ всѣмъ міромъ“ и т. п. [2]). Указомъ 1685 года повелѣно: „въ Кремлѣ, передъ Московскимъ суднымъ приказомъ торговой казни не чинить, а чинить такую казнь, бить кнутомъ, за Спасскими воротами въ Китаѣ, на площади противъ рядовъ“ [3]).

2. *Батоги* употреблялись какъ наказаніе и какъ орудіе правежа при гражданскихъ взысканіяхъ. По тяжести своей, наказаніе батогами слѣдовало за кнутомъ, какъ это съ точностью выражено въ одномъ воеводскомъ наказѣ 1633 года: рейтаръ и драгунъ, на походѣ въ Смоленскъ, повелѣвается, за грабежъ жителей и за всякое насильство, „по обышной (обыкновенной) винѣ бить батоги, а по большой винѣ бить кнутьемъ“ [4]). Наказаніе батогами совершалось слѣдующимъ образомъ [5]):

---

1) *Желябужскій,* Записки, стр. 9.

2) *Пол. Соб. Зак.* № 728 Указъ 1678 года. *Воронеж. Акты* т. II, стр. 175—177, Грамота воронежскому губному старостѣ 1638 года. *Допол. акт. ист.* т. VIII № 30, стр. 89, Докладная выписка 1678 года. *Русс. ист. библ.* т. V № 158, стр. 401, Грамота патріарха Никона въ Иверскій монастырь 1662 года іюня 10.

3) *Пол. Соб. Зак.* № 1110 Указъ 1685 года.

4) *Акт. археогр. эксп.* № 223, стр. 330, Наказъ 1633 года.

5) *Перри,* Состояніе Россіи, стр. 140, примѣч. 43. *Straussen,* Reysen, стр. 89. *Де-Бруинъ,* Путешествіе, стр. 90. *Wickhart,* Reisebeschreibung, стр. 253. *Carlisle,* Drey Gesandsch., стр. 711. *Olearius,* Beschreibung, стр. 273 (русс. пер. стр. 300, 301)

виновнаго клали на землю лицомъ внизъ; двое исполнителей садились ему одинъ на голову, обхвативъ шею колѣнями, а другой подобнымъ же образомъ на ноги. Каждый изъ нихъ бралъ въ руки по одному или по два прута, толщиною въ мизинецъ, и били его по спинѣ и по задницѣ до тѣхъ поръ, пока распоряжавшійся наказаніемъ не скажетъ: полно или стой. Наказываемый, во время сѣченья, долженъ былъ кричать: виноватъ; по окончаніи — кланяться распоряжавшемуся въ ноги. Если онъ не хотѣлъ сдѣлать этого, то его сѣкли до тѣхъ поръ, пока не закричитъ: виноватъ. Иностранцы сравниваютъ это сѣченье съ тѣмъ, какъ скорняки мѣха выколачиваютъ (wie Kürschner die Felle ausklopfen). Битье батогами на правежѣ совершалось стоймя, причемъ исполнители били по ногамъ. Битье на правежѣ „влежаче" разсматривается какъ злоупотребленіе и встрѣчается въ памятникахъ весьма рѣдко [1]). Наказаніе батогами производилось двояко: или по рубашкѣ, или по обнаженному тѣлу. Послѣднее въ памятникахъ обозначается спеціальными выраженіями: „разболокши", то-есть, разоблачивъ, раздѣвъ, „снемъ рубашку" или „бить нагихъ" [2]).

и рисунокъ. *Mayerberg,* Iter, прилож. стр. 236. *Korb,* Diarium стр. 143, 203 (русс. пер. стр. 185, 276), *Устряловъ,* Сказанія Соврем. о Дмитр. Самозв. т. III, Маржеретъ, стр. 83. *Adolph Lyseck,* Relatio, стр. 101. *Brand,* Reysen, стр. 187, 188. *Reutenfels,* de rebus, стр. 146, 147. *Неклюдовъ,* Примѣч. къ учеб. Бернера, стр. 222. Сверхъ того, рисунокъ наказанія батогами приложенъ къ книгѣ *М. И. Семевскаго,* Слово и Дѣло.

[1]) Соловецкіе монахи въ 1666 году жалуются, что ихъ бьютъ „на правежѣ безъ милости и безчеловѣчно, влежаче". *Мат. ист. рас.* т. III № XV Челобитная солов. мон., стр. 61.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 351 Указъ 1663 года сентября 26. № 1545 Боярскій приговоръ 1696 года. *Акт. ист.* т. V № 236 Отписка царицынскаго воеводы 1694 года. *Доп. акт. ист.* т. X № 107 Указъ 1683 года мая 31. Т. XI № 17 Память оленскому приказщику 1684 года. *Воронеж. акт.* т. II № XLIII Грамота 1625 года. *Желябужскій,* Записки, стр. 21, 22.

Можно думать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда такого указанія не сдѣлано, сѣченье производилось по рубашкѣ. Въ одномъ случаѣ именно указано, что виновный былъ „битъ батоги въ одной рубашкѣ“ [1]).

Очевидно, что тяжесть этого наказанія не столько зависѣла отъ количества ударовъ, сколько отъ толщины прутьевъ, „батожья“, и отъ искусства и доброй воли исполнителей. Во всякомъ случаѣ, по остроумному замѣчанію Бранда, пыль изъ спины батоги выколачиваютъ такъ хорошо, что не бываетъ недостатка ни въ синихъ полосахъ, ни въ кровавыхъ ранахъ. Нерѣдко разбитые прутья приходилось замѣнять по нѣсколько разъ новыми. По утвержденію Перри и Корба, бывали случаи, что наказаніе батогами причиняло даже смерть. Брандъ разсказываетъ, въ качествѣ очевидца, что при наказаніи одного стрѣльца въ 1673 году за буйство, по жалобѣ Бранденбургскаго посланника, начальникъ стрѣлецкаго отряда прямо предложилъ посланнику забить виноватаго батогами до смерти. Царь Алексѣй Михайловичъ, уѣзжая изъ Москвы, распоряжается, чтобы дѣтей боярскихъ, назначенныхъ въ караулъ на лѣстницу, за уходъ съ поста сѣкли батогами „на смерть“; равнымъ образомъ истопниковъ дворцовыхъ „за пьянство бы на смерть били“ [2]). Нерѣдко встрѣчаются въ памятникахъ жалобы на незаконные размѣры батоговъ или на чрезмѣрную

---

[1]) *Забѣлинъ,* Дом. бытъ рус. царей, стр. 268: „Григорій Облязовъ за вдовино, жены Плещеева съ дѣтьми безчестье, въ подклѣдкѣ битъ батоги въ одной рубашкѣ нещадно“. Безчестье состояло въ томъ, что, говоря словами челобитной, онъ „позорилъ дочеришекъ моихъ трехъ дѣвокъ небылишными позорными словами“, что будто-бы холопъ Наумка „училъ дочеришекъ моихъ трехъ дѣвокъ грамотѣ“.

[2]) *Бартеневъ,* Собр. писемъ ц. Алексѣя Михайловича, № XXI, стр. 75 Письмо къ А. И. Матюшкину до 1655 года. Такъ же *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 100.

жестокость исполненія. Такъ, въ 1649 году якутскіе служилые люди подаютъ челобитную на воеводу Пушкина [1]), жалуясь на его притѣсненія и, между прочимъ, на то, что „батоги у него были въ длину въ полтора аршина, а въ толщину ручной палецъ“ (слѣдовательно обыкновенный размѣръ батоговъ былъ меньшій). Въ 1676 году Нерчинскихъ остроговъ служилые люди жалуются на своего прикащика, что онъ „велитъ въ руку имать батоговъ по пяти и по шти, а батоги бьетъ нагихъ по спинѣ и по брюху и по бокамъ и по стегнамъ и своею рукою тростью“ [2]). Въ числѣ провинностей князя Ивана Хованскаго поставлено было то, что онъ билъ людей, вмѣсто батоговъ, „палками, чего не повелось нигдѣ“ [3]). Крестьяне дворцовыхъ волостей въ 1679 году жалуются, что посыльщики бьютъ ихъ „батогомъ подпиральнымъ“ [4]). Протопопъ Аввакумъ, въ числѣ бѣдствій, которыя приходилось ему терпѣть въ Дауріи, указываетъ, между прочимъ, на то, что у воеводы Пашкова батоги были „суковатые“ [5]).

По тяжести своей, битье батогами различалось на простое и нещадное. Послѣднее назначается въ Уложеніи лишь въ четырехъ статьяхъ [6]); въ другихъ памятникахъ оно встрѣчается весьма часто. Иногда прибавляется еще выраженіе: „вмѣсто кнута“, или „чтобъ стоило кнутья“ — выраженіе, указывающее на замѣну

---

[1]) *Допол. акт. ист.* т. II № 56 Челобитная 1649 года.

[2]) *Допол. акт. ист.* т. VII № 75 Челобитная 1676 года. *Reutenfels,* De rebus, стр. 146, тоже говоритъ, что въ тягчайшихъ случаяхъ батогами били не только по спинѣ, но и по брюху.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 954 Приговоръ Хованскимъ 1682 года сентября 17.

[4]) *Акт. юридич.* т. I № 61.

[5]) *Мат. ист. раскола,* т. V, Житіе Аввакума, стр. 34.

[6]) *Уложеніе,* гл. X ст. 123, 144, 217, гл. XXV ст. 3.

одного наказанія другимъ [1]). Въ этомъ случаѣ батоги изрѣдка называются жестокимъ наказаніемъ [2]). Граница между простымъ и нещаднымъ битьемъ точно также не имѣла формальныхъ признаковъ, какъ и въ наказаніи кнутомъ. Мало того, въ памятникахъ не встрѣчается ни одного случая, въ которомъ наказаніе батогами опредѣлялось бы по числу ударовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что количество ихъ, опредѣляясь въ общемъ обычаемъ, ближайшимъ образомъ зависѣло отъ лица, распоряжавшагося исполненіемъ.

Не смотря на свою тяжесть, батоги, по свидѣтельству современниковъ, употреблялись не столько какъ наказаніе уголовное, налагаемое по суду, сколько, въ качествѣ мѣры дисциплинарнаго взысканія, по усмотрѣнію начальствующихъ лицъ. Перри именно говоритъ, что право бить батогами принадлежитъ всѣмъ лицамъ, имѣющимъ власть надъ другими: бояре, дворяне, офицеры, помѣщики и проч., всѣ они при первомъ неудовольствіи, за всякій проступокъ, по своему усмотрѣнію приказываютъ бить своихъ подчиненныхъ батогами [3]).

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 165. Кромѣ того: *Пол. Соб. Зак.* № 3 Указъ 1649 года февраля 27. *Акт. ист.* т. IV № 182, Грамота Енисейскому таможенному головѣ 1665 года. Т. V № 253 Память игумену Веніамину 1696 года. *Допол. акт. ист.* т. III № 117, I Грамота Устюжскому воеводѣ 1654 года. Т. VIII № 51, Акты о пашенныхъ крестьянахъ въ Сибири 1679—1681 годовъ. *Акт. археогр. эксп.* т. III № 146 Грамота Устюжскому воеводѣ 1623 года, и во многихъ другихъ мѣстахъ. *Желябужскій,* Записки, стр. 13, сообщаетъ слѣдующій случай въ 1699 году: „Земскаго приказа дьякъ Вязмитинъ положенъ на козелъ и, вмѣсто кнута, битъ батоги нещадно“. Не ясно, былъ ли онъ битъ на козлѣ, или положеніе на козелъ являлось одною символикой.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 1387 Указъ 1690 года.

[3]) Оригинальный случай приводитъ въ своихъ запискахъ, на стр. 21, 22, *Желябужскій:* въ 1695 году, разсказываетъ онъ, мѣсяца апрѣля въ 30 день закричалъ мужикъ караулъ и сказалъ за собой государево слово; а въ распросѣ сказалъ, что

3. *Плети*, какъ орудіе уголовнаго наказанія по приговорамъ свѣтскихъ судовъ, до послѣднихъ годовъ XVII столѣтія не употреблялись. Въ Уложеніи и въ другихъ законодательныхъ памятникахъ ихъ вовсе нѣтъ; сколько намъ извѣстно, первый случай наказанія плетьми относится къ 1696 году: въ этомъ году былъ „вмѣсто кнута битъ плетьми" въ Преображенскомъ князь Савинъ-Горчаковъ" [1]). Ранѣе этого времени плети употребляются духовною властью и иногда называются даже прямо „монастырскимъ смиреньемъ" [2]). О наказаніяхъ плетьми на патріаршемъ дворѣ, въ монастыряхъ, въ митрополичьихъ приказахъ, у архіереевъ и т. д. мы имѣемъ довольно много указаній въ теченіи всего XVII вѣка [3]). Упоминается также нерѣдко, что воры-разбойники бьютъ плетьми захваченныхъ ими людей [4]); но, повторяемъ,

---

онъ, сдѣлавъ крылья, станетъ летать какъ журавль. И по указу Великихъ Государей сдѣлалъ себѣ крылья слюдвенныя; а стали тѣ крылья въ восьмнадцать рублей изъ государевой казны. И бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ сталъ смотрѣть, и тотъ мужикъ хотѣлъ летѣть, да не поднялся, и за то ему учинено наказанье: битъ батоги, снемъ рубашку. А деньги велѣно доправить на немъ и продать его животы и статки.

[1]) *Желябужскій*, Записки, стр. 47.

[2]) *Акт. юрид.* № 69 Приговоръ Тихвинскаго монастырскаго собора 1666 года.

[3]) *Мат. ист. раскола* т. III № 15 Челобитная Соловецкихъ монаховъ на архимандрита Варѳоломея 1666 года. № 20 Челобитная архимандрита Варѳоломея того же года. Т. IV № III, 2 Роспись подъяка Трофимова. *Акт. ист.* т. IV № 248 Отписка воеводы Мещеринова изъ подъ Соловецкаго монастыря 1674 года. *Допол. акт. ист.* т. VIII № 50 Акты о расколѣ въ Сибири 1679 года. Т. XI № 10 Челобитная священника 1684 года. № 74 Дѣло чернца Іосафа 1684 года. Т. XII № 86 Грамота въ Тобольскъ 1697 года. *Акты юрид. быта*, т. I № 75, стр. 518, Допросъ 1682 года. *Акт. юридич.* т. I № 70 Приговоръ Тихвинскаго монастырскаго собора 1678 года.

[4]) *Мат. для ист. Стеньки Разина*, стр. 24, Донесеніе Астраханскаго воеводы; стр. 127, Челобитная жителей Верх-

какъ уголовное наказаніе, плеть впервые упоминается въ 1696 году.

Каково было устройство плети, какъ производилось наказаніе въ XVII вѣкѣ, въ какомъ положеніи находилось тѣло наказываемаго и по какой именно части его били — все это намъ неизвѣстно. Только одинъ анонимный авторъ маленькаго описанія Московскихъ нравовъ XVII вѣка даетъ нѣкоторое указаніе: онъ говоритъ, что лицъ духовнаго званія за проступки сѣкли плетьми (mit Peitschen), но не по спинѣ, а „mit reverentie“, по той части тѣла, по которой сѣкутъ маленькихъ дѣтей — „auf dieses Stück, gleich man den kleinen Kindern thut“ [1]). Соловецкіе монахи жалуются въ 1666 году на своего архимандрита, что онъ бьетъ ихъ „плетьми безчеловѣчно, въ три и въ четыре перемѣны — едва и ожили“ [2]). Весьма вѣроятно, впрочемъ, что устройство плети уголовной въ XVII вѣкѣ, приблизительно, было то же, что и въ наши дни.

Современная плеть имѣетъ слѣдующій видъ и устройство: къ деревянной рукояткѣ, около 6 вершковъ длиною и $^{5}/_{8}$ вершка въ діаметрѣ, прикрѣплено нѣсколькими оборотами тонкаго ремешка и нѣсколькими гвоздями кожаное плетиво, состоящее изъ столбца, 6 вершковъ длиною, съ тремя хвостами, въ 1 аршинъ и 4 вершка длиною. Столбецъ имѣетъ $1^{3}/_{4}$ вершка въ окружности. Хвосты оканчиваются узлами, за которыми оставлены небольшіе, около 1 вершка, кончики ремешковъ, образующихъ плетиво. Столбецъ и хвосты сдѣланы изъ однихъ и тѣхъ же, цѣльныхъ ремешковъ, нарѣзанныхъ

няго Ломова. *Допол. акт. ист.* т. VI № 2 Выписка изъ дѣла о бунтѣ Стеньки Разина и т. д.

[1]) Третье приложеніе къ книгѣ *Jansonius*, Itinerarium, стр. 70.

[2]) *Мат. ист. раскола*, т. III № XV Челобитная на архимандрита Варѳоломея, стр. 61.

изъ куска толстой кожи и оплетенныхъ вокругъ стержней. Стержень въ столбцѣ состоитъ изъ куска кожи, сложеннаго нѣсколько разъ; стержень въ хвостахъ—изъ толстаго, узенькаго ремешка [1]).

Битье плетьми имѣло тѣ же подраздѣленія, какъ и битье батогами: мы находимъ битье нещадное, битье вмѣсто кнута, „снемъ рубашку", „нагихъ". Встрѣчаемъ однажды соединеніе плетей съ кнутомъ: „чинено наказанье первое плетьми, а вдругоредь кнутомъ" [2]).

Плеть упоминается въ памятникахъ и какъ орудіе домашняго исправленія въ семьѣ, и какъ знакъ власти мужа надъ женою. Та плеть, которою мужъ сѣкъ свою жену, называлась, по словамъ Рейтенфельса, „дуракомъ" — Scuticam Durak sive insanam vocant [3]).

---

[1]) Дѣлаемъ это описаніе по экземпляру, хранящемуся въ архивѣ Ярославскаго губернскаго правленія. Мы имѣли случай видѣть другой экземпляръ, привезенный изъ Сибири: онъ совершенно сходенъ съ находящимся въ Ярославлѣ. *Jakob*, Entwurf, стр. 27, называетъ плеть: „eine lederne geflochtene Karbatsche". *Любавскій*, въ примѣч. къ Учебнику Калмыкова, стр. 238, описавъ довольно подробно кнутъ (см. выше), о плетяхъ ограничивается слѣдующимъ: „Плети тоже, что кнутъ, съ тою только разницею, что къ плетиву привязанъ широкій ремень, разрѣзанный на три хлыста". *Филиповъ*, Очеркъ русск. угол. права, стр 46, говоритъ, что плеть состоитъ „изъ рукоятки и трехъ длинныхъ, тонкихъ, круглыхъ и гибкихъ, какъ змѣя, хвостовъ".

[2]) *Желябужскій*, Записки, стр. 47, 68, 71, 78, 80, 82, 97.

[3]) *Reutenfels*, De rebus, стр. 231. Тоже говоритъ *Шашковъ*, Исторія русской женщины, стр. 136, но безъ ссылки на источникъ. Разсказавъ о строгомъ обращеніи мужей съ женами, Рейтенфельсъ шутливо продолжаетъ: „Interim tamen cornigera Vulcanorum turba inter Moschos quoque non minus est numerosa et illustris".

ГЛАВА III.

Тюремное заключеніе.

I. Область примѣненія и виды тюремнаго заключенія.

Тюремное лишеніе свободы отбывалось въ древней Россіи или въ особо для того предназначенныхъ зданіяхъ — тюрьмахъ, постоянныхъ и временныхъ — или при московскихъ приказахъ, Разбойномъ, Земскомъ, Стрѣлецкомъ, въ Костромской чети, въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ: „за рѣшеткой“, „подъ палаткой“, въ „приказной избѣ“, въ „черной палатѣ“ [1]). Изрѣдка мы встрѣчаемъ заключеніе и въ другія, такъ сказать, случайныя помѣщенія: „въ казенку“ (кажется, во дворцѣ) [2]), „подъ земскою избою въ подклѣтѣ“ [3]), въ башняхъ и т. д. [4]). Въ 1689 году запрещено держать колодниковъ въ Разбой-

---

[1]) *Забѣлинъ,* Дом. б. рус. царей, стр. 330, 342, выходы царскіе для подаянія милостыни тюремнымъ сидѣльцамъ въ 1664 и 1669 годахъ. *Пол. Соб. Зак.* № 954 Смертный приговоръ Хованскимъ 1682 года. Тоже *Соб. гос. гр. и дог.* т. IV № 152, стр. 459. *Доп. акт. ист.* т. III № 119 Акты о моровомъ повѣтріи 1654, 1655 годовъ.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 3 Указъ 1649 года февраля 27.

[3]) *Допол. акт. ист.* т. VIII № 80, стр. 288, Грамота Нижегородскому воеводѣ 1680 года.

[4]) *Мат. ист. раск.* т. V, стр. 31. *Reutenfels,* De rebus, стр. 147, говоритъ, что тюремное заключеніе отбывалось въ тюрьмѣ, въ приказахъ и въ башняхъ: „carcere, praetoriis, turribusque“.

номъ приказѣ „за рѣшеткою и подъ приказомъ“, а велѣно „держать ихъ на тюремномъ дворѣ“ [1]).

Постоянныя тюрьмы находились въ Москвѣ — такъ называемыя московскія большія тюрьмы — по городамъ и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ [2]). На Верхотурьѣ въ 1697 году была построена особая пересыльная тюрьма, для ссылаемыхъ въ Сибирь [3]). Кромѣ того, существовали въ значительномъ числѣ отдѣльныя временныя тюрьмы, которыя строились спеціально для извѣстныхъ лицъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ съ заключеніемъ въ мѣстѣ ссылки. Такія тюрьмы строились по мѣрѣ надобности, въ назначенныхъ мѣстахъ, и оставались пустыми или разрушались, когда заключенные получали свободу или умирали.

Общеупотребительное въ законодательныхъ памятникахъ слово „тюрьма“ очень часто, въ челобитныхъ и вообще въ памятникахъ, не имѣющихъ законодательнаго значенія, замѣняется словомъ „темница“ [4]). Другихъ названій тюрьмы, если не считать таковымъ изрѣдка употребляемое выраженіе „турма“ [5]), въ извѣстныхъ намъ памятникахъ XVII вѣка не встрѣчается [6]).

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 1345 Указъ 1689 года августа 13.

[2]) См. напр., *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 219, стр. 304, Грамота Волоколамскому воеводѣ 1677 года. *Доп. акт. ист.* т. XI № 74, стр. 208, Докладъ изъ дѣла о чернецѣ Іосафѣ 1684 года.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 1534 Указъ 1696 года января 21. № 1595 Наказъ Верхотурскимъ воеводамъ 1697 года, ст. 22.

[4]) *Борисовъ,* Опис. гор. Шуи № 22, стр. 287, Челобитная 1639 года. *Шушеринъ,* Житіе Никона, стр. 21. *Мат. для ист. раск.* т. II № LXIX, книга дѣяній Собора 1667 года, стр. 280.

[5]) *Русс. ист. библ.* т. II № 172, 2 Челобитная 1611 года, стр. 280: „въ Турмѣ сидѣлъ“.

[6]) Древнѣйшее названіе тюрьмы „погребъ“ въ памятникахъ XVII вѣка не встрѣчается. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ на народномъ языкѣ тюрьма называлась „бѣдностью“: „пришелъ къ бѣдности“, „сидѣлъ въ бѣдности“ — говорятъ свидѣтели и подсудимые на допросахъ. См. *Есиповъ,* Раскольн. дѣла XVIII вѣка т. I, стр. 606, 607. Весьма вѣроятно, что такое

Въ Уложеніи 1648 года болѣе сорока статей имѣютъ въ своей санкціи тюрьму. Въ большей части ихъ тюрьма соединяется съ кнутомъ, иногда съ батогами и съ имущественнымъ взысканіемъ, а въ четырехъ случаяхъ назначается, сверхъ тюрьмы и кнута, еще изувѣчивающее наказаніе и затѣмъ ссылка, по отбытіи заключенія [1]). Преступныя дѣянія, къ которымъ примѣняется тюрьма по Уложенію, крайне разнообразны. Сюда относятся: нарушенія благочинія въ церкви и на государевомъ дворѣ, многіе проступки по службѣ, оскорбленія чести, угрозы, сопротивленіе власти и преступныя дѣянія противъ порядка управленія, поврежденіе границъ, подлоги, татьба, разбой, укрывательство вещей, добытыхъ преступленіемъ, чадоубійство, убійство неумышленное, побои, увѣчье, корчемство. Сверхъ того, тюремное заключеніе въ соединеніи со ссылкою (тюрьма въ мѣстѣ ссылки), какъ свидѣтельствуютъ другіе памятники, очень часто примѣнялось къ преступнымъ дѣяніямъ религіознымъ и политическимъ. Тюрьмою же наказывались виновные по мѣстническимъ спорамъ [2]); тюрьма назначалась за прописки въ титулахъ—когда Великаго Государя именованье написано неостерегательно [3]).

Далѣе, въ 1635 году повелѣно сѣчь кнутомъ и са-

названіе употреблялось въ народѣ и ранѣе; но указаній на это мы не находимъ. Сами же тюремные сидѣльцы, въ своихъ челобитныхъ, очень часто называютъ себя „бѣдными". См. объ этомъ ниже.

[1]) *Уложеніе,* гл. XXI ст. 9 — 11, 16.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 28 Указъ 1650 года апрѣля 1. № 37 Указъ 1650 года мая. № 41 Указъ 1650 года. № 61 Указъ 1651 года марта 30. № 62 Указъ 1651 года апрѣля 1. № 93 Указъ 1653 года.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 351 Указъ 1663 года сентября 26. *Акт. ист.* т. III № 214, стр. 372, Грамота Кузнецкому воеводѣ 1641 года. *Воронеж. Акты* т. I, № X, стр. 33, Грамота 1670 года.

жать въ тюрьму тѣхъ, кто бобровъ и выдръ капканами ловить или такіе капканы подѣлывать станетъ, потому что „тѣми капканы во многихъ мѣстѣхъ бобры и выдры выловлены и выбиты“ [1]); въ 1625 году — за нарушеніе правилъ о торговлѣ съ ясачными инородцами въ Сибири [2]); въ 1668 году — за работу въ воскресные дни [3]). Батоги и тюрьма назначаются за уклоненіе отъ отбыванія ямской повинности и растрату ямскихъ денегъ [4]). Наконецъ, въ тюрьму же сажаютъ за уклоненіе отъ службы лицъ высшаго сословія [5]); за покупку и продажу лошадей безъ записи въ книгу и безъ уплаты пошлинъ [6]); за несоблюденіе общихъ мѣръ предосторожности отъ огня [7]).

Тюремное заключеніе было срочное, безсрочное и пожизненное.

1) *Срочное тюремное заключеніе* простиралось отъ одного дня до четырехъ лѣтъ. По Уложенію оно имѣетъ слѣдующіе виды: на три дня [8]); на четыре дня [9]); на одну недѣлю [10]); на двѣ недѣли [11]); на одинъ мѣ-

[1]) *Акт. археогр. эксп.* т. III № 256, стр. 393, Грамота въ Пермь 1635 года

[2]) *Акт. ист.* т. III № 135, стр. 217, Наказъ Кузнецкому воеводѣ 1625 года.

[3]) *Борисовъ*, Опис. гор. Шуи, стр. 20, Память земскому старостѣ 1668 года. *Пол. Соб. Зак.* № 453 Указъ 1669 года.

[4]) *Акт. археогр. эксп.* т. III №№ 39, 40, стр. 80, Грамоты въ Пермь 1614 года. *Допол. акт. ист.* т. III № 117, стр. 438, Грамота Устюжскому воеводѣ 1654 года.

[5]) *Пол. Соб. Зак.* № 359 Грамота 1664 года. *Olearius*, Beschreibung, стр. 220 (русс. пер. стр. 216).

[6]) *Сб. кн. Хилкова*, № 101, стр. 322, Память 1686 года.

[7]) *Пол. Соб. Зак.* № 407 Наказъ объѣзжимъ 1667 года.

[8]) *Уложеніе*, гл. X ст. 31.

[9]) *Уложеніе*, гл. X ст. 31.

[10]) *Уложеніе*, гл. III ст. 7, гл. X ст. 20, 105, 139, 231.

[11]) *Уложеніе*, гл. III ст. 1, гл. X ст. 92, гл. XXV ст. 3

сяцъ [1]); на шесть недѣль [2]); на три мѣсяца [3]); на полгода [4]); на одинъ годъ [5]); на два года [6]); на три года [7]); на четыре года [8]). Въ другихъ памятникахъ мы находимъ случаи тюремнаго заключенія на одинъ [9]) и на два дня [10]); находимъ, наконецъ, неопредѣленную санкцію слѣдующаго содержанія: „отсылать не на большое время въ тюрьму“ [11]).

2. *Безсрочное заключеніе* въ тюрьму является въ трехъ формахъ: вопервыхъ, „до государева указу“ или „насколько Государь укажетъ“ [12]); вовторыхъ, до представленія поручительства — „покамѣстъ порука будетъ“, или „до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ онъ въ томъ поруки себѣ сберетъ“ [13]). Въ томъ и другомъ случаѣ заключеніе могло продолжаться очень долго и даже фактически превращаться въ пожизненное. Котошихинъ говоритъ, что лица,

[1]) *Уложеніе,* гл. I ст. 5, 7, гл. III ст. 2, гл. X ст. 31, 141, гл. XXII ст. 11, 12 (*Новоук. ст.* ст. 95), гл. XXV ст. 3.

[2]) *Уложеніе,* гл. III ст. 2.

[3]) *Уложеніе,* гл. X ст. 135, 142, гл. XXII ст. 17.

[4]) *Уложеніе,* гл. III ст. 9, гл. X ст. 251, 252, гл. XXV ст. 3.

[5]) *Уложеніе,* гл. XI ст. 27, гл. XXII ст. 3 (*Новоук. ст.* ст. 89), гл. XXV ст. 1.

[6]) *Уложеніе,* гл. XXI ст. 9, 11.

[7]) *Уложеніе,* гл. XXI ст. 16.

[8]) *Уложеніе,* гл. XXI ст. 10, 11.

[9]) *Пол. Соб. Зак.* № 359 Грамота 1664 года. Стольникъ Ляпуновъ посаженъ на день въ тюрьму за то, что онъ „нехотя ѣхать на службу“, на воеводство, „писалъ, затѣявъ про Татарскій приходъ“ напрасно. *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 62, говоритъ о заключеніи въ тюрьму на одинъ день придворныхъ служащихъ.

[10]) *Пол. Соб. Зак.* №№ 28, 41 Указы 1650 года. *Сб. кн. Хилкова,* № 101, стр. 322, Память 1686 года. *Olearius* Beschreibung, стр. 220 (русс. пер. стр. 216).

[11]) *Пол. Соб. Зак.* № 407 Наказъ объѣзжимъ 1667 года о предосторожностяхъ отъ огня.

[12]) *Уложеніе,* гл. I ст. 9, гл. X ст. 8, 9, 148, 186—188, 251, 252, гл. XXI ст. 42 — 44, 71, 86, гл. XXV ст. 2, 6.

[13]) *Уложеніе,* гл. X ст. 202, гл. XXI ст. 38, 64.

не представившія по себѣ порукъ, оставляются въ тюрьмѣ „года два и больши“, а иногда „лѣтъ пятнадцать или сколько доведется“, а потомъ велятъ ихъ сослать въ ссылку въ дальные городы [1]). Указомъ 1683 года введена общая мѣра: тюремныхъ сидѣльцевъ, которые довелись дать на поруки, а порукъ по нихъ нѣтъ, и кому доведутся отдать въ заживъ головою, тѣ ихъ не емлютъ, ссылать въ ссылку въ разные города [2]). Наконецъ, третья форма безсрочнаго тюремнаго заключенія — до принесенія раскаянія — примѣняется къ преступникамъ религіознымъ; раскольники и церковные мятежники сажаются въ тюрьмы, „покамѣстъ они обратятся на истинный путь“ [3]).

3. *Пожизненное тюремное заключеніе* въ Уложеніи не опредѣляется особымъ терминомъ. Уложеніе говоритъ просто: „вкинуть въ тюрьму“; но изъ смысла 28 статьи XXI главы и изъ сопоставленія ея съ другими статьями ясно слѣдуетъ, что лицо, котораго „поимаютъ въ разбоѣ“, но которое съ двухъ пытокъ не сознается, а въ обыску многіе люди про него скажутъ, что знаютъ его „разбоемъ и иными лихими дѣлы“, подлежитъ заключенію въ тюрьму по смерть, а именно: какъ несознавшійся съ пытки въ разбоѣ, такой обвиняемый не можетъ подлежать ординарному наказанію за разбой, по статьямъ 16 и 17 главы XXI; какъ облихованный на обыскѣ, онъ не можетъ быть отданъ на поруки — слѣдовательно долженъ остаться въ тюрьмѣ до смерти. Такой порядокъ является ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ порядка, существовавшаго еще въ Судебникѣ 1550 года [4]), и совершенно ясно выраженнаго въ боярскомъ

---

[1]) *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 23, 91.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 1055 Указъ 1683 года декабря 18.

[3]) *Допол. акт. ист.* т. VIII № 50 Акты о расколѣ въ Сибири 1676 года (стр. **215**).

[4]) См. *Владимірскій-Будановъ,* Хрестоматія, т. II, стр. 33 примѣчаніе 91, стр. 140 примѣчаніе 112.

приговорѣ, данномъ въ Разбойный приказъ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ: „такимъ людемъ, которые на себя въ разбоѣ съ пытокъ не говорили, и тѣмъ людемъ сидѣти въ тюрьмѣ до смерти, а смертью ихъ не казнити“ [1]). Затѣмъ пожизненное тюремное заключеніе мы находимъ въ окружной грамотѣ 1637 года о денежномъ воровствѣ, а именно: тѣхъ воровъ, „которые переиманы до сее нашія грамоты“, повелѣвается „разослати въ городы въ тюрьмы на смерть скованныхъ, и желѣза залить до смерти“ [2]). Извѣстно также, что многіе изъ приверженцевъ раскола окончили дни свои въ тюрьмахъ; но трудно сказать, было ли ихъ заключеніе пожизненнымъ, или до принесенія покаянія, или наконецъ, тою формою, которая на языкѣ XVII вѣка называлась „до Государева указу“ и могла продолжаться, какъ мы видѣли, очень долго [3]).

II. Устройство тюремныхъ зданій.

Устройство тюремныхъ зданій приспособлялось къ единственной цѣли: чтобы преступникъ не бѣжалъ, да

---

1) *Устав. кн. Разб. Пр.* ст. 9 (*Акт. ист.* т. III № 167); тоже см. *Акт. археогр. эксп.* т. II № 225, стр. 385, Выписка изъ постановленій о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ. Неправильно говоритъ *Шалфѣевъ*, Уст. кн. Разб. Пр., стр. 69, что „пожизненное тюремное заключеніе въ Уложеніи, вѣроятно изъ экономическихъ соображеній, не принято; вездѣ (?) находимъ: посадить въ тюрьму до государева указа“.

2) *Собр. госуд. гр. и дог.* т. III № 106, стр. 360. Также *Акт. археогр. эксп.* т. III № 266, стр. 406.

3) Сверхъ указанныхъ видовъ тюремнаго заключенія, въ *Уложеніи*, въ главѣ VII ст. 16, главѣ X ст. 30 и главѣ XXI ст. 83, употребляются выраженія: „вкинуть въ тюрьму“ и „посадить въ тюрьму“, безъ всякихъ дальнѣйшихъ опредѣленій и внѣ возможности сдѣлать, изъ сопоставленія съ другими статьями, какой-либо точный выводъ по вопросу о томъ, какая форма тюремнаго заключенія здѣсь подразумѣвается — срочное или до Государева указу.

и этой цѣли старались достигнуть простѣйшими и наиболѣе дешевыми способами. По устройству своему, тюрьмы различались на три типа: обыкновенныя тюрьмы, земляныя тюрьмы и каменныя тюрьмы. Земляныя предназначались для особыхъ преступниковъ, большею частью политическихъ или религіозныхъ — для „раскольщиковъ и церковныхъ мятежниковъ“ — которыхъ желали не только изолировать, но и подвергнуть наиболѣе строгому и суровому режиму [1]).

1. *Каменныя тюрьмы* въ памятникахъ упоминаются весьма рѣдко и никакихъ описаній ихъ устройства мы не имѣемъ. По всей вѣроятности, каменныхъ тюремныхъ зданій вообще не строилось, и заключеніе въ помѣщеніяхъ, носившихъ названіе каменной тюрьмы, было дѣ-

---

[1]) Указанія на заключеніе въ земляныя тюрьмы: *Допол. акт. ист.* т. VII № 6, стр. 47, Акты о ссыльныхъ въ Сибири 1676 — 1681 годовъ: два „церковныхъ раскольника и мятежника“ содержатся „въ земляной тюрьмѣ“. Т. X № 75, V, стр. 317, Отписка Якутскаго воеводы 1688 года: „а въ новомъ городѣ построилъ я... для раскольщиковъ церковныхъ мятежниковъ земляную тюрьму“. Т. XI № 39, стр. 125, Отписка Якутскаго воеводы Енисейскому 1684 года: для двухъ раскольниковъ велѣлъ „сдѣлать земляную тюрьму, посадить на чепи и сковать въ желѣза“. Т. XII № 110, стр. 102, документы о двухъ раскольникахъ, взятыхъ подъ Псковомъ: не взирая на повинную и покаяніе, архіепископъ Маркеллъ не нашелъ возможнымъ освободить ихъ, потому что одинъ изъ нихъ „великій словесникъ и книгъ читатель“, посему резолюція: „посадить въ самую крѣпкую земленую тюрьму, за крѣпкій караулъ“. *Матер. ист. раск.* т. III № 65 Грамота патріарха въ Соловецкій монастырь 1676 года, стр. 447: которые старцы, изъявивъ покорность и покаяніе, снова „явятся противны жъ: и таковыхъ велѣть вметать въ земляныя тюрьмы“. Тоже № 67, стр. 450, Грамота 1677 года. Т. V № 1, стр. 85, о протопопѣ Аввакумѣ и его единомышленникахъ. *Забѣлинъ*, Д. б. р. царицъ, стр. 145, Боярыня Морозова и сестра ея Урусова. *Берхъ*, Путеш., стр. 99 сл., о заключеніи въ земляной тюрьмѣ Михаила Никитича Романова при Борисѣ Годуновѣ. *Матвѣевъ*, Записки, стр. 38.

*

ломъ исключительнымъ. Единственное, извѣстное намъ, точное указаніе на заключеніе именно въ каменную тюрьму есть слѣдующее: въ 1687 году Новогородскій митрополитъ указалъ посадить монаха Никифорка „въ Тихвинѣ монастырѣ въ каменную тюрьму, и велѣно тое тюрьму и двери и окна задѣлать кирпичемъ, только оставить одно окно небольшое для дачи хлѣба и воды“ [1]). Можно думать, что въ качествѣ каменныхъ тюремъ употреблялись вообще монастырскія кельи, погреба и другія, удобныя къ тому помѣщенія. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ старинныхъ монастыряхъ, напримѣръ, Соловецкомъ и Прилуцкомъ Вологодской губерніи, до сихъ поръ сохранились нѣкоторыя особыя помѣщенія, которыя въ старину служили для заключенія преступниковъ и, вѣроятно, назывались тоже каменными тюрьмами. Въ Соловецкомъ монастырѣ это есть ничто иное, какъ полыя, пещероподобныя пространства внутри крѣпостной стѣны, имѣющія неправильную яйцевидную форму и размѣрами не превышающія трехъ съ половиною аршинъ въ вышину и двухъ съ половиною въ ширину. Простые, неотесанные валуны, изъ которыхъ сложена вся крѣпостная стѣна, образуютъ собою стѣнки вмѣстилища, безъ всякаго инаго пола и потолка. Маленькое окошечко, пробитое въ камняхъ наклонно, сверху внизъ, даетъ возможность видѣть клочекъ неба; небольшая дверь, обитая желѣзомъ, составляетъ входъ. Въ Прилуцкомъ монастырѣ сохранились такъ называемые каменные мѣшки, то-есть узкія, высокія башни, возведенныя внутри обыкновенныхъ крѣпостныхъ башенъ, равной высоты съ этими послѣдними. Эти внутреннія башни дѣлятся на нѣсколько этажей, и каждый этажъ составляетъ отдѣльное помѣщеніе съ особымъ входомъ.

---

[1]) *Акт. юрид.* № 307, VI, стр. 324, Поручная 7196 года ноября 25.

2. *Земляныя тюрьмы* состояли изъ вырытой въ землѣ ямы съ опущеннымъ въ нее бревенчатымъ срубомъ; поверхъ земли — кровля съ небольшимъ окномъ и другой, наружный, срубъ. Такова была тюрьма Аввакума и его единомышленниковъ въ Пустозерскѣ. Въ приговорѣ было сказано: „Аввакума посадить въ землю въ срубѣ и давать ему воды и хлѣба“. „Осыпали насъ землею — разсказываетъ онъ самъ — струбъ въ земли и паки около земли другой струбъ, и паки около всѣхъ (то-есть было нѣсколько такихъ тюремъ въ одномъ мѣстѣ) общая ограда за четырьмя замками; стражіе же передъ дверьми стрежаху темницы“ [1]). „Еретики собаки — восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій, писанныхъ въ тюрьмѣ — какъ-то ихъ діаволъ научилъ: жива человѣка закопай въ землю!“ [2]). Товарищъ Аввакума по заключенію, Өедоръ дьяконъ, прямо называетъ свою тюрьму „ямой“ [3]). Иногда земляныя тюрьмы не имѣли даже внутренняго сруба, и заключенный помѣщался непосредственно въ ямѣ. Въ такую тюрьму посаженъ былъ, по разсказу Берха, бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ при Борисѣ Годуновѣ. Берхъ посѣтилъ мѣсто заключенія Романова—деревню Ныробъ около города Чердыни, Пермской губерніи — видѣлъ яму, въ которой тотъ сидѣлъ, разспрашивалъ стариковъ, мѣстныхъ жителей, и оставилъ намъ слѣдующій разсказъ: „столѣтній крестьянинъ Максимъ Пономаревъ доставилъ слѣдующее свѣдѣніе: Михаила Никитича привезли сюда зимою въ 1601 году; при немъ находился нѣкто Романъ Тютинъ и шесть человѣкъ сторожей, кои принялись немедленно выкапы-

---

1) *Матер. ист. раск.* т. V № 1, стр. 85.

2) *Матер. ист. раск.* т. V № 19, Посланіе Аввакума къ Симеону (стр. 212).

3) *Матер. ист. раск.* т. VI № 7 Посланіе Өедора дьякона къ сыну (стр. 131).

вать для него яму. Пока они трудились надъ дѣломъ симъ, Михаила Никитича, стоявшаго подлѣ саней, завалило снѣгомъ... Дорывши землянку, посадили въ оную Михаила Никитича, оставя только малое отверстіе для свѣта, а стражи расположились въ ближнемъ домикѣ. Чрезъ нѣсколько времени, когда морозы очень усилились, сдѣлали въ землянкѣ маленькую печь. Въ семъ положеніи сидѣлъ всю зиму несчастный бояринъ. Съ наступленіемъ весны Ныробцы, узнавъ, что ему не даютъ ничего болѣе, кромѣ хлѣба и воды, научили дѣтей своихъ носить къ нему въ дудочкахъ квасъ, масло и подобныя вещи. Дѣти, какъ будто бы играя около землянки, спускали въ оную дудочки свои и питали подобнымъ образомъ заточеннаго Михаила Никитича. Въ одинъ несчастный день Романъ Тютинъ, прохаживаясь по лугу, замѣтилъ, что дѣти спустили что-то въ подземелье; онъ схватилъ ихъ, началъ пытать и извѣдалъ, что они по приказу отцовъ своихъ носятъ пищу боярину... Михаилъ Никитичъ, просидѣвъ годъ въ подземельѣ, окончилъ дни свои. Бывши самъ нѣсколько разъ въ помянутомъ подземельѣ — заключаетъ Берхъ — удивляюсь, какъ могъ онъ прожить годъ въ такой тѣсной и сырой ямѣ. Бывшія на немъ желѣза хранятся поднесь въ церкви и удивляютъ тяжестью своею каждаго путешественника“ [1]).

3. *Обыкновенныя тюрьмы* въ Москвѣ и въ городахъ строились тоже весьма незатѣйливымъ способомъ: пространство земли, огороженное стоячимъ бревенчатымъ тыномъ, составляло такъ называемый „тюремный дворъ“; въ этомъ дворѣ, смотря по надобности, ставилась одна

---

[1]) *Берхъ*, Путешествіе, стр. 99 сл. Въ 1627 году Ныробская деревня обѣлена „для вѣчнаго поминовенія боярина М. Н. Романова“. См. *Акт. археогр. эксп.* т. III № 254, стр. 391, Грамота въ Пермь 1635 года.

или нѣсколько избъ — „сколько пристойно", какъ выражается указъ 1696 года о постройкѣ пересыльной тюрьмы въ Верхотурьѣ [1]). Каждая изба ограждалась особо малымъ тыномъ или частоколомъ. Въ Московскомъ тюремномъ дворѣ такихъ избъ было восемь, каждая подъ своимъ названіемъ: Опальная, Барышкина, Заводная, Холопья, Сибирка, Разбойная, Татарка и Женская [2]). Въ другихъ мѣстахъ упоминаются: одна, двѣ, четыре. Наиболѣе подробное описаніе мы имѣемъ относительно устройства тюрьмы въ Бѣлозерскѣ въ 1682 году [3]): тюремный дворъ огражденъ стоячимъ бревенчатымъ тыномъ, двѣ стѣны котораго имѣютъ по 12 саженъ длиною и двѣ по 9 саженъ, — слѣдовательно, весь дворъ имѣетъ въ окружности 42 сажени и занимаетъ площадь въ 108 квадратныхъ саженъ. Тынъ врытъ въ землю на три аршина и укрѣпленъ въ землѣ заложенными туда бревнами. Тыновыя бревна поставлены „на иглахъ" (то-есть, на деревянныхъ шипахъ или поперечныхъ брусьяхъ, соединяющихъ между собою бревна) и вверху скрѣплены плахами. Въ тыну сдѣланы двери и „притюремокъ" съ дверями же, крытый; этотъ „притюремокъ" (то-есть, нѣчто въ родѣ сторожки или привратницкой) устроенъ, какъ и тынъ, изъ стоячихъ, врытыхъ въ землю, бревенъ на иглахъ. Внутри двора — двухъ-этажная „изба", четырехъ саженъ длиною и трехъ съ половиною въ ширину [4]). У избы двери въ два щита; окна малыя. Покрыта изба

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 1534 Указъ 1696 года января 21.

[2]) *Забѣлинъ,* Д. б. р. царей, стр. 330, Выходъ царя по тюрьмамъ 24 декабря 1664 года.

[3]) *Допол. акт. ист.* т. X № 43, стр. 132, Подрядная запись на постройку тюрьмы въ Бѣлозерскѣ 1682 года.

[4]) Въ записи не сказано именно, что изба была двухъэтажная; но это ясно слѣдуетъ изъ употребленнаго въ записи выраженія: сдѣлать „два моста нижнихъ и два моста верхнихъ". Нижній мостъ есть полъ; верхній — потолокъ.

„дранью и скалами“ (драни — доски, не пиленыя, а вытесанныя топоромъ или сдѣланныя изъ расколотаго вдоль бревна; скалы — кора березы). Къ избѣ прирублены сѣни, въ двѣ съ половиною сажени, во всю избную стѣну; сѣни покрыты въ одинъ скатъ; имѣютъ двери „на ободверинахъ“ (?). Около избы идетъ малый, внутренній тынъ, тоже на иглахъ, врытый въ землю на 3 аршина.

Извѣстія, касающіяся тюремъ въ другихъ городахъ, даютъ намъ еще нѣкоторыя подробности: большой наружный тынъ дѣлался четырехъ саженъ въ вышину [1]); въ тыну устраивалось мѣсто, „гдѣ тюремнымъ сидѣльцамъ [2])... четырехъ саженъ съ великою крѣпостью“ (вѣроятно, ограда въ четыре сажени вышины); въ тыну же дѣлается еще „сторожня полутретьи (двѣ съ половиною) сажени“ [3]). Верхній этажъ называется верхнею избою или верхнею тюрьмою; нижній — нижнею или, иногда, земляною тюрьмою [4]). Упоминовеніе о двухъ этажахъ встрѣчается, впрочемъ, только въ двухъ случаяхъ, и можно думать, что во многихъ городахъ тюрьмы были одноэтажныя. Размѣры тюремнаго двора, смотря по надобности и по числу избъ, бывали весьма различны: въ городѣ Шуѣ въ 1674 году велѣно поставить тюремный тынъ „четыре стѣны по осми саженъ“ [5]), слѣдовательно, площадь двора имѣла 64 квадратныхъ сажени и 32 сажени въ окружности; въ Муромѣ, по описи 1687 года,

---

[1]) *Акт. юрид.* № 309, IV, стр. 328, Поручная по плотникахъ Олонецкаго города 1672 года.

[2]) Рѣчь здѣсь идетъ объ отхожемъ мѣстѣ.

[3]) *Дополн. акт. ист.* т. VI № 99, стр. 332, Грамота Шуйскому воеводѣ 1674 года.

[4]) *Воронеж. Акты* т. 3, № CLXXXIII, стр. 199, Отписка Воронежскаго губнаго старосты 1625 года. Т. 1 № XIX стр. 55, Грамота въ Воронежъ 1627 года.

[5]) *Дополн. акт. ист.* т. VI № 99, стр. 332, Грамота Шуйскому воеводѣ 1674 года.

значится подъ тюремнымъ дворомъ „въ длину девять саженъ съ четью, поперекъ шесть саженъ съ четью“ [1]), слѣдовательно, площадь около 58 квадратныхъ сажень и 31 сажень въ окружности; въ Устюгѣ построены въ 1654 году, на триста пятьдесятъ арестантовъ, два тюремныхъ двора по $18^1/_2$ саженъ въ длину, а поперегъ по $11^3/_4$ саженъ, слѣдовательно, по 217 квадратныхъ саженъ слишкомъ и въ окружности по $60^1/_2$ саженъ. Поставлено „въ нихъ четыре избы по четыре сажени, да двѣ караульни“ [2]). Интересно замѣтить, что въ древней Шуйской тюрьмѣ стояла икона Іоанна Воина — святаго, которому понынѣ молятся объ открытіи воровъ и отысканіи похищеннаго имущества [3]).

Затѣмъ, *временныя тюрьмы* (кромѣ земляныхъ), служившія для заключенія отдѣльныхъ лицъ въ мѣстахъ ссылки ихъ, не имѣли, можно думать, сколько-нибудь опредѣленнаго образца. Онѣ устраивались, если было удобно, въ домахъ частныхъ лицъ или для нихъ ставился особый дворъ. Такъ, для Василья Романова въ 1601 году велѣно было занять въ Яранскѣ „дворъ въ городѣ, чтобы отъ церкви, и отъ съѣзжей избы, и отъ жилецкихъ дворовъ подалѣ; а будетъ такого двора нѣтъ, велѣть дворъ поставить, а на дворѣ хоромъ двѣ избы, да сѣни, да клѣть, да погребъ и около двора городьба... и со двора Василья и дѣтины его спущать никуды не велѣть, и того беречи накрѣпко, чтобы къ Василью и къ человѣку его никто не подходилъ и не разговаривалъ“. Изъ Яранска Василья Романова перевезли въ Пелымъ и посадили съ братомъ его, Иваномъ, „въ одной

1) *Владим. Сборникъ*, стр. 140, Опись города Мурома 1687 года.

2) *Дополн. акт. ист.* т. III № 115, стр. 404, Отписка Устюжскаго воеводы 1654 года.

3) *Борисовъ*, Опис. гор. Шуи, стр. 53.

избѣ, на чѣпяхъ по угломъ“ [1]). Тюрьма извѣстнаго боярина Артамона Матвѣева въ Пустозерскѣ описывается имъ самимъ, въ письмѣ къ князю Долгорукому, такъ: „избенка дана мнѣ, другая червю моему, сынишку; ей, ей, обѣ безъ печи... а въ подклѣтишкѣ запасенко и рухлядишка, а въ другомъ сироты мои да караульщики, которые меня стерегутъ, чтобы я не побѣжалъ... изъ тѣхъ подклѣтовъ пущаютъ тепло, и отъ того пущанья пользы столько нѣтъ, сколько смраду“ [2]). „Цесарскія земли нѣмчинъ Адамъ Дорнъ“, сосланный въ Чердынь въ заключеніе, живетъ въ 1630 году на особомъ дворѣ со слугами и людьми своими [3]).

Встрѣчаются, сверхъ того, въ памятникахъ нѣкоторыя другія указанія относительно устройства тюремныхъ зданій; но они не приведены нами, такъ какъ они или представляются отрывочными и малосодержательными, или не заслуживаютъ довѣрія [4]).

---

[1]) *Акт. ист.* т. II № 38 Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ 1601, 1602 годовъ (стр. 35, 42). *Древн. акт. Вятск.*, стр. 50, примѣч. 13.

[2]) *Исторія заточ. Матвѣева,* стр. 344.

[3]) *Акт. ист.* т. III № 163, стр. 290, Грамота Чердынскому воеводѣ 1630 года. *Берхъ,* Древ. грам. Пермск. губ., № XXVIII, стр. 86.

[4]) Къ числу послѣднихъ должно, думается намъ, отнести описаніе какой-то фантастической тюрьмы въ разсказѣ Походъ Дмитрія въ Москву (*Русс. ист. библ.* т. I № 3, стр. 402). Три поляка, виновники буйства въ Москвѣ въ первые дни царствованія Лжедмитрія, были посажены, по словамъ этого разсказа, „въ башню, въ которой нельзя было не опасаться за себя: внутри ея, около стѣнъ были узкія лавки, а ниже ихъ разные крюки, косы, желѣзные прутья. Если бы кто изъ нихъ задремалъ, то заплатилъ бы жизнью... ихъ держали тамъ одинъ день и ночь“. *Костомаровъ,* Смутное время, т. I, стр. 249, принимаетъ, впрочемъ, это повѣствованіе съ довѣріемъ и съ своей стороны дѣлаетъ лишь слѣдующее пояснительное дополненіе: „Димитрій *выдумалъ* имъ наказаніе *необычное*“. Безусловно недостовѣрнымъ является, далѣе, сообще-

III. Распредѣленіе тюремныхъ сидѣльцевъ.

Изъ сказаннаго объ устройствѣ тюремъ само собою явствуетъ, что господствующимъ порядкомъ была система общаго заключенія. Одиночное заключеніе, если мы и встрѣчаемъ его иногда въ земляныхъ и каменныхъ тюрьмахъ, является не болѣе, какъ исключеніемъ изъ общаго правила, притомъ исключеніемъ, которое вытекало не изъ какихъ-либо общихъ соображеній о задачахъ тюремнаго лишенія свободы, а опредѣлялось исключительно практическою необходимостью изолировать тѣхъ или другихъ лицъ, которыя могли быть опасны своимъ вліяніемъ на окружающихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять особыя мѣры противъ побѣга. Таковыми по преимуществу являлись преступники религіозные—„церковные раскольщики и мятежники“; къ нимъ-то и примѣнялось чаще всего одиночное заключеніе. Но и въ этомъ случаѣ одиночное заключеніе, по существу своему, не представляло ничего общаго съ тѣмъ, что мы нынѣ называемъ оди-

---

ніе *Adolph Lyseck*, Relatio, стр. 99, что въ Москвѣ преступники помѣщаются на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ, на большомъ пространствѣ, огражденномъ тыномъ, гдѣ они сами собственными руками роютъ себѣ логовища: „non lectus, non lares alii, nisi quae digitorum et ungvium ministerio effodiunt cubilia, quae magno spatio circumcluduntur, vallis ligneis per circuitum coronata“. Нельзя также не упомянуть здѣсь и объ описаніи тюремъ Преображенскаго приказа въ началѣ XVIII вѣка, которое дѣлаетъ *Есиповъ*, Русс. люди XVIII вѣка, т. II, стр. 49. „Это были—говоритъ онъ—срубы четвероугольные, иные даже безъ крыши и потолка, безъ деревяннаго или каменнаго пола. Если колодникъ заболѣвалъ, то его клали въ уголъ и надъ нимъ подмащивали нѣсколько досокъ въ видѣ навѣса, чтобы не проходилъ дождь. На зиму тюрьмы накрывались жердями и сверху соломой“. Такое устройство тюремъ, конечно, не могло быть общимъ правиломъ. Къ сожалѣнію, Есиповъ не указываетъ источника, изъ котораго почерпнулъ эти свѣдѣнія.

ночною системою: указанная практическая цѣль вполнѣ допускала совмѣстное заключеніе многихъ единомышленниковъ, и мы это встрѣчаемъ въ XVII вѣкѣ постоянно.

Примѣняя въ своихъ тюрьмахъ систему общаго заключенія, старое русское право не отдѣляло даже подслѣдственныхъ арестантовъ отъ приговоренныхъ колодниковъ, отбывающихъ наказаніе—никакихъ указаній на такое раздѣленіе въ памятникахъ мы не находимъ, а наоборотъ, встрѣчаемъ указанія, прямо противоположныя [1]); оно не отдѣляло, далѣе, тюремныхъ сидѣльцевъ высшихъ и нисшихъ состояній [2]), хотя лица высшихъ сословій очень часто подвергались заключенію въ тюрьму, въ особенности по дѣламъ мѣстническимъ; нерѣдко, наконецъ, „въ городѣхъ по тюрьмамъ" размѣщались даже и „вязни", то-есть, плѣнные, взятые на войнѣ [3]). Но за то, съ другой стороны, практическая государственная мудрость этой эпохи выработала нѣкоторыя другія начала распредѣленія арестантовъ по тюрьмамъ, начала, которыя, къ сожалѣнію, не только не развились, но были забыты въ позднѣйшую эпоху. Такъ, прежде всего, XVII вѣкъ проводилъ начало отдѣленія женщинъ отъ мужчинъ. Въ числѣ 8 избъ московскаго большаго тюремнаго двора имѣется, какъ мы видѣли выше, одна—женская, и въ ней 24 декабря 1664 года было 27 заключенныхъ, изъ

---

1) *Воронеж. Акты* т. I № XLII, стр. 129 — 140, Описаніе Воронежа 1666 года. На стр. 138: „Роспись тюремнымъ сидѣльцамъ, хто въ какове делѣ на Воронеже въ тюрмѣ сидять отъ Воеводъ и отъ Губныхъ старость въ прошлыхъ годѣхъ въ нынѣшнемъ 175 году", — всего сидитъ 16 человѣкъ, изъ нихъ большинство несомнѣнно подслѣдственные.

2) *Rinhuber,* Wahrhafte Relation *(Adelung,* т. II) стр. 372: думный дьякъ, Емельянъ Украинцевъ въ 1684 году посаженъ былъ въ тюрьму, „wo alle Schelme und Diebe inne sitzen".

3) *Акт. археогр. эксп.* т. III № 252, стр. 389, Грамота въ Пермь 1634 года.

общаго числа 737 колодниковъ всѣхъ восьми избъ [1]). Въ другихъ городахъ мы также находимъ отдѣльныя женскія тюрьмы или избы [2]). Достойно замѣчанія, что въ XVIII вѣкѣ это элементарное раздѣленіе тюремныхъ сидѣльцевъ не всегда соблюдалось [3]). Затѣмъ, мы находимъ еще и другое, весьма глубокое начало, именно распредѣленіе арестантовъ по роду тѣхъ преступныхъ дѣяній, въ которыхъ они были обвинены или обвинялись. Уже въ самомъ началѣ XVII вѣка одинъ полякъ, бывшій въ Россіи, разсказываетъ, что въ Москвѣ для каждаго рода преступниковъ имѣется особая темница [4]). Весьма понятно, что такой отзывъ заключаетъ въ себѣ преувеличеніе; но несомнѣнно существовало дѣленіе тюремъ на двѣ категоріи: *тюрьмы губныя* — иначе *разбойныя* или *татиныя* — и *тюрьмы опальныя*. Въ первыхъ помѣщались, выражаясь словами памятниковъ, тати, разбойники и оговорные люди „во всякихъ разбойныхъ дѣлѣхъ“; въ послѣднихъ — по „исцовымъ искамъ“ и въ „боярскихъ дѣлѣхъ, люди ихъ и крестьяне“. Такое дѣленіе отчетливо выдвигается, какъ общее правило, въ цѣломъ рядѣ документовъ. Такъ, воронежскій губной староста въ 1635 году доноситъ: „тюрьмы покрыты худо и у тюрьмы *татиной*, и у *опальной*, и у тыну около тюремъ и у троихъ дверей желѣзныхъ крѣпостей мало,

---

1) *Забѣлинъ*, Дом. б. р. царей, стр. 330.

2) *Допол. акт. ист.* т. IV № 134, Пріемныя росписки Нижегородскаго воеводы 1663, 1664 годовъ, стр. 336, 337: роспись тюремнымъ сидѣльцамъ — перечень отдѣльно мужчинъ и „въ женской тюрьмѣ“.

3) *Пол. Соб. Зак.* № 8877 Указъ 1744 года. Въ Новѣгородѣ содержался въ тюрьмѣ, по слѣдственному дѣлу, дьяконовъ сынъ Василій Марковъ, скованный съ чужою женою по ногѣ, около двухъ недѣль, а его жена въ другой камерѣ была скована съ постороннимъ мужчиной.

4) *Устряловъ*, Сказанія соврем. о Дмит. Самозв. т. V Маскѣвичъ, стр. 66.

и тынъ росохся (разсохся?) ріцомъ (?)". Три года спустя новое донесеніе: „въ *опальной* тюрьмѣ потолокъ худъ и гнилъ, а у *татиной* тюрьмы уголья обвалялись и бревенья повыпадали... а тюремные сидѣльцы сидятъ въ острогѣ, которымъ острогомъ тюрьма огорожена" [1]). Какой-то попъ Яковъ и зять его Ивашка обвинялись въ 1631 году въ разбоѣ. Воевода отпустилъ попа на поруку, а Ивашку посадилъ въ *татиную* тюрьму [2]). Въ одной поручной записи 1644 года значится „послухъ *опальныхъ* тюремъ цѣловальникъ Харламъ" [3]). Одна изъ восьми избъ московскаго тюремнаго двора (см. выше) носитъ названіе *опальной*, и одна—*разбойной*. Въ царской грамотѣ муромскому губному старостѣ 1637 года говорится: „вѣдомо намъ учинилось, что въ городѣхъ воеводы и всякіе приказные люди въ *татиные* и въ *разбойные* тюрьмы сажаютъ всякихъ людей въ исцовыхъ искѣхъ, и въ холопствѣ и въ крестьянствѣ, и во всякихъ исцовыхъ искѣхъ, и отъ того татемъ и разбойникомъ и оговорнымъ людемъ чинится тѣснота и голодъ и отъ тѣсноты и отъ духу помираютъ; а нынѣ мы указали... которые люди въ холопствѣ и во крестьянствѣ будутъ въ пріимкѣ, и въ исцовыхъ искѣхъ, и такихъ людей къ татемъ и разбойникамъ въ тюрьму сажать не велѣли" [4]). Вновь назначенный, воронежскій губной староста въ 1644 году пишетъ въ Москву о тѣхъ безпорядкахъ, которые онъ нашелъ, и между прочимъ, слѣдующее: „на Воронежѣ, Государь, для татей и разбойниковъ поставлена тюрьма одна, и отъ воеводы нѣтчиковъ и ослушниковъ всякихъ чиновъ людей приводятъ тутъ же къ

---

1) *Воронеж. Акты* т. 3, № CLXXXIII, стр. 200 — 206.

2) *Воронеж. Акты* т. 2, № LXXIV, стр. 84, Грамота 1631 года по дѣлу о разбоѣ Ѳедора Плясова.

3) *Акт. юрид.* № 314, стр. 335, Поручная 1644 года.

4) *Акт. археогр. эксп.* т. III № 272, стр. 416, Грамота 1637 года сентября 18.

татямъ и разбойникамъ въ тюрьму... А въ иныхъ (городахъ), Государь, отъ воеводъ нѣтчиковъ и ослушниковъ къ татемъ и разбойникамъ въ *губную* тюрьму не сажаютъ" [1]). Наконецъ, сами „воры и разбойники", тюремные сидѣльцы, однажды подаютъ жалобу на то, что къ нимъ въ тюрьму сажаютъ людей другихъ категорій и тѣмъ причиняютъ имъ стѣсненіе: „сидимъ мы бѣдные — пишутъ они въ своей челобитной — въ темницѣ во всякихъ разбойныхъ дѣлѣхъ... а которые, Государь, сидятъ съ нами бѣдными въ тюрьмѣ, въ боярскихъ дѣлѣхъ, люди ихъ, крестьяне: и намъ отъ нихъ голодъ и тѣснота, и со всякіе тюремные нужи съ духу и цынги погибаемъ" [2]).

Конечно, нельзя не сознаться, что это противоположеніе, съ одной стороны, „татей и разбойниковъ", а съ другой — „въ исцовыхъ искѣхъ" и „въ боярскихъ дѣлѣхъ", представляется далеко не яснымъ и не полнымъ; здѣсь памятники, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, ограничиваются общими указаніями, не распространяясь о томъ, что въ то время было всѣмъ понятно и совершенно ясно. Мы отчетливо видимъ, что тюремные сидѣльцы дѣлятся на двѣ категоріи; но не можемъ съ точностью установить, какъ проводилась грань между этими двумя категоріями. Впрочемъ, на основаніи одного опредѣленія Новоуказныхъ статей 1669 года есть возможность, думается намъ, нѣсколько выяснить этотъ вопросъ. Въ статьѣ 128 сказано: „А которые тюремные сидѣльцы сидятъ въ какихъ расправныхъ дѣлѣхъ, а не татьбахъ и не въ разбоѣхъ и не въ смертныхъ убивствахъ и не въ пожегахъ и не въ вѣдовствахъ, и имъ указъ учинить по разсмотрѣнью тотчасъ, чтобъ въ тюрьмахъ напрасно

---

[1]) *Воронеж. Акты* т. 3, № CLXXXIII, стр. 216, Отписка 1644 года.

[2]) *Борисовъ*, Опис. гор. Шуи, стр. 52, Челобитная 1662 года.

не сидѣли". Законодатель здѣсь противополагаетъ „*расправныя* дѣла" всѣмъ ниже перечисляемымъ преступнымъ дѣяніямъ. „Расправныя дѣла" и дѣла по „исцовымъ искамъ" едва ли не представляютъ собою одинъ и тотъ же разрядъ преступныхъ дѣяній (преслѣдуемыхъ только по жалобѣ пострадавшаго). Намъ думается, что это можно предположить съ большою достовѣрностью. А если такъ, то и вторая категорія, то-есть, перечисленныя въ 128 Новоуказной статьѣ дѣянія, должны совпадать съ тѣми „разбойными дѣлами", виновные въ которыхъ подлежали заключенію въ губной тюрьмѣ. Сообразно этому распредѣленіе тюремныхъ сидѣльцевъ представится въ слѣдующемъ видѣ: преступники политическіе и религіозные помѣщались въ отдѣльныхъ тюрьмахъ (см. выше); лица, виновныя въ преступныхъ дѣяніяхъ, перечисленныхъ въ 128 статьѣ,— въ губныхъ тюрьмахъ; всѣ прочія— въ опальныхъ.

Порядокъ распредѣленія арестантовъ, какъ мы видѣли выше, нерѣдко нарушался. Но именно тотъ фактъ, что нарушеніе его вызываетъ протесты и разсматривается какъ злоупотребленіе, доказываетъ лучше всего, что онъ былъ общимъ правиломъ. Въ Чердыни произошло даже по этому поводу столкновеніе между воеводою и приставомъ ссыльнаго нѣмчина Адама Дорна — столкновеніе, окончившее выговоромъ воеводѣ за слишкомъ точное и мелочное соблюденіе правила о распредѣленіи арестантовъ. Приставъ отослалъ къ воеводѣ для заключенія въ тюрьму провинившагося сторожа; воевода отказалъ на томъ основаніи, „что тюрьма поставлена на татей да на разбойниковъ, а не на сторожей". Приставъ пожаловался въ Москву. Изъ Москвы воеводѣ присланъ выговоръ: „ты то дѣлаешь не гораздо, плутаешь, что велишь на сторожей ставить особную тюрьму: только для сторожей сдѣлать новая тюрьма, а то будетъ не дешево,

да и нечего для того тюрьмы ставить, что мужика на день вкинуть въ тюрьму“ [1]).

Сверхъ того, мы имѣемъ указаніе, что въ началѣ XVII вѣка существовала въ Москвѣ особая *бражная* тюрьма, въ которую заключались лица, задержанныя въ пьяномъ видѣ, притомъ въ случаяхъ повторенія на долгіе сроки и въ соединеніи съ кнутомъ [2]). Наконецъ, если придавать значеніе названіямъ отдѣльныхъ избъ Московскаго тюремнаго двора, изъ которыхъ три названія — женская, опальная, разбойная — какъ мы видимъ, несомнѣнно имѣютъ существенное значеніе, то является возможность предположить, вопервыхъ, что, сверхъ указанныхъ категорій, въ особой тюрьмѣ (холопья) помѣщались лица несвободныхъ состояній, виновные въ побѣгѣ отъ своихъ господъ или въ другихъ нарушеніяхъ ихъ правъ и власти—„въ боярскихъ дѣлѣхъ, люди ихъ“, какъ выражаются приведенные выше памятники; вовторыхъ, что тюремные сидѣльцы распредѣлялись и по національностямъ (татарка), и по предстоящей судьбѣ (сибирка), то-есть, когда за тюрьмою должна была слѣдовать ссылка

1) *Акт. ист.* т. III № 163, стр. 290, Грамота Чердынскому воеводѣ 1630 года. Тоже *Берхъ,* Древ. гр. Пермс. губ., № XXVIII, стр. 86, 87 (по ошибкѣ озаглавлена: „Жалоба цесарца Адама Дорна на Чердынскаго воеводу“).

2) *Устряловъ,* Сказан. соврем. о Дм. Самозв. т. V, Маскѣвичъ, стр. 66. Маскѣвичъ говоритъ, что пьяныхъ въ Москвѣ задерживаютъ, сажаютъ въ бражную тюрьму и сѣкутъ кнутомъ, увеличивая размѣры наказанія при повтореніи; „но если и сіе не поможетъ, онъ остается въ тюрьмѣ, пока сгніетъ“. Устряловъ, примѣч. 52, относится къ этому сообщенію съ довѣріемъ и замѣчаетъ: „извѣстіе весьма любопытное: такая строгость введена была Борисомъ Годуновымъ, который не терпѣлъ пьянства“. Въ *Акт. ист.*, т. II № 355, напечатана Записка о царскомъ дворѣ, приказахъ и проч. На стр. 424 въ ней сказано: „а гдѣ посадскаго человѣка увидятъ пьянаго, изымавъ, въ тюрьму посадятъ“. Въ какую тюрьму—въ какую-либо особую или вмѣстѣ съ другими — не сказано.

въ Сибирь. Изъ всѣхъ восьми названій только два представляются для насъ непонятными и не заключающими въ себѣ никакого указанія по настоящему вопросу: барышкина и заводная.

Конечно, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что всѣ эти дѣленія соблюдались только тамъ и только тогда, гдѣ и когда представлялась къ этому практическая возможность и удобство, то-есть, гдѣ было много арестантовъ и большіе тюремные дворы со многими избами. Гдѣ этихъ условій не было, всѣ заключенные могли сидѣть въ одномъ мѣстѣ. Не стоило строить особую избу, чтобы „мужика на день въ тюрьму вкинуть", какъ выражается приведенная выше грамота чердынскому воеводѣ. Точно также, конечно, не стоило строить особую тюрьму для одной или двухъ женщинъ. Впрочемъ, указаній на случаи совмѣстнаго заключенія женщинъ съ мужчинами мы въ памятникахъ XVII вѣка не встрѣтили ни одного.

IV. Содержаніе и порядокъ жизни тюремныхъ сидѣльцевъ.

Заключенные обыкновенно сидѣли въ тюрьмахъ безъ оковъ; оковы налагались, по общему правилу, лишь при употребленіи арестантовъ на работы внѣ тюрьмы и при отпускѣ ихъ для сбора подаяній. Хотя въ памятникахъ не рѣдко употребляется выраженіе „колодники" [1]) въ смыслѣ родоваго названія; но, тѣмъ не менѣе, всѣ указанія о наложеніи оковъ — желѣза, цѣпи, „кайдалы", какъ выражались въ XVII вѣкѣ — касаются лишь отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ именно предписывалось заковать или посадить въ желѣза [2]). Въ одномъ донесе-

---

[1]) См. напр., *Забѣлинъ,* Дом. б. р. царей, стр. 330.

[2]) Только *Adolph Lyseck,* котораго недостовѣрное описаніе тюрьмы мы приводили выше, утверждаетъ, Relatio, стр. 99, что всѣ тюремные сидѣльцы „попарно сковываютси накрестъ двумя цѣпями такъ, что правая нога одного прикрѣпляется къ

ніи губнаго старосты говорится, между прочимъ, что „въ губной избѣ для тюремныхъ сидѣльцевъ желѣзныхъ крѣпостей никакихъ нѣтъ, и для милостины въ міръ и по воду тюремныхъ сидѣльцевъ безъ желѣзныхъ крѣпостей пускать пристрашно“ [1]). Такимъ образомъ, какъ бы прямо высказывается мысль, что желѣза нужны только для вывода арестантовъ за тюремную ограду. Что касается до отдѣльныхъ случаевъ наложенія оковъ, то они довольны многочисленны. Мы видѣли уже выше, что по окружной грамотѣ 1637 года денежнымъ ворамъ назначается пожизненное заключеніе въ оковахъ. Затѣмъ, въ земляныхъ тюрьмахъ преступники почти всегда сидятъ въ оковахъ. Имѣются далѣе указанія, что патріархъ Никонъ лицъ духовнаго званія сажалъ въ тюрьмы въ оковахъ [2]); встрѣчается еще нѣсколько другихъ случаевъ [3]). Цѣпь иногда накладывалась на шею [4]); иногда на заключенныхъ налагались особыя плечныя желѣза — такъ называемый *стулъ* [5]). „Четвертую недѣлю ношу на шеѣ чѣпь со стуломъ“, говоритъ Аввакумъ о своемъ заключеніи въ Андроніевскомъ монастырѣ [6]). По нѣкоторымъ извѣстіямъ видно, что оковы достигали значительной тяго-

---

лѣвой рукѣ товарища, а этого лѣвая нога — къ правой ногѣ другаго, съ прибавленіемъ еще тяжелой массы свинца, которую они должны таскать за собою... adjuncta, quam post se trahunt, ponderosa plumbi appendice“.

1) *Воронеж. Акты* т. 3, № CLXXXIII, стр. 218, Отписка 1645 года.

2) *Павелъ архидіаконъ,* Библіотека для чтенія 1836 года, стр. 93. *Шушеринъ,* Житіе Никона, стр. 33.

3) *Акт. ист.* т. II № 311, VI, стр. 369, Челобитная братьевъ Ржевскихъ 1610 года. *Допол. акт. ист.* т. XI № 39, стр. 125, Отписка 1684 года.

4) *Шушеринъ,* Житіе Никона, стр. 33: „бысть цѣпь на выи его“ (митрополичьяго дворецкаго въ Новѣгородѣ).

5) *Берхъ,* Путешествіе, стр. 99.

6) *Матер. ист. раск.* т. I № 1, стр. 20, Письмо къ Неронову.

*

сти. Такъ, по свидѣтельству Берха, оковы боярина М. Н. Романова вѣсили два пуда, а именно: плечныя желѣза (стулъ) 39 фунтовъ, ручныя — 12 фунтовъ, кандалы или нижнія желѣза — 19 фунтовъ, замокъ 10 фунтовъ, итого 2 пуда [1]). Дворянинъ Ржевскій, посланный поляками въ Москву возмущать москвичей противъ царя Василія Шуйскаго и посаженный тамъ въ тюрьму, сообщаетъ въ челобитной, поданной королевичу Владиславу, что на него были наложены оковы — „пять пудъ желѣза“ [2]). Оковы иногда замѣнялись колодами или колодками, какъ говорятъ въ наше время, то-есть особымъ инструментомъ, состоящимъ изъ двухъ деревянныхъ брусьевъ, между которыми вкладываются ноги преступника. Послѣдній пріемъ, то-есть замѣна оковъ колодами, правительствомъ впрочемъ не одобрялся. Мы имѣемъ по этому поводу слѣдующій наказъ прикащику Ирбитской слободы 1670 года: „вѣдомо учинилось... Ирбитцкихъ всякихъ чиновъ людей, кого доведется за какую вину, ты де велишь сажать въ колоду. И какъ къ тебѣ ся наша память придетъ и тебѣ бъ... велѣть сковать желѣза ножныя, и впредь бъ тебѣ, кого доведетца, велѣть ковать въ желѣза, а въ колоду бы тебѣ отнюдь не сажать“ [3]).

Прокормленіе тюремныхъ сидѣльцевъ доставляло немного заботы государственной власти: заключенные кормились, главнѣйшимъ образомъ, своими средствами или мірскимъ подаяніемъ Христа ради. Котошихинъ пишетъ: „а которыхъ людей на Москвѣ и въ городѣхъ, воровъ, разбойниковъ и татей, и въ иныхъ злыхъ дѣлахъ, приводятъ и сажаютъ ихъ въ тюрьму: и тѣхъ людей, у кого есть отцы и матери, или иные сродичи и жена и дѣти,

---

[1]) См. выше, стр. 181, 182.

[2]) *Акт. ист.* т. II № 311 VI, Челобитная 1810 года стр. 370.

[3]) *Допол. акт. ист.* т. VI № 17, стр. 86, Память воеводская прикащику 1670 года.

кормятъ ихъ сами, своимъ. А у которыхъ нѣтъ сродичей и кормитися нечимъ, и изъ тѣхъ воровъ, которые въ малыхъ винахъ сидятъ, на всякій день изъ тюремъ выпущаютъ по два человѣка скованныхъ, съ сторожами, собирати по людемъ, по торгомъ и по дворамъ милостыню, деньгами и хлѣбомъ; а что они котораго дни соберутъ, мало или много, и то межъ себя дѣлятъ съ товарищи всѣ вмѣстѣ и тѣмъ себя кормятъ" [1]). Въ 1662 году вводится по всѣмъ тюрьмамъ выдача казеннаго содержанія — такъ называемаго „государева жалованья" или „кормовыхъ денегъ" — въ размѣрѣ по два алтына въ день на человѣка; до этого времени кормовыя деньги, два алтына въ день, выдавались лишь сидѣльцамъ Московскаго тюремнаго двора [2]). Но сборъ мірскихъ подаяній остается во всей силѣ, конечно, въ виду недостаточности казеннаго содержанія; онъ сохраняется, какъ извѣстно, и въ XVIII вѣкѣ. Правительство не только дозволяетъ, но прямо предписываетъ посылать арестантовъ за сборомъ. Такъ при постройкѣ Верхотурской пересыльной тюрьмы, воеводѣ Верхотурскому предписано было „для прокормленія, буде пристойно будетъ, тѣхъ ссыльныхъ людей поочередно изъ тюрьмы выпускать, человѣка по два, и по три и по четыре, скованныхъ, за приставомъ въ день, а къ ночи по прежнему ихъ сажать въ тюрьму" [3]).

---

[1]) *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 97. Другія указаніе о сборѣ арестантами подаяній: *Воронеж. Акты* т. 3, № CLXXXIII. *Пол. Соб. Зак.* № 1595 Наказъ 1697 года.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 328 Указъ 1662 года октября 25: „Великій Государь указалъ... поденнаго корму давать противъ Московскихъ большихъ тюремъ сидѣльцовъ по два алтына человѣку на день". По ошибкѣ указъ этотъ озаглавленъ: „О дачѣ тюремщикамъ", вмѣсто: „тюремнымъ сидѣльцамъ".

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 1595 Наказъ Верхотурскимъ воеводамъ 1697 года.

Въ иномъ положеніи относительно содержанія находились тюремные сидѣльцы въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ по малолюдству нельзя было кормиться подаяніемъ, а равнымъ образомъ сидѣльцы отдѣльныхъ (временныхъ) тюремъ, подлежавшіе строгому изолированію: они всегда получали казенное содержаніе деньгами или натурой. Содержаніе это было весьма разнообразное. Иногда оно состояло изъ одного хлѣба и воды [1]). Тридцать семь соловецкихъ монаховъ мятежниковъ, сидѣвшіе въ Сумскомъ острогѣ, получали хлѣбные и съѣстные припасы по „разсмотрѣнію" соловецкаго архимандрита, „чѣмъ имъ сытымъ быть" [2]). Аввакумъ и его единомышленники получали въ Пустозерской земляной тюрьмѣ „хлѣба по полутора фунта въ сутки, да квасу нужнова (?), а соли не даютъ". „Ей, ей, и псомъ больше сего метаютъ", говоритъ по этому поводу одинъ изъ заключенныхъ, Лазарь [3]). Аввакумой женѣ и дѣтямъ выдаютъ на Мезени взрослымъ „въ день по грошу на человѣка, а малымъ по три денежки" [4]). А. С. Матвѣеву съ людьми его, кромѣ единовременной присылки нѣкотораго количества зерноваго хлѣба, ржи, ячменя и овса, выдавалось по три денежки въ день на человѣка; этимъ „жалованьемъ" опальный бояринъ былъ не доволенъ, просилъ прибавки и указывалъ на то, что даже „противники церковные, Аввакумова жена и дѣти", получаютъ больше [5]). Василью Никитичу Романову въ Яренскѣ, съ человѣкомъ его, ве-

---

[1]) *Акт. юрид.* № 307, VI, стр. 324, Поручная 7196 года.

[2]) *Акт. археогр. эксп.* т. IV, № 171, стр. 222, Грамота Соловецкому архимандриту 1669 года.

[3]) *Матер. ист. раск.* т. IV № 11, стр. 263, Челобитная Лазаря 1668 года.

[4]) *Исторія о заточ. бояр. Матвѣева,* стр. 233, Челобитная Матвѣева.

[5]) См. предъидущее примѣчаніе.

лѣно было давать въ день „по колачу, да по два хлѣба денежныхъ (то-есть, цѣною въ одну денежку), да въ мясные дни по двѣ части говядины да по части баранины, а въ рыбные дни по два блюда рыбы, какова гдѣ случится, да квасъ житной“ [1]).

Не всегда содержаніе, выдававшееся тюремнымъ сидѣльцамъ, составляло „государево жалованье“ въ строгомъ смыслѣ: очень часто оно шло не изъ государственныхъ доходовъ, а взыскивалось съ тѣхъ или другихъ лицъ или учрежденій. Такъ, мы имѣемъ указанія, что на содержаніе колодниковъ, посаженныхъ въ тюрьмы при монастыряхъ, деньги взыскивались съ крестьянъ монастырскихъ вотчинъ [2]); соловецкіе монахи въ Сумскомъ острогѣ (см. выше) содержались на счетъ монастыря; указомъ 1676 года повелѣно: сидящимъ на тюремномъ дворѣ въ Москвѣ, бѣглымъ отъ господъ своихъ людямъ и крестьянамъ „государева жалованья, кормовыхъ денегъ не давать, а кормить тѣмъ, чьи тѣ бѣглые люди и крестьяне будутъ“ [3]).

Кромѣ сбора мірскихъ подаяній самими тюремными сидѣльцами „по дворамъ и по торгомъ“, деньги, одежда и съѣстные припасы доставлялись время отъ времени въ тюрьмы многими благочестивыми людьми. Посѣщеніе тюремъ и раздача подаяній было дѣломъ милости христіанской, обязательнымъ для каждаго вѣрующаго. Богатый и бѣдный, бояринъ и простолюдинъ одинаково считали своимъ долгомъ удѣлить часть отъ избытка своего пребывающимъ въ темницахъ. Самъ царь подавалъ примѣръ: наканунѣ большихъ праздниковъ, ночью, почти

---

[1]) *Акт. ист.* т. II № 38 Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ, стр. 34.

[2]) *Акт. юрид.* № 216, IV, V, стр. 231, 232, Платежныя росписки 7107 и 7109 годовъ.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 669 Указъ 1676 года.

безъ свиты, скромно выходилъ онъ изъ своихъ покоевъ, обходилъ тюрьмы и раздавалъ деньги, одежду и прочее. На Великій Христовъ день царь давалъ тюремнымъ сидѣльцамъ крашеныя яйца, на Рождество — бараньи тулупы. Дни большихъ праздниковъ бывали днями изобилія и веселія тюремнаго; припасовъ и денегъ, въ особенности въ богатыхъ городахъ, собиралось много, и арестанты вознаграждали себя за долгіе мѣсяцы воздержанія и голода. Такія же подаянія по тюрьмамъ производились богатыми людьми, кромѣ праздниковъ, въ дни смерти кого-либо изъ членовъ семейства, во время похоронъ и годовщины, а также по поводу различныхъ торжественныхъ семейныхъ событій — рожденія, свадебъ и т. п.[1]). Особую славу стяжала себѣ этими добрыми дѣлами знаменитая въ свое время, богатая боярыня Ѳедосья Прокопьевна Морозова, сама окончившая дни свои въ тяжкомъ заключеніи, за приверженность къ расколу, въ Боровской земляной тюрьмѣ. Духовный отецъ ея и наставникъ Аввакумъ пишетъ: „нозѣ твои дивно ступаніе имѣютъ: до полунощи тайно бродишь по темницамъ и по богадѣльнямъ, милостыню отъ дому своего нося, деньги и ризы, и потребная комуждо неимущему довольно, овому рубль, а иному десять, а индѣ пятьдесятъ рублевъ, и мѣшокъ сотной“ (то-есть, сотенный)[2]).

Столь же мало, если еще не менѣе, заботилось государство о внутреннемъ порядкѣ тюремной жизни. Мы

---

[1]) О подаяніяхъ по тюрьмамъ, см. *Забѣлинъ,* Дом. бытъ русск. царей и царицъ. *Бартеневъ*, Собр. писемъ ц. Алексѣя Михайловича, стр. 177. *Olearius*, Beschreibung, русск. перев. стр. 93. *Reutenfels,* De rebus, стр. 110. *Petrejus,* Hist. und Ber., стр. 684 (русск. пер. стр. 444). *Gordon*, Tagebuch, т. II, стр. 209. *Крекшинъ,* Записки, стр. 98. *Шушеринъ,* Житіе Никона, стр. 21.

[2]) *Матер. для ист. раск.* т. V № 13, Посланіе Аввакума, стр. 184.

нигдѣ не находимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, напримѣръ, организаціи тюремнаго продовольственнаго хозяйства; наоборотъ, и кормовыя деньги и подаянія, какъ видно изъ приведенныхъ выше документовъ, выдаются самимъ тюремнымъ сидѣльцамь на руки; мы не находимъ, далѣе, никакого установленнаго закономъ порядка въ образѣ жизни арестантовъ, ни вообще какого бы то ни было правительственнаго тюремнаго режима, за исключеніемъ немногихъ запретительныхъ опредѣленій, касающихся спиртныхъ напитковъ, опасныхъ орудій, въ родѣ топоровъ, пилъ, ножей и т. п. Арестанты внутри стѣнъ тюрьмы предоставлены были самимъ себѣ; правительство принимало лишь мѣры противъ ихъ „утечки". Законъ и правительство не считали возможнымъ стѣснять тюремнаго сидѣльца даже въ его личномъ необязательномъ трудѣ: заключенные занимались въ тюрьмахъ работами на продажу, по своему усмотрѣнію, и заводили ремесла, кто былъ къ тому способенъ. Отличное доказательство этому мы находимъ въ челобитной Шуйскихъ тюремныхъ сидѣльцевъ 1662 года, на которую уже ссылались выше: въ числѣ другихъ притѣсненій, они жалуются Великому Государю на тюремныхъ сторожей и цѣловальниковъ, что „у которыхъ нашихъ сиротъ есть ремеслишко — чѣмъ сытымъ быть: и они для товару сами не ходятъ и насъ бѣдныхъ не выпускаютъ... Затѣмъ не выпускаютъ, что дать нечего" [1]). Такимъ образомъ, тюремнымъ сидѣльцамъ не только не возбранялось имѣть въ тюрьмахъ свои ремесла—„чѣмъ сытымъ быть"—но даже дозволялось выходить изъ тюрьмы для покупки матеріаловъ. Конечно, нельзя думать чтобы такія ремесла процвѣтали въ тюрьмахъ; но самое начало допущенія свободныхъ работъ въ тюрьмѣ представляется далеко не-

---

[1]) *Борисовъ*, Опис. гор. Шуи, стр. 52, 53.

маловажнымъ моментомъ въ исторіи тюремной организаціи.

При такомъ положеніи вещей вся тюремная администрація является въ высшей степени простою и несложною. Тюрьмы находились въ завѣдываніи тѣхъ же лицъ и учрежденій, которыя вѣдали разбойныя и татиныя, и убійственныя дѣла вообще, то-есть, въ Москвѣ—земскій и разбойный приказы, а въ другихъ городахъ—губные старосты или воеводы, если губныхъ старостъ не было. Непосредственный надзоръ за тюремными сидѣльцами ввѣрялся тюремнымъ сторожамъ и цѣловальникамъ. Эти сторожа и цѣловальники назначались, за крестнымъ цѣлованіемъ и за поруками, по выбору сошныхъ людей, а въ Москвѣ „московскихъ черныхъ сотенъ"; служили они „изъ подмоги", то-есть, получали вознагражденіе отъ тѣхъ, кто ихъ выбралъ [1]). Обязанность губнаго старосты въ дѣлѣ тюремнаго управленія очерчивается немногими словами въ Уложеніи: „въ городѣхъ тюрьмы вѣдаютъ губные старосты—говоритъ Уложеніе—и губнымъ старостамъ доведется тюрьмы и тюремныхъ сидѣльцевъ осматривати почасту, чтобы тюрьмы были крѣпки, и у тюремныхъ бы сидѣльцовъ въ тюрьмахъ ничего не было, чѣмъ имъ изъ тюрьмы вырѣзаться" [2]). Починка тюремныхъ зданій и постройка новыхъ тюремъ лежала также на обязанности губнаго старосты [3]). Сторожъ, какъ говорятъ акты о выборахъ и поручныя записи, долженъ былъ „тюремныхъ сидѣльцовъ изъ тюрьмы никоими мѣрами не выпущать, и въ міръ ходя (то-есть за сборомъ подаяній) ихъ не отпустить, и за городъ

---

[1]) *Уложеніе,* гл. XXI ст. 4, 94, 95, 97.

[2]) *Уложеніе,* гл. XXI ст. 101.

[3]) *Воронеж. Акты* т. 3, № CLXXXIII, Отписки губныхъ старостъ 1625—1645 годовъ, стр. 199, 206, 216, 218. *Акт. юрид.* № 352, стр. 378, Память губному старостѣ 1663 года.

ихъ не выводить, и воровать имъ не давать, и въ тюрьмѣ имъ зернью и карты играть и топоровъ, и ножей, и шилъ, и костей, и веревокъ держать не дати жъ, и къ тюрьмѣ никого ни съ какимъ воровствомъ не припущать, и на кабакъ тюремныхъ сидѣльцовъ не водить и пить не давать". Сверхъ того, сторожъ обязывался самъ „будучи въ сторожахъ, воровствомъ никакимъ не воровать, зернью и карты не играть, и корчмы не держать... и самому пьяно не напиватца" [1]). На цѣловальника возлагались тѣ же обязанности: „ни кого изъ тюрьмы посидѣльцовъ не выпущать, жить у тюрьмы безотступно" [2]); или: „изъ тюремъ тюремныхъ сидѣльцевъ, татей и разбойниковъ и всякихъ воровскихъ людей не пускать и пилъ, и рѣзцовъ тюремнымъ сидѣльцамъ не подносить и отъ того у нихъ посуловъ и поминковъ не имать" [3]). Въ выборѣ цѣловальниковъ къ отдѣльной тюрьмѣ Сибирскаго Царевича Аблы въ Бѣлозерскѣ сказано: „быти имъ цѣловальникомъ у того Сибирскаго царевича тюрьмы... во весь годъ днемъ и ночью, безотступно, и беречь его Сибирскаго царевича Аблу... отъ всякаго дурна накрѣпко" [4]).

Вообще, на основаніи извѣстныхъ намъ памятниковъ, очень трудно установить разницу въ обязанностяхъ и положеніи тюремныхъ сторожей и цѣловальниковъ. Уложеніе не указываетъ ихъ обязанностей и не проводитъ между ними различія, хотя называетъ ихъ всегда отдѣльно. Котошихинъ говоритъ только о сторожахъ, ко-

---

[1]) *Акт. юрид. быта* т. I № 4, стр. 5, Выборъ въ тюремные сторожа 1671 года.

[2]) *Акт. юрид. быта* т. I № 3, стр. 4, Выборъ въ цѣловальники 1671 года.

[3]) *Акт. юрид. быта* т. II № 262, стр. 826, Поручная запись по цѣловальникѣ 1688 года.

[4]) *Акт. юрид.* № 280, стр. 288, Выборъ цѣловальниковъ 1641 года.

торые служатъ „за вѣрою и крестнымъ цѣлованіемъ и за поруками" [1]). По нѣкоторымъ даннымъ можно, однако, предполагать, что по положенію своему цѣловальникъ былъ высшее должностное лицо, чѣмъ сторожъ. Такъ иногда встрѣчается въ памятникахъ нѣкоторое различіе въ выраженіяхъ и въ опредѣленіи порядка назначенія: цѣловальника сошные люди *выбираютъ*, а сторожа *нанимаютъ;* по цѣловальникѣ берутся „сошныхъ людей выборы за ихъ и отцовъ ихъ духовными руками", а по сторожѣ „поручныя записи" [2]). Въ одной отпискѣ губнаго старосты говорится: „губнаго цѣловальника уѣздные люди одного *выбрали*, а другова учали *выбирать*, и сторожей *наняли*" [3]). Иногда цѣловальникамъ поручается отмыкать и замыкать ежедневно городскія ворота [4]). За сборомъ подаяній сидѣльцы ходятъ со сторожемъ, а не съ цѣловальникомъ. Наконецъ, при посѣщеніи царемъ тюремъ для раздачи подаянія, сторожа получаютъ милостыню такъ же, какъ и тюремные сидѣльцы [5]). Но, съ другой стороны, встрѣчаются поручныя записи по цѣловальникахъ такія же, какъ и по сторожахъ [6]); встрѣчаются платежныя росписки цѣловальниковъ, въ которыхъ, рядомъ со словами „по выбору сошныхъ людей", употребляются выраженія: „*порядился* есми"; „*найму* столько то рублевъ" [7]). По Уложенію же, и сторожу, и

---

[1]) *Котошихинъ*, о Россіи, стр. 90.

[2]) *Воронеж. Акты* т. 1, № XIX, стр. 55 — 57, Грамота 1627 года № XXXIV, стр. 109 Грамота 1638 года.

[3]) *Воронеж. Акты* т. 3, № CLXXXIII, стр. 198.

[4]) *Акт. юрид.* № 280 стр. 288, Выборъ цѣловальниковъ 1641 года.

[5]) *Забѣлинъ*, Дом. б. русск. царей, стр. 330.

[6]) *Акт. юрид. быта* т. I №№ 3—5, стр. 4—7, Выборы цѣловальниковъ и сторожей 1671 года. Т. II № 262, стр. 826, Поручная запись 1688 года.

[7]) *Акт. юрид.* № 223, VI, стр. 240, Платежная росписка 1655 года.

цѣловальнику полагается быть по выбору, и при взысканіи исцовыхъ вытей, въ случаѣ побѣга арестантовъ, за сторожа и за цѣловальника, если „на нихъ доправить немощно“, одинаково отвѣтствуютъ тѣ люди, кто тѣхъ цѣловальниковъ и сторожей выбирали[1]).

Тюрьмы подвергались иногда ревизіи со стороны центральнаго правительства: изъ московскихъ приказовъ посылались подъячіе „добрые“ въ города для осмотра тюремъ, „изъ которыхъ городовъ воеводы писали, что у нихъ тюрьмы худы“. Подъячіе должны были удостовѣриться, „впрямь ли тѣ тюрьмы худы, и мочно ли ихъ починивать“, или „вовсе худы и починить ихъ невозможно“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они должны были смѣтить расходы на починку старыхъ и постройку новыхъ тюремъ[2]).

Мы имѣемъ мало свѣдѣній о томъ, какъ жилось заключеннымъ внутри тюремъ и что дѣлалось въ пространствѣ, огражденномъ тюремными стѣнами и тыномъ. Но и это немногое, дошедшее до насъ, можетъ дать намъ хотя не подробную, но довольно ясную картину.

За отсутствіемъ установленнаго обязательнаго режима, люди, вкинутые въ тюрьмы, устраивались и жили въ нихъ, по возможности, посвоему. Они сами должны были вести свое хозяйство; сами должны были охранять и поддерживать необходимый внутренній миръ своего невольнаго жилища. Воры, тати и разбойники, враги законнаго государственнаго порядка, собранные съ разныхъ мѣстъ толпами и насильно на долгіе годы, соединенные подъ одною кровлей, создавали свой порядокъ и установляли свои законы. Ближайшія условія и черты этого порядка не отразились въ сохранившихся до насъ

---

1) *Уложеніе*, гл. XXI ст. 4, 101.
2) *Пол. Соб. Зак.* № 1271 Указъ 1687 года.

памятникахъ; но намъ извѣстно, что онъ выражался въ организаціи тюремной общины, съ выборнымъ старостою во главѣ. Староста несомнѣнно былъ выборный, такъ какъ никакихъ слѣдовъ назначенія его воеводой или инымъ органомъ правительственной власти не имѣется. Община дѣлила подаянія между тюремною братіей; община взимала съ новоприбывающихъ своихъ членовъ особую подать, такъ называемую „влазную деньгу“ — обычай, воспрещенный указомъ 1680 года[1]), но продолжавшій свое существованіе и въ XVIII вѣкѣ. Община, какъ одно лицо, защищалась отъ притѣсненій администраціи; приносила жалобы на худое состояніе тюремъ, на разныя злоупотребленія администраціи — на то, напримѣръ, что въ губную тюрьму сажаютъ лицъ, подлежащихъ заключенію въ опальной тюрьмѣ и т. п. Съ большою достовѣрностью можно сказать, что она блюла строгій порядокъ и между своими членами: въ массѣ случаевъ совершенія преступныхъ дѣяній, которые нашли себѣ описаніе или упоминаются въ памятникахъ, мы не встрѣтили ни одного преступленія, которое было бы совершено въ тюрьмѣ однимъ тюремнымъ сидѣльцемъ противъ другаго. Между тѣмъ, едва ли можно сомнѣваться, что, при тогдашнихъ нравахъ и тогдашнихъ условіяхъ тюремной жизни, посягательства и на личность, и на имущество, сколь бы скудно послѣднее ни было, должны были часто возникать въ тюрьмахъ; но они, надо думать, или предупреждались властью общины, или вызывали актъ самосуда, безъ всякаго вмѣшательства пра-

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 845 Указъ 1680 года ноября 13 о невзиманіи впредь тюремными сидѣльцами влазныхъ денегъ съ новоприводныхъ людей. Въ заголовкѣ указа, въ Пол. Соб. Зак. сдѣлана ошибка: вмѣсто „тюремными сидѣльцами“, сказано: „тюремщиками“.

вительственной власти, а посему и не вошли въ содержаніе письменныхъ памятниковъ.

Выше мы неоднократно ссылались на челобитную Шуйскихъ тюремныхъ сидѣльцевъ 1662 года, съ жалобами на различнаго рода притѣсненія. Въ этой челобитной общинная организація выражается съ полною ясностью. Она написана на царское имя, отъ лица всѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, и начинается такъ: „Бьютъ челомъ... шуйскіе тюремные сидѣльцы, старостишко Андрюшка Перфильевъ съ братьею, шестьдесятъ человѣкъ, на шуйскаго губнаго старосту и на тюремныхъ цѣловальниковъ и сторожей: сидимъ мы бѣдные въ темницѣ во всякихъ разбойныхъ дѣлахъ, и тѣ сторожи и цѣловальники морятъ насъ бѣдныхъ голодною смертью; а для хлѣба въ рядъ сами купить нейдутъ, а насъ бѣдныхъ не выпускаютъ“ [1])... Подача такой челобитной доказываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и то, что правительство признавало тюремную общинную организацію явленіемъ нормальнымъ и вполнѣ законнымъ. Правительство возставало только противъ нѣкоторыхъ частностей въ этой организаціи, напримѣръ, противъ взиманія „влазной деньги“. Самый указъ 1680 года о невзиманіи влазныхъ денегъ, какъ видно изъ текста его, состоялся вовсе не потому, чтобы такого рода дѣйствія представлялись въ корнѣ незаконными, а только потому, что подобная подать оказывалась большимъ стѣсненіемъ для людей неимущихъ: „впредь тюремнымъ сидѣльцомъ — говорится въ указѣ — влазнаго съ новоприводныхъ людей имать не велѣно, чтобъ въ томъ бѣднымъ людямъ тяготства и мучительства не было“. Челобитныя тюремныхъ сидѣльцевъ принимаются правительствомъ такъ же, какъ и челобит-

---

[1]) Далѣе идетъ изложеніе другихъ притѣсненій, приведенное нами выше, см. стр. 191, 201.

ныя всякой другой общественной группы, и имѣютъ такое же значеніе; они служатъ нерѣдко основаніемъ законодательныхъ распоряженій общегосударственной важности. Такъ, указъ 1662 года о выдачѣ кормовыхъ денегъ (см. выше) состоялся „по челобитью“ тюремныхъ сидѣльцевъ; это прямо высказано въ текстѣ закона. Несомнѣнно были и другіе случаи подобныхъ распоряженій, до насъ не сохранившіеся. Достойно примѣчанія, что кормовыя деньги вездѣ называются „государевымъ жалованьемъ“, то-есть, носятъ то же самое названіе, которымъ обозначалось всякое содержаніе должностныхъ лицъ, состоявшихъ на государственной службѣ, и всякая награда, которую эти послѣдніе получали отъ Великаго Государя. Какъ служащіе просятъ нерѣдко о выдачѣ или о прибавкѣ жалованья, такъ и тюремные сидѣльцы подаютъ челобитную о своемъ „жалованьѣ“. Государство вынуждено дать имъ жалованье — иначе они умрутъ съ голоду — и это жалованье дается имъ самимъ, какъ постоянно выражаются памятники, въ ихъ руки и въ полное ихъ распоряженіе. Несомнѣнно, что старая наша тюрьма заключала въ стѣнахъ своихъ вполнѣ самостоятельную, правовую форму быта, которая свободно выработывалась людьми, стѣсненными лишь въ томъ, что было непосредственно опасно для государственнаго порядка, прежде всего въ правѣ передвиженія.

Эта свобода тюремнаго быта не вытекала, однако, изъ какихъ-либо ясно сознанныхъ, общихъ представленій о задачахъ тюремнаго режима; другими словами, она не была вовсе осуществленіемъ какой-либо уголовно-карательной системы общаго характера. Нѣтъ, это было простымъ, безъискусственнымъ результатомъ тогдашняго отношенія государства къ преступнику: государственная власть подвергала преступника тому наказанію, которое онъ заслужилъ своимъ преступнымъ дѣяніемъ; въ своей

борьбѣ съ лихими людьми, она опредѣляла эти наказанія, можно сказать, безжалостно, руководствуясь лишь соображеніями государственныхъ въ тѣсномъ смыслѣ интересовъ; но за ихъ предѣлы она не выступала вовсе и не вторгалась въ прочія сферы жизни преступника, въ особенности въ его духовную жизнь.

За этими предѣлами, преступники оставались такими же гражданами, какъ и всѣ люди, всѣ „холопы“ или „сироты Великаго Государя“; въ тюрьмѣ они могли такъ же свободно заниматься ремеслами, если находили къ этому фактическую возможность; могли складываться въ союзы, артели или общины. Ихъ староста былъ ничѣмъ не хуже выборнаго старосты любой крестьянской деревни, былъ такой же „мужикъ добрый“. Изъ такого положенія вещей, съ одной стороны, вытекала полная самостоятельность преступника, даже въ тюрьмѣ находящагося, а съ другой — почти полное оставленіе его, въ его нуждахъ и потребностяхъ, на произволъ судьбы и личныхъ средствъ.

Нужда, голодъ и болѣзни царили въ тюрьмѣ. Никакая внутренняя организація, никакое общинное самоуправленіе не спасало тюремнаго сидѣльца отъ всякаго рода бѣдствій, причиняемыхъ неудовлетворительностью матеріальной обстановки. Простое житейское добродушіе отдѣльныхъ лицъ и во главѣ ихъ самого царя, съ его приближенными, значительно облегчало своими подаяніями положеніе заключенныхъ; но и за всѣмъ тѣмъ, тюрьма XVII вѣка представлялась мѣстомъ скорби и страданія. „Въ темницѣ сидимъ — пишутъ въ челобитной нѣсколько тюремныхъ сидѣльцевъ, жалуясь на неправильное заключеніе — и помираемъ напрасно голодною смертію... Милостивый Государь, пожалуй насъ сиротъ твоихъ, вели, Государь, намъ видѣть свѣтъ вольный, не вели, Государь, насъ бѣдныхъ напрасно умо-

рить въ темницѣ голодною смертію"[1]). Голодъ и болѣзни, въ особенности цынга, упоминаются постоянно въ памятникахъ, какъ мы видѣли выше, притомъ не только въ челобитныхъ самихъ заключенныхъ, но и въ актахъ правительственнаго характера — въ указахъ, донесеніяхъ и т. д. Помираютъ тюремные сидѣльцы „съ тюремной нужи", „съ духу и цынги", „отъ голода и тѣсноты". Не много заботится объ этомъ государственная власть. Занятая другими интересами, она ограничивается изданіемъ нѣсколькихъ распоряженій самаго общаго характера о недержаніи колодниковъ въ тюрьмахъ безъ надобности лишнее время[2]), а относительно Московскаго тюремнаго двора—изданіемъ въ 1672 году указа о неприсылкѣ колодниковъ изъ городовъ въ Москву, „для многолюдства Московскихъ тюремныхъ сидѣльцевъ"[3]). Намъ неизвѣстно въ точности, какое отношеніе пространства тюрьмы къ числу заключенныхъ считалось нормальнымъ, и что, сообразно этому, должно считать „многолюдствомъ". Однако, есть возможность съ большою вѣроятностью предположить, что площадь въ три аршина длиною и въ одинъ аршинъ шириною, то-есть, въ три квадратныхъ аршина, считалась достаточною для помѣщенія одного арестанта. Именно, мы видѣли выше, что въ 1654 году построено было въ Устюгѣ на триста пятьдесятъ сидѣльцевъ „четыре избы по четыре сажени". Предполагая, что эти избы имѣли по четыре сажени въ оба измѣренія, въ длину и въ ширину; предполагая, что всѣ онѣ были двухъ-этажныя, мы получимъ, не выключая даже печей, по разсчету на триста пятьдесятъ че-

---

[1]) *Борисовъ,* Опис. гор. Шуи, стр. 287, Челобитная 1639 года.

[2]) *Новоук. ст.,* ст. 128. *Акт. ист.* т. V № 55, стр. 84, Грамота Кунгурскому воеводѣ 1680 года.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 527 Указъ 1672 года іюля 23.

ловѣкъ, пространство немного большее трехъ квадратныхъ аршинъ на каждаго сидѣльца.

Надо думать, что и другія тюрьмы не были просторнѣе. Къ сожалѣнію, свѣдѣній по этому вопросу не имѣется: нерѣдки указанія на число заключенныхъ въ извѣстной тюрьмѣ въ томъ или другомъ году; нерѣдки указанія размѣровъ какой-либо тюрьмы; но только относительно Устюжскаго двора свѣдѣнія эти совпадаютъ. Если мы примемъ во вниманіе, что окна въ избахъ были самыхъ малыхъ размѣровъ; что каждая изба, кромѣ общей тыновой ограды, имѣла вокругъ себя малый тынъ; что, по общему типу старыхъ русскихъ построекъ, избы не могли быть выше трехъ съ половиною или, по большей мѣрѣ, четырехъ аршинъ; наконецъ, что бань или мыленъ, какъ видно, при тюрьмахъ не строилось вовсе,—если мы примемъ все это во вниманіе, то легко себѣ представимъ, каковъ былъ „духъ“ въ тюрьмахъ и какія формы болѣзней скрывались подъ этимъ „духомъ“ и „тюремной нужей“. При этомъ, тюремные сидѣльцы, вѣроятно по старому обычаю, даже и волосъ не стригли, а ходили „оброслыми главами и волосы распускавъ по глазомъ“ [1]).

Печальное состояніе тюремъ еще болѣе увеличивалось злоупотребленіями должностныхъ лицъ. Воеводы, губные старосты, цѣловальники и сторожа принимали мѣры противъ „утечки“ тюремныхъ сидѣльцевъ, но мало наблюдали за сношеніями заключенныхъ съ внѣ-тюремнымъ міромъ. Отсюда проникали въ тюрьму вино, карты, зернь. На Московскомъ дворѣ развился даже ростовщическій промыселъ: богатые тюремные сидѣльцы стали

[1]) Въ *Матер. ист. раск.* т. III № LII, Сказка Соловецк. монаховъ 1668 года, стр. 303, 304, мы находимъ слѣдующую фразу: „попы мірскіе Никонова преданія... ходятъ оброслыми главами и волосы распускавъ по глазомъ, аки... тюремные сидѣльцы“.

давать деньги подъ закладъ вещей горожанамъ, которые приходили для этого въ тюрьмы. Въ 1669 году правительство вынуждено было „на тюремномъ дворѣ учинить заказъ крѣпкой, чтобы тюремные сидѣльцы, платья и иной никакой рухляди ни у какого человѣка, кто къ нимъ придетъ на тюремный дворъ, подъ закладъ не имали". „Закладное платье и рухлядь" велѣно „съ сего числа... имать безденежно въ Разбойный приказъ, а тѣмъ тюремнымъ сидѣльцомъ за ту вину чинить наказаніе, бить кнутомъ" [1]). Палачи, пользуясь своимъ положеніемъ, почти открыто торгуютъ въ тюрьмахъ водкою [2]); то же дѣлаютъ воеводскіе люди въ городахъ: „отъ воеводы, люди его — говорится въ одномъ донесеніи — въ губную тюрьму приносятъ вино и, влѣзши въ тюрьму, поятъ тюремныхъ сидѣльцевъ" [3]). Караульные женской тюрьмы „блудно воруютъ" съ заключенными [4]). Одинъ сибирскій воевода почасту ѣздитъ въ поле съ собаки и беретъ съ собой на ту потѣху тюремныхъ сидѣльцевъ, которые и въ тюрьмѣ не ночуютъ [5]) и т. д. Мы могли бы составить длинный списокъ такихъ злоупотребленій; но нельзя не сказать, что они обусловливались не столько слабостью или противозаконными цѣлями отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, сколько общимъ положеніемъ вещей. Не говоря уже о недостаточномъ служебномъ персоналѣ, порядокъ и строгій надзоръ, очевидно, были невозможны въ такой, напримѣръ, тюрьмѣ, въ которой, за ветхостью избы, арестанты постоянно находились „въ

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 448 Приговоръ 1669 года.

[2]) *Olearius,* Beschreibung, стр. 275 (русск. пер. стр. 303).

[3]) *Воронеж. Акты* т. 3, № CLXXXIII Отписка 1644 года, стр. 217.

[4]) *Акт. ист.* т. V № 80, стр. 127, Грамота Новгородскому Митрополиту 1682 года.

[5]) *Акт. ист.* т. IV № 282, стр. 346, Грамота Енисейскому таможенному головѣ 1665 года.

острогѣ, которымъ острогомъ тюрьма огорожена", или тамъ, гдѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ того, какъ сгорѣла тюрьма, преступники размѣщались по осаднымъ дворамъ у городовой осыпи. Въ такомъ именно положеніи находились дѣла въ Воронежѣ въ 1638 году и въ Шуѣ въ началѣ XVIII столѣтія [1]). Что могъ сдѣлать воевода или губной староста, когда „сторожа у тюрьмы нѣтъ, умеръ; а цѣловальникъ болѣнъ, выбранъ старъ, сказываетъ себѣ лѣтъ девяносто и болши" [2]); или когда „посажено у тюрьмы только два человѣка, сидятъ безъ выборовъ и безъ поручныхъ записей, невѣдомо цѣловальники или сторожа"? [3]). Нельзя не сознаться, что при такомъ положеніи дѣлъ, поступокъ воеводы, который взялъ съ собою арестанта на псовую охоту, представляется не болѣе, какъ ничтожною мелочью.

Въ отдѣльныхъ тюрьмахъ матеріальная обстановка заключенныхъ была нерѣдко еще худшая. Мы видѣли, какъ приходилось жить въ земляной тюрьмѣ М. Н. Романову. Не столь жестоко было заключеніе А. С. Матвѣева въ Пустозерскѣ, но и онъ пережилъ, въ первое время своей ссылки, такія бѣдствія, о которыхъ современный тюремный сидѣлецъ не имѣетъ и понятія. „Съ голоду страждемъ—пишетъ онъ въ челобитной къ царю и въ письмахъ къ прежнимъ друзьямъ — и не можемъ части мяса купить; да не токмо мяса, или колачь, или иныхъ потребныхъ нуждъ, ей, ей, и хлѣба на двѣ деньги купить не добудемъ, нѣтъ и не знаютъ того съ початку, какъ почали жить въ Пустозерскомъ острогѣ; единъ

---

[1]) *Борисовъ,* Опис. гор. Шуи, стр. 52. *Воронеж. Акты* т. 3, № CLXXXIII, Отписка 1638 года, стр. 206.

[2]) *Воронеж. Акты* т. 3, № CLXXXIII Отписка 1638 года, стр. 206.

[3]) *Воронеж. Акты* т. 3, № CLXXXIII Отписка 1644 года, стр. 216.

борщъ (свекла?) ѣдятъ, да прибавливаютъ по горсти муки ржаной; и то прожиточные люди ѣдятъ, а убогіе единъ борщъ, да и тотъ не родится въ Пустозерскомъ, привозятъ съ Ижмы; да не токмо купить, милостыни имени ради Божія выпросить не у кого"... „Прошлую зиму рукъ и ногъ во всю зиму не согрѣли; а иные такіе дни бывали, мало что не замерзли, а отъ угару непрестанно умирали... почали цынжать" [1]). О жизни боярыни Морозовой и сестры ея, княгини Урусовой, въ Боровской земляной тюрьмѣ Забѣлинъ даетъ слѣдующій разсказъ, составленный имъ на основаніи „Сказанія о жизни боярыни Морозовой": „Онѣ сидѣли въ глубокой темницѣ, во тьмѣ несвѣтимой; страдали отъ задухи земныя; отъ спершагося земнаго пару дѣлалась имъ тошнота; сорочекъ ни перемѣнять, ни мыть было нельзя; въ верхней худой одеждѣ, которую нельзя было скидать отъ холода, развелось множество насѣкомыхъ. Не оставлено было имъ даже и четокъ или лѣствицъ, взамѣнъ которыхъ онѣ навязали 50 узловъ изъ тряпицъ и по тѣмъ узламъ, обѣ на перемѣнахъ, совершали свои молитвы. Давали имъ пищу—„премудрости учительницу, сирѣчь зѣло малу и скудну": когда сухариковъ пять, шесть дадутъ, тогда воды не даютъ пить, а когда пить дадутъ, тогда ѣсть не спрашивай" [2]). Протопопъ Аввакумъ, испытавшій на собственномъ тѣлѣ едва ли не всѣ роды существовавшихъ тогда наказаній, оставилъ намъ описаніе своего житья-бытья въ трехъ тюрьмахъ: въ Сибири въ Братскомъ острогѣ, въ Москвѣ и въ Пустозерскѣ. „Привезли въ Братской острогъ—разсказываетъ онъ—и въ тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филиппова поста (то-есть, до половины ноября) въ студеной

---

[1]) *Ист. о заточ. бояр. Матвѣева,* стр. 142, 143, 344.
[2]) *Забѣлинъ,* Дом. б. русск. царицъ, стр. 145, 146.

башнѣ; тамъ зима въ тѣ поры живетъ, да Богъ грѣлъ и безъ платья: что собачка на соломкѣ лежу; коли накормятъ, коли нѣтъ; мышей много было, я ихъ скуфьею билъ, — и батожка не дадутъ дурачки; все на брюхѣ лежалъ, спина гнила, блохъ да вшей было много". Въ Москвѣ въ тюрьму къ Аввакуму попалъ сумасшедшій. Съ обычною своею грубою наивностью, Аввакумъ пишетъ: „да къ темницу ко мнѣ бѣшеной зашелъ, Кирилушко, московскій стрѣлецъ, караульщикъ мой: остригъ его азъ и вымылъ, и платье перемѣнилъ, зѣло вшей было много. Замкнуты мы съ нимъ двое жили, а третій съ нами Христосъ и Пречистая Богородица. Онъ миленькій бывало с... и с... подъ себя, а я его очищаю". Въ Пустозерскѣ въ земляной тюрьмѣ заключенныхъ не выпускали даже для естественной надобности. По этому поводу знаменитый расколоучитель выражается еще болѣе рѣзко: „а какъ ветхая то испражнять покой (то-есть, удобство) большой у меня и у старца (Епифаній) милостію Божіею: гдѣ пьемъ и ѣдимъ, тутъ, прости Бога ради, и лайно испражняемъ, да складше на лопату, да и въ окошко! Хотя воевода тутъ приходитъ, да намъ даромъ. Мнѣ видится, и у царя Алексѣя Михайловича нѣтъ такова покоя. Еретики собаки! хлѣбомъ кормятъ, а с... не пускаютъ" [1]).

---

[1]) *Матер. ист. раск.* т. V, Житіе Аввакума стр. 31, 32, 96. Посланіе къ Симеону, стр. 212, 213.

ГЛАВА IV.

Ссылка.

I. Область примѣненія ссылки и цѣли ея.

Ссылка въ опредѣленныя правительствомъ мѣста смѣнила собою древнѣйшую форму—изгнаніе или „выбитіе вонъ изъ земли“, которое, по мѣрѣ объединенія Руси, неизбѣжно должно было потерять всякое практическое значеніе. Съ завоеваніемъ Сибири ссылка получаетъ вполнѣ опредѣленное направленіе и въ XVII вѣкѣ, когда, кромѣ Сибири, русской государственной власти подчинены были большія пространства на югѣ, достигаетъ полнаго развитія и весьма широкаго примѣненія. Во второй половинѣ XVI вѣка нерѣдко еще встрѣчается въ памятникахъ древняя санкція: „выбити вонъ изъ земли“, „выслати изъ волости вонъ“ [1]); но ни одинъ памятникъ XVII вѣка, сколько намъ извѣстно, ее уже не знаетъ.

Уложеніе 1648 года назначаетъ ссылку въ немногихъ случаяхъ, но такихъ, которые, по состоянію тогдашней жизни, должны были дать громадное число ссыльныхъ, а именно: за исключеніемъ случаевъ смертной казни, ссылкѣ подлежатъ всѣ тати, мошенники и раз-

---

[1]) *Акт. археогр. эксп.* т. I № 224 Губной наказъ селамъ Кирилова м-ря 1549. *Акт. ист.* т. I № 165 Уставная грамота Переяславскаго уѣзда 1556 года и др. См. также *Шалфѣевъ*, Устав. кн. разб. приказа, стр. 33.

бойники, по отбытіи ими срочнаго тюремнаго заключенія [1]); затѣмъ корчемники и табашники, за многіе приводы съ корчемнымъ питьемъ и съ табакомъ—первые, по наказаніи кнутомъ, а вторые съ урѣзанными носами и поротыми ноздрями [2]); подъячіе, которые во второй разъ, послѣ наказанія за первый, суднаго дѣла въ книгу незапишутъ „для того, чтобы пошлинами покорыстоваться“ [3]); далѣе, соучастники („товарищи“) въ наѣздѣ на домъ, если при этомъ главнымъ виновникомъ совершено было убійство [4]); наконецъ, посадскіе тяглые люди, которые впредь, послѣ Уложенія, „учнутъ за кого закладыватися и называтися чьими крестьяны и людьми“ [5]). Двѣ первыя категоріи, то-есть тати, разбойники, корчемники и табашники, представляли собою весьма значительный процентъ преступниковъ того времени и должны были, поэтому, давать большой матеріалъ для ссылки. Кромѣ того, по свидѣтельству Котошихина, въ ссылку направлялись, хотя Уложеніе умалчиваетъ объ этомъ, всѣ тѣ, которые подлежали освобожденію на поруки, если порукъ по нихъ не было,—порядокъ, впослѣдствіи укрѣпленный особымъ закономъ, именно указомъ 18 декабря 1683 года [6]).

Въ теченіи всего XVII вѣка ссылка постоянно расширяется какъ закономъ, такъ и отдѣльными правительственными распоряженіями. На первомъ мѣстѣ, по тому вниманію, которое обращается правительствомъ на этотъ предметъ, стоитъ здѣсь ссылка за корчемную продажу, выкурку и покупку вина: цѣлый рядъ указовъ и распо-

---

1) *Уложеніе,* гл. XXI ст. 9 — 11, 16.

2) *Уложеніе,* гл. XXV ст. 3, 16.

3) *Уложеніе,* гл. X ст. 129.

4) *Уложеніе,* гл. X ст. 198. Тоже *Новоуказ. статьи,* ст. 84.

5) *Уложеніе,* гл. XIX ст. 13.

6) *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 23, 31. *Пол. Соб. Зак.* № 1055.

ряженій отчасти подтверждаетъ, отчасти расширяетъ опредѣленія Уложенія о ссылкѣ корчемниковъ [1]). Затѣмъ, послѣдовательно ссылка назначается: въ 1657 году—тѣмъ убойцамъ, которые кого убьютъ „пьянымъ дѣломъ, или въ дракѣ, а не умышленіемъ, а кого убили, и съ тѣхъ побитыхъ имали деньги и платье, а у иныхъ лошади“ [2]); въ 1660 году—тѣмъ, „кто учнутъ на кого въ какихъ обидныхъ дѣлѣхъ бить челомъ неправдою, и въ челобитьѣ своемъ учнутъ писать обиды, чего не бывало, и иски учнутъ ложно приписывать“ [3]); въ 1663 году, послѣ отмѣны мѣдныхъ денегъ,—тѣмъ, „кто у себя мѣдныя деньги держать учнутъ“ [4]); въ 1667 году—за похищеніе днемъ (а не нощію) священныхъ вещей [5]). Въ Новоуказныхъ Статьяхъ 1669 года, съ одной стороны, нѣсколько сокращается ссылка татей и разбойниковъ, а съ другой—расширяется ссылка преступниковъ другихъ категорій. А именно, вмѣсто тюрьмы и ссылки, для татей и разбойниковъ выдвигаются членовредительныя наказанія;

[1]) *Воронеж. Акты* т. 3, № XCIX Грамота въ Воронежъ 1652 года, стр. 19. *Допол. акт. ист.* т. IV № 88, стр. 227 Память изъ Новгород. митрополичьяго прик. 1660 года. *Пол. Соб. Зак.* № 285 Грамота въ Пермь 1660 года октября 16. Тоже *Допол. акт. ист.* т. IV № 73, стр. 190. *Берхъ,* Перм. грамоты № XXX, стр. 90—93. *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 166, стр. 218, Грамота Вологодскому воеводѣ 1669 года. *Пол. Соб. Зак.* № 1276 Статьи о продажѣ питей 1688 года февраля 8.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 203 Указъ 1657 года февраля 27.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 271 Указъ 1660 года генваря 14.

[4]) *Собр. гос. гр. и дог.* т. IV № 33, стр. 124—126, Окружная грамота 1663 года. *Воронеж. Акты* т. 3, № CXXVII, стр. 70, Грамота 1664 года.

[5]) *Пол. Соб. Зак.* № 412 Выписка изъ дѣяній собора 1667 года. Тоже *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 161, Соборныя статьи 1667 года, ст. 13. *Пол. Соб. Зак.* № 442 Статьи о судѣ надъ людьми духовнаго чина 1669 года генваря 22, ст. 13. Ср. *Уложеніе,* гл. XXI ст. 14: церковная татьба всегда влечетъ смертную казнь.

ссылка же назначается тѣмъ людямъ, которые татей и разбойниковъ, отпущенныхъ „на старину", послѣ наказанія за первое преступленіе, и бѣжавшихъ оттуда, „учнутъ у себя держать и воровство ихъ укрывать" [1]). Затѣмъ, вмѣсто тюремнаго заключенія, назначавшагося, по 28-й статьѣ XXI главы Уложенія, такимъ обвиняемымъ, которыхъ „поимаютъ въ разбоѣ" и по обыску не одобрятъ, но которые съ двухъ попытокъ не сознаются, Новоуказныя Статьи, не придавая прежняго значенія обыску, опредѣляютъ: отдавать такихъ людей безъ наказанія тѣмъ, за кѣмъ они прежде жили; но „будетъ тѣ люди, за кѣмъ они прежъ того жили, отъ такихъ отступятся, и тѣхъ пытанныхъ людей ссылать въ Сибирь" [2]). Далѣе, ссылка назначается лицамъ, виновнымъ въ насильственномъ освобожденіи („выбъютъ") „оговорныхъ людей", если имъ пени и истцовыхъ исковъ „заплатить нечѣмъ" [3]); лицамъ, виновнымъ въ укрывательствѣ похищеннаго („поклажея") въ третій разъ [4]), и наконецъ, тому, кто „съ пьянства наскачетъ на лошади на чью жену, и лошадью ее стопчетъ и повалитъ и тѣмъ обезчеститъ" [5]).

Въ 1670 году ссылкою угрожается, въ числѣ другихъ наказаній, за несоблюденіе предписываемыхъ закономъ мѣръ предосторожности отъ огня, а въ 1680 году—за неумышленное причиненіе пожара [6]). Въ 1673 году мы находимъ угрозу ссылкой цѣловальникамъ, за сборъ стрѣлецкаго хлѣба „не въ орленую мѣру для сво-

---

1) *Новоуказ. стат.*, ст. 8, 17.

2) *Новоуказ. стат.*, ст. 24.

3) *Новоуказ. стат.*, ст. 47. Ср. *Уложеніе*, гл. XXI ст. 81.

4) *Новоуказ. стат.*, ст. 61. Ср. *Уложеніе*, гл. XXI ст. 64.

5) *Новоуказ. стат.*, ст. 103. Ср. *Уложеніе*, гл. XXII ст. 17.

6) *Пол. Соб. Зак.* № 467 Указъ 1670 года апрѣля 17. № 821 Указъ 1680 года. Ср. выше стр. 28, 84.

ихъ прибылей“ [1]); въ 1679 году — солдатамъ, за побѣгъ со службы [2]), и прикащикамъ, за пріемъ бѣглыхъ даточнымъ людей въ деревни [3]). Указами 1679 и 1680 годовъ повелѣно всѣхъ тѣхъ воровъ, которые по прежнимъ указамъ подлежатъ отсѣченію рукъ, ногъ и двухъ перстовъ, ссылать въ Сибирь, означенной казни имъ не чиня [4]). Въ 1681 году ссылка назначается тѣмъ торговымъ людямъ, у кого сыщутся „воровскіе, непрямые вѣсы“ [5]). Московскія волненія начала восьмидесятыхъ годовъ побуждаютъ правительство принять особыя мѣры противъ подозрительныхъ людей, разсѣевающихъ смуту въ народѣ: въ указѣ 22 марта 1683 года повелѣвается тѣмъ людямъ, „которые объявились на Москвѣ и въ городѣхъ и говорили въ народѣ, на соблазнъ и на страхованіе людемъ, многія затѣйныя дѣла вмѣщая въ смуту... чинить наказанье, бить кнутомъ и ссылать въ ссылку въ разные городы“ [6]). Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ рядъ указовъ отъ 1684 до 1695 года, угрожая разными наказаніями, въ томъ числѣ и ссылкою, пришлымъ, гулящимъ людямъ, которые на Москвѣ объявятся безъ поручныхъ записей и безъ записки въ Земскомъ Приказѣ, или придутъ для работъ въ Москвѣ „артельми“, а въ приказѣ не запишутся. Кто такихъ людей у себя во дворѣхъ, или въ баняхъ, или въ харчевняхъ держать будетъ — тѣ же наказанія [7]). Цѣль распоряженія прямо

[1]) *Допол. акт. ист.* т. VI № 88, стр. 306, Грамота Каширскому воеводѣ 1673 года.

[2]) *Акт. ист.* т. V № 36, стр. 56, Грамота Чердынскому воеводѣ 1679 года.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 756 Указъ 1679 года.

[4]) *Пол. Соб. Зак.* № 772 Указъ 1679 года сентября 10. № 846 Указъ 1680 года.

[5]) *Пол. Соб. Зак.* № 873 Наказъ московской таможнѣ 1681 года.

[6]) *Пол. Соб. Зак.* № 1002 Указъ 1683 года марта 22.

[7]) *Пол. Соб. Зак.* № 1072 Указъ 1684 года. № 1181 Статьи объѣзжимъ головамъ 1686 года. № 1237 Указъ 1687 года.

выражается въ текстѣ указомъ: „чтобъ отъ тѣхъ пришлыхъ, невѣдомыхъ людей на Москвѣ дурна и воровства не было“. Въ 1684 же году законъ грозитъ ссылкой за стрѣльбу изъ ружей въ городѣ, за кулачные бои, а также извощикамъ за ѣзду „на возжахъ“ [1]). Въ томъ же году, указомъ 20 февраля, состоявшимся по случаю происшедшаго похищенія царской серебряной посуды, запрещена, подъ страхомъ ссылки въ Сибирь, торговля старымъ серебромъ на крестцахъ и подъ столбами и гдѣ бы то ни было, кромѣ серебрянаго ряда [2]). Указныя статьи о раскольникахъ 1685 года, въ числѣ другихъ казней и наказаній, щедро назначаютъ ссылку какъ расколыцикамъ, такъ и вообще тѣмъ, кто „межъ христіаны непристойными своими словами чинятъ соблазнъ и мятежъ“ [3]). Въ 1687 году ссылка назначается спеціально за отъѣздъ изъ Ольшанска на Донъ [4]); въ 1688 году — подводчикамъ, за тайный провозъ товаровъ въ порубежныхъ городахъ [5]); въ 1691 году — за три татьбы, вмѣсто

№№ 1403 1420, 1427 Указы 1691 года. № 1454 Указъ 1692 года. № 1509 Указъ 1695 года.

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 1093 Указъ 1684 года октября 20. О томъ же № 1181 Статьи объѣзжимъ головамъ 1686 года. См. также о ссылкѣ за стрѣльбу изъ ружей, № 1695 Указъ 1699 года. Что такое „ѣздить на возжахъ“ въ точности мы не знаемъ; можно думать, однако, что подъ этимъ выраженіемъ разумѣли общеупотребительный нынѣ способъ управленія лошадьми посредствомъ возжей, которыя держитъ въ рукахъ кучеръ, сидящій на передкѣ экипажа. Въ древнѣйшее время въ Москвѣ извощикъ или сидѣлъ верхомъ на упряжной лошади, или шелъ пѣшкомъ, ведя лошадь въ поводу. Ѣзда на возжахъ, какъ нововведеніе, казалась, вѣроятно, опасною и извощикамъ была запрещена.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 1062а Указъ 1684 года февраля 20.

[3]) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 284, стр. 419, Указныя статьи о раскольникахъ 1685 года.

[4]) *Акт. ист.* т. V № 161 Наказъ Ольшанскому воеводѣ 1687 года, стр. 284.

[5]) *Пол. Соб. Зак.* № 1323 Указъ 1688 года.

смертной казни [1]), и за прошеніе милостыни „притворнымъ лукавствомъ“ [2]); въ 1692 году—посыльщикамъ (конвойнымъ), у которыхъ небреженіемъ ихъ или пьянствомъ колодники уйдутъ, или которые колодниковъ, „взявъ скупъ, отпустятъ“ [3]); въ томъ же году—за неоказаніе помощи разбиваемымъ людямъ [4]); въ 1695 году—за злоупотребленія земскихъ старостъ и цѣловальниковъ по сбору окладныхъ денегъ [5]); въ 1696 году—стрѣльцамъ, за побѣгъ со службы изъ подъ Азова [6]); въ 1697 году—рейтарамъ и солдатамъ, за неявку на службу [7]); наконецъ, въ 1699 году—за кражу на пожарѣ [8]) и за стрѣльбу изъ ружей въ городѣ Москвѣ во второй разъ, послѣ наказаній (батогами) за первый [8]).

Независимо отъ приведенныхъ выше законодательныхъ опредѣленій о назначеніи ссылки за разные роды преступныхъ дѣяній, памятники сохранили намъ множество указаній на то, что практическое примѣненіе ссылки расширялось далеко за предѣлы этихъ преступныхъ дѣяній. На первомъ планѣ выдвигается здѣсь ссылка политическихъ преступниковъ. Не говоря уже о такихъ экстраординарныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, ссылка въ 1593 году, по поводу убійства царевича Дмитрія, всѣхъ жителей города Углича, которые построили

---

1) *Пол. Соб. Зак.* № 1413 Указъ 1691 года сентября 8.

2) *Пол. Соб. Зак.* № 1424 Указъ 1691 года. № 1489 Указъ 1694 года. См. выше, стр. 150.

3) *Пол. Соб. Зак.* № 1449 Указъ 1692 года.

4) *Пол. Соб. Зак.* № 1454 Указъ 1692 года.

5) *Акт. ист.* т. V № 274, стр. 496, Грамота Кунгурскому воеводѣ 1698 года. Въ грамотѣ ссылка на указъ 1695 года. О томъ же № 282, стр. 511, Грамота въ Вятку 1698 года.

6) *Пол. Соб. Зак.* № 1552 Указъ 1696 года октября 23.

7) *Допол. акт. ист.* т. XII № 85, стр. 389, Память 1697 года мая 15.

8) *Пол. Соб. Зак.* № 1693 Указъ 1699 года іюля 24.

9) *Пол. Соб. Зак.* № 1695 Указъ 1699 года августа 30.

въ Сибири и населили собою „первый Пелымскій городъ",—ссылка политическихъ преступниковъ самыхъ разнообразныхъ категорій практикуется въ XVII вѣкѣ въ весьма значительныхъ размѣрахъ: обыкновенно, главные виновники, согласно Уложенію, предаются смертной казни, а вся масса прочихъ разсылается въ ссылку, въ Сибирь и другіе „дальные городы". Такъ, сослано было въ Сибирь множество лицъ, виновныхъ въ псковскомъ бунтѣ 1650 года [1]); разосланы по разнымъ украиннымъ мѣстамъ и въ Сибирь участники бунта 1662 года [2]), участники Разинскаго бунта [3]), донскихъ смутъ 1688 года [4]) и т. д.

Каждая смута, каждый заговоръ, каждое обвиненіе, носившее сколько-нибудь политическій характеръ, влекли за собою ссылку прикосновенныхъ лицъ, ихъ семействъ, родственниковъ и проч. Наша исторія XVII вѣка полна фактами этого рода. Даже оправданные по розыску иногда подвергались тому же наказанію. Такъ, въ 1691 году, пишетъ Желябужскій, „пытанъ въ государственномъ дѣлѣ Черкасскій полковникъ Михаилъ Гадяцкой; съ пытки онъ ни въ чемъ не винился, очистился кровью и сосланъ въ ссылку" [5]). Нерѣдко простое сопротивленіе органамъ власти, не имѣвшее никакого политическаго значенія, влекло за собою ссылку: по

---

[1]) *Olearius,* Beschreibung, стр. 252 (русск. пер. стр. 283).

[2]) *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 82.

[3]) См. напримѣръ, *Акт. ист.* т. IV № 202 Дѣло о бунтѣ Стеньки Разина XLVI, стр. 404. № 235 Грамота Якутскому воеводѣ 1673 года, стр. 508. *Допол. акт. ист.* т. VI № 2, стр. 4, выписка изъ дѣла о бунтѣ Стеньки Разина.

[4]) *Допол. акт. ист.* т. XII № 17, IX Слѣдственное дѣло 1688 года, стр. 210.

[5]) *Желябужскій,* Записки, стр. 12, 13. Интересно при этомъ замѣтить, что, по сообщенію того же Желябужскаго, тотъ „чернецъ, который на него (Михаила Гадяцкаго) доводилъ, казненъ въ черкасскомъ городѣ Батуринѣ".

свидѣтельству Гордона [1]), въ 1661 году сосланы были въ Сибирь двадцать два солдата за сопротивленіе при выемкѣ корчемнаго питья, перешедшее въ уличную драку со стрѣльцами. Въ 1696 году, въ Соликамскѣ, пятнадцать „лучшихъ" людей сосланы въ Азовъ, „за ослушаніе государеву указу при межеваніи земель" [2]). Къ этой же категоріи можетъ быть отнесена ссылка въ 1680 году многихъ нижегородскихъ посадскихъ людей за „міромятежство и ложный извѣтъ" о злоупотребленіяхъ выборныхъ должностныхъ лицъ [3]). Находимъ, сверхъ того, указанія, что за противозаконное оставленіе отечества тоже назначалась ссылка, хотя по Уложенію, глава VI, статьи 1, 3—5, слѣдуетъ смертная казнь или кнутъ [4]). Наконецъ, имѣются свѣдѣнія о томъ, что служилые иностранцы, въ случаѣ желанія ихъ оставить службу и возвратиться въ отечество, подвергались нерѣдко, вмѣсто отпуска, ссылкѣ въ Сибирь [5]). Нельзя не видѣть при этомъ, что во многихъ изъ вышеприведен-

---

[1]) *Gordon*, Tagebuch I, стр. 294, 295.

[2]) *Берхъ*, Путешествіе, стр. 212, Соликамскій лѣтописецъ, подъ 1696 годомъ. По Указамъ 1678 и 1696 годовъ, *Пол. Соб. Зак.* №№ 734 и 1192, за это дѣяніе полагался кнутъ.

[3]) *Допол. акт. ист.* т. X № 23, стр. 63—68, дѣло по челобитью ссыльнаго нижегородца Астафьева 1682 года. „Міромятежство", какъ видно изъ всего дѣла, заключалось въ агитаціи, направленной къ смѣнѣ выборныхъ должностныхъ лицъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ двѣ партіи боролись по вопросамъ мѣстнаго самоуправленія. Сосланы главы одной партіи; поводомъ къ ссылкѣ послужило челобитье противной партіи.

[4]) *Допол. акт. ист.* т. XII № 30, стр. 301, отписка Курскаго воеводы 1686 года. Сосланы два казака за то, что ходили въ Польшу и служили въ польскомъ войскѣ во время войны съ турками.

[5]) *Вимена д. Чинеда,* Отеч. Зап. 1829 года, апрѣль, стр. 90, разсказываетъ объ одномъ такомъ случаѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ. *Gordon* въ своемъ дневникѣ тоже сообщаетъ, что когда онъ, недовольный службою въ Москвѣ, хотѣлъ уѣхать

ныхъ случаевъ ссылка теряла значеніе наказанія, налагаемаго по суду за преступное дѣяніе, а являлась лишь полицейскою мѣрой удаленія опасныхъ и подозрительныхъ людей—мѣрой, примѣнявшейся въ самыхъ широкихъ размѣрахъ подъ вліяніемъ стремленія правительства заселить и укрѣпить окраины государства.

Кромѣ политическихъ преступниковъ всякаго рода, множество лицъ подверглось ссылкѣ на различныя злоупотребленія по выдѣлкѣ и выпуску мѣдныхъ денегъ. Въ частности, Котошихинъ отмѣчаетъ ссылку головъ и цѣловальниковъ, назначенныхъ „для пріему и расходу мѣди и денегъ“ — „возмутилъ ихъ разумъ діаволъ“, говоритъ онъ, и стали они выдѣлывать на денежномъ дворѣ изъ своей мѣди деньги, вмѣстѣ съ царскими [1]). Далѣе, выдвигается ссылка вѣдуновъ и колдуній за заговорныя письма, за колдовство „на слѣдъ“, хотя бы и „не для лиха“, за приворотныя зелья и коренья, за корень „обратимъ, чтобы мужъ любилъ“ и т. д. [2]). Затѣмъ, находимъ ссылку за составленіе подъячими подложныхъ наказовъ съ корыстною цѣлью [3]); за составленіе „воровской составной записи“ о сговорѣ для женитьбы на женщинѣ, которая сговорена была за другого [4]); за из-

на родину, многіе предупреждали его, что, вмѣсто отпуска, онъ будетъ сосланъ въ ссылку.

[1]) *Котошихинъ*, о Россіи, стр. 78—80. См. также указаніе на то, что за воровское денежное дѣло многіе были сосланы въ ссылку, въ *Собр. госуд. грам. и догов.* т. IV № 33, стр. 124—126, окружная грамота объ уничтоженіи мѣдныхъ денегъ 1663 года. Объ этомъ говоритъ и *Gordon*, Tagebuch I, стр. 306.

[2]) *Забѣлинъ,* Домаш. бытъ русс. царицъ, стр. 289, 533, 543. На стр. 289 напечатано заговорное письмо для обезсиленія противника на судѣ, замѣчательное по своему поэтическому образному языку.

[3]) *Допол. акт. ист.* т. XII № 64 Докладная выписка изъ дѣла 1687 года, стр. 357, 358.

[4]) *Желябужскій,* Записки, стр. 53.

насилованіе [1]) и за пособничество къ изнасилованію [2]). Въ одной грамотѣ 1639 года, въ спискѣ ссыльныхъ значится одинъ „скоморохъ", неизвѣстно, впрочемъ, за что именно сосланный [3]). Олеарій сообщаетъ, что ссылкѣ подвергались, послѣ наказанія кнутомъ, виновные въ лжеприсягѣ [4]), а Котошихинъ прибавляетъ къ этому длинному списку преступныхъ дѣяній, влекшихъ за собою ссылку, еще три: онъ говоритъ, вопервыхъ, что по мѣстническимъ спорамъ люди „не думнаго чину", за „ослушанье и за безчестье", ссылаются иногда въ ссылку въ Сибирь и въ Казань [5]); вовторыхъ, что ссылкѣ подвергаются незаконноприжитыя дѣти, если они, выдавая себя за законныхъ, получатъ обманомъ отцовское помѣстье или наслѣдственную вотчину [6]); въ третьихъ, что ссылка грозитъ, на ряду съ другими наказаніями, должностнымъ лицамъ за разныя нарушенія по службѣ,— „посломъ и посланникомъ, и гонцомъ, и полковымъ воеводамъ за ихъ службы" [7]). Ссылкою же, наконецъ, угрожается царскимъ сокольникамъ за дурное испол-

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 1124, Указъ 1685 года 29 мая. Въ указѣ говорится, впрочемъ: „за воровство, что онъ... дѣвку растлилъ". Очевидно, что здѣсь должно понимать подъ растлѣніемъ изнасилованіе.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 1266 Указъ 1687 года.

[3]) *Акт. ист.* т. III № 205, стр. 360, Грамота Верхотурскому воеводѣ 1639 года. Скомороховъ, которые „съ бубны и съ сурками, и съ медвѣди и съ малыми собачками" ходятъ и „всякими бѣсовскими играми играютъ", полагалось за первый приводъ бить батоги, а за второй — кнутомъ. См. *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 59, стр. 88, Грамота о продажѣ питей въ Угличѣ 1652 года. № 63, стр. 95, тоже въ Мологѣ 1653 года.

[4]) *Olearius,* Beschreibung, стр. 272 (русск. пер., стр. 298).

[5]) *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 76.

[6]) *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 35: „того выблядка, поясняетъ онъ, бивъ кнутомъ, сошлютъ въ ссылку въ Сибирь, для того: не вылыгай и не ставься честнымъ человѣкомъ".

[7]) *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 43.

неніе ихъ обязанностей, притомъ ссылкою въ Сибирь на Лену[1]).

Такова область примѣненія ссылки въ XVII вѣкѣ. Мы видимъ, что за этотъ періодъ русской исторіи не осталось почти ни одной категоріи преступныхъ дѣяній, по отношенію къ которой не практиковалась бы ссылка; мы видимъ, что въ этотъ періодъ ссылка постоянно расширяется, за исключеніемъ небольшаго десятилѣтняго промежутка отъ Новоуказныхъ Статей 1669 года до указовъ 1679 и 1680 годовъ, когда примѣненіе ея было нѣсколько сокращено относительно татей и разбойниковъ. Мы видимъ, наконецъ, что практическое примѣненіе ссылки выходило далеко за предѣлы законодательныхъ о ней опредѣленій. Это послѣднее обстоятельство вытекало, съ одной стороны, непосредственно изъ того положенія, что въ массѣ случаевъ, какъ явствуетъ изъ приведенныхъ выше указаній относительно политическихъ преступныхъ дѣяній, ссылка замѣняла собою, въ порядкѣ смягченія наказаній или помилованія, положенную въ законѣ смертную казнь за бунтъ и возстаніе, оставленіе отечества и т. п., а съ другой — тѣмъ, что на ряду съ ссылкою, какъ наказаніемъ въ строгомъ смыслѣ, практикуется въ значительныхъ размѣрахъ ссылка подозрительныхъ и опасныхъ лицъ, ни въ какомъ преступномъ дѣяніи, строго говоря, не обвиненныхъ. Замѣна смертной казни ссылкою въ порядкѣ смягченія наказаній не только выясняется изъ сопоставленія дѣйствующихъ законовъ съ практикою, но и прямо отмѣчается въ текстѣ памятниковъ. Въ судебныхъ приговорахъ постоянно употребляются формулы: „довелся смертной казни и Великій Государь помиловалъ, велѣлъ животъ дать, вмѣсто

---

[1]) *Пол. Собр. Зак.* № 440 Урядникъ или новое уложеніе и устроеніе чина сокольничья пути. Также *Бартеневъ*, Собр. писемъ ц. Алексѣя Михайловича, стр. 104.

*

смерти сослать въ ссылку"; или — „вмѣсто смертной казни приговорили послать въ ссылку"; „вмѣсто смертной казни, положивъ на плаху"; „казнить смертью, положить на плаху и, поднявъ, сказать Великаго Государя указъ" и т. д. [1]). Сверхъ того, кромѣ отдѣльныхъ случаевъ такой замѣны по отношенію къ единичнымъ преступникамъ или соучастникамъ въ одномъ преступномъ дѣяніи, мы встрѣчаемся въ XVII вѣкѣ съ двумя законодательными актами, о которыхъ упоминали выше (стр. 72), того же направленія, но болѣе широкаго значенія и большей важности: двумя указами, 1653 и 1691 года, смертная казнь для всѣхъ въ то время приговоренныхъ, но еще не казненныхъ преступниковъ замѣнена была ссылкою [2]).

Столь широко развитый институтъ ссылки былъ наказаніемъ, наиболѣе полезнымъ для задачъ и цѣлей государственнаго управленія. Ссылка служила для государства русскаго неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго черпались рабочія силы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это было необходимо, для службы гражданской и военной, для заселенія и укрѣпленія границъ, для добыванія хлѣбныхъ запасовъ на продовольствіе служилымъ людямъ и т. д. Ссылка внѣ этихъ спеціальныхъ цѣлей, такъ сказать ссылка непроизводительная, почти не практиковалась; она употреблялась сравнительно въ немно-

---

[1]) См. примѣры такихъ формулъ: *Пол. Соб. Зак.* № 365 Указъ 1664 года. № 1362 Указъ 1689 года декабря 23. № 1429 Указъ 1691 года. *Собр. госуд. грам. и догов.* т. IV, стр. 142, Указъ Никитѣ Зюзину 1664 года. *Допол. акт. ист.* т. XII № 59, стр. 347, Грамота Мангазейскому воеводѣ 1690 года. № 64 Докладная выписка изъ дѣла 1687 года, стр. 357, 358. *Древ. росс. вивл.* т. XVII, стр. 284, Челобитная князя В. В. Голицына 1684 года.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 105 Указъ 1653 года октября 20. № 1404 Указъ 1691 года мая 3.

гихъ отдѣльныхъ случаяхъ, вопервыхъ, по отношенію къ преступникамъ религіознымъ и политическимъ преступникамъ высшихъ сословій, и вовторыхъ, по отношенію къ должностнымъ лицамъ, заслужившимъ гнѣвъ государя — попавшимъ въ опалу, какъ тогда выражались. Преступники первой категоріи заключались на мѣстѣ ссылки въ отдѣльныя тюрьмы — земляныя, каменныя, въ особые дворы или избы. Ссылка для нихъ служила лишь средствомъ наилучшаго изолированія, какого не могли дать обыкновенныя тюрьмы въ населенныхъ мѣстностяхъ, болѣе или менѣе близкихъ къ Москвѣ и большимъ городамъ; она можетъ справедливо разсматриваться, такимъ образомъ, не какъ ссылка, а какъ квалифицированное тюремное заключеніе. Лица второй категоріи, которыя далеко не всегда были преступниками въ строгомъ смыслѣ, ссылались на житье или въ свои деревни, или въ отдаленные города, гдѣ содержались иногда на свои средства, иногда же получали царскій „кормъ“ или „жалованье“ [1]).

Давая широкое развитіе ссылкѣ, какъ источнику различныхъ полезностей для государства, московское правительство въ каждое данное время направляло ссыльныхъ послѣдовательно въ тѣ мѣстности, гдѣ являлся недостатокъ въ рабочей силѣ для государственной службы или инаго труда. Такими мѣстностями были, конечно, прежде всего, мѣста „украинныя“, мало населенныя — Сибирь и южныя окраины, а затѣмъ каждая вновь за-

---

[1]) Въ 1641 году князь Матвѣй Великопермскій, сосланный на житье въ Верхотурье, получалъ „корму по алтыну въ день“. См. *Акт. ист.* т. III № 218, стр. 376. Грамота 1641 года. Въ 1619 году нѣкто „Иванисъ Ододуровъ“, тамъ же, сначала получалъ съ женою и дѣтьми по три алтына въ день, а потомъ по двѣ гривны въ день, такъ какъ „ему тѣмъ жалованьемъ не прокормиться“. См. *Акт. ист.* т. III № 77, стр. 73, Грамота 1619 года.

воеванная мѣстность, каждый вновь воздвигаемый или вновь укрѣпляемый городъ и, наконецъ, каждый городъ, жизнь и служба въ которомъ, по мѣстнымъ условіямъ, представлялись на столько непривлекательными, что государство должно было прибѣгать къ искусственному привлеченію туда рабочихъ силъ. Уложеніе только въ одномъ случаѣ опредѣляетъ мѣсто ссылки, именно „въ Сибирь на Лену“ [1]); во всѣхъ прочихъ статьяхъ употребляются общія формулы: сослать „въ украинные, въ дальніе городы, гдѣ государь укажетъ“,—формулы, оставлявшія полный просторъ правительству направлять ссыльныхъ въ тѣ мѣста, гдѣ, по конкретнымъ условіямъ, въ нихъ была дѣйствительная надобность. Ту же формулу повторяютъ и всѣ отдѣльные указы общаго содержанія. Что же касается до документовъ, относящихся къ отдѣльнымъ случаямъ ссылки, то въ нихъ мы находимъ почти безконечный списокъ городовъ и мѣстъ, куда направлялись ссыльные: кромѣ Сибири и ея городовъ, ссыльные направляются въ Архангельскъ [2]), Холмогоры [3]), Устюгъ [4]), Чаронду [5]), Пустозерскъ [6]), Новгородъ [7]), Казань [8]), Симбирскъ [9]), Самару [10]), Уфу [11]), Астра-

[1]) *Уложеніе,* гл. XIX ст. 13.

[2]) *Допол. акт. ист.* т. XII № 30, стр. 301, Отписка 1686 года.

[3]) *Допол. акт. ист.* т. VI № 2, стр. 4, Выписка изъ дѣла о бунтѣ Стеньки Разина.

[4]) *Допол. акт. ист.* т. X № 20, стр. 56, Дѣло 1682 года.

[5]) *Забѣлинъ,* Домаш. б. русс. царицъ, стр. 533.

[6]) *Допол. акт. ист.* т. XI № 71, стр. 204, Грамота 1684 года.

[7]) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 51, стр. 70, Грамота 1651 года.

[8]) *Пол. Соб. Зак.* № 365 Указъ 1664 года. *Собр. госуд. гр. и дог.* т. IV, стр. 142, Указъ 1664 года. *Забѣлинъ,* Домашн. б. русск. царицъ, стр. 533. *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 35, 82.

[9]) *Допол. акт. ист.* т. X № 23, стр. 63, Дѣло 1682 года.

[10]) *Пол. Соб. Зак.* № 1362 Указъ 1689 года декабря 23.

[11]) *Допол. акт. ист.* т. IX № 114, стр. 341, Грамота 1678 года.

хань [1]), Терки [2]), Таганрогъ [3]), Кіевъ [4]), Курскъ [5]), Азовъ [6]), Пермь [7]) и др. Въ послѣдней четверти XVII вѣка мы находимъ даже угрозу ссылкою изъ мѣста жительства въ Москву, за ложь на обыскѣ по дѣлу о кабацкихъ и таможенныхъ недоборахъ: „за вину ихъ взяты будутъ къ Москвѣ съ женами и дѣтьми на вѣчное житье въ службу“ [8]).

Впрочемъ, и въ документахъ, касающихся отдѣльныхъ случаевъ ссылки, очень часто употребляются общія формулы, тожественныя или подобныя общимъ формуламъ Уложенія, напримѣръ: въ „понизовые города“, „въ дальніе города“, „въ самые дальніе города“ и т. п. Но, тѣмъ не менѣе, можно думать съ достовѣрностью, что мѣсто ссылки точно опредѣлялось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ центральнымъ правительствомъ, а не предоставлялось усмотрѣнію мѣстнаго начальства: до насъ дошли выговоры сибирскимъ воеводамъ за то, что они дозволяютъ себѣ нарушать распредѣленіе ссылаемыхъ

---

1) *Допол. акт. ист.* т. VII № 31, стр. 192, Грамота 1677 года. *Акт. юрид. быта,* № 55, стр. 285, Грамота 1666 года октября 19. *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 82, 91.

2) *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 23, 82.

3) *Желябужскій,* Записки, стр. 73.

4) *Пол. Соб. Зак.* № 756 Указъ 1679 года. № 1429 Указъ 1691 года. *Желябужскій,* Записки, стр. 10.

5) *Пол. Соб. Зак.* № 1171 Указъ 1686 года марта 4.

6) *Пол. Соб. Зак.* № 1552 Указъ 1696 года октября 23. № 1690 Указъ 1699 года іюля 1. № 1695 Указъ 1699 года августа 30. *Берхъ,* Путешествіе, Соликам. лѣтоп., стр. 212. *Допол. акт. ист.* т. XII № 85, стр. 389, Память 1697 года. *Желябужскій,* Записки, стр. 53.

7) *Акт. арх. эксп.* т. III № 16, стр. 19, Грамота 1614 года въ Пермь.

8) *Пол. Соб. Зак.* № 555 Указъ 1673 года августа 7. Тоже *Пол. Соб. Зак.* № 679 Указъ 1677 года февраля 28. Равнымъ образомъ эта угроза повторяется въ грамотахъ воеводамъ: Бѣлозерскому 1676 года и Дѣдиловскому 1683 года. См. *Допол. акт. ист.* т. VII № 66, стр. 313; т. X № 88, стр. 402.

лицъ по Сибири, дѣлаемое въ московскихъ приказахъ. Въ грамотахъ по этому поводу прямо указывается, что „по Великаго Государя указу ссыльныхъ людей посылаютъ съ Москвы въ ссылку въ Сибирь, въ которомъ городѣ и въ какомъ чину кому въ Сибири быть велѣно [1]); что „въ Сибирскій приказъ въ памятѣхъ изъ разныхъ приказовъ пишутъ имянно, въ который городъ кого ссыльныхъ послать... и указали мы, Великій Государь, быти имъ въ указанныхъ мѣстѣхъ и въ чинѣхъ, гдѣ кому въ которомъ городѣ и въ какой службѣ или на пашнѣ быть указано" [2]). Только надежнымъ по своему поведенію и притомъ семейнымъ ссыльнымъ дозволялось оставлять мѣстожительство для заработковъ въ сосѣднихъ городахъ. Такимъ ссыльнымъ приказывалось выдавать отпускное „письмо", „чтобъ онъ, пріѣхавъ въ который городъ, тѣмъ письмомъ очищался" [3]).

Указанныя выше спеціальныя цѣли ссылки требовали того, чтобы сосланный въ новомъ мѣстѣ своего жительства оставался на всю жизнь, заводился домомъ и упрочивалъ свое благосостояніе. Отсюда—ссылка преступниковъ съ семьями, „съ женами и дѣтьми", какъ постоянно выражаются памятники [4]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда ссылка преступниковъ совершалась съ большою поспѣшностью и въ большомъ числѣ, какъ напримѣръ,

---

[1]) *Допол. акт. ист.* т. VI № 95, стр. 324, Акты 1673 и 1674 годовъ (стр. 326).

[2]) *Акт. ист.* т. IV № 214, стр. 460, Грамота Кузнецкому воеводѣ 1670 года.

[3]) *Акт. ист.* т. V № 280, Грамота въ Иркутскъ 1698 года, стр. 510.

[4]) Мы не дѣлаемъ здѣсь ссылокъ на памятники, такъ какъ это значило бы повторять едва ли не всѣ предъидущія ссылки. Уложеніе, впрочемъ, этой формулы: „съ женами и дѣтьми" не употребляетъ, вѣроятно, потому, что это представлялось само собой понятнымъ и необходимымъ условіемъ цѣлесообразной ссылки, какъ ее представляло тогдашнее государство.

при народныхъ волненіяхъ, жены и дѣти преступниковъ посылались вслѣдъ за ними особо въ мѣста ихъ новаго жительства [1]). Только въ XVIII вѣкѣ начала терять свое значеніе ссылка преступниковъ съ семьями, когда государство стало употреблять ссыльныхъ на трудъ подневольный въ тѣсномъ смыслѣ, получившій впослѣдствіи названіе каторжнаго, соединенный съ содержаніемъ ссыльныхъ въ тюрьмѣ во время, свободное отъ работъ.

До какого возраста дѣти подлежали ссылкѣ съ родителями—этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, не разрѣшается отчетливо дошедшими до насъ памятниками. До послѣдней четверти XVII вѣка никакихъ ясныхъ указаній на этотъ предметъ, сколько намъ извѣстно, не сохранилось, а затѣмъ имѣются два указа 1680 и 1682 года, опредѣленія которыхъ даютъ прямое, но неодинаковое рѣшеніе вопросу. Именно, указъ 1680 года ноября 17, о ворахъ, „которые объявятся въ первой или въ дву татьбахъ“, повелѣваетъ ссылать ихъ съ женами и съ дѣтьми, „которые дѣти у нихъ будутъ трехъ лѣтъ и ниже; а которые дѣти больше трехъ лѣтъ, и тѣхъ не ссылать“ [2]). Указъ же 28 ноября 1682 года—о такихъ же ворахъ и о разбойникахъ, виновныхъ въ одномъ разбоѣ, безъ убійства и поджогу—повелѣваетъ ссылать съ дѣтьми, „которые живутъ съ ними вмѣстѣ, а не въ раздѣлѣ“ [3]). Очевидно, что указъ этотъ имѣетъ въ виду дѣтей всѣхъ возрастовъ, а не только малолѣтковъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могли считаться отдѣленными отъ своихъ родителей. Опредѣленія этого послѣдняго указа мы находимъ повторенными въ одномъ Губномъ наказѣ

---

[1]) *Котошихинъ*, о Россіи, стр. 82, сообщаетъ такое свѣдѣніе относительно бунта 1662 года.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 846 Указъ 1680 года.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 970 Указъ 1682 года.

1689 года [1]). Сопоставляя между собою два приведенные указа, можно, думается намъ, придти къ слѣдующему предположительному, хотя весьма вѣроятному, выводу: первоначально, по общему правилу, съ родителями ссылались всѣ дѣти, жившія съ ними не въ раздѣлѣ, какого бы возраста они ни были; законъ ограничивался простымъ указаніемъ „съ дѣтьми", такъ какъ прочее было само собой понятно и не требовало никакихъ разъясненій. Въ 1680 году слѣлана была попытка сократить ссылку дѣтей, ограничивъ ее возрастнымъ періодомъ. Чрезъ два года такое нововведеніе оказалось непрактичнымъ, и правительство, въ указѣ 1682 года, возстановило прежній порядокъ, уничтоживъ опредѣленіе предъидущаго закона. При этомъ необходимо было указать, что именно въ этомъ предъидущемъ законѣ подлежитъ отмѣнѣ; такое указаніе простѣйшимъ образомъ сложилось въ форму положительнаго опредѣленія того круга, въ которомъ дѣти слѣдуютъ въ ссылку за своими родителями. Такимъ образомъ, мы должны признать, что указъ 1682 года, не внося ничего новаго, лишь выразилъ то, что всегда существовало какъ общее правило, лишь на короткій срокъ отмѣненное указомъ 1680 года. Не можемъ не высказать при этомъ, что такой порядокъ — ссылка всѣхъ дѣтей, живущихъ не въ раздѣлѣ — вполнѣ и неизбѣжно вытекалъ, по нашему мнѣнію, изъ всего строя государственнаго управленія и, если можно такъ выразиться, изъ самаго духа отношеній государства къ преступнику; порядокъ же указа 1680 года являлся для той эпохи не болѣе, какъ временнымъ недоразумѣніемъ.

Для тѣхъ мѣстностей, которыя особо нуждались въ

---

[1]) *Полевой,* Рус. Вивл., стр. 301, Наказъ о вѣданіи губныхъ дѣлъ въ Шацкѣ 1689 года.

прочномъ населеніи, правительство наше шло еще дальше: оно не ссылало туда вовсе холостыхъ, а ссылало только женатыхъ преступниковъ съ семьями. Такъ именно установлено указомъ 1699 года относительно ссылки въ Азовъ [1]).

Что же касается до замужнихъ женщинъ, совершавшихъ преступленіе, то согласно указанію одного приговора 1687 года, онѣ не подлежали ссылкѣ вовсе. Женка Катерина, говорится въ этомъ приговорѣ, довелась сослать въ ссылку; но она не послана въ ссылку для того, что „которые люди доведутся ссылки мужеска полу и тѣхъ посылаютъ съ женами ихъ, а за женино воровство мужей въ ссылку не ссылаютъ, а одну ее Катерину отъ мужа послать не довелось же [2]). Къ сожалѣнію мы не знаемъ, чѣмъ замѣнялась ссылка для женщинъ въ случаяхъ этого рода. По буквальному же смыслу приведеннаго приговора, женка Катерина осталась безъ всякаго наказанія, отдана на чистыя поруки, не взирая на то, что преступленіе ея было тяжкое, именно, пособничество къ изнасилованію. Главный виновникъ по этому дѣлу битъ кнутомъ, заплатилъ пятьсотъ рублей безчестья и сосланъ въ Соловецкій монастырь подъ началъ, а прочіе пособники биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь.

II. Виды ссылки и организація.

По роду тѣхъ занятій или, выражаясь болѣе общимъ способомъ, по роду жизни, къ которой предназначался ссыльный, ссылка въ XVII вѣкѣ можетъ быть различена, главнѣйшимъ образомъ, на три категоріи: вопервыхъ, ссылка въ службу, „въ какую кто годится“, какъ

---

1) *Пол. Соб. Зак.* № 1690 Указъ 1699 года іюля 1.

2) *Пол. Соб. Зак.* № 1266 Указъ 1687 года ноября 4.

выражаются памятники; вовторыхъ, ссылка въ „посадъ“; въ третьихъ, ссылка „на пашню“.

1. *Сосланные въ службу* приверстывались въ мѣстѣ ссылки, смотря по ихъ винамъ и по ихъ прежнему общественному положенію, въ дѣти боярскіе, въ дворяне, въ стрѣльцы или въ казаки конные и пѣшіе, или наконецъ, на разныя должности гражданской службы. Эти различія встрѣчаются постоянно во всѣхъ документахъ, касающихся ссылки на службу. Котошихинъ прямо говоритъ: „изъ приказовъ Казанскаго и Сибирскаго ссылаются на вѣчное житье всякаго чину люди за вины, а тѣхъ ссылочныхъ людей въ тамошнихъ городѣхъ верстаютъ въ службы, смотря по человѣку, во дворяне, и въ дѣти боярскіе, и въ казаки, и въ стрѣльцы“ [1]). Олеарій разсказываетъ такъ: „ссыльнымъ писцамъ (Schreiber) дается должность въ присутственныхъ мѣстахъ (Cancelley) сибирскихъ городовъ; стрѣльцамъ и солдатамъ — снова солдатская служба (Soldatenstelle), отъ которой они имѣютъ годичное жалованье и хорошее пропитаніе“ [2]). Ссыльные, въ своей службѣ, подчинялись общему порядку ея, наравнѣ съ прочими служилыми людьми, за немногими ограниченіями. Именно, вопервыхъ, ни съ отписками, ни съ другими порученіями они не могли быть посылаемы въ Москву; вовторыхъ, перемѣщеніе ихъ изъ одного оклада въ другой, изъ города въ городъ и изъ одной должности въ другую не могло быть производимо мѣстными властями безъ сношенія съ центральнымъ правительствомъ. Впрочемъ, сохранившаяся въ изобиліи переписка по этому предмету доказываетъ очень хорошо, что оба эти ограниченія далеко не всегда соблюдались: воеводы сибирскіе постоянно по-

---

[1]) *Котошихинъ,* о Россіи, стр. 73.

[2]) *Olearius,* Beschreibung, стр. 223 (русск. пер., стр. 220).

лучаютъ выговоры за то, что посылаютъ ссыльныхъ съ порученіями къ Москвѣ и приверстываютъ ихъ въ другіе „чины“ и оклады [1]).

Что касается до денежнаго и хлѣбнаго жалованья, то можно думать, что по общему правилу, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особыхъ случаевъ, въ этомъ отношеніи не дѣлалось различія между служилыми изъ ссыльныхъ и служилыми изъ „вольныхъ охочихъ людей“. Мы дѣлаемъ такое заключеніе потому, что въ громадномъ большинствѣ документовъ не имѣется никакихъ указаній на особое положеніе ссыльныхъ относительно жалованья, и лишь изрѣдка встрѣчаются, такъ сказать, спеціальныя указанія на выдачу уменьшеннаго оклада. Такъ напримѣръ, сосланные въ 1675 году въ Великій Устюгъ, 32 человѣка самарскихъ и саратовскихъ стрѣльцовъ получили хлѣбное жалованье наравнѣ съ устюжскими стрѣльцами, а денежное — менѣе, именно по два рубля на человѣка, въ то время какъ устюжскіе рядовые получали по три рубля въ годъ. Въ такомъ положеніи они оставались, какъ видно изъ ихъ челобитной о прибавкѣ жалованья, и въ 1682 году [2]).

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 562 Грамота 1673 года. *Акт. ист.* т. IV № 190, стр. 361, 362, Грамота 1666 года. *Допол. акт. ист.* т. V № 41, стр. 206, Отписка 1667 года. Т. VI № 95, стр. 324, Акты 1673 и 1674 годовъ. Т. VII № 68, стр. 326, Отписка 1676 года. Т. XI № 72, стр. 205, Отписка 1684 года. Правило о непосылкѣ ссыльныхъ къ Москвѣ самимъ московскимъ правительствомъ не всегда строго соблюдалось. Такъ, изъ приводимой выше отписки 1667 года видно, что, въ видѣ изъятія, дозволено было посылать въ Москву такихъ ссыльныхъ, которые прожили въ ссылкѣ „лѣтъ съ двадцать и больше“, а изъ отписки 1684 года явствуетъ, что посланный изъ Якутска въ Москву казакъ, прослужившій въ Сибири „лѣтъ съ тридцать“, былъ, тѣмъ не менѣе, возвращенъ съ дороги обратно, съ выговоромъ воеводѣ.

[2]) *Допол. акт. ист.* т. X № 20, стр. 56, Дѣло 1682 года.

Изъ сказаннаго видно, что для лицъ высшихъ состояній ссылка въ службу должна была соединяться, выражаясь современнымъ языкомъ, съ разжалованіемъ: бояринъ могъ попасть въ дворяне и даже ниже, сынъ боярскій—въ казаки и т. п. Гетманъ Демьянъ Многогрѣшный попалъ въ простые пѣшіе казаки[1]). Съ ссылкой же нерѣдко соединялась конфискація помѣстьевъ и вотчинъ; по закону 1678 года, въ случаѣ помилованія и возвращенія ссыльныхъ, помѣстья и вотчины не могли быть имъ возвращаемы, а надлежало „быть тѣмъ помѣстьямъ и вотчинамъ за тѣми людьми, кому тѣ помѣстья и вотчины даны“[2]).

3. *Ссылка въ посадъ* состояла въ припискѣ ссыльнаго къ посадскимъ тяглымъ людямъ въ томъ городѣ, который былъ назначенъ мѣстомъ ссылки. Въ памятникахъ нерѣдко упоминается этотъ видъ ссылки; но никакихъ ближайшихъ указаній на положеніе сосланныхъ въ посадъ людей мы не находимъ. Изъ такого молчанія памятниковъ можно сдѣлать, думается намъ, одинъ только выводъ: положеніе такихъ ссыльныхъ посадскихъ людей ничѣмъ не отличалось отъ положенія коренныхъ, мѣстныхъ жителей — они пользовались тѣми же правами и несли тѣ же обязанности въ отношеніяхъ къ государству.

3. *Ссылка на пашню* направлялась почти исключительно въ Сибирь. Почти во всѣхъ случаяхъ, гдѣ назначается въ памятникахъ именно этотъ видъ ссылки, она опредѣляется, какъ ссылка на пашню въ Сибирь.

---

[1]) О Демьянѣ Многогрѣшномъ см. *Пол. Соб. Зак.* № 562 Грамота 1673 года. *Собр. госуд. грам. и дог.* т. IV № 88, стр. 289, Грамота 1673 года. *Допол. акт. ист.* т. VI № 95, стр. 324, Акты 1673 и 1674 годовъ.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 724 боярскій приговоръ 1678 года о неповоротѣ розданныхъ въ раздачу помѣстій и вотчинъ бывшимъ ихъ владѣльцамъ, сосланнымъ въ ссылку и впослѣдствіи возвращеннымъ.

мѣстности теперешней Европейской Россіи упоминаются весьма рѣдко; находимъ, напримѣръ, одинъ случай ссылки на пашню въ Пустозерскій уѣздъ [1]). Затѣмъ, иногда встрѣчается въ памятникахъ ссылка крестьянъ на „вѣчное житье" въ „украйные города" вообще, безъ ближайшаго указанія того, какой родъ ссылки имъ назначается; по всей вѣроятности, крестьяне шли на пашню и, можетъ быть, не въ Сибирь, а въ другія окраины. Но, тѣмъ не менѣе, вездѣ, гдѣ законъ или судебный приговоръ говоритъ о ссылкѣ именно на пашню, опредѣляется ссылка именно въ Сибирь, за исключеніемъ, сколько намъ извѣстно, вышеприведеннаго случая ссылки въ Пустозерскъ [2]). Такое отношеніе памятниковъ свидѣтельствуетъ несомнѣнно о томъ, что главнымъ и даже, какъ мы сказали выше, почти исключительнымъ мѣстомъ ссылки на пашню служила Сибирь, ея громадныя ненаселенныя пространства, богатыя лѣсомъ и звѣремъ, плодородныя и хорошо обводненныя. Всѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ относительно устройства этого вида ссылки, порядка поселенія и быта ссыльныхъ пашенныхъ людей, касаются тоже только ссылки въ Сибирь.

Ссыльнымъ пашеннымъ людямъ отводилась земля и выдавалась изъ казны ссуда на первоначальное обзаведеніе: деньгами, сельско-хозяйственными орудіями, скотомъ и хлѣбомъ—какъ выражаются памятники: „на всякій деревенскій заводъ всякая Великаго Государя ссуда пашенная, ральники (сохи) и косы и серпы, и хлѣбное жалованье, и денежное, и скотъ". Иногда вся ссуда —

---

1) *Допол. акт. ист.* т. XI № 71, стр. 204, Грамота Тотемскому воеводѣ 1684 года.

2) Конечно, трудно утверждать, что это есть безусловно единственный случай. Можетъ быть, найдутся въ памятникахъ и еще немногіе другіе, въ которыхъ ссылка на пашню назначалась именно въ мѣстности европейской Россіи, но несомнѣнно, что эти случаи будутъ весьма рѣдки.

„на пашню, на лошадиную покупку и на всякій деревенскій заводъ“—выдавалась деньгами; конечно, это дѣлалось сообразно съ мѣстными условіями, если все необходимое ссыльный могъ пріобрѣсти покупкою на мѣстѣ. Ссыльные пашенные люди обязаны были пахать „на государя“, такъ называемую, „десятинную пашню“, въ размѣрѣ по полудесятинѣ въ годъ, доставляя продукты съ этого участка въ казну. На первый годъ „для дворовой выставки и земляной роспашки“, то-есть въ виду необходимости ставить дворы и вновь расчищать землю, ссыльнымъ давалась льгота: десятинной пашни они пахали „по небольшому, по чети (четверти) десятины“. Льгота могла быть продолжена въ случаѣ неурожая или иныхъ несчастій; равнымъ образомъ, и ссуда въ этихъ случаяхъ выдавалась вторично. Размѣръ ссуды зависѣлъ отъ размѣра назначенной десятинной пашни. Такъ, въ одномъ извѣстномъ намъ случаѣ, когда вся ссуда выдана была деньгами, размѣръ ея былъ опредѣленъ въ два рубля съ полтиною на четь десятины. Ссуда часто называется „жалованьемъ“; отсюда можно заключить, что выданныя поселенцу деньги, вещи и прочее возврату не подлежали [1]).

Благосостояніе ссыльныхъ пашенныхъ крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прикрѣпленіе ихъ къ новому мѣсту

---

[1]) Не взирая на весь интересъ, возбуждаемый вопросомъ объ устройствѣ ссыльныхъ на пашнѣ, свѣдѣнія, которыя мы находимъ объ этомъ въ изданныхъ доселѣ памятникахъ, крайне скудны; отрывочныя, малосодержательныя упоминовенія не даютъ, въ большинствѣ случаевъ, никакой возможности составить что-либо цѣлое. Изложенное въ текстѣ основано на двухъ документахъ, которые оба относятся къ концу XVII вѣка, а именно: *Допол. акт. ист.* т. VIII № 109, стр. 345, Отписки воеводъ Иркутскаго и Нерчинскаго 1681 года. Т. X № 57, стр. 204, Челобитная албазинскихъ пашенныхъ крестьянъ 1682 года.

жительства, находилось въ безусловной зависимости отъ семейной обстановки. Человѣку холостому, безъ жены помощницы, трудно было заводиться сельскимъ хозяйствомъ; человѣкъ одинокій, бездомный, всегда склоненъ былъ уйти „на старину“ или куда-нибудь, поискать счастья и новой удачи. Правительству было нужно, чтобы ссыльный холостой женился; но въ Сибири русскихъ женщинъ было вообще мало, а тѣ, которыя были—дочери свободныхъ людей и старыхъ переселенцевъ—очевидно, предпочитали выходить замужъ не за ссыльныхъ преступниковъ. Правительство принимаетъ крутыя мѣры: оно просто предписываетъ „старымъ пашеннымъ крестьянамъ дочерей своихъ и племянницъ выдавать замужъ за ссыльныхъ холостыхъ людей, за пашенныхъ крестьянъ“, дабы тѣмъ, говорится въ царской грамотѣ по этому поводу, „ссыльныхъ людей отъ побѣгу унять и укрѣпить“. За ослушаніе жъ и за „упрямство“ предписывается впредь „имать на нихъ пеню большую“ [1]).

Кромѣ описанной, обыкновенной ссылки на пашню, мы находимъ въ памятникахъ еще одинъ видъ ссылки, тоже на пашню, но не въ качествѣ крестьянина-поселенца, а какъ бы въ качествѣ подневольнаго сельскаго рабочаго. Именно, подъячихъ, виновныхъ въ красноярскихъ безпорядкахъ въ послѣдніе годы XVII столѣтія, повелѣно, по отсѣченіи пальцевъ на рукахъ, „чтобы впредь къ письму были непотребны“, „отдать въ пашенную работу мужикамъ по смерть и велѣть имъ себя питать работою земляною и скотопаствомъ“ [2]). Указъ объ этомъ относится къ 1700 году; но весьма вѣроятно, что и ранѣе могли быть подобные случаи: подъячій могъ

---

[1]) *Акт. ист.* т. IV № 27, стр. 60, Грамота Кузнецкому воеводѣ 1648 года.

[2]) *Памят. сибирск. ист.* № 9, стр. 38, Указъ 1700 года.

не годиться въ стрѣлецкую или казачью службу, а къ заведенію самостоятельнаго сельскаго хозяйства былъ неспособенъ [1]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что всѣ виды ссылки, практиковавшіеся въ русскомъ государствѣ XVII вѣка (кромѣ вышеупомянутой ссылки непроизводительной), представляли собою весьма характерную общую черту:

---

[1]) Сверхъ этихъ трехъ видовъ ссылки: на службу, въ посадъ и на пашню, пятеро изъ иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи, именно Деланевиль, Корбъ, Карлиль, Рейтенфельсъ и Мартиньеръ, называютъ еще четвертый—ссылку для добыванія соболей въ царскую казну, причемъ послѣдній сообщаетъ даже нѣкоторыя подробности въ качествѣ очевидца.

De la Neuville, въ одномъ мѣстѣ своей книги, Relation, стр. 216, говоритъ общимъ образомъ, что охота за соболями производится осужденными къ тому преступниками: „la chasse des zibellines... se fait par des criminels qu'on confine dans ce pays et qu'on y condamne, comme on fait en France, aux galleres". Въ другомъ мѣстѣ книги, стр. 147, онъ сообщаетъ конкретный случай, какъ пять стрѣльцовъ (изъ числа осужденныхъ во время расправы Петра I въ троицкомъ монастырѣ), по отрѣзаніи языковъ, были сосланы въ Сибирь для охоты за соболями—„pour tuer les martes zibellines". См. также извлеченіе изъ книги Деланевиля въ *Русск. Вѣст.* 1841 года, IV, стр. 132, 152.—*Korb,* Diarium, стр. 185 (русск. перев. стр. 250), говоритъ, что за корчемство били кнутомъ и ссылали въ Сибирь охотиться за соболями: „Knuttis caesi in Sibiriam deportantur, ubi perpetuas insidias zobellinis struere coguntur".—*Carlisle,* Gesandschaft, стр. 357, 358, кратко замѣчаетъ о Сибири, что туда обыкновенно ссылаются преступники для ловли соболей: „dahin insgemein die Uebelthäter verwiesen werden, so man daselbsten zu Zobeljagt, dem Czaar zu Dienste, anstrenget".—*Reutenfels,* De rebus, cap. XXIII, стр. 147, тоже говоритъ общимъ образомъ, что преступники ссылаются въ Сибирь или для военской службы, или для добыванія соболей, или для земледѣлія: „in Sibiriae exilium relegantur: ubi tum militiae, tum conficiendis zobellinis, et terrae excolendae destinati degunt". —*Martiniere,* Neue Reise, cap. XXXI, Des Authors Abschied zu Potzora nach Siberien zu gehen etc., стр. 47 и слѣд., даетъ цѣлое подробное повѣствованіе о томъ, какъ онъ по дорогѣ изъ Potzora въ Papinogorod, въ Сибирь, встрѣтилъ въ лѣсу пять

ссыльный преступникъ находилъ для себя въ мѣстѣ ссылки опредѣленное гражданское положеніе, которое въ общемъ соотвѣтствовало его способностямъ. Ссылки безъ такого опредѣленнаго положенія, съ предоставленіемъ ссыльнаго на произволъ судьбы и его личнаго усмотрѣнія, право этой эпохи не знало. Формула, вошедшая въ употребленіе въ XVIII вѣкѣ: „сослать (туда-то)... а

человѣкъ сосланныхъ по подозрѣнію въ измѣнѣ иностранцевъ, служившихъ прежде въ московской военной службѣ въ разныхъ чинахъ: одинъ былъ полковникомъ, другой—генераломъ и т. д. Эти ссыльные, будто бы, разсказали ему слѣдующее: „они сосланы для охоты за соболями; такая ссылка есть обыкновенное наказаніе преступниковъ въ Россіи. Нѣкоторые ссылаются на десять лѣтъ, другіе на шесть и на три года, по истеченіи которыхъ снова получаютъ свободу. Имъ приходится терпѣть невыразимыя бѣдствія и опасности, не только отъ голода и суроваго климата, но и отъ постояннаго пребыванія на охотѣ, гдѣ они подвержены нападеніямъ дикихъ звѣрей. Не взирая на всю тяжесть ихъ положенія, они обязаны ежегодно доставлять опредѣленное число соболей, а если они этого не въ состояніи выполнить по какой бы то ни было причинѣ, то получаютъ по голой спинѣ такое количество ударовъ кнутомъ, что невозможно вытерпѣть".

Сопоставляя эти показанія иностранцевъ съ молчаніемъ русскихъ памятниковъ о ссылкѣ для ловли соболей, нельзя, думается намъ, не придти къ выводу, что сообщенія Деланевиля, Корба, Карлиля, Рейтенфельса и Мартиньера одинаково не заслуживаютъ довѣрія. Слова первыхъ четырехъ суть не болѣе, какъ общія фразы, основанныя на недоразумѣніи или на плохо понятыхъ разсказахъ русскихъ людей о Сибири. Разсказъ же Мартиньера есть чистая выдумка, какихъ мы не мало находимъ въ повѣствованіяхъ иностранцевъ о Россіи, сдѣланная съ единственною цѣлью заинтересовать читателей. Иностранцы, служившіе въ русской службѣ въ генеральскихъ чинахъ, извѣстны; судьба ихъ также. Генералъ, сосланный ловить соболей, очевидно, фантастическій. Вообще всѣ повѣствованія Мартиньера представляютъ собою въ значительной степени плодъ фантазіи. Справедливо замѣчаетъ *Adelung*, стр. 321: „Uebrigens sind Martinieres Angaben höchst unzuverlässich und theils auch wohl geradezu erdichtet".

*

пропитаніе ему (ссыльному) имѣть отъ трудовъ своихъ"— какихъ, неизвѣстно—была бы для государства XVII вѣка совершенною нелѣпостью. Ссыльный преступникъ не только приносилъ пользу государству — это возможно и при подневольномъ каторжномъ трудѣ — но и для себя самого извлекалъ изъ ссылки полную возможность на новомъ мѣстѣ жительства начать новую жизнь. Если онъ былъ преступникъ случайный, переходя въ новое мѣсто, онъ удалялся отъ свидѣтелей его преступленія; если онъ былъ преступникъ привычки или по ремеслу, онъ, въ пустынныхъ, малонаселенныхъ и ему незнакомыхъ мѣстахъ, терялъ всѣ удобства продолжать свои преступныя занятія, а нужда служила для него лучшимъ побужденіемъ обратиться къ указаннымъ ему занятіямъ. Конечно, государство не ставило въ свою программу такихъ исправительныхъ, въ широкомъ смыслѣ, цѣлей. Программа государственная мало заботилась о личности преступника. Она была весьма проста и стремилась къ одному: не вторгаясь во внутреннюю жизнь преступника, поставить его въ положеніе, наиболѣе полезное для наличныхъ интересовъ государства. Интересы государства требовали колонизаціи и укрѣпленія окраинъ; на эту цѣль направлены были, въ числѣ прочихъ, и силы преступниковъ. Все остальное вытекало само собою, какъ необходимое послѣдствіе, изъ основнаго начала. Конечно, сосланные, напримѣръ, въ службу преступники, могли представлять собою матеріалъ, не вполнѣ для государственной службы доброкачественный. Но это была такая мелочь, на которую государство, при бѣдности наличныхъ служилыхъ силъ, не обращало вниманія и, нельзя не сознаться, поступало вполнѣ разумно. Центральное правительство шло въ этомъ отношеніи такъ далеко, что запрещало сибирскимъ воеводамъ приверстывать на выбылыя мѣста „вольныхъ", „охочихъ" людей, если были

въ запасѣ ссыльные [1]). Затѣмъ, самъ ссыльный, попадая въ назначенное ему властью положеніе, не только оставался гражданиномъ, но и находилъ въ этомъ положеніи источникъ матеріальнаго обезпеченія: на службѣ—государево жалованье, въ посадѣ — ремесла и торговлю, на пашнѣ — земледѣліе. Оставаться безъ опредѣленнаго положенія и внѣ источника къ пропитанію онъ не могъ, если только не бѣжалъ съ мѣста ссылки; государству же его пропитаніе не стоило ничего.

Такая организація института ссылки справедливо привлекала къ себѣ вниманіе иностранцевъ, бывавшихъ въ Россіи, и вполнѣ основательно вызывала ихъ особыя похвалы. Знаменитый Крижаничъ, самъ прожившій шестнадцать лѣтъ въ ссылкѣ въ Сибири съ жалованьемъ по семи съ половиною рублей въ мѣсяцъ, пишетъ слѣдующее: „полезенъ законъ есть, на чинъ (порядокъ) наказанія, коего уживаетъ сіе кралевство (государство): рекши (то-есть) чрезъ ссыланіе, и даючь сосланцемъ способъ житія ильти кралевскій (на счетъ государя) прожитокъ. Сице бо можеть краль казнить (наказывать) всякого кривца (преступника), безъ великаго людскаго роптанія и тревоги. Мерзко пакъ есть, мужа нарочита и древѣ корыстнаго (прежде полезнаго), за преступленіе кое казнить и въ конецъ оставить, и живленія ему не промыслить (и не дать ему средствъ къ жизни)... Зло совѣтуютъ, кои велятъ не давать корма сосланнымъ людямъ, яко не корыстнымъ“ [2]). Рейтенфельсъ, говоря о ссылкѣ, какъ о такомъ наказаніи, которое при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ начало вытѣснять собою прежнія казни, съ одобреніемъ замѣчаетъ: „теперь весьма значительная часть преступниковъ ссылаются въ Сибирь съ значитель-

---

[1]) *Допол. акт. ист.* т. III № 63, стр. 224, Грамота Якутскому воеводѣ 1649 года.

[2]) *Крижаничъ,* Разговоры т. I, стр. 234.

ною общественною пользой: тамъ они живутъ, предназначенные или для воинской службы, или для добыванія соболей[1]), или для земледѣлія и оттуда, въ случаѣ помилованія, возвращаются большею частью богаче прежняго“[2]).

Такъ старалось организовать ссылку московское правительство, стремясь къ достиженію своихъ практическихъ цѣлей. Успѣхъ обусловливался однимъ: „чтобы однолично всякій ссыльный у *того дѣла* былъ и въ *томъ мѣстѣ* жилъ, гдѣ кому и у какого дѣла быть велѣно, и бѣжать бы на старину не мыслилъ“[3]).

III. Жизнь ссыльныхъ въ Сибири.

Въ европейской Россіи задача прикрѣпленія ссыльныхъ, конечно, могла быть достигнута съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Но въ Сибири правительство сталкивалось съ такими условіями, которыя нерѣдко подрывали въ корнѣ правительственныя стремленія. Прежде всего, надлежащее управленіе и надзоръ при массѣ ссыльныхъ, разсѣянныхъ на громадныхъ пространствахъ, были рѣшительно невозможны. Затѣмъ, самые способы прикрѣпленія ссыльныхъ къ мѣсту оказывались слабыми. Семейный бытъ, на который правительство возлагало такія надежды, слагался, за недостаткомъ женщинъ, съ большимъ трудомъ. Мы имѣемъ въ одной патріаршей грамотѣ первой четверти XVII столѣтія прекрасную картину того, до какихъ размѣровъ доходила невозможность образованія правильныхъ семей и къ какимъ болѣзненнымъ явленіямъ это приводило. Сибирскіе люди,

---

1) См. выше, стр. 242, примѣчаніе 1.

2) *Reutenfels*, De rebus, стр. 147.

3) *Акт. ист.* т. V № 271, II. Грамота Верхотурскому воеводѣ 1697 года, стр. 494.

пишетъ патріархъ, „на матери своя и на дщери блудомъ посягаютъ и женятся на дщеряхъ и сестрахъ“; живутъ съ бабами и дѣвками не вѣнчаны, живутъ съ некрещеными иноземками. Своихъ женъ продаютъ и закладываютъ, „и тѣ люди, у которыхъ онѣ бываютъ въ закладѣ, съ ними до сроку, покамѣстъ мужъ не выкупитъ, блудъ творятъ беззазорно. Многія постригшися жены съ мужи своими блудъ творятъ. Попы сибирскихъ городовъ тѣмъ ворамъ не запрещаютъ, а иные попы тѣмъ людямъ и молитвы говорятъ, а иныхъ вѣнчаютъ безъ знаменъ не по хрестьянскому обряду. А воеводы того не брегутъ и тѣхъ людей отъ такого воровства и беззаконныхъ и скверныхъ дѣлъ не унимаютъ“. До свѣдѣнія патріарха дошло, что въ Сибири есть какая-то старая грамота, по которой сибирскимъ людямъ дозволено жить съ некрещеными иноземками и съ замужними женами изъ иныхъ городовъ „по своей волѣ“. Патріархъ приказываетъ розыскать эту грамоту и прислать въ Москву. Онъ возстаетъ противъ такихъ порядковъ не только всею силою духовнаго оружія, но грозитъ и свѣтскими казнями [1]). Патріархъ дѣйствуетъ, какъ педантъ-теоретикъ — жизнь беретъ свое. Едва ли воеводы обращали много вниманія на разсужденія патріарха; они должны были радоваться каждой семьѣ, какова бы она ни была съ религіозно-нравственной точки зрѣнія. Бѣда была въ

[1]) *Собр. госуд. грам. и догов.* т. III № 60, стр. 245, Грамота патріарха Филарета сибирскому архіепископу Кипріану 1622 года. Къ сожалѣнію, та часть подлинника, въ которой говорится о вышеупомянутой старой грамотѣ, допускавшей для сибирскихъ жителей особыя льготы въ дѣлѣ заключенія брачныхъ союзовъ, настолько повреждена, что изъ напечатаннаго текста нельзя вывести заключенія, признавалъ ли патріархъ Филаретъ эту грамоту подлинною или считалъ ее подложною. Говорится, что грамота „за дьячею Ондреевскою приписью“, фамилія же дьяка не разобрана: сохранились только послѣднія буквы: „лова“.

томъ, что даже и въ такихъ семьяхъ ощущался недостатокъ. Попы сибирскіе — люди тоже весьма практичные — понимали это не хуже воеводъ и не стѣснялись вводить полуязыческій, полухристіанскій бракъ — вѣнчать христіанъ съ язычницами „безъ знаменъ не по хрестьянскому обряду"...

Не вездѣ и природа Сибири, почва и климатъ ея, содѣйствовали успѣху пашенныхъ поселеній. Нерѣдко мѣстности для заведенія ссыльно-пашенныхъ слободъ избирались, по стратегическимъ соображеніямъ, весьма неудобныя для развитія хлѣбопашества. Жизнь поселенцевъ въ такихъ мѣстностяхъ была рядомъ самыхъ тяжкихъ страданій. Они или погибали въ борьбѣ съ природой, или разбѣгались [1]). Но московскіе люди были на-

[1]) Таково, напримѣръ, было положеніе албазинскихъ пашенныхъ ссыльныхъ въ концѣ XVII вѣка. *Допол. акт. ист.* т. X № 57, стр. 204, Челобитная 1682 года. Приводимъ нѣкоторыя части ея дословно: „Сосланы мы бѣдные—пишутъ семьдесятъ три человѣка албазинскихъ ссыльныхъ—за своя прегрѣшенія въ такую дальную украину и посажены на пашню на пень да на колоду; а ссуда намъ давана изъ Великаго Государя казны небольшая: даваны были кони старые и жеребята молодые, ни въ соху, ни въ борону не годились, и съ нужи многіе у насъ перепропали; а ралники даваны намъ старые и ломаные... а иные ссуды никакіе намъ не давано противъ иныхъ городовъ, какъ дается твоя Великаго Государя ссуда всякая пашенная и хлѣбное жалованье и денежное и скотъ; а мы, сироты твои, людишки скудные, и многіе у насъ холостые и одинокіе: а льготы намъ сиротамъ твоимъ недано ни на единое лѣто, велѣно намъ на тебя Великаго Государя и первое лѣто пахать по полудесятинѣ, и мы пахали... по полудесятинѣ шесть лѣтъ... и въ прошломъ 190 году били челомъ... обо всякой своей нуждѣ; и воевода, видячи нужду и бѣдность, жаловалъ насъ твоимъ Великаго Государя жалованьемъ, давалъ ралники и косы и серпы и укладъ изъ твоей Великаго Государя казны, и сбавилъ съ насъ холостыхъ по четверти десятины съ человѣка, а хлѣбъ у насъ по три годы не доходилъ, ржа давила и червь ѣлъ... Хлѣбъ родитца не какъ по инымъ городамъ, а ржи мало сѣютъ, потому: вѣтромъ выдымаетъ... а коп-

стойчивые: на мѣсто погибшихъ и ушедшихъ двигались новыя и новыя партіи ссыльныхъ, до тѣхъ поръ, пока или человѣкъ побѣждалъ природу, или проходила надобность имѣть поселеніе въ данномъ мѣстѣ.

Далѣе, не мало вредили успѣху правительственныхъ мѣропріятій сами сибирскіе воеводы и другія должностныя лица. Они, можно сказать, были первыми нарушителями распоряженій правительства, частью „по своимъ прихотямъ", „изъ корысти", частью подъ давленіемъ конкретныхъ условій сибирской жизни. Они даютъ незаконныя облегченія и поблажки ссыльнымъ [1]); они по своему распредѣляютъ и верстаютъ въ службу ссыльныхъ, очень мало стѣсняясь московскими указами [2]). Воеводы отдаленныхъ городовъ жалуются, что къ нимъ порядочные ссыльные вовсе не доходятъ, а присылаются только такіе, отъ которыхъ „прибыли нѣтъ, потому что все ссыльные воришка, только дорогою идучи грабятъ и зернью играютъ, и приходятъ наги и босы и голодны, и до-

---

ные силы завести нечѣмъ, и многіе у насъ безконные, и многіе наги и босы, и по многіе времена все ядимъ безъ соли, харчю и годомъ иной разъ не видаемъ. А по инымъ городамъ въ Сибири, которые наша братья ссыльные люди поселены въ пашню, и тамъ мѣста хлѣбородные и скотные, всякаго скота много, и они отъ скота одѣваютца и харчъ окупаютъ".

[1]) Такъ, напримѣръ, сосланы были въ 1679 году въ Якутскъ два важныхъ религіозныхъ преступника для содержанія въ „земляной тюрьмѣ, скованныхъ за крѣпкимъ карауломъ". Пріѣхавшій въ 1684 году, воевода Кровковъ нашелъ ихъ не въ земляной, а въ общей тюрьмѣ, и не скованныхъ. *Допол. акт. ист.* т. XI № 39, стр. 125, Отписка Якутскаго воеводы 1684 года. Точно также постоянныя пререканія происходили между московскимъ правительствомъ и сибирскими воеводами по вопросу о дозволеніи служилымъ людямъ набирать себѣ добычу и брать „ясырь", то есть плѣнныхъ, въ особенности женщинъ, во время посылокъ и походовъ въ инородческія земли. См. *Допол. акт. ист.* т. III № 62, стр. 223, Грамота Енисейскому воеводѣ 1649 года.

[2]) См. выше, ссылка въ службу, стр. 236, 237.

службы не доходятъ, бѣгаютъ" [1]). „Ты плутаешь — пишутъ воеводамъ изъ Москвы—прежніе указы сказываешь, а вновь указу (по тому же предмету) просишь" [2]). Но и выговоръ, и новый указъ не поправляютъ дѣла: „служилые люди указныхъ памятей не слушаютъ и дѣлаютъ сами по своимъ прихотямъ" [3]).

Независимо отъ всего этого, въ Сибири — этой странѣ, которая и подчинена была державѣ россійскаго государства преступниками и населена была въ значительной степени ими же, и даже управлялась, можно сказать, почти исключительно ссыльными и опальными [4]), въ этой странѣ ссыльный преступникъ чувствовалъ себя если не дома, то во всякомъ случаѣ до извѣстной степени хозяиномъ. Онъ понималъ, что не столько ему правительство, сколько онъ правительству нуженъ; онъ понималъ, что, сколь бы жестоки ни были мѣры правительства въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ сущности въ Сибири оно было слабо: ни укрѣпить занятыя области, ни подчинить инородческія племена и расширить предѣлы своей власти безъ ссыльнаго оно не могло. Вотъ почему сибирскій ссыльный, менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, склоненъ былъ подчиняться правительственному режиму. Воеводы поневолѣ должны были идти на компромиссы, многое прощать ссыльнымъ и многое имъ дозволять. Памятники сибирской исторіи полны описаніями

---

1) *Допол. акт. ист.* т. III № 15, стр. 68, Отписка Енисейскаго воеводы 1646 года.

2) *Допол. акт. ист.* т. III № 62, стр. 223, Грамота Енисейскому воеводѣ 1649 года.

3) *Допол. акт. ист.* т. VI № 95, стр. 324, Акты о ссылкѣ Демьяна Многогрѣшнаго 1673, 1674 годовъ (отписка Енисейскаго воеводы 1674 года, стр. 327).

4) Не даромъ иностранцы думали, что даже самое слово „Сибирь" означаетъ на русскомъ языкѣ мѣсто заключенія преступниковъ. *De la Neuville,* Relation, стр. 207: „pays, que l'on nomme Ziberie, qui en langue esclavonne, signifie prison".

тѣхъ нарушеній закона и порядка, которыя дозволяли себѣ ссыльные и которыя оставались безнаказанными или облагались ничтожнѣйшими наказаніями. Необходимо было беречь ссыльное населеніе; необходимо было ладить съ нимъ. Понимали это и въ Москвѣ; но еще лучше чувствовали мѣстные воеводы.

Не взирая на всѣ мѣры, великое множество ссыльныхъ „своими трудами питатися не хотятъ", „только того усматриваютъ, что своровать"; „за промыселъ никакой не принимаются"; „свои статки и заводы пропиваютъ" и—бѣгутъ, „бѣгутъ на старину" [1]). Ловятъ ихъ на Верхотурьѣ, по другимъ городамъ и въ самой Москвѣ; бьютъ кнутомъ, рѣжутъ уши, казнятъ разными казнями [2])—ничто не помогаетъ. Въ концѣ XVII вѣка вводится особая, чрезвычайная мѣра: указомъ 1698 года повелѣвается переклеймить въ Сибири городовыми клеймами, по образцамъ, посланнымъ изъ Москвы особо для каждаго города, ссыльныхъ преступниковъ всякаго рода, „буде которые за работу не примутся, или пойдутъ за какимъ воровствомъ и учнутъ свою братью обижать и упиваться, или свои статки и заводы пропивать" [3]). Запятнанный городовымъ клеймомъ, за всякое „воровство", а равно за удаленіе изъ мѣста ссылки въ иной городъ

[1]) *Акт. ист.* т. II № 250, стр. 297, Грамота Пермскому воеводѣ 1609 года. Т. V № 271, стр. 493—495, Грамоты Верхотурскому воеводѣ 1697 года. № 280, стр. 509, Грамота въ Иркутскъ 1698 года. *Допол. акт. ист.* т. IV № 138, стр. 345, Наказъ Тобольскому воеводѣ 1664 года. Т. XII № 91, стр. 395, Грамота Тюменскому воеводѣ 1698 года.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 1430 Указъ 1692 года. *Акт. ист.* т. V № 271, стр. 493, Грамота Верхотурскому воеводѣ 1697 года. № 280, стр. 509, Грамота въ Иркутскъ 1698 года. *Допол. акт. ист.* т. VI № 95, стр. 324, Акты о ссылкѣ Демьяна Многогрѣшнаго 1673 и 1674 годовъ. Т. XII № 91, стр. 395, Грамота Тюменскому воеводѣ 1698 года.

[3]) *Акт. ист.* т. V № 280, стр. 509, Грамота въ Иркутскъ 1698 года. Начала грамоты нѣтъ. См. также выше, стр. 145—147.

или въ слободы безъ воеводскаго отпуска, подлежалъ смертной казни [1]).

Наряду съ мѣрами строгости, правительство пробуетъ дѣйствовать и лаской: оно приказываетъ воеводамъ собирать ненадежныхъ ссыльныхъ людей и напоминать, „что они, вмѣсто смерти, нашею, Великаго Государя, милостью пожалованы животомъ“; сказывать имъ, что „для пашни земля добрая и всякія угодья и ссуда на пропитаніе имъ дана, и за то бъ показали такое жъ христіанское смирное житіе, какъ видятъ ихъ братья старые ссыльные живутъ, и себя и женъ и дѣтей своихъ своею работою питаютъ и въ нашу, Великаго Государя, казну всякія подати платятъ безъ всякой противности“. Воеводамъ вмѣняется въ обязанность „къ добрымъ людямъ, къ старымъ и которые и вновь сосланы, а живутъ по христіанской должности воздержно и питаются своими трудами, всякую ласку и привѣтъ, и береженье имѣть“ [2]). Едва ли, однако, это помогало больше, чѣмъ строгія мѣры.

Стремленіе „на старину“, нежеланіе обратиться къ работѣ и къ „христіанскому смирному житію“, равно присущія большинству ссыльныхъ и большинству преступниковъ вообще, были не единственнымъ и, можетъ быть, даже не главнѣйшимъ зломъ, подрывавшимъ законный порядокъ жизни ссыльныхъ. Сибирь заключала въ себѣ другіе, несравненно большіе соблазны. Жизнь сибирскихъ жителей, какъ ссыльныхъ, такъ и всякихъ другихъ служилыхъ, вольныхъ, бѣглыхъ и иныхъ гулящихъ людей, которыхъ въ Сибири было великое множество [3]), представляла собою такія особенности, что дѣ-

[1]) *Допол. акт. ист.* т. XII № 91, стр. 395, Грамота Тюменскому воеводѣ 1698 года.

[2]) *Акт. ист.* т. V № 280, стр. 509, Грамота въ Иркутскъ 1698 года.

[3]) Весьма любопытенъ одинъ воеводскій наказъ конца XVII вѣка о гулящихъ людяхъ въ Сибири: „Того смотрѣть на-

лала изъ нихъ настоящихъ искателей приключеній, которымъ вообще не сидѣлось на мѣстѣ. Громадная страна, богатая естественными произведеніями, лишь отчасти подчинена была русскому государственному управленію: съ одной стороны—мѣстности, занятыя русскими и подчиненныя русской власти, составляли лишь небольшую часть Сибири; притомъ мѣстности эти располагались полосами и участками, отдаленными другъ отъ друга и заключенными въ весьма неопредѣленныхъ границахъ: за предѣлами этихъ областей, въ дремучихъ лѣсахъ и горахъ, жили „непослушные", „немирные", „неясачные" инородцы, которые „подъ высокую руку Великаго Государя не давались", а наоборотъ, вызывали необходимость почти постоянныхъ военныхъ дѣйствій. Съ другой стороны — подчиненіе „ясачныхъ", „приведенныхъ къ шерти" людей было весьма неполное и колеблющееся: обязавшись по шерти быть въ „вѣчномъ холопствѣ", въ дѣйствительности они и не думали объ этомъ; при каждомъ удобномъ случаѣ они возставали, отказывались платить ясакъ, избивали служилыхъ людей и, смотря по обстоятельствамъ, или надвигались цѣлыми тучами на русскіе города и остроги, или уходили семьями и родами въ глубь страны. Самое собираніе ясака далеко не во всѣхъ случаяхъ имѣло форму правильнаго собиранія податей: въ большинствѣ — это былъ военный походъ и собраніе дани. При этомъ, благодаря громадности разстояній, отряды русскихъ служилыхъ людей, посланныхъ за ясакомъ въ отдаленные остроги или въ

крѣпко—повелѣвается воеводамъ—чтобы никакого чина никакихъ гуляковъ и плутовъ не было; и буде которые люди шатаются, а ремесла никакого за ними нѣтъ, и ихъ сажать на пашню, чтобы никто даромъ и напрасно чужаго хлѣба не поѣдали, а ослушникомъ и лѣнивымъ шатунамъ чинить жестокое наказаніе". См. *Пол. Соб. Зак.* № 1595, Наказъ Верхотурскому воеводѣ 1697 года.

походы противъ возставшихъ, находились нерѣдко по два, по три и по четыре года въ полномъ разобщеніи съ мѣстами управленія, съ городами и главными острогами. Среди всевозможныхъ опасностей и лишеній, окруженные исключительно инородческимъ населеніемъ, они были лишены возможности получать откуда бы то ни было помощь и, въ то же время, въ отношеніяхъ своихъ къ инородцамъ стояли внѣ всякаго контроля правительственной власти.

Для человѣка предпріимчиваго, сильнаго духомъ, такое положеніе вещей представляло великій соблазнъ попытать личнаго счастья „въ новыхъ землицахъ", какъ тогда выражались; разгуляться на волѣ, потѣшить свою удаль и — или заслужить Великому Государю присоединеніемъ новыхъ областей, или набрать добычи и самому обогатиться, или, наконецъ, что чаще всего случалось, сложить буйную голову въ богатырскомъ бою или „отъ нужи голодной" въ дремучемъ лѣсу. Былъ и широкій просторъ для этой удали... Старый русскій богатырь, выѣзжавшій въ поле разгуляться и одинъ побивавшій несмѣтную силу поганую, воскресалъ въ сибирскихъ лѣсахъ и пустыняхъ.

При чтеніи памятниковъ сибирской исторіи, весь ходъ развитія русскаго владычества въ этой странѣ невольно распадается, въ представленіяхъ читающаго, какъ бы на двѣ части: съ одной стороны — распоряженія правительства, дѣйствія воеводъ, такъ сказать, оффиціальное управленіе страною, на основаніи законовъ и съ соблюденіемъ установленныхъ формъ; съ другой — постоянное движеніе и дѣятельность „охочихъ" людей, по преимуществу ссыльныхъ. Бросая государственную службу, оставляя пашню, они образуютъ вольные отряды и неуклонно идутъ на востокъ, на сѣверъ, на югъ; проникаютъ въ невѣдомыя земли, плывутъ по рѣкамъ до моря, воюютъ съ инородцами, грабятъ ихъ, приводятъ къ

шерти на царское имя, ставятъ остроги. Правительство идетъ за ними слѣдомъ: воеводы, какъ только получатъ извѣстіе, сейчасъ же шлютъ въ поставленные острожки служилыхъ людей, учреждаютъ администрацію, направляютъ туда пашенныхъ ссыльныхъ и проч. А вольные завоеватели или приносятъ повинную и, легко получивъ прощеніе, обогащенные добычей, остаются жить на мѣстѣ [1]), или, увлекаемые мыслью о новой удачѣ, идутъ дальше и дальше, ища „Великому Государю славы, а себѣ добычи".

Конечно, такіе походы совершались не только для „провѣдыванья новыхъ землицъ"; вольница грабила нерѣдко и мирныхъ, ясачныхъ инородцевъ, грабила и мѣстное русское населеніе, грабила и царскую казну. Ссыльные люди, говорится въ одной грамотѣ конца XVII вѣка, „станицами собрався, по рѣкамъ и по дорогамъ разоренья и многую смуту и воровство дѣлаютъ" [2]). „Прибѣжали въ легкихъ стругахъ изъ Енисейскаго

---

[1]) Приведемъ, для примѣра, исторію основанія города Албазина: въ 1674 году служилые и промышленные люди Усть-Киринской волости убили воеводу Лаврентія Обухова „за невозможное свое терпѣніе", выбрали атамана Микифорка и ушли по Ленѣ рѣкѣ и въ Дауры воевать и отыскивать „новыхъ землицъ". Призвали въ подданство многихъ неясачныхъ людей, поимали аманатовъ, поставили на Албазинскомъ городищѣ острогъ и... вины свои Государю принесли. Марта въ 15 день 1675 года „Великій Государь указалъ: Микифорка съ товарищи семнадцати человѣкъ за ихъ воровство казнить смертью, а... сороку пяти человѣкамъ учинить наказанье, бить кнутомъ и отсѣчь по рукѣ; и марта же въ 17 день Великій Государь пожаловалъ ихъ съ товарищи, что они вины свои принесли, и ясачныхъ людей призвали, и аманатовъ поимали, казнить и наказанья имъ чинить не велѣлъ, а быть имъ Микифорку съ товарищами въ Албазинскомъ". См. *Допол. акт. ист.* т. VIII № 73, стр. 275, Грамота Красноярскому воеводѣ 1680 года.

[2]) *Допол. акт. ист.* т. XII № 91, стр. 395, Грамота Тюменскому воеводѣ 1698 года.

уѣзда — доноситъ илимскій воевода въ 1656 году — ссыльныхъ людей человѣкъ съ пятьдесятъ и больши, всѣ съ ружьемъ, и государевы запасы на Илимѣ рѣкѣ поимали, пашенныхъ крестьянъ грабили и поплыли внизъ по Тунгускѣ рѣкѣ“ [1]). Такими событіями полна исторія Сибири. Дѣло доходило иногда и до посягательства на государственные интересы высшей важности: легко научаясь инородческимъ языкамъ, ссыльные заводили сношенія съ немирными племенами и затѣвали съ ними „измѣнныя дѣла“. Много страху и заботъ причиняетъ это воеводамъ. Приходится удалять подозрительныхъ ссыльныхъ изъ пограничныхъ мѣстъ въ глубь страны; учреждать за ними надзоръ, употребляя для этого надежныхъ старыхъ ссыльныхъ, и т. п. [2]).

„Христіанское и смирное житіе“ ссыльныхъ — этотъ правительственный идеалъ—оставался въ извѣстной степени только идеаломъ. Ссыльные люди хотѣли жить по своему и, пользуясь мѣстными условіями, весьма успѣвали въ этомъ. Но правительство ни мало не смущалось: практическая государственная мудрость той эпохи очень хорошо понимала, что даромъ ничего не дается; понимала все глубокое содержаніе пословицы: „гдѣ дрова рубятъ, тамъ щепки летятъ“. Эти щепки — частныя неудачи, мелкіе дефекты и слабыя стороны — никогда не были полагаемы въ основу крупныхъ реформъ цѣлыхъ институтовъ: наши предки были слишкомъ умны для такой политики. Правительство боролось съ непокорными, безжалостно преслѣдовало и казнило ихъ, по

---

[1]) *Допол. акт. ист.* т. IV № 24, стр. 55, Отписка Илимскаго воеводы 1656 года.

[2]) *Допол. акт. ист.* т. VI № 95, стр. 324, Акты о ссылкѣ Демьяна Многогрѣшнаго 1673, 1674 годовъ (отписка Енисейскаго воеводы 1674 года, стр. 327, 328). *Акт. ист.* т. V № 280, стр. 509, Грамота въ Иркутскъ 1698 года.

вело свое дѣло неуклонно дальше, а затѣмъ — не упускало случая обратить себѣ въ пользу незаконную и даже преступную работу ссыльныхъ. Массами гибли ссыльные, потоками проливалась ихъ кровь; но ссылка дѣлала свое дѣло и служила великую службу русскому государству. Не забудемъ, что и въ современныхъ тюрьмахъ, даже самыхъ усовершенствованныхъ, гибнетъ не мало людей, только гибнетъ иными путями и, притомъ, безъ всякой пользы для отечества.

ГЛАВА V.

Имущественныя наказанія.

Имущественныя наказанія въ томъ видѣ и значеніи, въ которомъ они практиковались въ старое время, можно сказать, болѣе всѣхъ прочихъ отжили свой вѣкъ, и исторія ихъ имѣетъ весьма мало непосредственнаго для нашихъ дней значенія. Тѣ начала, которыми опредѣляется конструкція имущественныхъ наказаній въ наши дни, или вовсе не были извѣстны XVII вѣку, каково, напримѣръ, пораженіе имущественныхъ правъ безъ конфискаціи и ограниченіе распоряженія имуществомъ [1]), или поглощались элементарной цѣлью обогащенія казны государственной—цѣлью, которая не имѣетъ мѣста въ новомъ государствѣ, а въ то время, наоборотъ, стояла на первомъ планѣ. Извлеченіе изъ наказанія средствъ для пополненія казны, какъ было уже сказано выше, было постоянною заботой государственной власти; отсюда — широкое развитіе имущественныхъ взысканій, примѣненіе ихъ ко всякаго рода преступнымъ дѣяніямъ и отдѣльно, и въ соединеніи съ другими наказаніями. Затѣмъ, на

[1]) Единственное указаніе на признаніе правомъ XVII вѣка нѣкоторой формы правопораженій этой категоріи находимъ у *Котошихина*, о Россіи, стр. 14. Онъ говоритъ, что, за злоупотребленіе власти вотчинниковъ надъ крестьянами и разореніе сихъ, жалованныя вотчины отбирались на царя, а купленныя отдавались „сродственникамъ, добрымъ людямъ, безденежно, а не такимъ разорителямъ“.

ряду съ наказаніями, направленными къ увеличенію средствъ государственной казны, выдвигалась система штрафовъ въ пользу пострадавшаго — институтъ, тоже почти исчезнувшій въ современномъ правѣ.

Группируя различныя имущественныя взысканія, практиковавшіяся въ XVII вѣкѣ, мы можемъ свести ихъ къ слѣдующимъ видамъ: конфискація общая и спеціальная; отнятіе помѣстій и убавка оклада; денежныя пени подъ разными наименованіями; штрафы въ пользу пострадавшаго и безчестье.

I. Конфискація.

1. *Конфискація общая*—„животы всѣ, и дворы, и помѣстья, и вотчины имать на Государя", „взять на Государя" и т. п., какъ выражаются памятники — назначается по Уложенію за преступныя дѣянія политическія, обложенныя смертною казнью[1]); за разбой, тоже въ соединеніи со смертной казнью[2]); за корчемство многократное, въ соединеніи съ кнутомъ (жестокое наказаніе) и ссылкой[3]); за табакъ, въ соединеніи съ кнутомъ[4]). Затѣмъ, въ грамотѣ 1667 года о содѣйствіи въ поимкѣ и искорененіи разбойниковъ, татей, убойцовъ, вѣдуновъ и всякихъ воровскихъ людей, угрожается конфискаціей помѣстій, вотчинъ, дворовъ и животовъ „тѣмъ людемъ, кто такихъ воровъ учнутъ укрывать, и у себя держать, и воровство ихъ таить"[5]). Въ 1673 году, по поводу кабацкихъ и таможенныхъ недоборовъ въ при-

---

1) *Уложеніе*, гл. II ст. 5, 9, гл. VII ст. 20.

2) *Уложеніе*, гл. XXI ст. 26.

3) *Уложеніе*, гл. XXV ст. 3.

4) *Уложеніе*, гл. XXV ст. 11.

5) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 159, стр. 209 Грамота въ Бѣжецкій Верхъ 1667 года. Тоже повторяется въ Наказѣ Арзамасскому Воеводѣ 1679 года см. *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 237, стр. 326.

казѣ Устюжской четверти, состоялся указъ о повальномъ обыскѣ „про кражу тѣхъ денегъ" головами и цѣловальниками. Въ указѣ постановляется: „буде воевода хотя малую хитрость въ томъ сыску учинитъ... быть отъ Великаго Государя въ опалѣ, а дворы и животы и помѣстья и вотчины взяты будутъ на Великаго Государя безповоротно" [1]). Въ 1679 году находимъ угрозу конфискаціей помѣстій и вотчинъ и вѣчнымъ разореньемъ тѣмъ, кто учнетъ считаться отечествомъ и мѣстами, когда указано „быть безъ мѣстъ" [2]); съ уничтоженіемъ мѣстничества въ 1682 году, это наказаніе распространяется на всѣхъ, „кто... впредь тѣ разрядные случаи какимъ ни есть образомъ взочнетъ и учнетъ на кого бити челомъ" [3]). Наконецъ, въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія конфискація назначается „нѣтчикамъ": въ 1693 году—которые написаны „въ двухъ нѣтѣхъ", а въ 1696 году—„въ трехъ нѣтѣхъ" [4]).

Приведенныя свидѣтельства памятниковъ даютъ весьма значительный объемъ примѣненію общей конфискаціи [5]).

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 555 Указъ 1673 года.

[2]) *Собр. госуд. грам. и дог.* т. IV № 115, стр. 371, Указъ 1679 года.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 905 Соборное дѣяніе 1682 года января 12. Такъ же: *Собр. госуд. грам. и дог.* т. IV № 130, стр. 396.

[4]) *Пол. Соб. Зак.* № 1477 Указъ 1693 года. № 1555 Указъ 1696 года.

[5]) Сохранилось въ памятникахъ еще нѣсколько опредѣленій о конфискаціи помѣстій и вотчинъ, кромѣ вышеприведенныхъ. Но они представляются намъ не болѣе, какъ общею угрозой, имѣющей значеніе неопредѣленной санкціи. Такъ, въ одной грамотѣ 1670 года, *Воронеж. Акты* т. 2, LXXXIX, стр. 150, воеводѣ, за недоставку въ срокъ хлѣбныхъ запасовъ, одновременно угрожается и опалой, и жестокимъ наказаньемъ, и пеней въ двѣсти рублей, и конфискаціей помѣстій и вотчинъ. Въ другой грамотѣ 1691 года, *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 304, стр. 452, такая же угроза воеводѣ за невы-

Но съ достовѣрностью можно сказать, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, сохранившіеся до насъ законодательные памятники оставляютъ большіе пробѣлы и въ дѣйствительности примѣненіе конфискаціи помѣстій и вотчинъ имѣло еще бо́льшіе размѣры. Такъ, Котошихинъ [1]) указываетъ одну, весьма широкую, группу дѣяній, влекшихъ за собою конфискацію помѣстій и вотчинъ, относительно которой мы не нашли указаній въ законодательныхъ памятникахъ; это — злоупотребленіе власти помѣщиковъ и вотчинниковъ надъ крестьянами: „а будетъ который помѣщикъ и вотчинникъ учнетъ съ нихъ (то-есть съ крестьянъ) имати поборы великіе не противъ силы... и у такихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ помѣстья ихъ и вотчины, которые даны будутъ отъ царя, возьмутъ назадъ на царя“... Далѣе, вскорѣ послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича, въ 1678 году, возбужденъ былъ общій вопросъ о томъ, какъ поступать съ конфискованными и розданными „въ раздачу“ служилымъ людямъ помѣстьями и вотчинами лицъ, сосланныхъ въ ссылку и впослѣдствіи помилованнымъ,—оставлять ли ихъ за новыми владѣльцами или возвращать по челобитью прежнимъ? По докладу состоялся боярскій приговоръ: не возвращать, „а быть тѣмъ помѣстьямъ и вотчинамъ за тѣми людьми, кому тѣ помѣстья и вотчины даны“. Самый текстъ доклада, по нашему мнѣнію, указываетъ на то, что такихъ случаевъ, то-есть случаевъ помилованія и возвращенія, было множество: „которые

сылку въ срокъ конюшенныхъ денегъ. Въ 1678 году засѣчнымъ дозорщикамъ и головамъ за простое невзысканіе пеней „за засѣчныя порухи“, угрожается, кромѣ пени вдвое, еще и конфискаціей помѣстій и вотчинъ. См. *Допол. акт. ист.* т. VIII № 30, стр. 89.

[1]) *Котошихинъ*, о Россіи, стр. 114. Ср. выше, стр. 258, примѣчаніе 1.

всякихъ чиновъ люди—говорится въ докладѣ—помѣщики и вотчинники казнены и которые не казнены, и сосланы въ ссылку, а помѣстья ихъ и вотчины розданы въ раздачу, а послѣ того тѣ ссылочные люди по указу Великаго Государя изъ ссылки взяты...“ [1]).

2. *Конфискація специальная.* Конфискаціи орудій преступнаго дѣянія (instrumenta sceleris) мы въ памятникахъ XVII вѣка не находимъ. Конфискація другихъ предметовъ назначается часто и должна была примѣняться, по свойству тѣхъ дѣяній, за которыя она опредѣляется, въ весьма большомъ объемѣ. Уложеніе назначаетъ специальную конфискацію въ четырехъ случаяхъ: вопервыхъ, конфискацію тѣхъ участковъ земли, на которыхъ владѣльцами ихъ поселены противно закону московскіе и городовые посадскіе тяглые люди [2]); вовторыхъ,—тяглыхъ дворовъ, лавокъ, погребовъ, амбаровъ и варницъ, купленныхъ чьими бы то ни было крестьянами или иныхъ чиновъ людьми [3]); въ третьихъ, конфискацію корчемнаго питья [4]) и въ четвертыхъ, конфискацію доходовъ, полученныхъ съ вновь заведенныхъ безъ указу мытовъ, перевозовъ и мостовщины: „кто мытъ или перевозъ или мостовщину заведетъ вновь, для своего пожитку своимъ вымысломъ безъ указу, и у него то все взяти на Государя“, говоритъ Уложеніе [5]). Конфискація корчемнаго питья подтверждается неоднократно и въ другихъ памятникахъ [6]). Затѣмъ, выдвигается конфискація вся-

---

1) *Пол. Соб. Зак.* № 724 Боярс. приг. 1678 года 17 мая.

2) *Уложеніе*, гл. XIX ст. 13.

3) *Уложеніе*, гл. XXI ст. 15.

4) *Уложеніе*, гл. XXV ст. 8.

5) *Уложеніе*, гл. IX ст. 10.

6) См. напримѣръ: *Воронежск. Акты* т. 2, LIX, стр. 44, Грамота 1642 года. *Допол. акт. ист.* т. VIII № 51, стр. 226, Акты 1679 — 1681 годовъ. *Пол. Соб. Зак.* № 1276 Статьи 1688 года февраля 8.

каго рода товаровъ, въ случаяхъ уклоненія отъ уплаты пошлинъ. Многочисленные указы и распоряженія по этому предмету, въ теченіи всего XVII вѣка, несомнѣнно доказываютъ намъ, что конфискація товаровъ, неоплаченныхъ пошлиной, представляла собою наиболѣе часто примѣнявшійся видъ спеціальной конфискаціи [1]). Не ограничиваясь конфискаціей товаровъ, законодатель, въ концѣ XVII вѣка, повелѣваетъ подвергать конфискаціи вмѣстѣ съ тѣмъ, и тѣ „дворы“, хозяева которыхъ пустятъ къ себѣ кого съ неявленными товарами. Притомъ, если цѣна такого двора окажется ниже стоимости найденнаго въ немъ товара, то повелѣвается „донимать съ хозяина двора деньгами“ [2]). Наконецъ, необходимость прекратить постоянныя уклоненія отъ уплаты крѣпостныхъ пошлинъ вызвала во второй половинѣ XVII вѣка законъ о конфискаціи тѣхъ вотчинъ, при покупкѣ и залогѣ которыхъ не были уплачены надлежащія пошлины съ записью въ вотчинныя книги. „Многіе люди — говорится въ указѣ 1670 года — владѣютъ купленными и закладными своими вотчинами, не записавъ... въ записныя вотчинныя книги многіе годы для того, чтобы имъ пошлинъ не платить“. Такія вотчины, если ихъ въ теченіи года не запишутъ въ книги, повелѣвается „отписывать на Великаго Государя, и тѣ ихъ купчія и закладныя впредь не въ купчія“ [3]).

---

[1]) *Акт. ист.* т. III № 184, стр. 335, Грамота Верхотурскому воеводѣ 1635 года. *Пол. Соб. Зак.* № 408 Торговый Уставъ 1667 года (также *Собр. госуд. грам. и дог.* т. IV № 55, стр. 189). № 1323 Указъ 1688 года. № 1474 Наказъ таможенный 1693 года. № 1654 Статьи 1698 года и т. д.

[2]) *Собр. госуд. грам. и дог.* т. IV № 125, стр. 384, Указъ о таможенныхъ пошлинахъ 1681 года. *Пол. Соб. Зак.* № 1182 Указъ 1686 года,

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 475 Указъ 1670 года. *Воронеж. Акты* т. 3. № CLV, стр. 141—143, Окружная грамота 1670 года.

Кромѣ этихъ случаевъ общаго характера и болѣе или менѣе широкаго объема, мы находимъ въ памятникахъ указанія на примѣненіе специальной конфискаціи въ другихъ, болѣе тѣсныхъ и даже отдѣльныхъ случаяхъ. Такъ, въ наказѣ Архангельскимъ таможеннымъ головамъ 1649 года указывается на слѣдующій фактъ: иноземцы чеканятъ „у себя на русской чеканъ“ золотыя деньги, „съ мѣдью мало не въ полы“, и привозятъ въ Архангельскъ; платятъ такими фальшивыми деньгами за русскіе товары и мѣняютъ на русскіе золотые „московскаго дѣла“, пользуясь неопытностью русскихъ людей. Наказъ предписываетъ подвергать конфискаціи такія деньги[1]). Въ 1652 году мы находимъ случай конфискаціи запрещенныхъ вещей съ цѣлью ихъ уничтоженія: воеводамъ вмѣняется въ обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы „скоморохи съ бубны и сурками, и съ медвѣди и съ малыми собачками не ходили и всякими бѣсовскими играми не играли бы никоторыми дѣлы“; скоморохамъ повелѣвается „чинить наказанье“, „а бубны и домры и сурны и гудки ломать безъ остатку, а хари жечь на огнѣ“ [2]). Въ самыхъ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія мы находимъ правительственное распоряженіе для Сибири, весьма интересное съ точки зрѣнія отношеній государства къ служилому сословію: „Вѣдомо намъ, Великому Государю учинилось—говорится въ грамотѣ Енисейскому воеводѣ 1697 года—что въ Сибирскихъ городѣхъ, многіе служилые люди дѣлаютъ себѣ и же-

[1]) *Допол. акт. ист.* т. III № 55, стр. 185, Наказъ 1649 года. Кромѣ конфискаціи фальшивыхъ денегъ, Наказъ не грозитъ иностранцамъ никакими другими наказаніями; русскимъ же людямъ, которые окажутся виновными въ завѣдомомъ пріемѣ такихъ денегъ въ уплату за товары и для обмѣна, угрожается смертною казнью.

[2]) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 59, стр. 88, Уставная грамота о продажѣ питей въ Угличѣ 1652 года. № 63, стр. 95, Уставная грамота о продажѣ питей на Мологѣ 1653 года.

намъ своимъ и дѣтямъ портища золотныя и серебряныя, бархатныя и объяринныя, чего имъ по чину своему носить не довелось; и знатно, что тѣ служилые люди... дорогое платье дѣлаютъ не отъ праваго своего нажитку, кражею нашея Великаго Государя казны... или съ иноземцевъ грабежемъ тѣ богатства себѣ наживаютъ... и того имъ чинить и такое платье носить не довелось; а буде у кого, какимъ промысломъ правымъ нажитокъ лишній, сверхъ его нужныхъ расходовъ явится, и тѣ пожитки ему довелось держать на покупку добраго ружья и панцырей, чтобы къ нашей, Великаго Государя, службѣ всегда готовъ и къ боямъ съ непріятели потребенъ, или держалъ въ домѣ каменное себѣ строеніе... отъ случая пожарнаго". Затѣмъ слѣдуетъ повелѣніе: „у кого такія портища объявятся, и тѣ портища у нихъ имать въ Нашу Великаго Государя казну безденежно, а за ослушаніе Нашего указа учинить тѣмъ людямъ наказанье, смотря по человѣку и по винѣ" [1]). Едва ли подобное распоряженіе могло въ дѣйствительности примѣняться часто, въ качествѣ сколько-нибудь общей мѣры; но самый фактъ его изданія, не говоря о прочемъ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, до какихъ размѣровъ доходила тенденція къ умноженію конфискацій въ ту эпоху.

Въ 1686 году помѣщикамъ, за пріемъ бѣглыхъ даточныхъ людей и необъявленіе о нихъ, угрожается, кромѣ жестокаго наказанія, еще слѣдующимъ, оригинальнымъ наказаніемъ, которое можетъ разсматриваться тоже какъ видъ спеціальной конфискаціи: взять изъ помѣстья или вотчины ихъ, за каждаго даточнаго, лучшаго крестьянина, съ женою и съ дѣтьми и со всѣми крестьянскими животы, и перевесть на житье въ украйные городы на черту [2]).

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 1598 Грамота 1697 года.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 1230 Указъ 1686 года.

Укажемъ въ заключеніе еще на одинъ, отдѣльный, случай конфискаціи, относящійся тоже къ концу XVII вѣка. Въ 1686 году князь Яковъ Лобановъ-Ростовскій, съ товарищами и съ людьми своими, выѣхалъ на разбой по Троицкой дорогѣ. Они убили двухъ „государевыхъ мужиковъ" и взяли „государеву казну". По закону виновные должны были бы подлежать смертной казни и общей конфискаціи имущества; но, „по упросу верховой боярыни и мамы", главный виновникъ, князь Яковъ Лобановъ-Ростовскій, помилованъ—битъ кнутомъ и „отнято безповоротно четыреста дворовъ крестьянскихъ" [1]).

II. Отнятіе помѣстій и убавка оклада.

Отнятіе помѣстій (всѣхъ) назначается по Уложенію, вопервыхъ, помѣщику, который, „сыскавъ у себя разбойниковъ своихъ людей или крестьянъ побьетъ, не хотя ихъ къ сыску отдать въ губу, укрывая за собою воровъ" [2]), и вовторыхъ, служилымъ людямъ, въ соединеніи съ кнутомъ, за третій побѣгъ съ государевой службы въ „полкѣхъ", „не дождався отпуску" [3]).

Отнятіе помѣстья пятидесяти четвертей и убавка „денегъ съ помѣстнаго окладу со ста четвертей по рублю" назначается, тоже вмѣстѣ съ кнутомъ, за второй побѣгъ со службы [4]). Отнятіе половины помѣстья и убавка половины же помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ назначается, равнымъ образомъ въ соединеніи съ кнутомъ, за побѣгъ служилыхъ людей „съ бою къ себѣ домовь" [5]).

Въ отдѣльныхъ случаяхъ взысканія этого рода распространялись на другія дѣянія, сходныя съ указан-

1) *Желябужскій*, Записки, стр. 9.
2) *Уложеніе*, гл. XXI ст. 79.
3) *Уложеніе*, гл. VII ст. 8.
4) *Уложеніе*, гл. VII ст. 8.
5) *Уложеніе*, гл. VII ст. 19.

ными въ Уложеніи. Такъ, въ указѣ 1650 года за непріѣздъ служилыхъ людей къ сроку въ Москву назначается, между прочимъ, убавка изъ окладовъ „помѣстнаго по пятидесяти четвертей, денегъ по пяти рублей“ [1]). Въ грамотѣ на Бѣлоозеро о высылкѣ людей для встрѣчи польскихъ пословъ въ 1678 году, за непріѣздъ этихъ людей къ сроку угрожается: „помѣстныхъ ихъ и денежныхъ окладовъ убавка будетъ не малая“ [2]). Въ 1661 году, за неудачный, притомъ самовольный, приступъ къ городу Копысу, велѣно у начальныхъ людей убавить „жалованья мѣсячнаго корму“ — у полковниковъ половину, у прочихъ начальныхъ людей треть, „до Нашего Государева указу“ [3]). Конечно, подобныхъ случаевъ бывало въ практикѣ не мало, хотя свидѣтельства о нихъ могли и не сохраниться.

Наконецъ, отнятіе части помѣстій опредѣляется еще за попытку получить обманомъ въ помѣстье или вотчину земель дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей всякихъ чиновъ люди—говорится въ царской грамотѣ по этому поводу — бьютъ челомъ „о дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей о земляхъ и о угодьяхъ въ помѣстье и вотчину“, и называютъ ихъ „порозжими а не нашими дворцовыми землями... и тѣмъ челобитчикамъ велимъ мы за ихъ ложное челобитье изъ помѣстей лутчіе отписывать на насъ, столько же четьи, сколко кто вылжетъ“ [4]).

III. **Денежная пеня.**

Денежная пеня—взысканіе извѣстной суммы денегъ, опредѣленной или въ единицахъ мѣры, или посредствомъ

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 43 Указъ 1650 года.

[2]) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 222, стр. 307.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 312 Грамота 1661 года октября 27.

[4]) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 61, стр. 93, Окружная грамота 1652 года.

какого-либо иного пріема — щедро назначается памятниками VXII вѣка за самыя разнообразныя дѣянія, простой перечень которыхъ могъ бы составить собою длинный списокъ разнороднѣйшихъ, по составу и по важности, delicta commissionis и omissionis. Въ качествѣ общаго признака можно лишь замѣтить, что пени опредѣляются тогда, когда дѣяніе причиняетъ какой-либо ущербъ государевой казнѣ, притомъ, въ сколько-нибудь значительныхъ случаяхъ, всегда въ соединеніи съ другими, иногда тяжкими, наказаніями. Но это общее правило подвергается весьма частымъ изъятіямъ: нерѣдко дѣяніе, представляющее собою достаточный ущербъ для казны, пеней не облагается и, наоборотъ, дѣяніе, никакого ущерба не причиняющее, влечетъ за собою пеню.

Пени являются въ памятникахъ подъ разными названіями. Эти названія отражаютъ въ себѣ иногда признаки того дѣянія, къ которому относятся — таково „протаможье", какъ называлась пеня за незаписку продаваемыхъ лошадей въ таможенныя книги [1]); иногда въ названіи заключается указаніе на то, что взысканіе имѣетъ или имѣло первоначально особое, спеціальное юридическое основаніе — такова „заповѣдь"; иногда въ немъ отражается извѣстная процессуальная черта — таково названіе „приводныя деньги", то-есть пеня, которая взыскивалась въ стрѣлецкомъ приказѣ съ людей, задержанныхъ „въ дракахъ и въ пьянствахъ" [2]).

Въ частности относительно „заповѣди" должно замѣтить, что въ XVII вѣкѣ терминъ этотъ теряетъ свое спеціальное значеніе: заповѣдь и пеня ничѣмъ между собою не отличаются. Но несомнѣнно, что первона-

---

1) *Уложеніе*, гл. XXI ст. 52.

2) *Пол. Соб. Зак.* № 598 Указъ 1675 года: „которые люди будутъ *въ приводѣхъ* въ Стрѣлецкомъ приказѣ... въ дракахъ и въ пьянствахъ... имать съ них *приводныя* деньги". Такъ же № 623 Указъ 1676 года.

чально слово „заповѣдь“ означало взысканіе за дѣяніе воспрещенное или вновь изданнымъ сепаратнымъ закономъ, причемъ самый законъ тоже назывался „заповѣдью“ и „заповѣдною грамотой“ [1]), или особымъ распоряженіемъ, направленнымъ къ опредѣленному лицу, такъ что этотъ законъ и это распоряженіе являлись спеціальными, какъ мы выразились выше, юридическими основаніями взысканія. Заповѣдь, какъ взысканіе, основанное на распоряженіи, направленномъ къ отдѣльному опредѣленному лицу, мы находимъ въ институтѣ „опасныхъ грамотъ“: въ случаѣ угрозы убійствомъ, угрожаемому дозволяется требовать опасной грамоты „съ большою заповѣдью... пять тысящь, или шесть, или седьмь тысящь рублевъ и больши“. Уложеніе повелѣваетъ тому человѣку „дать такая опасная грамота“ и, затѣмъ, если убійство или покушеніе на убійство будутъ дѣйствительно совершены, взыскать съ виновнаго, независимо отъ уголовнаго наказанія, всю сумму заповѣди, какая была написана — половина ея поступаетъ въ государеву казну, а другая пострадавшему, если онъ живъ, или „женѣ и дѣтемъ и роду его“, если онъ убитъ. „А чего въ заповѣдь не дойдетъ—заключаетъ Уложеніе—и то на немъ править, и такіе заповѣди ему не отдавать, и бить его на правежѣ безо всякіе пощады, не для того, что на немъ тѣ достальные деньги взять, для того чтобъ на то смотря инымъ неповадно было такъ воровать“ [2]).

Заповѣдь, какъ взысканіе за нарушеніе вновь издаваемаго повелѣнія законодателя, мы находимъ въ Уложеніи въ извѣстной статьѣ о ворахъ, которые „зернью и карты играютъ и ходя по улицамъ воруютъ, людей

[1]) См. напримѣръ, слово „заповѣдь“ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, *Пол. Соб. Зак.* № 972 Указъ 1682 года: „буде послѣ заповѣдныхъ грамотъ 166 году“ (о непріемѣ бѣглыхъ крестьянъ).

[2]) *Уложеніе*, гл. X ст. 133.

рѣжутъ и грабятъ и шапки срываютъ"... Повелѣвается „о такихъ ворахъ... заказъ учинить крѣпкой, и биричемъ кликать по многія дни, будетъ гдѣ такіе воры объявятся, и ихъ всякихъ чиновъ людемъ имая приводить въ приказъ". „А будетъ кто такихъ воровъ видя гдѣ, не изымаетъ и въ приказъ не приведетъ, а изымать было ихъ мощно... и на тѣхъ людехъ имать *заповѣди* по полтинѣ на человѣкѣ" [1]). Съ такимъ же значеніемъ встрѣчается неоднократно „заповѣдь" и въ другихъ памятникахъ. Такъ, въ 1624 году былъ установленъ обязательный вѣсъ для хлѣбовъ, которые пекутся на продажу. За нарушеніе—„имать заповѣди" въ первый разъ полуполтина, во второй полтина, въ третій два рубля четыре алтына полторы деньги"; за подмѣсь чего-либо въ хлѣбъ для вѣсу и за продажу недопеченаго хлѣба съ тою же цѣлью—„имать заповѣдь по полуполтинѣ" [2]). Точно также, запрещеніе работать въ воскресные дни вызываетъ установленіе „заповѣди" въ два и въ четыре рубля [3]) и т. д.

Частое употребленіе въ памятникахъ съ древнѣйшаго времени слова „заповѣдь" для обозначенія денежнаго взысканія за корчемство, назначавшагося вмѣстѣ съ конфискаціей корчемнаго питья и другими наказаніями, можетъ имѣть то же происхожденіе: дѣяніе, прежде дозволенное— выкурка и вольная продажа вина—было воспрещено закономъ, и назначенное за него денежное взысканіе получило названіе „заповѣди", которое сохранилось затѣмъ на многіе годы, хотя и потеряло прежнее значеніе [4]).

---

[1]) *Уложеніе*, гл. XXI ст. 15.

[2]) *Полевой*, Вивл. Русс., стр. 68, Память приставамъ 1624 года.

[3]) *Борисовъ*, Опис. гор. Шуи, стр. 20, 21, Память земскому старостѣ 1668 года.

[4]) Заповѣдь за корчемство: *Уложеніе*, гл. XXV ст. 8. *Акт. ист.* т. III № 135, стр. 217 сл., Наказъ Кузнецкому воеводѣ 1625 года. Т. IV № 209, стр. 443, Наказъ Якутскому воеводѣ 1670 года. Также см. выше, стр. 262, примѣчаніе 6.

Такимъ образомъ, не отличаясь, по своему юридическому характеру, отъ пени вообще и сливаясь съ нею въ теченіи времени, заповѣдь въ своемъ названіи заключаетъ лишь нѣкоторое указаніе на происхожденіе соотвѣтствующихъ запретовъ или повелѣній законодателя, служащихъ ея основаніемъ [1]).

---

[1]) *Владимірскій-Будановъ,* Хрест. т. II, стр. 204, въ объясненіяхъ на Уставную Важскую грамоту 1552 года, въ примѣчаніи 23, по поводу установленія заповѣди за корчемство, говоритъ: „Заповѣдью называется штрафъ за такія дѣянія, которыя запрещены закономъ, между тѣмъ какъ общество не находитъ въ существѣ ихъ ничего преступнаго (дѣянія невинныя могутъ быть обращены закономъ въ преступленія, по требованію полицейскихъ, фискальныхъ или другихъ интересовъ государства). Въ случаѣ повторенія тѣхъ же дѣяній тѣми же самыми лицами, заповѣдь переходитъ уже въ казнь (вѣроятно — смертную). Впослѣдствіи заповѣдью называется денежный штрафъ и за другія преступленія (какъ добавленіе къ нормальнымъ наказаніямъ), если только къ лицу преступника, прежде совершенія преступленія, было обращено спеціальное воспрещеніе дѣянія отъ лица судебной власти (когда кто-либо угрожалъ другому, то угрозѣ противопоставлялась угроза—заповѣдь, которая и взыскивалась въ случаѣ дѣйствительнаго совершенія преступленія). См. Уложеніе, гл. X ст. 133 и 135“. Такъ объясняетъ „Заповѣдь“ проф. Владимірскій-Будановъ. Не можемъ не замѣтить, что высказанное имъ въ началѣ приведенной цитаты опредѣленіе заповѣди, по нашему мнѣнію, безусловно несостоятельно: возводить заповѣдь къ какому бы то ни было признаку преступнаго дѣянія, по его содержанію, нѣтъ никакой возможности, а тѣмъ паче къ такому признаку, какъ разногласіе взглядовъ общества и законодателя на преступность дѣянія. Что же касается до предположенія, что при рецидивѣ, вмѣсто заповѣди, слѣдовала смертная казнь, то это прямо противорѣчитъ памятникамъ. См. случаи, приведенные выше и указанные въ предъидущихъ примѣчаніяхъ 2, 3 и 4 на стр. 270. Въ самой уставной Важской грамотѣ, въ томъ мѣстѣ, по поводу котораго Владимірскій-Будановъ даетъ свое толкованіе, употреблено лишь общее выраженіе, въ качествѣ неопредѣленной санкціи, вовсе не утверждающее непремѣнно смертную казнь, а именно: „которые люди учнутъ впередъ корчмы держать, и тѣмъ людемъ быти отъ меня царя и великаго князя казненнымъ“.

Размѣры денежныхъ взысканій, а равнымъ образомъ и пріемъ ихъ опредѣленія были весьма разнообразны. Во многихъ случаяхъ пеня назначалась въ порядкѣ санкціи неопредѣленной: „что Государь укажетъ"; „по Указу"; „смотря по дѣлу"; „пеня большая"; „пеня многая" [1]) и т. п. Размѣры пеней, опредѣляемыхъ цифровою величиной, въ Уложеніи располагаются между полуполтиной и пятидесятью рублями; тѣ же предѣлы сохраняются и въ другихъ памятникахъ; но въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ, за дѣянія, въ Уложеніи не предусмотрѣнныя, размѣръ пеней возвышается до ста, двухсотъ и пятисотъ рублей [2]).

Возвышая пеню за дѣянія, которыя и прежде облагались денежнымъ взысканіемъ, законодатель иногда, вмѣсто цифровой величины, опредѣляетъ лишь отношеніе вновь назначаемаго взысканіи къ прежнему, напримѣръ:

---

[1]) *Уложеніе,* гл. III ст. 8, гл. IX ст. 7, гл. X ст. 136, 150, 223, гл. XV ст. 5, гл. XXI ст. 31, 52, 62, 76. См. также *Пол. Соб. Зак.* № 1684 Указъ 1699 года. *Допол. акт. ист.* т. III № 55, стр. 185, Наказъ Архангельскому таможенному головѣ 1649 года. *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 304, стр. 452, Грамота Сольвычегодскому воеводѣ 1691 года. *Акт. юр. б.* т. II № 256, стр. 783, Подрядная запись 1677 года. *Архивъ кн. Баюшева* № 188, стр. 224, Подрядная запись 1697 года. № 210, стр. 239, тоже 1705 года.

[2]) *Воронеж. Акты* т. 3, XCVI, стр. 10—12, Грамота Воронежскому воеводѣ 1652 года. Т. 2, LXXXIX, стр. 150, тоже 1670 года. *Акт. ист.* т. V № 255, стр. 466, Грамота Нерчинскому воеводѣ 1696 года. Сверхъ того весьма любопытенъ отдѣльный случай наложенія пени въ 500 рублей, относящійся къ 1667 году и приведенный въ примѣчаніи къ соборному дѣянію объ уничтоженіи мѣстничества, *Пол. Соб. Зак.* № 905; стольникъ Прончищевъ, по мѣстническому дѣлу, посланъ былъ въ тюрьму. „Забывъ свою худую породу" Прончищевъ „до тюрьмы ѣхалъ въ саняхъ, чего изъ давныхъ лѣтъ не повелѣно". Бояре, окольничьи и ближніе люди „и тѣ — говоритъ указъ—до тюрьмы ходятъ пѣшіе, а на лошадяхъ и въ саняхъ не ѣздятъ". За такой поступокъ съ Прончищева было взыскано пени пятьсотъ рублей.

противъ прежняго вдвое[1]) и т. п. Тотъ же пріемъ употребляется иногда и независимо отъ замѣны одного взысканія другимъ: такъ, назначивъ взысканіе съ людей виновныхъ „въ засѣчныхъ порухахъ" (поврежденіе и похищеніе лѣса въ пограничныхъ засѣкахъ), законодатель опредѣляетъ взысканіе вдвое тѣмъ должностнымъ лицамъ, которыя, „для своихъ взятковъ", „наказанья тѣмъ людямъ чинить не учнутъ" [2]). Очевидно, что этотъ пріемъ, не заключая въ себѣ ничего существеннаго, является лишь весьма несовершенною и для практики неудобною редакціей закона.

Наконецъ, законодатель часто, для опредѣленія размѣровъ пени, указываетъ не цифровую величину, а общій критерій измѣренія. Сюда, прежде всего, должно быть отнесено взысканіе такъ называемыхъ „недоборныхъ денегъ", то-есть недоимокъ въ государственныхъ сборахъ. Воевода за невзысканіе, выборный цѣловальникъ за нерадѣніе къ сборамъ, выборщики — посадскіе и уѣздные люди—буде „они учнутъ въ цѣловальники выбирати худыхъ людей или воровъ, и отъ того... учинится недоборъ" — всѣ они подвергаются взысканію суммы „недоборныхъ денегъ", а иногда вдвое[3]). Затѣмъ, мы находимъ взысканіе суммы слѣдовавшихъ пошлинъ; этой суммы вдвое и втрое[4]); находимъ взысканіе „посула" (взятки)

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 598 Указъ 1675 года. № 623 Указъ 1676 года. № 1454 Указъ 1692 года.

[2]) *Допол. акт. ист.* т. VIII № 30, стр. 89, Докладная выпись о засѣкахъ 1678 года.

[3]) См. *Акт. ист.* т. I № 100, стр. 138, Грамота Чердынскому воеводѣ 1621 года. Т. V № 20, стр. 30, Грамота Чердынскому воеводѣ 1677 года. *Пол. Соб. Зак.* № 1545 Приговоръ 1696 года. *Русс. ист. библ.* т. V № 266, стр. 727, Наказъ цѣловальнику 1668 года и т. д. *Воронеж. Акты.* т. 3, XCVI, стр. 10—12, Грамота Воронежскому воеводѣ 1652 года.

[4]) *Уложеніе,* гл. X ст. 14, 19, 211, 212, гл. XVI ст. 53. *Пол. Соб. Зак.* № 1739 Указъ 1699 года.

втрое [1]). Денежное взысканіе за „приклепъ въ животахъ“ при обвиненіи кого-либо въ кражѣ (то-есть, если жалобщикъ „что сверхъ прямые кражи лишнее... прибавитъ“) опредѣляется тѣмъ же порядкомъ — „столько же пени“, сколько кто лишняго прибавитъ (независимо отъ наказанья кнутомъ, полагавшагося въ этомъ случаѣ) [2]). За самовольную, безъ уплаты оброка, ловлю рыбы въ Ильменѣ озерѣ первоначально полагались пени, опредѣленныя въ цифровыхъ величинахъ, а въ 1676 году велѣно „бить батоги нещадно“ и взыскивать „противъ обротчиковъ рыбныхъ ловцовъ вдвое“, то-есть сумму оброка вдвое [3]).

IV. Штрафы въ пользу пострадавшаго.

Семнадцатый вѣкъ зналъ во множествѣ штрафы разныхъ наименованій въ пользу пострадавшаго. Основаніемъ такихъ штрафовъ служилъ какъ вредъ матеріальный—личный и имущественный—такъ и вредъ духовный. Размѣры ихъ опредѣляются иногда въ цифровой величинѣ, иногда посредствомъ общаго критерія.

Всякаго рода преступныя дѣянія противъ чести, совершаемыя какъ словомъ, такъ и дѣйствіемъ, со включеніемъ „боя и ранъ“, до нанесенія тяжкаго увѣчья, влекли за собою уплату, такъ называемаго, „безчестья“ или „безчестья и увѣчья“. Размѣръ безчестья опредѣляется, какъ извѣстно, Уложеніемъ весьма подробно, сообразно общественному положенію оскорблённаго и отчасти самого виновнаго, или въ цифровой величинѣ,

---

[1]) *Уложеніе,* гл. X ст. 8.

[2]) *Допол. акт. ист.* т. V № 1, стр. 3, Память Псковскимъ земскимъ старостамъ 7173 (1665) года.

[3]) *Допол. акт. ист.* т. VI № 71, стр. 270, Грамота Новгородскому митрополиту 1673 года. *Акт. ист.* т. V № 2, стр. 2, Грамота 1676 года.

отъ 1 рубля до 400 рублей [1]), или по суммѣ получаемаго оскорбленнымъ денежнаго жалованья — „противъ ихъ окладовъ, что кому государева денежнаго жалованья“ [2]). Женамъ полагается безчестья „противъ мужня окладу вдвое“; „дочерямъ дѣвкамъ“ — „противъ отцова окладу въ четверо“; сыновьямъ неверстанымъ —„противъ отцова окладу въ полы“ [3]). Въ тягчайшихъ случаяхъ размѣръ безчестья увеличивался: вдвое [4]), втрое [5]) и вчетверо [6]). Хотя Уложеніе указываетъ съ точностью случаи взысканія такого умноженнаго безчестья; но практика не всегда придерживалась этихъ указаній. Такъ, въ 1674 году нѣкто Александръ Протасьевъ заплатилъ Ивану Хрущову безчестье вчетверо за то, что прошибъ ему на Государевѣ дворѣ кирпичемъ голову; между тѣмъ, на основаніи статьи 2 главы III Уложенія онъ долженъ былъ бы платить безчестье вдвое [7]).

Тяжкое увѣчье или „мучительское наругательство“, какъ выражается Уложеніе, влекло, кромѣ наказанія въ порядкѣ тальоннаго возмездія, уплату въ пользу пострадавшаго штрафа въ размѣрѣ пятидесяти рублей за каждый изувѣченный членъ: руку, ногу, носъ, ухо, губы, глазъ [8]).

Неправосудіе (третьихъ), судебная волокита (промедленіе въ производствѣ изъ корыстныхъ видовъ), вторичный искъ по рѣшенному дѣлу, поклепный искъ (то-

---

[1]) *Уложеніе,* гл. X ст. 28—98, гл. XXIV ст. 1, 2.

[2]) *Уложеніе,* гл. X ст. 83.

[3]) *Уложеніе,* гл. X ст. 99.

[4]) *Уложеніе,* гл. I ст. 5, гл. III ст. 2, гл. VII ст. 32, гл. X ст. 105, 106, 136, 142, 199, 280, 281, гл. XXI ст. 55, 56, гл. XXII ст. 11, 12, 17, гл. XXV ст. 4.

[5]) *Уложеніе,* гл. X ст. 9.

[6]) *Уложеніе,* гл. X ст. 162—164, 166.

[7]) *Забѣлинъ,* дом. б. русс. царей, стр. 295.

[8]) *Уложеніе,* гл. XXII ст. 10.

есть искъ по завѣдомо ложному основанію), ложное челобитье о чужомъ помѣстьѣ вызывали уплату „проѣсти и волокиты“. Размѣръ „проѣсти и волокиты“ опредѣлялся или по 2 гривны въ день, или по 1 гривнѣ въ день отъ того дня, въ который дѣло началось, по день его окончанія, а въ случаяхъ судебной волокиты—отъ подачи исковой челобитной до подачи жалобы на волокиту [1]).

Уничтоженіе на чужой землѣ межевыхъ граней и запашка чужой земли вызывали уплату штрафа по пяти рублей за каждую грань [2]); насильственный захватъ чужой земли—уплату „владѣнья“ „по Государеву указу“ [3]). Взятіе служилыми людьми у жителей хлѣбныхъ запасовъ и конскаго корму „по указной цѣнѣ“ безъ законнаго къ тому основанія облагались взысканіемъ указной цѣны вдвое [4]). Дьяки, за нѣкоторыя злоупотребленія въ производствѣ исковыхъ дѣлъ, подвергались взысканію въ пользу истца всей суммы иска [5]). Наконецъ, въ цѣломъ рядѣ случаевъ мы находимъ взысканіе убытковъ вдвое, убытковъ втрое, суммы долга вдвое [6]).

---

[1]) *Уложеніе,* гл. X ст. 16, 18, 154, гл. XV ст. 5, гл. XVI ст. 26.

[2]) *Уложеніе,* гл. X ст. 231, 232.

[3]) *Уложеніе,* гл. X ст. 233.

[4]) *Уложеніе,* гл. VII ст. 25.

[5]) *Уложеніе,* гл. X ст. 13.

[6]) *Уложеніе,* гл. VI ст. 2, гл. VII ст. 22, 30, гл. IX ст. 2, 3, 4, гл. X ст. 5, 6, 7, 142, 186, 187, 199, 211, 259.

ГЛАВА VI.

Пораженіе чести и правъ.

Наказанія этой категоріи весьма мало были развиты въ древнемъ русскомъ правѣ. Что касается до наказаній, направленныхъ на честь, позорящихъ или осрамительныхъ, то они—за исключеніемъ обрядовыхъ и символическихъ дополненій къ смертной казни и тѣлеснымъ наказаніямъ, о которыхъ сказано было выше,—почти совершенно отсутствуютъ въ нашемъ древнемъ правѣ. Причина этому проста и понятна: государство вообще не вторгалось въ духовную жизнь преступника, какъ то было уже нами замѣчено выше. Позоръ и осрамленіе въ качествѣ самостоятельнаго содержанія наказаній могли признаваться народными правовоззрѣніями; это, по всей вѣроятности, дѣйствительно такъ и было — въ этомъ насъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что осрамительныя наказанія до послѣдняго времени сохранились въ нашемъ обычномъ правѣ; но государственная власть не видѣла въ нихъ себѣ пользы, а посему ими и не занималась.

Институтъ лишенія правъ въ современномъ смыслѣ тоже отсутствовалъ въ XVII вѣкѣ. Древнее лишеніе покровительства законовъ при „потокѣ и разграбленіи“ (допуская даже, что оно имѣло значеніе германскаго Friedlosigkeit) уже вымерло и не могло имѣть мѣста въ XVII вѣкѣ; новое—гражданская смерть и лишеніе всѣхъ

правъ состоянія—еще не было принесено съ Запада. Выработать институтъ лишенія правъ самостоятельно XVII вѣкъ не могъ, такъ какъ весь тогдашній государственный строй Россіи былъ ему противенъ. Прежде всего, пораженіе правъ семейственныхъ, расторженіе супружескаго союза и прекращеніе родительской власти, не могло имѣть мѣста, потому что государство всячески старалось о сохраненіи и укрѣпленіи семейнаго начала и, въ частности, ради утилитарныхъ цѣлей направляло преступниковъ въ ссылку съ семьями. Затѣмъ, пораженіе правъ имущественныхъ, то-есть переходъ всего наличнаго имущества осужденнаго къ законнымъ его наслѣдникамъ [1]), не могло получить развитія, потому что государство, съ бóльшею для себя пользою, шло путемъ конфискацій. Пораженіе правъ служебныхъ, то-есть лишеніе права службы государственной, тоже не могло имѣть мѣста, потому что *прàва* службы въ строгомъ смыслѣ, опредѣленнаго происхожденіемъ, образованіемъ или инаго рода цензомъ, вовсе не существовало, а была лишь *обязанность* службы, крѣпостная обязанность, по которой каждый гражданинъ долженъ былъ идти на ту службу, которую ему укажетъ Великій Государь. Лишать кого-либо права службы было для государства просто невыгодно, такъ какъ это значило бы уменьшать и безъ того скудный запасъ пригодныхъ силъ государственнаго управленія. Вотъ почему государство ограничивалось въ этой сферѣ лишь частичными правопораженіями: разжалованіемъ, то-есть лишеніемъ чиновъ и званія, увольненіемъ отъ должности и воспрещеніемъ занимать вновь извѣстныя должности. Наконецъ, правъ сословно-политическихъ, отдѣльныхъ отъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ службою — чина и званія, вотчинъ, помѣстнаго и денежнаго оклада — притомъ

---

[1]) Ср. выше, стр. 258.

такихъ правъ, лишеніе которыхъ могло бы дать собою содержаніе наказанію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доставить государству какую бы то ни было выгоду, тоже не существовало.

Единственная самостоятельная форма лишенія правъ, которую мы находимъ въ XVII вѣкѣ, есть лишеніе права иска въ судѣ, — элементъ, относящійся, съ точки зрѣнія современныхъ воззрѣній, къ институту гражданской смерти.

Сводя воедино свидѣтельства памятниковъ о наказаніяхъ, направленныхъ противъ чести и правъ (не касаясь осрамительныхъ квалификацій), мы можемъ установить слѣдующіе виды ихъ, практиковавшіеся въ XVII вѣкѣ: выдача головою, выговоръ, опала и отнятіе чести; увольненіе отъ должности и воспрещеніе занимать ее снова; лишеніе права иска въ судѣ.

I. Выдача головою.

Выдача головою, какъ наказаніе, въ XVII вѣкѣ представляла собою особый обрядъ испрошенія прощенія обидчикомъ у обиженнаго. Самое названіе показываетъ, что первоначально выдача головою имѣла своимъ содержаніемъ нѣчто большее, чѣмъ простой обрядъ: она могла заключать въ себѣ отдачу въ рабство или состояніе, подобное рабству, и даже отдачу въ полное распоряженіе съ правомъ лишенія жизни. Слѣды такого значенія выдачи головою отчетливо сохранились въ памятникахъ XVII вѣка: отдача въ обязательную работу должниковъ кредиторамъ „до искупу“, по расчету урочныхъ лѣтъ, носитъ въ Уложеніи тоже названіе „выдачи головою“ [1]). Котошихинъ, разсказывая о бунтѣ въ Москвѣ при Алексѣе Михайловичѣ, употребляетъ такое выраженіе: „умы-

[1]) *Уложеніе*, гл. X ст. 206, 264—266, гл. XXI ст. 88.

слили идти къ царю и просити тѣхъ бояръ, чтобы имъ царь *выдалъ ихъ головою на убіеніе*" [1]). Олеарій, сообщая о выдачѣ головою обидчиковъ обиженнымъ, прямо принимаетъ обрядъ въ первоначальномъ значеніи института. Онъ говоритъ: „виновный отсылается въ домъ къ обиженному, и этотъ воленъ поступать съ нимъ по своему усмотрѣнію. Нерѣдко онъ обращаетъ его въ холопство (zu Leibeigene machet) или подвергаетъ наказанію кнутомъ"... [2]). Это противоположеніе обряда и дѣйствительной выдачи головою, отчасти сохранившейся, какъ мы видѣли, въ порядкѣ исполненія гражданскихъ рѣшеній, отлично выражается Татищевымъ: „Отдача головою — говоритъ онъ — была разная: 1) знатныхъ людей за безчестія фамильныя посылали къ старшему въ родѣ обезчещенномъ; но сіе было *токмо лицемъ...* 2) *дѣйствительно* за долги отдавали... въ вѣчное служеніе" [3]). Выдача „лицемъ" — то-есть лишь по внѣшности, для формы — противополагается выдачѣ „дѣйствительной".

Выдача головою примѣнялась въ случаяхъ оскорбленій чести разнаго рода, въ томъ числѣ, по мѣстническимъ спорамъ, за неправое челобитье о мѣстахъ [4]).

Самый обрядъ выдачи головою подробно описываетъ Котошихинъ. Приведемъ его подлинныя слова: „И котораго дня прикажетъ царь кого боярина, или окольничего, или стольника, за безчестье отослать головою къ боярину, или думнаго человѣка и стольника къ окольничему, и того дня тотъ бояринъ, или окольничей, у царя не бываетъ, а посылаетъ къ нему съ вѣстью, которые люди съ нимъ быть не хотѣли (рѣчь идетъ о вы-

---

1) *Котошихинъ*, о Россіи, стр. 80.

2) *Olearius*, Beschreibung, стр. 192 (русс. пер. стр. 177).

3) *Татищевъ*, Судеб., стр. 63.

4) *Уложеніе*, впрочемъ, говоритъ о выдачѣ головою лишь въ гл. X ст. 27, 28.

дачѣ головою по мѣстническимъ спорамъ), пришлютъ къ нему головою; и онъ того ожидаетъ. А посылаютъ къ нимъ такихъ людей съ дьякомъ, или съ подъячимъ, взявъ тѣхъ людей за руки, ведутъ до боярскаго двора приставы, а на лошади садитися не даютъ; а какъ приведутъ его на дворъ къ тому съ кѣмъ онъ быти не хотѣлъ, поставятъ его на нижнемъ крыльцѣ, а дьякъ, или подъячей велитъ тому боярину о своемъ приходѣ сказать, что привелъ къ нему того человѣка, который съ нимъ быти не хотѣлъ и его обезчестилъ, и бояринъ къ дьяку, или къ подъячему, выдетъ на крыльцо; и дьякъ или подъячей учнетъ говорить рѣчь, что великій государь указалъ и бояре приговорили того человѣка, который съ нимъ быти не хотѣлъ, за его боярское безчестье, отвесть къ нему боярину головою; и тотъ бояринъ на царскомъ жалованьѣ бьетъ челомъ, а того, кого приведутъ велитъ отпустить его къ себѣ домовь и отпустя его домовь на дворѣ у себя на лошади ему садитися и лошади водити на дворъ не велитъ. И тотъ, кого посылаютъ къ кому головою, отъ царскаго двора идучи до боярскаго двора и у него на дворѣ, лаетъ и безчеститъ его всякою бранью, а тотъ ему за его злые слова ничего не чинитъ и не смѣетъ, потому что того человѣка отсылаетъ царь къ тому человѣку за его безчестье, любячи его, а не для чего иного, чтобъ тотъ человѣкъ учинилъ надъ нимъ убійство, или увѣчье; а кто бъ что надъ такимъ отсыланнымъ человѣкомъ что учинилъ, какого злаго безчестья и увѣчья, и тому бъ человѣку самому указъ былъ противъ того вдвое, потому что онъ обезчеститъ не того, кого къ нему отошлютъ, истинно будто самого царя. А кто такихъ людей отводитъ дьякъ, или подъячей, и тотъ бояринъ, къ которому отводятъ, даритъ ихъ подарками не малыми. И назавтрѣе того дни ѣздитъ тотъ бояринъ къ царю, а пріѣхавъ бьетъ

челомъ царю на его жалованьѣ, что онъ къ нему велѣлъ за безчестье противника его отослать головою. И послѣ того царь велитъ съ тѣмъ бояриномъ, или окольничимъ быти иному человѣку кому мочно, а прежняго отставя; и бываетъ царь на того человѣка гнѣвенъ, и очей его царскихъ не видитъ многое время“ [1]).

Татищевъ даетъ краткое описаніе обряда, вполнѣ согласное съ разсказомъ Котошихина. Онъ говоритъ: „Какъ онаго привезутъ, то пріимающій долженъ его съ честью принять и Государя за оборону благодарить. Хотябъ приведенный хозяина какъ ни ругалъ словами, онъ долженъ молчать, и какъ гостя съ честію отпустить“ [2]).

Замѣтимъ въ заключеніе, что обрядъ выдачи головою примѣнялся и помимо судебнаго приговора, по соглашенію обиженнаго и обидчика, какъ основаніе мировой сдѣлки. Въ одномъ спискѣ конца XVII вѣка мы читаемъ слѣдующее: „въ иску своемъ, въ безчестьи и въ увѣчьи... нынѣ мы не ходя въ судъ, поговоря промежь собой, сыскався въ правдахъ, договорились на томъ, что пріѣхать мнѣ Андреяну въ домъ отца его Кондратья и *выдаться ему* Павлу *головою*... за его Павлово безчестье, при третьихъ“ [3]).

II. Выговоръ.

Выговоръ не опредѣляется ни Уложеніемъ, ни другими законодательными памятниками, установляющими наказанія въ качествѣ общей мѣры на будущее время. Но въ судебной практикѣ выговоръ примѣнялся часто за преступныя дѣянія по службѣ, а также въ случаяхъ мѣстническихъ споровъ. Выговоръ выражался или въ грамотѣ, адресованной виновному, или въ судебномъ при-

[1]) *Котошихинъ*, о Россіи, стр. 34, 35.

[2]) *Татищевъ*, Судеб. стр. 63.

[3]) Арх. кн. *Баюшева*, № 135, стр. 156, Списокъ съ дѣла 1688 года.

говорѣ — указѣ и сказкѣ — или заносился въ разрядные книги. Нерѣдко выговоръ соединялся съ другимъ наказаніемъ — кнутомъ, тюрьмою и проч.

Формы выговора были весьма интензивны: порицаніе выражалось въ рѣзкихъ, грубыхъ и бранныхъ словахъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. По мѣстническимъ дѣламъ виновный нерѣдко обзывается въ приговорѣ (сказкѣ) „страдникомъ"; употребляется выраженіе: „по твоей страдничьей винѣ" и т. п.[1]). Князю Крапоткину въ 1654 году, за взятки, кромѣ наказанія кнутомъ, объявленъ приговоръ: „въ Разрядѣ твое воровство указалъ Великій Государь записать въ книгу: что ты воръ и посульникъ"[2]). За неприличное выраженіе, помѣщенное въ отпискѣ воеводы къ царю, дьяку объявляется въ грамотѣ слѣдующее: „А ты дьячишко страдникъ и страдничій сынъ и плутишка, того не смотришь, что къ намъ Великому Государю писано непристойно, знатно пьешь и бражничаешь"[3]). Стольнику Плещееву за разныя злоупотребленія по службѣ сказанъ указъ: „Указалъ Великій Государь написать тебя по Московскому списку вѣчнымъ клятвопреступникомъ и ябедникомъ, и бездушникомъ и клеветникомъ. А что ты отца твоего пoлживилъ, и такъ дѣлаютъ не природные отцовъ своихъ дѣти, а наймиты и выблядки"[4]).

III. Опала и отнятіе чести.

Опала — терминъ, часто употребляющійся, но весьма мало опредѣленный въ правѣ XVII вѣка. Въ памятникахъ той эпохи мы находимъ его съ самымъ широкимъ

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 3 Указъ 1649 года февраля 27. № 62 Указъ 1651 года апрѣля 1 и др.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 123 Указъ 1654 года апрѣля.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 485 Грамота 1670 года къ воеводѣ Бутурлину.

[4]) *Пол. Соб. Зак.* № 170 Указъ 1655 года декабря 29.

значеніемъ: опала, опала великая употребляется въ качествѣ общей угрозы въ неопредѣленной санкціи; опалой называется вообще удаленіе отъ двора и отъ дѣлъ лицъ высшихъ состояній; тюрьмы одной категоріи, какъ мы видѣли выше, называются опальными; заключенные въ тюрьмахъ именуются иногда тоже „опальными тюремными сидѣльцами"; встрѣчается выраженіе: „опальные животы", въ смыслѣ вещей, взятыхъ у заарестованнаго преступника и т. д.

Независимо отъ сего, можно утвердительно сказать, что опала представляла собою нѣкоторое особое, налагаемое по усмотрѣнію Великаго Государя, наказаніе должностныхъ лицъ. Въ этомъ смыслѣ объясняетъ опалу Татищевъ: „Опала—говоритъ онъ—есть гнѣвъ Государевъ, что по достоинствамъ людей и преступленій различествовало: яко 1) знатному не велятъ ко двору ѣздить; 2) не велятъ со двора съѣзжать, и сіе какъ скоро кому объявятъ, обыкновенно черное платье надѣвали; 3) въ деревнѣ жить; 4) писали по городу въ дворяне, отнявъ чины; 5) кинути въ тюрьму" [1]). Въ дополненіе къ этому, у писателей современниковъ мы находимъ указаніе, что лица, находившіяся въ опалѣ, не стригли волосъ на головѣ и даже спускали ихъ на лобъ и глаза [2]).

Сколько-нибудь точныхъ указаній для ближайшаго опредѣленія такой опалы по содержанію мы въ памятникахъ не находимъ [3]).

---

1) *Татищевъ,* Судеб. стр. 16, 17.

2) См. напримѣръ, *Carlisle,* Gesandschaft, стр. 634.

3) *Владимірскій-Будановъ,* Хрест. т. II, стр, 111, примѣч. 15, говоритъ: „Кажется, опала означала предоставленіе Государю выбора рода наказанія, а не какой-либо одинъ или нѣсколько опредѣленныхъ видовъ наказанія. Лицо оставалось подъ угрозою наказанія („въ опалѣ") до тѣхъ поръ, пока Государь не выбралъ одного какого-либо вида наказанія, или пока не наступило помилованіе". Такое предположеніе представляется намъ не имѣющимъ достаточнаго основанія въ памятникахъ.

Отнятіе чести есть лишеніе чина и званія, какъ это несомнѣнно устанавливается многими указаніями памятниковъ. Такъ, мы находимъ въ памятникахъ слѣдующія выраженія: „честь ихъ боярство отнять"; „отнять у нихъ честь боярство"; „честь стольничество и подполковничество отнять; „отнять честь думное дворянство" [1]) и. т п.

Являясь наказаніемъ для лицъ высшихъ состояній, отнятіе чести приравнивалось къ наказанію кнутомъ для людей нисшаго званія [2]). Согласно приведенному выше опредѣленію Татищева, отнятіе чести могло входить въ составъ опалы („писали по городу въ дворяне отнявъ чины"), безъ особаго на то указанія въ законѣ. Уложеніе назначаетъ, именно, отнятіе чести за неправосудіе боярамъ, окольничьимъ и всѣмъ думнымъ людямъ [3]). Въ отдѣльныхъ случаяхъ мы находимъ отнятіе чести за политическія преступныя дѣянія и за взятки (въ соединеніи съ ссылкой или кнутомъ), а также за нѣкоторыя весьма маловажныя: не бытіе въ крестномъ ходу, нарушеніе указа 1675 года о томъ, чтобъ русскіе люди „иноземскихъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали... платья съ иноземскихъ образцовъ не носили" [4]), и пр.

IV. Отставленіе отъ должности.

Отставленіе отъ должности назначается за различныя преступныя дѣянія по службѣ, въ тягчайшихъ случаяхъ въ соединеніи съ другими наказаніями. „У дѣлъ не быть"; „въ приказѣ у дѣлъ не быть"; „во дьяцѣхъ

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 1095 Указъ 1684 года 23 октября. № 1348 Указъ 1689 года 9 сентября. № 1349 Указъ того же года сентября 11. № 1577 Указъ 1679 года 20 марта.

[2]) См. *Уложеніе,* гл. X ст. 5—7.

[3]) Ibid.

[4]) См. выше примѣчаніе 1, а такъ же *Пол. Соб. Зак.* № 123 Указъ 1654 года. № 607 Указъ 1675 года. *Желябужскій,* записки, стр. 11, 12.

не быть"; „изъ недѣльщиковъ выкинути"; „изъ цаловальниковъ выкинути" и т. п. — говоритъ Уложеніе, указывая тѣмъ на объемъ правопораженія въ отдѣльныхъ случаяхъ, то-есть полагается ли одна только отставка отъ занимаемой должности, или же устраненіе и на будущее время отъ службы извѣстнаго рода [1]).

V. Лишеніе права иска въ судѣ.

Лишеніе права иска въ судѣ — „впредь ни на кого ни въ какихъ искахъ суда не давати" — опредѣляется Уложеніемъ въ двухъ случаяхъ: вопервыхъ, кто „крестъ поцѣлуетъ не на правдѣ", или „кого къ кресту приведетъ не на правдѣ", когда по судному дѣлу „дойдетъ до вѣры крестнаго цѣлованія" [2]); вовторыхъ, лицамъ, виновнымъ въ предъявленіи поклепныхъ исковъ въ третій разъ [3]).

---

[1]) *Уложеніе*, гл. X ст. 5—7, 12, 13, 123, 129, 146, гл. XXI ст. 84, гл. XXV ст. 18.

[2]) *Уложеніе*, гл. XI ст. 27, гл. XIV ст. 9.

[3]) *Уложеніе*, гл. X ст. 188.

ГЛАВА VII.

Наказанія церковныя.

Государственная карательная власть прибѣгала въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ наказаніямъ церковнымъ, соединяя ихъ иногда съ наказаніями свѣтскими разныхъ родовъ. Эти церковныя наказанія, опредѣлявшіяся свѣтскою властью, были весьма немногочисленны: ихъ мы находимъ въ XVII вѣкѣ всего два: вопервыхъ, публичное покаяніе въ церкви и, вовторыхъ, отсылка въ монастырь или къ духовнымъ властямъ „подъ началъ", „для смиренія" [1]).

Не касаясь ближайшаго опредѣленія этихъ наказаній по содержанію [2]), мы ограничимся указаніемъ, что въ составъ подначальства и смиренія входило заключеніе въ оковы, тяжелыя монастырскія работы—„сѣять муку и изъ печи выгребати пепелъ и всякую черную работу работать" [3])—битье шелепами, плетьми и палками.

---

[1]) Въ *Уложеніи,* гл. XX ст. 67, 80, гл. XXII ст. 24, имѣется еще отсылка къ духовнымъ властямъ для учиненія указа по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ. Формула эта означаетъ сужденіе дѣла церковнымъ судомъ по церковному праву.

[2]) Эта сторона вопроса изложена въ изслѣдованіи *Н. С. Суворова,* О церковныхъ наказаніяхъ.

[3]) См. напримѣръ, *Акт. археогр. эксп.* т. III № 177, стр. 259, 260, Патріаршая грамота въ Корельскій монастырь 1628 года. *Русс. ист. библ.* т. II № 208, стр. 951, Грамота архимандриту Рафаилу 1643 года. *Акт. ист.* т. III № 223, стр. 381, Грамота Верхотурскому воеводѣ 1643 года. Т. V № 253, стр. 465, Память 1696 года.

Шелепы встрѣчаются въ памятникахъ неоднократно въ качествѣ монастырскаго наказанія или вообще наказанія, налагаемаго на подначальныхъ лицъ духовною властью. Они упоминаются въ инструкціи поповскимъ старостамъ 1697 года [1]). Патріархъ Никонъ неоднократно отсылалъ провинившихся монаховъ въ свой Иверскій монастырь и приказывалъ смирять ихъ тамъ шелепами [2]); Якутскаго монастыря старецъ Никонище въ 1684 году битъ былъ шелепами за ложный доносъ [3]). Протопопъ Аввакумъ разсказываетъ, что онъ одной блудницѣ, отданной ему подъ началъ, „шелепомъ.... начала много далъ“ [4]).

Что́ такое шелепы, въ точности мы не знаемъ.

Палки упоминаются, сколько намъ извѣстно, всего только одинъ разъ. Тотъ же патріархъ Никонъ послалъ однажды въ Иверскій монастырь старца Діодора и велѣлъ его „палками смирять гораздо“ [5]).

Публичное покаяніе въ церкви назначается въ одномъ случаѣ, именно, по Уложенію, родители, виновные въ чадоубійствѣ, должны, отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, „приходить къ церкви божіи, и у церкви божіи объявлять тотъ свой грѣхъ всѣмъ людямъ въ слухъ“ [6]).

Отсылка подъ началъ именно въ монастырь Уложеніемъ не назначается. Но въ практикѣ случаи этого рода встрѣчаются довольно часто. Мы находимъ цѣлый рядъ царскихъ указовъ и грамотъ объ отсылкѣ въ монастыри на смиреніе разныхъ лицъ за весьма различныя

---

[1]) *Пол. Соб. Зак.* № 1612 Инструкція 1697 года, ст. 29. Такъ же, *Древн. Росс. Вивл.* т. XV, стр. 373, ст. 29, 30.

[2]) *Русс. ист. библ.* т. V №№ 176 (7), 224 (2) Грамоты 1664 и 1666 годовъ.

[3]) *Допол. акт. ист.* т. XI № 11, IV Дѣло 1684 года.

[4]) *Мат. ист. раскола*, т. V № 26, стр. 254, 255, Посланіе Аввакума о любострастіи.

[5]) *Русс. ист. библ.* т. V № 226 Грамота 1666 года.

[6]) *Уложеніе*, гл. XXII ст. 3. *Новоуказ. ст.* ст. 89.

дѣянія. При этомъ нельзя не замѣтить, что сфера примѣненія монастырскаго подначальства не поддается, по тексту сохранившихся памятниковъ, сколько-нибудь точному опредѣленію. Такъ, мы находимъ случай отдачи въ монастырь человѣка, виновнаго въ кражѣ серебра и соболей у тѣхъ людей, кому онъ билъ челомъ въ кабальное холопство [1]). По всему вѣроятію, человѣкъ этотъ былъ несовершеннолѣтній, такъ какъ онъ называется въ источникѣ, изъ котораго мы беремъ свѣдѣніе, не собственнымъ именемъ, а „сынъ" такого-то. Въ 1691 году посланъ въ монастырь лжедоносчикъ, извѣщавшій на князя В. В. Голицына ложно, будто бы князь Голицынъ говорилъ, что „Великому Государю Петру жить только годъ" [2]). Въ 1687 году приговоренъ Степанъ Коробьинъ, кромѣ кнута и уплаты безчестья, къ отдачѣ въ монастырь до указу за изнасилованіе [3]). Въ 1683 году подана была патріарху и изъ патріаршаго приказа переслана въ рейтарскій приказъ жалоба матери на сына въ томъ, что „онъ Кондрашко живетъ, забывъ страхъ Божій, незаконно, къ церкви Божіей не приходитъ, отца духовнаго не имѣетъ, съ иноземцы некрещеными водится и тѣло свое на блудъ даетъ, и ее ни въ чѣмъ не слушаетъ, бранитъ и безчеститъ и увѣчитъ, и похваляетца убить и задавить до смерти". Рейтарскій приказъ, разсмотрѣвъ дѣло, опредѣлилъ: учинить Кондрашкѣ, „за его неистовство и за досажденіе матери своей, наказанье, вмѣсто кнута бить батоги, снявъ рубашку, нещадно; а за противность церкви Божіей послать подъ началъ въ Симоновъ монастырь" [4]). Затѣмъ, находимъ отдачу въ

---

[1]) *Желябужскій,* Записки, стр. 146, подъ 1693 годомъ.

[2]) *Пол. Соб. Зак.* № 1395 Указъ 1691 года марта 7. *Собр. госуд. грам. и догов.* т. IV № 209, стр. 625.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 1266 Указъ 1687 года ноября 4.

[4]) *Допол. акт. ист.* т. X № 107, стр. 466, Указъ 1683 года.

монастырь „за заговорныя слова“, которыми виновный „хотѣлъ недружбу отомстить“ [1]), и за „великіе непристойныя слова“ [2]). Наконецъ, находимъ множество случаевъ отсылки въ монастыри подъ началъ за поступки весьма неопредѣленнаго содержанія, можетъ быть, вообще за дурное поведеніе, оскорблявшее общественную нравственность: „за скорбь и за изступленіе ума“ [3]); для того, чтобы „отъ пьянства вытрезвить“, притомъ „съ большимъ береженьемъ исподволь, а не вдругъ“ [4]); „за неистовство“ [5]); „чтобъ въ чувство пришелъ и отъ дурна унялся“ [6]) и т. д.

Отсылка къ духовному начальству „для смиренія“ назначается Уложеніемъ для лицъ духовнаго чина, за ложь на обыскѣ, за „двои рѣчи“ на обыскѣ и когда „учнутъ говорити, что они про то дѣло ничего не вѣдаютъ... и сыщется допряма, что они про то дѣло вѣдаютъ“ [7]).

---

[1]) *Допол. акт. ист.* т. V № 12, стр. 73, Отписка Бѣлозерскаго воеводы 1666 года.

[2]) *Допол. акт. ист.* т. X № 110, стр. 470, Указъ 1683 года.

[3]) *Пол. Соб. Зак.* № 1058 Указъ 1684 года генваря 3.

[4]) *Акт. археогр. эксп.* т. IV № 154, стр. 204, Грамота въ Савво-сторожевскій монастырь 1667 года.

[5]) *Др. Росс. Вивл.* т. XVIII, Лѣтоп. Двинс., стр. 32, 33.

[6]) *Русс. ист. библ.* т. II № 208, стр. 951, 952 Грамота, архимандриту Рафаилу 1643 года.

[7]) *Уложеніе,* гл. X ст. 162—166.

УКАЗАТЕЛЬ

статей Уложенія царя Алексѣя Михайловича, относящихся къ предмету настоящаго изслѣдованія.

I. Цѣли наказаній.

I 7. III 1, 9. VI 4. VII 16, 25. X 18, 19, 20, 133, 143, 171, 199, 217, 251, 252. XI 21. XVII 34, 35, 36. XX 22, 70. XXI 20, 31, 55, 56, 62. XXII 26. XXIII 3. XXV 9, 15, 16, 19.

II. Тальонъ.

II 4, 17. VII 31. X 9, 17, 107, 133, 171, 228, 252 (251). XVII 36. XXII 10.

III. Индивидуальность наказаній.

II 6, 7, 8, 9, 10.

IV. Неопредѣленная санкція.

I 9. II 22. III 8. VII 6, 7, 11, 12, 24, 30, 32. X 8, 9, 10, 15, 24, 90, 106, 140, 148, 186, 187, 188, 198, 222, 233, 251, 268. XV 5. XVI 45, 66. XX 28, 113. XXI 42, 43, 44, 71, 86. XXV 2, 6.

V. Смертная казнь.

1. Покаянная изба. XXI 34.
2. Исполненіе смертной казни надъ беременными. XXII 15.
3. Смертная казнь безъ опредѣленія вида. I 2, 4. II 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15, 19, 21. III 3, 5, 6. IV 1, 2, 3. VI 3. VII 30, 32. X 105, 133, 135, 142, 198. XX 33. XXI 12, 13, 14, 17, 18, 21, 34, 38, 41, 42, 44, 72, 80, 89, 93. XXII 1, 2, 7, 9, 12, 13, 15, 16, 17, 19, 22, 23, 26. XXV 11.
4. Сожженіе. I 1. II 4. X 228. XXII 24.
5. Повѣшеніе. VII 20.
6. Залитіе горла металломъ. V 1.
7. Окопаніе въ землю. XXII 14.

*

VI. Наказанія изувѣчивающія.

VII. Наказанія тѣлесныя болѣзненныя.

VIII. Тюрьма.

IX. Ссылка.

X. Наказанія имущественныя.

УКАЗАТЕЛЬ

изданій, приводимыхъ сокращенно въ примѣчаніяхъ.

I. Русскія изданія.

Акт. археогр. эксп.— Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ россійской имперіи Археографическою экспедиціею Императорской Академіи Наукъ т. I—IV. Спб. 1836.

Акт. юр. б.— Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, изд. Калачова. Т. I, II. 1857, 1864.

Акт. юрид.—Акты юридическіе. Изд. Археогр. коммисіи. Т. I, II. Спб. 1838.

Акт. ист.—Акты историческіе. Изд. Археографической коммисіи. Т. I—V.

Арх. кн. Баюшева. — Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго дворца, т. I, Архивъ князя Баюшева. Изд. Загоскина. Казань 1882.

Бартеневъ, Собр. писемъ.— Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича съ приложеніемъ Уложенія сокольничья пути. Изд. Бартенева. Москва 1856.

Берхгольцъ, Дневникъ.— Берхгольцъ, Дневникъ, веденный въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго. Пер. Аммона. Москва 1857—63.

Берхъ, Др. грам. пермс. (пермскія грамоты).—Древніе государственныя грамоты, собранныя въ Пермской губерніи Берхомъ. Спб. 1821.

Берхъ, Путешествіе.— Берхъ, Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ для изысканія историческихъ древностей. Спб. 1821.

Берхъ, ист. ц. Алексѣя Михайловича.— Берхъ, царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Ч. I, II. Спб. 1831.

Богдановскій, о прест. и нак.— Богдановскій, Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго. 1857.

Болтинъ, примѣч. къ ист. Леклерка.—Болтинъ, Примѣчанія къ исторіи Россіи Леклерка I, II. 1788.

Борисовъ, оп. гор. Шуи. — Борисовъ, Описаніе города Шуи. Москва 1851.

Вимена д. Чинеда.— Извѣстія о Московіи, писанныя Альбертомъ Вимена да Чинеда, пер. съ итальянскаго. Отечест. Записки 1829, XXXVII, XXXVIII.

Владим. Сборникъ.— Владимірскій Сборникъ. Изд. Тихонравова. Москва 1857.

Владимірскій-Будановъ, Христом. — Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія по исторіи русскаго права. Т. I—III. Ярославль 1871—1875.

Ворон. Акт. (памят.)—Воронежскіе Акты. Древнія грамоты, касающіяся Воронежской губерніи, изд. Второва и Александрова-Дольника. Т. 1—3. Воронежъ 1851—1853.

Геркманъ, Смутн. вр.—Масса и Геркманъ, Сказанія о смутномъ времени въ Россіи. Изд. Археогр. коммисіи. Спб. 1874.

Де Бруинъ, Путешествіе. — Де Бруинъ (de Bruyns), Путешествіе черезъ Московію. Пер. съ французскаго изданія 1718 года П. П. Барсова. Отрывокъ напечатанъ въ Отечественныхъ Запискахъ, изд. Свиньинымъ 1829, 1830.

Дитятинъ, когда возн. рознь.—Дитятинъ, Когда и почему возникла рознь въ Россіи между „командующими" классами и „народомъ"? Русская Мысль 1881 XI, 1882 III.

Дмитрій Ростовскій, Дневн. зап.—Дневныя записки (Діаріушъ) святаго чудотворца Димитрія митрополита Ростовскаго. Москва 1781. Изд. 2-е.

Допол. акт. ист.—Дополненія къ Актамъ историческимъ. Изд. Археографической Коммисіи. Т. I—XII.

Древ. Акт. Вятск.—Древніе акты, относящіеся къ исторіи Вятскаго края. Приложеніе ко 2-му тому сборника „Столѣтіе Вятской губерніи". Изд. Вятскаго статистическаго комитета. Вятка 1881.

Древ. росс. вивл.—Древняя Россійская Вивліоѳика, изд. Новиковымъ. Т. I—XX. Москва 1788—1791. Изд. 2-е.

Есиповъ, Раскол. дѣла.—Есиповъ, Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, извлеченныя изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и тайной канцеляріи т. I, II. 1861, 1863 (см. на стр. 300: опечатка).

Желябужскій, Записки.—Записки Русскихъ людей. Изд. Сахарова. Спб. 1841.

Памят. Сиб. ист.— Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка. Спб. 1882.

Перри, Сост. Россіи. — Перри (Perry), Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ. Переводъ съ англійскаго княжны Дондуковой-Корсаковой. Изд. Общ. ист. и Древностей. Москва 1871.

Полевой, Русс. Вивл.— Полевой, Русская Вивліоѳика I. 1833.

Пол. Соб. Зак. — Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

Преображенскій, Нравств. сост. — Преображенскій, Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI вѣкѣ по сочиненіямъ Максима Грека и современнымъ ему памятникамъ. Москва 1881.

Рубанъ, Походъ Шеина. — Рубанъ, Походъ боярина и большаго полку воеводы Алексѣя Семеновича Шеина къ Азову. Спб. 1773.

Русс. ист. библ.—Русская историческая библіотека, изд. Археографическою коммисіею. Т. I—VI.

Сбор. кн. Хилкова.—Сборникъ князя Хилкова. Спб. 1879.

Сергѣевичъ, Опыты.— Сергѣевичъ, Опыты изслѣдованія обычнаго права. „Наблюдатель" 1882, 2.

Сильвестръ Медвѣдевъ, Записки.— Записки русскихъ людей. Изд. Сахарова. Спб. 1841.

Сказ. соврем. о Дмитріѣ Самоз. — Сказанія современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ. Изд. Устрялова. Т. I—V. Спб. 1831—1834.

Собр. госуд. гр. и дог. — Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Т. I—IV. Москва 1813—1828.

Соловьевъ, Исторія — Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.

Соловьевъ, Тимошка Анкидиновъ. — Соловьевъ, Тимошка Анкидиновъ, XI самозванецъ. Журналъ „Финскій Вѣстникъ" 1847. 1, 2.

Татищевъ, Судебникъ.—Татищевъ, Судебникъ Государя Царя и В. К. Іоанна Васильевича и нѣкоторые указы собранные и примѣчаніями изъясненные. Москва 1786.

Уложеніе.—Уложеніе Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича 1648 года.

Устряловъ, Сказ. соврем. о Дмитріѣ Самоз.— См. *Сказ. соврем. о Дмитріѣ Самоз.*

Филипповъ, Очеркъ. — Филипповъ, Очеркъ русскаго уголовнаго права. I. 1866.

Флетчеръ, о госуд. русс.— Флетчеръ, О государствѣ русскомъ или образъ правленія россійскаго царя. Изд. 1867.

Чебышевъ-Дмитріевъ, о прест. дѣйствіи.—Чебышевъ-Дмитріевъ, О преступномъ дѣйствіи по русскому допетровскому праву. Казань 1862.

Шалфѣевъ, Уст. кн. Разб. пр.— Шалфѣевъ, Объ уставной книгѣ Разбойнаго приказа. Спб. 1868.

Шашковъ, ист. русс. женщины.—Шашковъ, Исторія русской женщины. Изд. 2-ое. Спб. 1879.

Шушеринъ, патр. Никонъ. — Шушеринъ, Житіе святѣйшаго патріарха Никона, писанное нѣкоторымъ бывшимъ при немъ клирикомъ. Спб. 1817.

Щербатовъ, Размышл. о см. казни.— Щербатовъ, Размышленія о смертной казни. Чтенія Общества Исторіи и Древностей. 1860. I.

II. Иностранныя изданія.

Adelung.— Adelung, kritisch-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland. I, II. 1768.

Adolph Lyseck, Relatio.— Adolph Lyseck, Relatio eorum quae circa ablegatos de Bottoni et de Guzman Anno 1675 gesta sunt. Salisburgi 1676. Отрывокъ переведенъ въ Отечественныхъ Запискахъ 1828.

Avril, Voyages.—Avril, Voyages en divers etats d'Europe et d'Asie. Paris 1691.

Brand, Reysen. — Brand, Johan Arnold, Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland und Moscovien, hrsgb. von Hennin. Wessel 1702.

Carlisle, Gesandschaft. — Des Grafen von Carlisle drey Gesandschaften sambt einer curieusen Beschreibung des Landes Moscovien. Пер. съ французскаго. Franckfurt & Leipzig 1701.

De la Neuville, Relation. — De la Neuville, Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. Hage 1699. Русскій переводъ съ сокращеніями „Русскій Вѣстникъ" 1841, III, IV.

Gordon, Tagebuch. — Tagebuch des generals Patrick Gordon vollständig veröffentlicht durch Fürst Obolenski und Posselt I, II, III. Moskau 1849—1852.

Jakob, Entwurf.—Jakob, Entwurf eines Criminalgesetzbuches für das russische Reich. 1818.

Jansonius, Itinerarium.— Itinerarium oder aussführlicher Bericht, welcher Gestalt Herr Johann Skytte auss Schweden verreiset, und wie ihme seine Ambassade abgegangen. Neben drey andern newen Tractätlein. In Druck verfertigt durch Petrum Jansonium. Hamburg. 1619.

Korb, Diarium. — Korb, Diarium itineris in Moscoviam Perlustrissimi ac Magnifici Domini Ignatii Christophori de Guarient etc. Viennae Austriae. Русскій переводъ: Дневникъ поѣздки въ Московское государство Игнатія Христофора Гваріента, веденный секретаремъ посольства Георгомъ Корбомъ. Пер. Женева и Семевскаго. Изд. Общ. исторіи и древностей. Москва 1867.

Mayerberg, Iter.—Iter in Moschoviam Augustini de Mayerberg et Horatii Caluuccii ab Imperatore Leopoldo ad tzarem Alexium Mihalowicz Anno MDCLXI Ablegatorum. Coloniae. Русскій переводъ: Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберха и Горація Вильгельма Кальвуччи. Изд. Общ. ист. и древностей. Москва 1874.

Martiniere, Neue Reise.— Martiniere, Neue Reise in die Nordischen Landschaften, aus dem Englischen übersetzt durch J. Langen. Hamburg 1675.

Neugebauerus, Moscovia.—Salomon Neugebauerus, Moscovia hoc est de origine, situ, regionibus Moscoviae commentarius. Gedani.

Olearius, Beschreibung. — Adam Olearius, Aussführliche Beschreibung der kundbaren Reise nach Muscow und Persien. Ietzo zum dritten und letzten mahl correct herausgegeben. Schleszwig 1663. Русскій переводъ: Олеарій, подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію. Пер. Барсова. Москва 1870.

Petrejus, Hist. u. Ber. — Petrus Petrejus de Erlesunda, Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschow. Lipsiae 1620. Русскій переводъ: Исторія о великомъ княжествѣ Московскомъ, которую обнародовалъ Петръ Петрей де Ерлезунда. Пер. Шемякина. Москва 1867.

Relation curieuse.—Rélation curieuse de l'estat present de la Russie, traduite d'un Auteur anglois, avec l'histoire des revolutions, arrivées sous l'usurpation de Boris. Paris MDCLXXIX. Первая половина книги есть переводъ или, правильнѣе, передѣлка книги Коллинса. Съ этой французской передѣлки сдѣланъ весьма плохой русскій переводъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1841, 3. Вторая часть, l'histoire des revolutions, есть переводъ описанія англичанина Merrich. См. по этому поводу: Adelung, II, стр. 343.

Reutenfels, de rebus. — Jacob Reutenfels, De rebus Moscoviticis. Patavii 1680. Извлеченія изъ сказаній Якова Рейтенфельса, пер. Тарнава-Боричевскій, въ Ж. Министерства Нар. Просвѣщенія 1839, 7.

Rinhuber, Relation.—Rinhuber, Warhafte Relation etc. Помѣщено у Adelung т. II, стр. 372 сл.

Strahlenberg, d. Nord u. öst. Theil v. Europa.— Strahlenberg, der Nord und östliche Theil von Europa und Asia. 1730.

Straussen, Reysen.—Straussen (Struys), Sehr schwere wiederwertige und denckwürdige Reysen Angefangen Anno 1647 und vollbracht 1673 begreifende gantzer 26 Jahre. Neben zweyen beigefügten Brieffen verhandelnde greulichen Mord, Verrätherey und Uebergabe der Stadt Astracan. Aus dem Holländischen übergesetzt. Amsterdam 1678.

Tectander, Iter.—Tectander, Iter Persicum, Kurze doch aussführliche Beschreibung der Persianischen Reiss von Stephano Kakasch und Georgio Tectandro. Altenburg 1610.

Wickhart, Reisebeschreibung.—Wickhart, Carl Valerius, Moscowitische Reisebeschreibung oder ausführliche Relation, Was sich mit dem Abgeordneten v. Bottoni und v. Guzmann in dem 1675 Jahr zugetragen. Wienn.

ОПЕЧАТКА

На страницѣ 187, примѣчаніе, строка 10 снизу, напечатано:

Есиповъ, русск. люди XVIII вѣка. Слѣдовало: Есиповъ, Раскольничьи дѣла XVIII вѣка.

